ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
BE315
M153

ВЕ315
М 153

В. МАЙСКІЙ

Библиотека имени Карла Либкнехта
355
М 14

ГЕРМАНІЯ и ВОЙНА

1402

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ

П
К
1987
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
ССС
ВЕ315 Р
М153
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. К.П.(б.)
230248
230248
29805

МОСКВА.
Типогр. Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бул., Путинковскій пер., соб. д.
1916.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемая вниманію читателя книга составилась изъ статей, печатавшихся въ послѣдніе годы (главнымъ образомъ во время войны) въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, больше всего въ „Русскомъ Богатствѣ“ и „Русскихъ Запискахъ“. Подобный характеръ происхожденія книги имѣетъ свои положительныя и свои отрицательныя стороны. Его достоинствомъ является—злободневность и актуальность затрагиваемыхъ въ настоящей работѣ темъ, его недостаткомъ—извѣстная неравномѣрность въ степени детальности ихъ трактованія: однимъ вопросамъ удѣлено больше мѣста и вниманія, чѣмъ другимъ, хотя и эти „другіе“ также имѣютъ весьма крупное и существенное значеніе. Кое-что несомнѣнно важное и характерное для Германіи во время войны и совсѣмъ не упомянуто. Но таковы ужъ условія журнальной работы. Во всякомъ случаѣ я постарался придать имѣющемуся въ моемъ распоряженіи матеріалу возможно больше внутренней цѣнности и единства, для чего нѣкоторыя главы подверглись извѣстной переработкѣ по сравненію съ своимъ первоначальнымъ видомъ. Кромѣ того, вездѣ дополнены и освѣжены цифровыя и фактическія данныя.

Въ книгѣ много мѣста отведено иностранной политикѣ Германіи. Но это вполнѣ понятно. Война вѣдь, по знаменитому изреченію Клаузевица, является продолженіемъ политики лишь другими средствами. Отсюда—необходимость знакомства съ политикой и прежде всего, конечно, внѣшней политикой имперіи Гогенцоллерновъ, разъ мы хотимъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о цѣляхъ и стремленіяхъ послѣдней въ великой міровой борьбѣ.

В. Майскій.

Январь, 1916 г.

Основы германскаго имперіализма

I

Быть-можетъ, ни въ чемъ колоссальныя перемѣны, пережитыя культурнымъ человѣчествомъ за минувшія 50 лѣтъ, не сказываются такъ ярко и наглядно, какъ въ той поразительной эволюціи, которую обнаружилъ за этотъ періодъ современный капитализмъ. Старый капитализмъ, капитализмъ первой половины XIX вѣка, носилъ англійскій національный костюмъ и былъ полонъ сентиментально-романтическихъ иллюзій. Конечно, и тогдашніе предприниматели великолѣпно умѣли выжимать изъ рабочей массы прибавочную стоимость. Достаточно прочитать хотя бы извѣстную книгу Ф. Энгельса о положеніи британскаго пролетаріата 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. И однако капитализмъ того періода по сравненію съ капитализмомъ нашихъ дней переживалъ своего рода юность, розовую и наивную, которая прошла и больше не вернется.

Единственной крупной капиталистической державой вплоть до середины XIX в. была только Великобританія. Во всѣхъ другихъ странахъ, не исключая и Франціи, новая форма народнаго хозяйства находилась еще въ зачаточномъ состояніи. Благодаря этому, Соединенное Королевство естественно превратилось въ промышленный центръ всего міра, въ огромную фабрику, получавшую съ континента и изъ-за океановъ разнообразное сырье и снабжавшую весь земной шаръ готовыми продуктами. Исполинскій рынокъ двухъ полушарій безраздѣльно принадлежалъ англійской промышленности, и это исключительно благопріятное экономическое положеніе накладывало особый отпечатокъ на физіономію британскаго или вообще

тогдашняго капитализма, такъ какъ никакого другого капитализма, кромѣ британскаго, въ то время еще не существовало.

Носители капиталистической идеи первой половины прошлаго вѣка (и даже нѣсколько позднѣе) были страстными поклонниками свободной конкуренціи. Возможности промышленнаго сбыта были еще такъ безгранично широки, что не было необходимости въ трестахъ, синдикатахъ и картеляхъ. Идеологи буржуазіи были также ярыми защитниками свободной торговли: индустріальная Англія нуждалась въ дешевомъ хлѣбѣ и дешевомъ сырьѣ и, кромѣ того, стремилась повсюду имѣть открытый рынокъ для своихъ товаровъ. Чрезвычайно характерно, что еще въ 70—80-хъ, годахъ минувшаго столѣтія почти вся экономическая наука континента стояла подъ сильнымъ вліяніемъ фритредерскихъ идей и правительства европейскихъ и неевропейскихъ государствъ, даже вводя пошлины, придавали имъ лишь чисто временное, „воспитательное“ значеніе. Въ постоянный институтъ экономической политики протекціонизмъ превратился уже нѣсколько позднѣе.

Далѣе. Капитализмъ описываемой эпохи былъ либераленъ внутри страны и миролюбивъ за ея предѣлами. И это опять-таки вполнѣ понятно. Дома буржуазіи приходилось вести борьбу за господство съ феодализмомъ, а это естественно располагало къ политическому свободомыслію. Къ тому же серьезной опасности со стороны пролетарскихъ массъ еще не существовало,—значитъ, можно было, не боясь нападенія съ тылу, выступать развернутымъ фронтомъ противъ консервативной реакціи. Въ то же время буржуазіи не было никакихъ основаній потрясать „бронированнымъ кулакомъ“ и на международной аренѣ; на ея рынки никто не посягалъ, да еще и не могъ посягать, свободный же капиталъ, накоплявшійся въ странѣ, почти цѣликомъ поглощался текущими потребностями собственной индустріи и не искалъ экспорта за границу. Оттого британская буржуазія того періода такъ не жаловала милитаризма и такъ горячо мечтала о мирномъ раздѣленіи труда между отдѣльными націями и государствами. Правда, характеръ этого раздѣленія напоминалъ басню о „Мужикѣ и медвѣдѣ“: въ построеніяхъ англійскихъ капиталистическихъ идеологовъ середины XIX ст. Великобританіи неизмѣнно отводилась роль метрополіи, а всѣмъ остальнымъ странамъ—роль экономическихъ вассаловъ послѣдней. Но, какъ то ни было, ни о культѣ дредноутовъ, ни о рискованныхъ военныхъ авантюрахъ въ то время еще не было слышно: идеи пацифизма безусловно преобладали. И такъ сильны были эти взгляды и на-

строенія, что, несмотря на радикально измѣнившуюся съ тѣхъ поръ общественно-политическую обстановку, остатки ихъ можно наблюдать въ Англіи вплоть до настоящаго дня.

Совсѣмъ иной характеръ носитъ новый капитализмъ, родившійся и выросшій въ концѣ XIX и началѣ XX в. Прежде всего онъ охватилъ всѣ культурныя страны: старый капитализмъ носилъ британскій костюмъ, на новомъ костюмы всѣхъ націй и народовъ, въ той или иной мѣрѣ претендующихъ на имя передовыхъ и культурныхъ. Тѣ самыя европейскія и внѣевропейскія страны, которыя по схемѣ англійскихъ буржуазныхъ идеологовъ середины прошлаго вѣка должны были быть на вѣчныя времена осуждены на положеніе экономическихъ колоній Великобританіи, очень скоро перестали удовлетворяться отведенной имъ ролью и открыто вступили на путь возстанія противъ метрополіи. Съ 60—70-хъ годовъ XIX ст. многія изъ этихъ странъ, особенно же Соед. Штаты Сѣверной Америки и Германія, провозгласили принципъ экономической независимости и упорно принялись за созданіе собственной индустріи, собственнаго капитализма. Положеніе послѣдняго на первыхъ порахъ было чрезвычайно трудное. Онъ появился на свѣтъ Божій, подобно голодному проходимцу, очень поздно, когда лучшіе куски на пиру жизни были уже захвачены сытымъ господиномъ, имѣвшимъ преимущество родиться семью десятилѣтіями раньше. Весь міръ былъ захваченъ капиталистическими классами Англіи и нарождающимся капиталистическимъ классамъ Германіи, Франціи, Соед. Штатовъ приходилось отвоевывать каждую пядь земли у своихъ могучихъ соперниковъ. Капитализмъ этихъ странъ могъ развиваться только въ постоянной борьбѣ съ капитализмомъ британскимъ. Уже это одно должно было придавать новому разнонаціональному капитализму болѣе агрессивный и воинственный характеръ. Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ минувшія 30—40 лѣтъ, мы можемъ смѣло утверждать, что не миръ, но мечъ принесъ новый капитализмъ человѣчеству и на панцырныхъ судахъ и скорострѣльныхъ пушкахъ утвердилъ онъ свое господство.

Его первымъ шагомъ было—огородить высокой таможенной стѣной свой національный рынокъ, закрывъ или, по крайней мѣрѣ, затруднивъ доступъ къ нему для англійскихъ конкурентовъ. Борясь за протекціонизмъ, буржуазія новыхъ капиталистическихъ странъ должна была вступить въ тѣсный союзъ съ государственной властью даже тамъ, гдѣ послѣдняя находилась еще въ рукахъ феодальныхъ элементовъ, и оттого, естественно, теряла добрую долю своей по-

литической оппозиціонности. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и фактъ быстраго развитія соціалистическаго движенія среди рабочихъ массъ, являвшагося для капиталистическихъ классовъ вѣчнымъ memento mori ихъ господства. Такое положеніе дѣлъ меньше всего располагало буржуазію къ широкому свободомыслію и, наоборотъ, диктовало ей тактику сближенія со всѣми охранительными элементами, какъ бы они ни назывались. Въ результатѣ, новый капитализмъ въ противоположность капитализму старому въ области внутренней политики принялъ обликъ не либерализма, а „національ-либерализма“, служащаго, какъ извѣстно, больше дѣлу реакціи, чѣмъ дѣлу прогресса.

Не менѣе отличной оказалась позиція новаго капитализма и въ международной сферѣ. Создавъ для себя искусственную монополію на національномъ рынкѣ, онъ первоначально занялся интенсивной эксплуатаціей послѣдняго при помощи трестовъ и картелей. Нарожденіе подобнаго рода объединеній знаменовало собой, конечно, стѣсненіе индивидуальной свободы предпринимателя. Но что значили всѣ эти фетиши стараго капитализма, разъ они стояли на пути къ обогащенію! Въ дальнѣйшемъ однако централизація производства оказалась чрезвычайно выгодной не только для домашнихъ цѣлей, но также и въ интересахъ конкуренціи на міровомъ рынкѣ. Взвинчивая цѣны на товары внутри таможенной стѣны до максимальной высоты и получая, такимъ образомъ, огромную „сверхъ-прибыль“, всѣ эти синдикаты, тресты и картели получали вмѣстѣ съ тѣмъ возможность выбрасывать свои продукты на международную арену по цѣнѣ, не покрывающей даже издержекъ производства. Развилась система такъ называемаго Schleuderexport'a—экспорта за бездѣнокъ,—единственной цѣлью котораго являлось бить оружіемъ дешевизны иностраннаго конкурента и прежде всего, конечно, лишеннаго защиты протекціонизма англійскаго предпринимателя.

Къ вывозу продуктовъ индустріи мало-помалу сталъ присоединяться и вывозъ капитала. Національное богатство экономически развитыхъ странъ росло въ послѣднія десятилѣтія значительно быстрѣе, чѣмъ въ доброе старое время (ниже мы еще познакомимся съ ростомъ его въ Германіи) и, какъ ни стремительно было расширеніе сферы національной промышленной и торговой дѣятельности, оно не могло все-таки поглотить всего количества ежегодно накопляемаго капитала. Исполинскіе банки, тоже синдицированные и объединенные, не знали, что дѣлать съ своими финансовыми за-

пасами. Они искали для нихъ выгоднаго приложенія и не находили его въ предѣлахъ собственной страны. Тогда начался экспортъ капитала за границу, особенно въ страны, бѣдныя деньгами, но богатыя дарами природы. Началось разведеніе плантацій подъ тропиками, добываніе каменнаго угля и различныхъ металловъ въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ, постройка фабрикъ и заводовъ вездѣ, гдѣ это могло имѣть хоть какіе-либо шансы на успѣхъ. Каждая капиталистическая держава облюбовала себѣ опредѣленныя „сферы вліянія“ и „сферы интересовъ“ въ Китаѣ, Малой Азіи, на африканскомъ побережьѣ и, вообще, въ странахъ и районахъ, объявленныхъ „не принадлежащими никому“. И такъ какъ при этомъ нерѣдко на одинъ и тотъ же лакомый кусокъ приходилось по нѣскольку алчныхъ претендентовъ, то притязанія каждаго изъ нихъ естественно должны были быть подкрѣпляемы ultima ratio современной цивилизаціи—вооруженной силой. Культурныя націи ощетинились лѣсомъ штыковъ, готовыя во имя интересовъ кучки правящихъ и господствующихъ бросаться другъ на друга на полѣ междоусобной брани. Скоро сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ: капиталистическіе классы каждой изъ соперничающихъ державъ пришли къ мысли о необходимости формальнаго захвата всѣхъ этихъ „сферъ вліянія“ и „интересовъ“ и превращенія каждой изъ нихъ въ исполинскую колоніальную имперію, отгороженную стѣной протекціонизма отъ всего остального человѣчества и въ миніатюрѣ воспроизводящую собой міровое хозяйство Великобританіи середины прошлаго столѣтія.

Такъ родилась идея имперіализма, воинствующаго и реакціоннаго, идея, столь же соотвѣтствующая потребностямъ новаго капитализма, какъ идея пацифистскаго либерализма—экономическаго и политическаго—соотвѣтствовала потребностямъ капигализма минувшаго періода. Правда, ни одной изъ великихъ державъ до сихъ поръ не удалось осуществить имперіалистскаго идеала. Но тѣмъ лихорадочнѣе становится погоня каждой изъ нихъ за этимъ идеаломъ, тѣмъ охотнѣе взваливаются на народныя массы непосильныя тяготы ради его достиженія...

II

Изъ предыдущаго ясно, что имперіализмъ можетъ сдѣлаться „жизненной потребностью“ капиталистическихъ классовъ только въ странѣ, находящейся на очень высокой ступени экономическаго развитія. Лишь тамъ, гдѣ тѣснятся фабрики и заводы и подвалы

банковъ ломятся отъ запасовъ золота, идея мірового колоніальнаго царства можетъ найти для себя подходящую почву и подчинить себѣ всю внѣшнюю и внутреннюю политику правительства.

Имѣется ли этотъ реальный экономическій базисъ подъ современнымъ германскимъ имперіализмомъ? Отвѣтомъ на поставленный вопросъ пусть служатъ приводимыя ниже данныя.

Можно смѣло утверждать, что вовѣйшая исторія человѣчества не знаетъ другого примѣра столь полнаго и быстраго перерожденія всей соціально-экономической структуры цѣлой страны, какъ тотъ, который представляетъ собой Германія на протяженіи послѣднихъ 40—50 лѣтъ [1]). Я не хочу утомлять читателя излишнимъ обиліемъ статистическихъ данныхъ. Но все-таки нѣсколько наиболѣе важныхъ цифръ для иллюстраціи моего утвержденія необходимо привести.

Въ серединѣ прошлаго вѣка не менѣе двухъ третей населенія Германіи были заняты въ сельскомъ хозяйствѣ и только одна треть въ промышленности, торговлѣ и другихъ не деревенскихъ профессіяхъ и производствахъ. По переписи 1882 г.,—первой, давшей болѣе точныя свѣдѣнія,—количество сельскохозяйственнаго населенія составляло уже только 42,5%, количество не сельскохозяйственнаго—57,5%. По послѣдней переписи 1907 года, соотношеніе обѣихъ основныхъ частей населенія выражалось цифрами: 28,6% и 71,4%. Картина, какъ видимъ, совершенно обратная той, которую можно было наблюдать около 1850 года. Не менѣе показателенъ и быстрый ростъ городского населенія: въ 1871 г. оно составляло 36% противъ 64% сельскаго; наоборотъ, въ 1910 г. соотвѣтственныя цифры были уже 60% и 40%.

Это огромное внутреннее передвиженіе націи совершалось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ стремительнаго развитія промышленности, транспорта и торговли, мѣриломъ чего можетъ служить увеличеніе числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ рукъ. Такъ, за

---

[1]) Даже Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи уступаютъ имперіи Гогенцоллерновъ. Какъ ни быстро развился сѣверо-американскій индустріальный капитализмъ, его удѣльный вѣсъ въ общей экономіи Заатлантической республики все-таки значительно меньше, чѣмъ удѣльный вѣсъ индустріальнаго капитализма въ Германіи. Достаточно привести хотя бы двѣ слѣдующія цифры. Городское населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ 33%, а населеніе, занятое въ промышленности, торговлѣ и другихъ не сельскохозяйственныхъ отрасляхъ производства и обмѣна, 64% общаго количества населенія. Между тѣмъ соотвѣтственныя цифры Германіи будутъ 60% и 71,4%.

періодъ 1882—1907 гг. количество рабочихъ въ индустріи и горномъ дѣлѣ возросло съ 4,1 милліоновъ до 8,6 милліоновъ, или болѣе, чѣмъ на 100%, количество рабочихъ въ транспортѣ и торговлѣ съ 0,7 до 2 милліоновъ, или почти на 200%. Тотъ же быстрый прогрессъ замѣтенъ и въ сферѣ путей сообщенія. Длина желѣзнодорожной сѣти Германіи въ 1850 г. составляла 6.044, въ 1870 г.—19.575, а въ 1911 уже 59.763 километровъ (увеличеніе за послѣднія сорокъ лѣтъ на 153%). Точно также общее водоизмѣщеніе торговаго флота имперіи въ 1871 г. равнялось 982 тысячамъ тоннъ, а въ 1913 г.—уже 3.154 тысячамъ тоннъ, или въ три съ лишнимъ раза больше. Особенно поразительное развитіе обнаружилъ паровой флотъ: въ 1871 г. въ Германіи насчитывалось 180 морскихъ пароходовъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 89.000 тоннъ, въ 1913 г.—2.400 пароходовъ, (+1233%), съ общей водоизмѣстимостью 2.757.000 тоннъ (+3000%).

Не иначе и въ области горнаго и горнозаводскаго дѣла. Добываніе угля въ Германіи въ 1885 г. достигало 73,6 милліоновъ тоннъ, а въ 1913—191,5 милліоновъ (+160%), выплавка чугуна въ 1885 г.—3,7 милліоновъ тоннъ, а въ 1913—19,3 милліона (+422 %). Въ настоящее время по размѣрамъ добыванія угля имперія Гогенцоллерновъ стоитъ на третьемъ (послѣ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи), по размѣрамъ выплавки чугуна—на второмъ (послѣ Соединенныхъ Штатовъ) мѣстѣ въ мірѣ.

Внѣшняя торговля страны обнаружила за послѣднія десятилѣтія также необычайно стремительное развитіе. Въ 1885 г. германскій импортъ составлялъ 2.937 милліоновъ, германскій экспортъ—2.895 милліоновъ марокъ, въ 1913 г. соотвѣтственныя цифры были: 10,695 милліоновъ (+264%) и 9,912, милліоновъ (+242%) марокъ. Въ 1885 г. доля Германіи въ міровой торговлѣ составляла 10,3%, а въ 1908 г.—уже 12,3%. Между тѣмъ, доля Соед. Штатовъ за тотъ же періодъ увеличилась только съ 9,7 до 10,3%, а доля Великобританіи упала съ 19,2 до 17,2%. Сейчасъ въ области внѣшней торговли Германіи стоитъ на второмъ мѣстѣ и лишь нѣсколько уступаетъ Великобританіи (въ 1913 г. англійскій импортъ равнялся 15.380, англійскій экспортъ—12.700 милліонамъ марокъ). При этомъ чрезвычайно характерно, что германскій ввозъ начинаетъ все больше обнимать сырье и пищевые продукты, а германскій вывозъ—готовые фабрикаты. Для того, чтобы показать читателю, какъ далеко уже зашелъ въ настоящее время этотъ процессъ качественнаго перерожденія нѣмецкой міровой торговли, приведу

слѣдующую небольшую таблицу, въ которой для большей наглядности германскія данныя сопоставлены съ соотвѣтственными англійскими (цифры 1910 г.):

Ввозъ.	Германія.	Англія[1]).
Сырье	56 9%	38,5%
Пищев. продукты	27,8%	38,0%
Готовые фабрикаты	15,3%	23,1%

Вывозъ.	Германія.	Англія[1]).
Готовые фабрикаты	64,2%	80.0%
Сырье	25,7%	12,4%
Пищевые продукты	10,1%	6,1%

Итакъ, качественный характеръ міровой торговли обѣихъ странъ совершенно однороденъ: ввозъ сырья и пищевыхъ продуктовъ въ Германіи составляетъ почти 85%, въ Англіи—почти 76% всего ввоза, а вывозъ готовыхъ фабрикатовъ въ первой изъ нихъ достигаетъ 64%, во второй—80% общаго размѣра вывоза. Передъ нами двѣ высоко развитыя капиталистическія державы, двѣ типичныя міровыя „фабрики“ съ той единственной лишь разницей, что въ Великобританіи процессъ индустріализаціи страны продвинулся нѣсколько (но не на очень много) дальше, чѣмъ въ Германіи.

Наконецъ, общій ростъ національнаго богатства. Въ 1872 г. сумма его опредѣлялась примѣрно въ 70 милліардовъ марокъ, въ настоящее время она достигаетъ, по меньшей мѣрѣ, 350 милліардовъ, т.-е. въ пять разъ больше. Иными словами, за послѣднія 40 лѣтъ національное богатство страны возрастало въ среднемъ на 7 милліардовъ марокъ въ годъ. Одной изъ важнѣйшихъ формъ этого возрастанія являлось несомнѣнно накопленіе свободныхъ капиталовъ. Такъ, сумма вкладовъ въ прусскихъ сберегательныхъ кассахъ въ 1875 г. равнялась 1.112 милліонамъ, а въ 1911—уже 11.227 милліонамъ марокъ—увеличеніе на 900%. Точно также сумма вкладовъ въ частныхъ банкахъ въ 1883 г. составляла 749 милліоновъ марокъ, а въ 1907—уже 6.625 милліоновъ, или въ девять разъ больше. Конечно, только что приведенныя цифры не олицетворяютъ собой всего количества имѣющагося въ Германіи свободнаго капитала, но онѣ во всякомъ случаѣ иллюстрируютъ

[1]) Въ англійской статистикѣ имѣется еще рубрика «разное», которая не принята во вниманіе въ приведенной таблицѣ.

темпъ его накопленія. О томъ, что имперія Гогенцоллерновъ уже превратилась въ страну, располагающую большими количествами свободной денежной наличности, свидѣтельствуетъ также широкій экспортъ послѣдней за границу. Сумма нѣмецкаго капитала, вложеннаго въ различныя предпріятія за предѣлами родного отечества, достигаетъ въ настоящее время 30 милліардовъ марокъ (Франціей вложено за границей около 35 и Англіей около 65 милліардовъ марокъ).

Приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы получить ясное представленіе о бѣшеномъ темпѣ капиталистическаго развитія, пережитаго въ теченіе минувшихъ четырехъ десятилѣтій имперіей Гогенцоллерновъ. И кому случалось бродить по широкимъ, оживленнымъ улицамъ сверкающихъ огнями городовъ современной Германіи, кому приходилось колесить по промышленнымъ районамъ Саксоніи и Вестфаліи, внимать тысячеголосому гулу портовой жизни Гамбурга, вдыхать напоенный угольной отравой воздухъ Рурской области или изумленно созерцать великолѣпные дворцы крупныхъ банковъ въ Берлинѣ, тотъ начиналъ уже не только абстрактно-теоретически понимать, но и вполнѣ конкретно, на безконечно болѣе выразительномъ языкѣ красокъ, линій и формъ ощущать, какъ далеко шагнула эта своеобразная страна по пути экономическаго прогресса. Тому Германія нашихъ дней начинала рисоваться въ видѣ могучаго, пышащаго блескомъ, энергіей и предпріимчивостью молодости великана, у котораго „силушка по жилушкамъ такъ и переливается“ и который въ своей кипучей юношеской отвагѣ способенъ взгромоздить Пеліонъ на Оссу.

Но всякій яркій капиталистическій расцвѣтъ имѣетъ свою внутреннюю логику. Вмѣстѣ съ богатствомъ, шумными городами и фабричными трубами онъ порождаетъ также и неудержимое въ условіяхъ современнаго общества стремленіе націи къ Expansion, къ расширенію сферы своего вліянія, къ увеличенію своихъ территоріальныхъ владѣній, къ созданію великаго колоніальнаго царства по примѣру британскаго или французскаго. Это диктуется и быстрымъ возрастаніемъ собственнаго населенія [1]), и потребностью въ

---

[1]) Населеніе Германской имперіи за періодъ 1870—1910 гг. увеличилось съ 40,8, до 64,9 милліоновъ, или на 58%. Это—максимальное возрастаніе въ Европѣ, если исключить Россію и балканскія государства. Плотность населенія въ Германіи въ настоящее время составляетъ 120 человѣкъ на одинъ квадратный километръ, т.-е. равна плотности населенія въ Италіи (121) и

рынкахъ для промышленности и точкѣ приложенія для накопленныхъ капиталовъ, и, наконецъ, маніей великодержавнаго національнаго, охватывающаго обычно всѣ быстро подымающіяся и преуспѣвающія страны. Здѣсь въ этой могущественной тенденціи къ Expansion, тенденціи, страстной носительницей которой является выросшая въ послѣднія десятилѣтія германская буржуазія, лежитъ ключъ къ пониманію всей внѣшней политики имперіи Гогенцоллерновъ на протяженіи минувшихъ сорока лѣтъ.

III

Имперіалистскія стремленія „капитановъ“ промышленности и торговли нашли для себя необыкновенно благопріятную почву и въ рядахъ другого господствующаго класса современной Германіи—аграрнаго юнкерства. Это было для буржуазіи несомнѣнно великимъ счастьемъ и это придало чрезвычайно выпуклый и дѣйственный характеръ ея тенденціи къ Expansion. И для того, чтобы читателю стала яснѣе полная неизбѣжность и естественность кооперацiи королей банковъ и феодаловъ Восточной Пруссіи въ сферѣ внѣшней политики, я остановлюсь нѣсколько ближе на взаимоотношеніяхъ помѣстнаго дворянства и буржуазіи въ нѣдрахъ созданнаго Бисмаркомъ новаго государственнаго цѣлаго.

Объединеніе Германіи было продиктовано прежде всего властными интересами капиталистическаго развитія, и въ этомъ смыслѣ торгово-промышленное „третье сословіе“ можетъ не безъ основанія считать себя иниціаторомъ и главной движущей пружиной даннаго политическаго успѣха. Однако справедливость требуетъ сказать, что всѣ попытки нѣмецкой буржуазіи воплотить въ жизнь собственными силами великую „національную идею“, завершились самымъ позорнымъ фіаско. Иронія судьбы хотѣла, чтобы за осуществленіе завѣтной мечты германскаго tiers-état взялось въ лицѣ князя Бисмарка старое феодальное юнкерство, и не только взялось, но и привело его къ болѣе или менѣе благополучному разрѣшенію.

уступаетъ лишь Бельгіи (254), Голландіи (185) и Великобританіи (169). Выселеніе изъ Германіи за границу, особенно же въ Соединенные Штаты, въ общемъ довольно велико. Начиная съ 1870 г., около трехъ милліоновъ нѣмцевъ переселилось въ чужіе края. Въ Сѣверной Америкѣ нынѣ насчитывается около 18 милліоновъ гражданъ нѣмецкаго происхожденія.

Глубокое противорѣчіе цѣли и средства, характера соціальныхъ элементовъ, давшихъ идеалъ, и элементовъ, воплотившихъ этотъ идеалъ въ дѣйствительности, конечно, не могло не наложить особаго отпечатка на всю физіономію новорожденной имперіи. Она вышла тоже въ своей внутренней структурѣ противорѣчивой и лишенной монолитной цѣльности. Бисмаркъ былъ, конечно, достаточно уменъ для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ приспособить построенное имъ государственное зданіе къ удовлетворенію наиболѣе острыхъ и неотложныхъ потребностей буржуазіи. Однако юнкерство, по праву побѣдителя, должно было остаться и, дѣйствительно, осталось въ немъ въ положеніи всемогущаго политическаго хозяина. Оно вѣдь давало и до сихъ поръ продолжаетъ давать имперіи и ея вѣнценоснаго главу, и ея министровъ и дипломатовъ, и ея генералитетъ и офицерство, и почти всю ея высшую гражданскую бюрократію.

Что было дѣлать германской буржуазіи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что ее никогда не приводило въ особенный восторгъ привилегированное положеніе прусскихъ помѣщиковъ въ государственномъ механизмѣ новой имперіи, ибо она сама мечтала о роли правящаго сословія. Но, какъ бы то ни было, опредѣленная политическая обстановка была дана, съ ней приходилось волей-неволей мириться и между Сциллой и Харибдой ея политическихъ и соціальныхъ препятствій провозить грузъ своихъ классовыхъ интересовъ. Германскіе капитаны индустріи и торговли— не краснобаи, а дѣльцы, и потому нисколько неудивительно, что они очень скоро сумѣли найти линію пріемлемаго modus vivendi между собой и „дикими“ ость-эльбскими баронами. Суть этого любопытнаго историческаго компромисса заключалась въ слѣдующемъ: буржуазія отказывалась отъ притязаній на политическое единодержавіе, удовлетворяясь лишь чечевичной похлебкой экономическаго могущества. Но за это правящее юнкерство обязывалось въ двухъ кардинальныхъ пунктахъ принять къ исполненію ея, буржуазіи, программу. Оно должно было, во-первыхъ, взять на себя защиту магнатовъ капитала отъ подымающаго голову рабочаго движенія; и, во-вторыхъ, оно должно было въ области иностранной политики поставить во главу угла своихъ дѣйствій принципъ агрессивно-имперіалистскаго Expansion.

Надо ли говорить, что оба эти требованія были для юнкерства не только пріемлемы, но и вполнѣ соотвѣтствовали глубочайшимъ движеніямъ его реакціонно-насильнической души?

Я оставляю сейчасъ въ сторонѣ отношеніе юнкерства къ пролетаріату, ибо это завело бы меня слишкомъ далеко. Но объ его позиціи въ сферѣ международной политики я долженъ сказать нѣсколько словъ. Историческія традиціи прусскаго „первенствующаго сословія“ въ области отношеній съ другими державами всегда отличались крайне воинственнымъ характеромъ. Прусская внѣшняя политика испоконъ вѣковъ была Machtpolitik, политикой грубой силы, политикой „бронированнаго кулака“. И точно также испоконъ вѣковъ главной заботой прусскихъ сувереновъ было содержаніе сильной и хорошо обученной сухопутной арміи. Первый прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I (1713—1740) былъ такъ экономенъ, что его дѣти нерѣдко вставали полуголодными изъ-за стола, но зато, насчитывая всего два съ четвертью милліона подданныхъ, онъ ухитрялся располагать постоянной арміей въ 80,000 человѣкъ. Позднѣе, при Фридрихѣ Великомъ, населеніе Пруссіи увеличилось до пяти съ половиной милліоновъ, а одновременно ея армія возросла до 200 тысячъ человѣкъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ маленькая вотчина Гогенцоллерновъ содержала войско болѣе многочисленное, чѣмъ великія державы того времени—Австрія и Франція. Благодаря этому, Пруссіи удавалось играть въ международномъ концертѣ роль гораздо болѣе важную и значительную, чѣмъ та, на которую она собственно могла бы претендовать на основаніи своихъ фактическихъ размѣровъ. О томъ же, каковы были тогдашніе принципы внѣшней политики королевства, можно судить по слѣдующей любопытной цитатѣ изъ „Exposé du gouvernement Prussien“ Фридриха Великаго:

„Война,—пишетъ этотъ наиболѣе замѣчательный представитель прусско-юнкерскаго духа,—тогда хорошая война, когда она предпринята для повышенія престижа государства, для охраны его независимости, для помощи одному изъ союзниковъ или же для уничтоженія честолюбивыхъ плановъ чужого монарха, одержимаго страстью къ завоеваніямъ“.

Фридрихъ Великій всегда поступалъ именно согласно только что формулированнымъ положеніямъ и потому, должно быть, кажется, ни одинъ прусскій король не велъ на своемъ вѣку столько войнъ и при этомъ по преимуществу агрессивныхъ войнъ, какъ этотъ прославленный „философъ на тронѣ“.

Въ дальнѣйшемъ тотъ же духъ не переставалъ гнѣздиться въ чувствахъ и сознаніи юнкерскаго сословія. Въ эпоху Наполеоновской борьбы Пруссія (первая страна въ Европѣ) ввела систему

близкую къ всеобщей воинской повинности и сдѣлала тѣмъ самымъ крупный шагъ въ сторону милитаризаціи своей государственной жизни. Въ 1864, 1866 и 1870 годахъ она вознесла славу своего оружія превыше небесъ и на костяхъ трехъ сосѣднихъ монархій воздвигла величественное зданіе своего всегерманскаго господства.

Какъ видимъ, правящимъ элементамъ имперіи Гогенцоллерновъ было очень не трудно пойти навстрѣчу буржуазіи въ вопросѣ объ агрессивно-имперіалистской внѣшней политикѣ. Еще бы: вѣдь въ ней, въ подобной политикѣ, были и умъ, и сердце, и вѣковыя традиціи феодальнаго дворянства! Здѣсь, въ данномъ пунктѣ, совпадали глубочайшіе интересы старо-юнкерской и ново-буржуазной Германіи, и въ этомъ именно лежитъ основная причина столь пышнаго и стремительнаго развитія нѣмецкаго милитаризма. Не одни остъ-эльбскіе бароны и не одинъ нынѣшній кайзеръ повинны въ превращеніи 65-милліонной страны въ колоссальный военный лагерь,—въ томъ же въ равной, если не большей, мѣрѣ повинна и германская буржуазія, которая хочетъ вести великодержавную внѣшнюю политику и которая для этой цѣли отваливала съ полной готовностью въ теченіе ряда десятилѣтій исполинскіе кредиты на панцырныя суда и скорострѣльныя пушки. Нѣмецкій милитаризмъ носитъ, правда, юнкерскій костюмъ. Но соки, которыми онъ питается, но цвѣтъ, которымъ онъ цвѣтетъ, исходятъ изъ самой толщи буржуазной Германіи. Безъ явной и восторженной поддержки послѣдней, безъ того культа сабли и военнаго мундира, жертвами котораго въ послѣднія десятилѣтія пали наука, искусство, литература, религія, военщина никогда не могла бы забрать въ имперіи такую силу, какую она фактически забрала въ наши дни.

Этотъ двойственный соціальный генезисъ германскаго милитаризма очень часто упускается изъ вида и это нерѣдко ведетъ къ цѣлому ряду ошибочныхъ заключеній. У насъ очень любятъ изображать дѣло въ такомъ видѣ, будто бы „бронированный кулакъ“ имперіи Гогенцоллерновъ является личной прихотью Вильгельма II и его ближайшихъ единомышленниковъ: стоитъ сбросить ихъ съ капитанской палубы государственнаго корабля, и кошмаръ безконечныхъ вооруженій сразу разсѣется. Глубокое заблужденіе! „Бронированный кулакъ“ прочно коренится въ соціальной природѣ не только юнкерской, но и буржуазно-капиталистической Германіи, и едва ли замѣна Бетманъ-Гольвеговъ и Дельбрюковъ Бассерманами и Балинами могла бы имѣть особенное вліяніе на количество орудій, ежегодно отливаемыхъ въ Эссенѣ. Послѣ путешествія Виль-

гельма II въ Константинополь въ 1898 г., закончившагося, между прочимъ, дарованіемъ „Deutsche Bank“ концессіи на постройку Багдадской желѣзной дороги, одинъ остроумный человѣкъ назвалъ германскаго императора „первымъ коммивояжеромъ нѣмецкаго капитала“. Пожалуй, слѣдовало бы сказать, не только „первымъ коммивояжеромъ“, но и „первымъ преторіанцемъ“, призваннымъ охранять спокойствіе „господина купона“. Здѣсь, въ этихъ немногихъ словахъ, сущность взаимоотношеній между буржуазіей и юнкерствомъ, буржуазіей и милитаризмомъ, какъ они сложились въ современной Германіи.

И именно этотъ ярко-капиталистическій генезисъ нѣмецкаго или, какъ теперь принято выражаться, прусскаго милитаризма объясняетъ намъ стремительную быстроту развитія послѣдняго въ теченіе минувшаго сорокалѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1875 г. численность германской арміи мирнаго состава равнялась 402 тысяч. человѣкъ, а общая сумма расходовъ военнаго министерства 319 милл. мк., а уже въ 1913 году соотвѣтственныя цифры составляли 791 тыс. чел. и 775 милл. мк. Увеличеніе, какъ видимъ, на 97% въ первомъ и на 143% во второмъ случаѣ, и это въ то время, какъ населеніе имперіи въ указанный періодъ возросло лишь съ 40,8 до 64,9 милліоновъ, или только на 58%. Еще характернѣе цифры, касающіяся флота. Въ 1875 г. число принадлежащихъ Германіи военныхъ судовъ равнялось 40 (въ томъ числѣ 5 крупныхъ), а сумма всѣхъ расходовъ на дѣло морской обороны 49 милл. мк., въ 1890 году соотвѣтственныя цифры были: 78 судовъ (12 крупныхъ) и 80 милл. мк., а въ 1913 году—уже 316 судовъ, въ томъ числѣ 45 крупныхъ единицъ первокласснаго боевого значенія, и 480 милл. мк. Въ теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ Германія превратилась во вторую по мощи своего флота морскую державу и стала серьезно угрожать традиціонному господству Великобританіи надъ водами океановъ.

Колоссальный ростъ милитаризма, какъ видимъ, не подлежитъ сомнѣнію, притомъ ростъ, далеко обгоняющій по своимъ размѣрамъ аналогичный ростъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Не безъ основанія Германію въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій считали главной носительницей идеи вооруженнаго мира и главной виновницей интернаціональной горячки вооруженій. Но, спрашивается, чѣмъ объясняется этотъ стремительный бѣгъ молодой имперіи навстрѣчу панцырнымъ судамъ и скорострѣльнымъ пушкамъ? Чѣмъ объясняется ея доминирующая роль въ дѣлѣ превращенія

большинства великихъ державъ въ сверкающіе милліонами штыковъ военные лагери?

Этотъ стремительный бѣгъ и эта доминирующая роль объясняются единственно и исключительно лишь бѣшенымъ темпомъ экономической эволюціи Германіи. Нельзя забывать, что современный милитаризмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ капитализмомъ: онъ плоть отъ его плоти, онъ—тѣнь, которая вездѣ слѣдуетъ за нимъ, рабски копируя его формы и размѣры. Чѣмъ могущественнѣе капиталистическій расцвѣтъ данной страны, тѣмъ ярче агрессивно-имперіалистическія тенденціи ея буржуазіи и тѣмъ грознѣе твердыни ея милитаризма призваннаго служить острымъ мечомъ въ борьбѣ королей индустріи и банковъ за міровое преобладаніе. Германія развивалась экономически въ теченіе минувшаго сорокалѣтія быстрѣе, чѣмъ какая-либо иная страна въ Европѣ,—это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему оспариванію,—не естественно ли и не понятно ли при такихъ условіяхъ, что она должна была далеко обогнать другія медленнѣе эволюціонирующія государства и въ дѣлѣ горячки вооруженій? Что она должна была все время обнаруживать гораздо больше агрессивнаго духа, чѣмъ, скажемъ, Англія или Франція? Что она, пришедшая слишкомъ поздно на праздникъ капиталистическаго господства, когда лучшіе куски колоніальныхъ владѣній были уже расхватаны болѣе счастливыми конкурентами, должна была чаще другихъ грозить сосѣдямъ „бронированнымъ кулакомъ“ и превращаться тѣмъ самымъ въ постоянную угрозу европейскаго мира?

Таковы объективныя условія, изъ взаимодѣйствія которыхъ должна была сложиться равнодѣйствующая иностранной политики объединенной Германіи. Надо ли много доказывать, что при наличности всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ эта равнодѣйствующая неизбѣжно должна была явить собой, и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно явила живое воплощеніе агрессивно-имперіалистскихъ тенденцій капиталистической буржуазіи, сдобренныхъ порядочной порціей юнкерски-прямолинейнаго кулачнаго задора?

Германія и ея ближайшія сосѣдки

(Австро-Венгрія, Франція и Россія)

I

Мы знаемъ теперь современную Германію, знаемъ также важнѣйшіе факторы и условія, вліявшіе на общій характеръ ея внѣшней политики. Посмотримъ однако, какіе конкретные узоры реальная жизнь вышивала на этомъ основномъ историческомъ фонѣ, какъ складывались въ теченіе послѣднихъ сорока—пятидесяти лѣтъ дѣйствительныя отношенія имперіи Гогенцоллерновъ съ другими участвующими въ нынѣшней войнѣ государствами, т.-е. фактически почти со всей великодержавной Европой. Обратимся сначала къ ближайшей сосѣдкѣ и теперешней союзницѣ Германіи Австро-Венгріи [1]).

Въ новѣйшей исторіи немного найдется примѣровъ, столь ярко иллюстрирующихъ мысль о крайней текучести и измѣнчивости международныхъ группировокъ, какъ эволюція отношеній между монархіями Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ на протяженіи минувшихъ 65 лѣтъ. Весь этотъ періодъ органически распадается на двѣ діаметрально-противоположныхъ эпохи: двадцатилѣтіе 1850—70 годовъ, полное смертельной ненависти и непримиримой вражды между Австріей и Пруссіей, и сорокалѣтіе 1871—1914 годовъ, ознаменованное постепеннымъ сближеніемъ, а потомъ (съ 1879 г.) и тѣснѣйшимъ политическимъ союзомъ обоихъ государствъ, союзомъ, сохранившимъ свою силу вплоть до настоящаго дня.

---

[1]) Очень много интересныхъ свѣдѣній и данныхъ изъ области отношеній Германіи къ Австріи, а также Франціи и Россіи можно найти въ капитальномъ двухтомномъ трудѣ W. Oncken „Das Zeitalter des Kaisers Wilhelm I“; Berlin, 1890—92.

Институт Ленина при ЦК К.П.С.С. 230248. 230248

Борьба между Габсбургами и Гогенцоллернами въ серединѣ прошлаго вѣка находилась въ непосредственной связи съ становившейся съ начала XIX вѣка все болѣе жизненной проблемой объединенія Германіи. Потребность въ этомъ объединеніи—экономическая, политическая, культурная—особенно остро стала чувствоваться въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. И, дѣйствительно, уже въ 1815 г., непосредственно за разгромомъ французской имперіи, дѣлается первая робкая попытка въ указанномъ направленіи: создается „Германскій Союзъ", къ которому примыкаютъ почти всѣ нѣмецкія государства съ Австріей и Пруссіей во главѣ. Съ 1818 г. Пруссія начинаетъ свою длительную работу по организаціи таможеннаго объединенія Германіи, не законченную вплоть до 1853 г. Революція 1848 г. выдвигаетъ въ качествѣ своего основного лозунга рожденіе единаго нѣмецкаго отечества и въ лицѣ франкфуртскаго національнаго собранія дѣлаетъ попытку осуществить этотъ лозунгъ въ дѣйствительности. Наконецъ, въ тяжелые годы контръ-революціонной реакціи пятидесятыхъ годовъ и въ болѣе свѣтлую эпоху всеобщаго политическаго оживленія послѣдующаго десятилѣтія вопросъ объ объединеніи разрозненной нѣмецкой націи не сходитъ ни на минуту съ порядка дня, пока на поляхъ Кёниггреца и Седана онъ не находитъ, наконецъ, своего историческаго разрѣшенія.

Главная трудность благополучной ликвидаціи сложной проблемы лежала не столько въ крайнемъ партикуляризмѣ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, въ борьбѣ мелочныхъ интересовъ и самолюбій безчисленныхъ вѣнценосцевъ „домартовской" Германіи — это, конечно, само собой,— сколько въ постоянномъ ревнивомъ соперничествѣ двухъ крупнѣйшихъ политическихъ единицъ тогдашняго германскаго міра: Австріи и Пруссіи. Чья корона—Габсбурговъ или Гогенцоллерновъ—будетъ украшать собой главу будущаго императора объединенной Германіи? Къ этому сводился въ сущности вопросъ, волновавшій въ серединѣ прошлаго вѣка нѣмецкихъ политиковъ и публицистовъ, и такъ какъ долгое время было неизвѣстно, на чью сторону склонится чаша успѣха, то германское отечество вплоть до 1871 г. продолжало лежать безсильное и раздробленное, неспособное преодолѣть вліяніе завѣщанной вѣками политической инерціи.

Историческая заслуга Бисмарка какъ разъ и состоитъ въ томъ, что онъ не въ примѣръ прочимъ современникамъ-Маниловымъ, мечтавшимъ объ объединеніи подъ одной крышей Австріи и Пруссіи, распозналъ полную неосуществимость подобной утопіи и, распознавши, сумѣлъ сдѣлать изъ своего открытія правильные выводы.

Такъ, уже въ 1853 г. онъ высказывалъ своему другу генералу Герлаху: „Для Пруссіи и Австріи не существуетъ иного поля дѣйствія, какъ Германія... Мы отнимаемъ другъ у друга воздухъ, необходимый для дыханія, кто-нибудь одинъ долженъ уступить". Позднѣе тотчасъ же послѣ окончанія крымской кампаніи будущій первый канцлеръ имперіи—тогда еще скромный представитель Пруссіи при „Союзномъ Совѣтѣ" во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—въ отчетѣ своему шефу, министру президенту Мантейфелю, писалъ:

„Судя по вѣнской политикѣ, Германія слишкомъ тѣсна для насъ обоихъ. До тѣхъ поръ, пока сфера вліянія каждаго строго не ограничена, мы занимаемся вспахиваніемъ одного и того же поля и до тѣхъ поръ Австрія остается единственнымъ государствомъ, на которомъ мы страшно много теряемъ, но на которомъ мы можемъ и страшно много выиграть".

Переходя далѣе къ вопросу о средствахъ, при помощи которыхъ сложная проблема объединенія Германіи могла бы быть удовлетворительно разрѣшена, Бисмаркъ опредѣленно и категорически заявляетъ: война и пораженіе Австріи на полѣ битвы, ибо „и въ нынѣшнемъ столѣтіи,—какъ образно выражался великій юнкеръ,—нѣтъ другого способа поставить стрѣлку историческихъ вѣсовъ въ надлежащее положеніе" [1]).

Разъ придя къ подобному заключенію, Бисмаркъ со свойственной ему послѣдовательностью и неустрашимостью начинаетъ дѣйствовать. Отнынѣ вся его политика сводится къ созданію необходимыхъ предпосылокъ для побѣды Пруссіи надъ Габсбургской монархіей. Его цѣль — елико возможно ослабить послѣднюю и, съ другой стороны, елико возможно усилить собственное отечество. И онъ ведетъ свою линію упорно, безпощадно, съ обычнымъ искусствомъ и предусмотрительностью. Въ 1859 г. онъ удерживаетъ Пруссію отъ вмѣшательства въ итальянскую войну въ пользу Австріи, въ 1861 г. онъ завербовываетъ прусскаго короля въ сторонники „Малой Германіи" (т.-е. Германской имперіи безъ участія въ ней Австріи), въ 1863 г. онъ помогаетъ Россіи подавить польское возстаніе, а въ 1865—66 гг. усиленно заигрываетъ съ Наполеономъ III, желая обезпечить себѣ нейтралитетъ обѣихъ державъ въ будущей войнѣ съ Габсбургской монархіей, въ 1864 г. онъ втягиваетъ вѣнское прави-

---

[1]) O. Klein-Hattingen, „Bismarck und seine Welt"; Berlin, 1902—04, т. I, стр. 173—5.

тельство въ длительную и безславную борьбу съ Даніей, въ 1866 г. заключаетъ наступательный союзъ съ Италіей и въ то же время, въ теченіе всего начала 60-хъ годовъ въ постоянной борьбѣ съ либеральной оппозиціей ландтага энергично проводитъ въ Пруссіи военную реформу, чрезвычайно усиливающую боевую мощь королевства Гогенцоллерновъ. Наконецъ, въ 1866 г. онъ доводитъ дѣло до открытаго конфликта съ упрямымъ соперникомъ и наноситъ Австріи жестокій разгромъ подъ Кёниггрецомъ.

Цѣль Бисмарка достигнута. Военное счастье рѣшило долголѣтній споръ между двумя крупнѣйшими нѣмецкими государствами въ пользу Пруссіи. Монархія Габсбурговъ сброшена съ прежняго пьедестала всемогущества и больше уже не можетъ служить препятствіемъ для созданія единаго національнаго отечества. Очертанія „Малой Германіи“ подъ эгидой Гогенцоллерновъ уже начинаютъ явственно выступать среди хаоса политической жизни страны. И будущій желѣзный канцлеръ сразу и круто мѣняетъ курсъ: съ той же настойчивостью и съ тѣмъ же искусствомъ, съ которымъ онъ до сихъ поръ готовилъ войну съ Австріей, онъ начинаетъ теперь готовить съ ней примиреніе. Побѣждая ожесточенное сопротивленіе короля и военной партіи, Бисмаркъ настаиваетъ на скорѣйшемъ заключеніи почетнаго мира съ Габсбургской монархіей и союзными съ ней южно-германскими государствами, отказывается отъ всякихъ аннексій австрійской территоріи, удовлетворяется весьма скромной контрибуціей (20 милліоновъ талеровъ, т.-е. около 28 милліоновъ руб.) и даже заключаетъ еще оборонительно-наступательный союзъ съ Баваріей, Вюртембергомъ, Баденомъ и Гессеномъ. Тѣмъ самымъ жало реванша оказывается вырваннымъ изъ груди Австро-Венгріи, и почва для сближенія въ будущемъ подготовлена.

И затѣмъ начинаются систематическія усилія къ созданію этого сближенія. Уже въ 1872 г., тотчасъ послѣ рожденія Германской имперіи, Бисмарку удается свести въ Берлинѣ монарховъ Германіи, Австріи и Россіи и добиться заключенія между ними того, что тогда называли Dreikaiserbündniss и что мы теперь назвали бы entente трехъ императоровъ (никакого формальнаго договора заключено не было). Это соглашеніе, просуществовавшее до 1876 г., задавалось цѣлями охраны европейскаго мира и находило свое главное выраженіе въ систематическихъ встрѣчахъ (въ 1873, 74, 75, 76 годахъ) трехъ вѣнценосцевъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ текущей политики. Entente 1872—6 годовъ являлся въ извѣстной степени уменьшенной копіей „Священнаго Союза“ 1815 г. съ той однако

разницей, что его доминирующимъ центромъ были не Петербургъ и Вѣна, а Берлинъ.

Dreikaiserbündniss продержался весьма недолго, едва какихъ-нибудь пять лѣтъ. И виной кратковременности его существованія былъ не недостатокъ добраго желанія со стороны кормчихъ объединенной Германіи, а противорѣчіе политическихъ интересовъ Австріи и Россіи. Яблокомъ раздора между послѣдними и на этотъ разъ, какъ неоднократно уже раньше, явился Ближній Востокъ. Обѣ державы испоконъ вѣковъ обнаруживали неудержимый „Drang nach Osten“ и это мощное стремленіе, на выясненіи причинъ котораго я подробнѣе остановлюсь ниже (см. главу „Германія и Ближній Востокъ“) неоднократно сталкивало лбами уже въ прошломъ обѣ сосѣднія монархіи. Такъ случилось и теперь. Возстанія въ Герцеговинѣ и Болгаріи въ 1875—76 годахъ поставили въ порядокъ дня европейской политики запутанный и сложный восточный вопросъ и сразу воскресили старинное соперничество Австріи и Россіи на Балканахъ. Отношенія между ними настолько обострились, что въ 1876 г. Александръ II даже формально запросилъ Бисмарка, можетъ ли онъ разсчитывать на нейтралитетъ Германіи въ случаѣ войны съ Габсбургской монархіей. Бисмаркъ, а вмѣстѣ съ нимъ и только что объединенная имперія были поставлены въ необходимость выбирать между двумя друзьями. И желѣзный канцлеръ, не колеблясь ни минуты, остановилъ свой выборъ на Австро-Венгріи.

Онъ далъ понять русскому правительству, что Германія не допуститъ разгрома Дунайской монархіи, и тѣмъ отвелъ отъ послѣдней нависшій надъ ней ударъ. Онъ далѣе постарался на берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., закончившемъ войну за освобожденіе славянъ, свести реальные плоды побѣды Россіи до возможнаго минимума и такимъ образомъ облегчить Австріи борьбу съ послѣдней на Ближнемъ Востокѣ. Бисмаркъ пошелъ еще дальше, и въ слѣдующемъ 1879 г. заключилъ съ Габсбургской имперіей оборонительный союзъ, направленный своимъ остріемъ главнымъ образомъ противъ Россіи. Договоръ между двумя названными государствами обязывалъ ихъ къ взаимной помощи въ случаѣ нападенія со стороны восточной имперіи или въ случаѣ оказанія Россіей поддержки какой-либо другой державѣ, атакующей одну изъ заключающихъ союзъ сторонъ. Въ 1882 г. къ соглашенію Австріи и Германіи присоединилась и Италія, столкнувшаяся съ Франціей на аренѣ колоніальной политики въ Сѣверной Африкѣ,—тѣмъ самымъ было положено основаніе знаменитому Тройственному союзу, открывшему собой чреватую ‘вели-

чайшими послѣдствіями эру прочныхъ и длительныхъ объединеній между крупнѣйшими европейскими государствами.

Каковы были причины, побудившія Бисмарка въ спорѣ между Россіей и Австріей за германское благоволеніе отдать предпочтеніе этой послѣдней? Самъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ объясняетъ свое поведеніе соображеніями по преимуществу политическаго свойства: желѣзный канцлеръ боялся, какъ бы, вступивъ въ союзъ съ Россіей и поссорившись такимъ образомъ съ Австріей, имперія Гогенцоллерновъ не оказалась въ слишкомъ большой зависимости отъ своего могущественнаго восточнаго сосѣда. Именно онъ предпочелъ въ качествѣ товарища болѣе слабую Австрію, которая, при заключеніи соглашенія съ Германіей, сама должна была наоборотъ попасть въ зависимость отъ послѣдней. Данный выборъ сдѣлать было тѣмъ легче, что, съ другой стороны, Габсбургская монархія представлялась по тогдашнимъ временамъ все-таки достаточно сильной для того, чтобы вмѣстѣ съ объединенной имперіей являться мощнымъ противовѣсомъ агрессивной политикѣ Россіи.

Можно охотно допустить, что приведенное объединеніе для конца семидесятыхъ годовъ было въ общемъ несомнѣнно вѣрнымъ. Въ дальнѣйшемъ однако политическіе мотивы все больше и больше стали осложняться мотивами экономическими. Съ конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія германскій имперіализмъ началъ все настойчивѣе стремиться къ хозяйственному порабощенію Балканскаго полуострова и Малой Азіи. Эта явная тенденція, къ которой намъ еще не разъ придется возвращаться, естественно скрѣпляла все болѣе тѣсными и неразрывными узами политическій союзъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Теперь Германія начинала разсматривать Австрію, какъ свой форпостъ на Ближнемъ Востокѣ, какъ то чрезвычайно важное промежуточное звено, которое, путемъ усиленія своего вліянія на Балканахъ, можетъ связать непрерывной линіей Гамбургъ съ Салониками и Берлинъ съ турецкой столицей. Тѣмъ самымъ обѣ среднеевропейскія монархіи становились соучастниками въ одномъ и томъ же грандіозномъ имперіалистско-капиталистическомъ предпріятіи, властно диктующемъ имъ общность интересовъ, общность политики и линіи международнаго поведенія.

II

Иначе сложились взаимоотношенія Германіи и Франціи.

Историческія традиціи оставили въ наслѣдіе имперіи Гогенцоллерновъ тяжелый балластъ вражды и подозрительности по отношенію къ ея западной сосѣдкѣ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ Франція всегда выступала въ качествѣ непримиримаго врага Германіи. Сколько войнъ между ними разыгралось въ XVII и XVIII вѣкахъ, сколько поколѣній по ту и по сю сторону границы было воспитано въ чувствахъ взаимной ненависти и злобы! Но даже не забираясь такъ далеко въ глубь временъ, достаточно указать лишь на Наполеоновскую эпоху. Въ этотъ періодъ Франція выступила передъ нѣмецкимъ народомъ въ роли могущественнаго завоевателя, топтавшаго на каждомъ шагу въ грязь его національное достоинство. И она же выступила въ роли страшнаго носителя идей революціи передъ реакціонно-монархическими элементами домартовской Германіи. Въ годы Священнаго Союза, послѣдовавшіе за паденіемъ Наполеона, политика недовѣрія и скрытой вражды къ либеральной западной державѣ стала естественной политикой абсолютистской Пруссіи и большинства другихъ аристократически управляемыхъ нѣмецкихъ государствъ. 1848 годъ могъ только еще разъ и сильнѣе, чѣмъ прежде, оттолкнуть правящую Германію отъ Франціи, а война 1870—71 гг. съ ея пяти-милліардной контрибуціей и отторженіемъ Эльзасъ-Лотарингіи (въ этомъ пунктѣ Бисмарку измѣнила его государственная мудрость) превратила Францію въ непримиримаго врага имперіи Гогенцоллерновъ. Новѣйшая эпоха франко-германскихъ отношеній началась, такимъ образомъ, подъ грозовыми предзнаменованіями и таковой же она осталась въ существенныхъ чертахъ до конца.

Политика желѣзнаго канцлера по отношенію къ западной сосѣдкѣ во все время его правленія сводилась къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ. По его мнѣнію, главная цѣль и задача Германіи заключалась въ предупрежденіи новаго усиленія Франціи и тѣмъ самымъ превращенія ея въ новую угрозу для объединенной имперіи. Средства, при помощи которыхъ онъ стремился къ достиженію указанной цѣли, были двоякаго рода: внутреннія и внѣшнія. Къ категоріи средствъ перваго рода относилось всемѣрное поддержаніе во Франціи республиканскаго режима. Бисмаркъ былъ глубоко убѣжденъ, что монархія сможетъ легче собрать и объединить націо-

нальныя силы и благодаря родственнымъ связямъ вѣнценосца легче сковать страну узами соглашеній и союзовъ съ другими державами, чѣмъ чистая и послѣдовательная демократія. Кромѣ того, онъ полагалъ, что монархія неизбѣжно должна быть гораздо воинственнѣе, чѣмъ республика. И потому онъ, чистый монархистъ и поклонникъ принципа „божьей милостью" въ границахъ собственнаго отечества, тѣмъ не менѣе къ великому ужасу берлинскихъ придворныхъ сферъ со всей энергіей противился попыткамъ возстановленія королевской власти во Франціи. По глубокой ироніи судьбы, первый канцлеръ Германской имперіи изъ своекорыстно-дипломатическихъ расчетовъ сталъ патрономъ и охранителемъ французской демократіи.

Болѣе серьезное значеніе однако имѣли средства внѣшнія, методы и способы ловкой игры на струнахъ иностранной политики. Здѣсь Бисмаркъ шелъ двумя главными путями: во-первыхъ, онъ стремился всячески изолировать Францію и предупредить возможность соглашенія ея съ другими государствами и, во-вторыхъ, онъ не переставалъ втягивать сосѣднюю республику въ колоніальныя предпріятія, которыя, съ одной стороны, отвлекали ея вниманіе отъ Эльзасъ-Лотарингіи, а, съ другой, сталкивали ее лбами съ великими европейскими державами. Эта хитроумная тактика желѣзнаго канцлера долгое время приносила желанные ему плоды. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Послѣ событій 1870—71 гг. было вполнѣ естественно ожидать, что разбитая и сгораемая чувствомъ мести Франція станетъ искать поддержки и симпатіи Россіи. Усилія Бисмарка въ теченіе долгихъ лѣтъ и были направлены къ тому, чтобы не допустить союза или даже соглашенія между республикой Запада и абсолютной монархіей Востока. Первые годы послѣ франко-прусской войны онъ пытался этого достигнуть путемъ установленія entente трехъ императоровъ, о которой говорилось выше, а когда эта entente силою вещей была разрушена, онъ, оказывая извѣстную поддержку Россіи, на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года постарался—и не безуспѣшно—поссорить послѣднюю съ Франціей на почвѣ ликвидаціи русско-турецкой кампаніи. Тѣмъ самымъ сближеніе обѣихъ названныхъ державъ было замедлено на цѣлыхъ 12 лѣтъ, и вплоть до конца политической карьеры Бисмарка франко-русскій союзъ оставался завѣтной, но трудно осуществимой мечтой республиканскихъ шовинистовъ.

Если въ области франко-русскихъ отношеній результаты, желательные желѣзному канцлеру, достигались при активномъ вмѣшательствѣ его собственной дипломатіи, то изоляція Франціи въ сторону

Англіи и Италіи совершалась еще проще, почти сама собой, естественной логикой событій. Слѣдуя отчасти собственнымъ импульсамъ, а отчасти толчкамъ, приходившимъ изъ-за Рейна, республика, утвердившаяся на развалинахъ второй имперіи, бросилась съ головой въ сферу колоніальныхъ пріобрѣтеній. Въ теченіе двадцатилѣтія 1880—1900 годовъ Франція захватила Тунисъ, Сенегалъ, Мадагаскаръ, Конго, Суданъ, Тонкинъ, Сіамъ, Аннамъ и цѣлый рядъ другихъ областей въ Азіи и Африкѣ и мало-по-малу превратилась въ громадную колоніальную державу, уступающую по размѣрамъ только одной Великобританіи [1]). Но именно это крайнее увлеченіе третьей республики капиталистическимъ имперіализмомъ естественно и неизбѣжно бросало ее въ острый конфликтъ съ другими государствами, тоже подвизавшимися или, по крайней мѣрѣ, собиравшимися подвизаться на томъ же поприщѣ. Такъ, захватъ Туниса въ 1881 году вызвалъ огромное раздраженіе въ Италіи и побудилъ эту страну вступить въ 1882 г. въ составъ Тройственнаго союза. Точно такъ же французскія операціи въ сѣверной и центральной Африкѣ дважды — въ 1883 и 1898 годахъ—ставили третью республику почти на край войны съ Великобританіей.

Какъ видимъ политика вовлеченія Франціи въ колоніальныя предпріятія, столь усердно проводившаяся Бисмаркомъ, въ теченіе долгаго времени служила серьезную службу Германіи: она оставляла третью республику въ состояніи длительной изолированности и, кромѣ того, значительно ослабляла ея военную боеспособность въ Европѣ (Франціи пришлось вести большое количество колоніальныхъ войнъ и вплоть до настоящаго дня она вынуждена содержать въ своихъ заокеанскихъ владѣніяхъ до 70,000 бѣлыхъ солдатъ). Однако все течетъ—все измѣняется. Иронія судьбы хотѣла, чтобы въ ходѣ историческаго развитія та самая политика, которая въ теченіе ряда десятилѣтій считалась шедѣвромъ дипломатическаго искусства, въ концѣ концовъ превратилась въ собственную противоположность и изъ средства поддержанія мира между Германіей и Франціей сама стала источникомъ острыхъ осложненій и конфликтовъ.

Вотъ какъ это случилось. Пока имперія Гогенцоллерновъ оставалась исключительно континентальной державой и удовлетворялась доминирующей ролью въ сферѣ европейской политики, устремленіе

---

[1]) Въ настоящее время владѣнія Франціи занимаютъ около $10^1/_2$ милл. кв. кил. и насчитываютъ почти 54 милл. населенія. Соотвѣтственныя цифры для Англіи: 29,7 милл. кв. кил. и около 380 милліоновъ населенія.

третьей республики въ Азію и Африку ей могло быть только пріятно. Положеніе однако радикально измѣнилось, когда послѣ паденія Бисмарка объединенная Германія подъ управленіемъ новаго вѣнценоснаго кормчаго смѣло пустилась по бурнымъ волнамъ Weltpolitik, когда она сама, выросшая и все больше начинающая страдать капиталистическимъ полнокровіемъ, бросилась въ область колоніальнаго имперіализма. Теперь каждая страна, располагающая крупными заокеанскими владѣніями, превратились для нея въ лишняго и непріятнаго конкурента, съ которымъ она, воспользовавшись первымъ подходящимъ случаемъ, не прочь была свести кое-какіе счеты. Франція являлась второй по величинѣ колоніальной державой, вдобавокъ она была еще страной, по отношенію къ которой Германія была воспитана въ традиціяхъ вѣковой непримиримой вражды, — тѣмъ больше основаній имѣла послѣдняя со все возрастающей завистью и раздраженіемъ смотрѣть черезъ плечо на свою западную сосѣдку.

И, дѣйствительно, мы видимъ, какъ съ эпохи 90-хъ годовъ мало-по-малу мѣняется характеръ взаимоотношеній между обѣими разсматриваемыми странами. Раньше, въ первыя десятилѣтія послѣ войны 1870 г., духъ агрессивной политики гнѣздился несомнѣнно во Франціи: она лелѣяла мечту реванша, она развивала съ этой цѣлью свою военную мощь, она вступила въ началѣ 90-хъ годовъ все въ тѣхъ же видахъ въ союзъ съ Россіей и не переставала въ своей прессѣ жестоко нападать на имперію Гогенцоллерновъ. Съ конца прошлаго столѣтія положеніе радикально преобразуется. Растущее несоотвѣтствіе въ количествѣ населенія между Франціей и Германіей, неутомимая работа времени, смягченіе режима въ Эльзасъ-Лотарингіи, наконецъ, усилія передовыхъ элементовъ націй по ту и по сю сторону границъ не остаются безъ извѣстнаго вліянія на настроеніе французскаго народа: его старыя раны постепенно затягиваются, онъ понемногу успокаивается, охлаждается, примиряется съ неизбѣжнымъ.

Но въ той мѣрѣ, какъ агрессивный духъ падаетъ и ослабѣваетъ въ предѣлахъ третьей республики, онъ все чаще и ярче начинаетъ вспыхивать на правомъ берегу Рейна. Теперь уже не Франція мечтаетъ объ отторженіи отъ Германіи двухъ потерянныхъ въ 1870 году провинцій,—теперь имперіалистско-капиталистическая Германія все явственнѣе и недвусмысленнѣе протягиваетъ свои жадныя руки къ богатымъ колоніальнымъ сокровищамъ Франціи, теперь она уже готова скрестить клинокъ меча со своимъ сосѣдомъ ради пріобрѣтенія

одного изъ жирныхъ кусковъ его заморскихъ владѣній. Пока военная мощь восточной союзницы третьей республики—Россіи—высоко котировалась на международной политической биржѣ, имперія Гогенцоллерновъ вынуждена была проявлять извѣстную сдержанность и осторожность. Но послѣ русско-японской войны Германія сразу ожила и перешла отъ обороны къ наступленію. Въ мартѣ 1905 г. Вильгельмъ II произвелъ свою знаменитую высадку въ Танжерѣ и произнесъ тамъ одну изъ своихъ „коммивояжерскихъ“ зажигательныхъ рѣчей, весною 1906 г. состоялась Алжесирасская конференція, пытавшаяся урегулировать взаимоотношенія державъ, заинтересованныхъ въ Марокко, въ іюлѣ 1911 года послѣдовалъ извѣстный „прыжокъ Пантеры“ въ Агадиръ и, какъ слѣдствіе его, переходъ во владѣніе Германіи извѣстной части французскаго Конго.

Теперь уже было ясно, что роли окончательно перемѣнились и что Германія нападаетъ, а Франція лишь защищается, поспѣшно мирясь въ цѣляхъ укрѣпленія своей позиціи съ старыми врагами—Италіей (съ 1900 г.) и Англіей (въ 1904 г.) и съ все возрастающей тревогой ожидая удара изъ-за Рейна. Ударъ этотъ, какъ мы знаемъ теперь, не заставилъ себя долго ждать.

III

Полтора вѣка тому назадъ Фридрихъ Великій въ своей „Histoire de mon temps“ писалъ:

„Изо всѣхъ сосѣдей Пруссіи несомнѣнно наиболѣе опаснымъ, благодаря своей мощи и географическому положенію, является Россійская имперія и потому мой искренній совѣтъ моимъ наслѣдникамъ — всѣми мѣрами стремиться поддерживать дружбу съ этими варварами, ибо они, благодаря громадному численному превосходству своихъ войскъ, способны погубить Пруссію. Къ тому же удовлетворительно вознаградить себя за вредъ, который они могутъ причинить, весьма трудно, такъ какъ часть Россіи, которая прилегаетъ къ Пруссіи и которую приходится миновать для того, чтобы попасть въ Украйну, чрезвычайно бѣдна“.

Завѣтъ Фридриха Великаго, основанный на близкомъ знакомствѣ съ условіями дѣйствительности, не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго промежутка времени свято выполнялся прусскими суверенами. Кромѣ чистаго политическаго расчета ими руководили при этомъ и нѣкоторыя иныя до-

статочно вѣскія соображенія. Извѣстная общность внутренняго режима, близкія семейныя связи царствующихъ домовъ, совмѣстное участіе въ раздѣлѣ Польши, совмѣстная борьба противъ „революціи“ въ эпоху Священнаго Союза—вотъ тѣ главные дополнительные мотивы, которые превращали дружбу и взаимную поддержку между Пруссіей и Россіей въ прочную и живую традицію, находившую одинаковое признаніе по обѣимъ сторонамъ границы. Эта же традиція перешла и къ вновь образовавшейся Германской имперіи, найдя свое, быть-можетъ, наиболѣе яркое выраженіе въ страстной привязанности Вильгельма I къ его племяннику Александру II.

Что данное утвержденіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, можно судить по слѣдующему любопытному факту. Едва произошла битва при Седанѣ, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ поспѣшило сочинить особую дипломатическую „записку“, въ которой оно, обсуждая предстоящее нарожденіе объединенной Германіи, убѣдительно доказывало, что между новой имперіей и Россіей нѣтъ и не можетъ быть никакого столкновенія интересовъ, такъ какъ Германія не имѣетъ владѣній въ Азіи и не тяготѣетъ къ Черному морю, и что, наоборотъ, обѣ державы тѣсно связываетъ общность ихъ польской политики [1]). О той же тенденціи поддержанія дружескихъ отношеній съ восточной сосѣдкой свидѣтельствуютъ усилія Бисмарка создать и поддержать возможно дольше упоминавшійся уже выше Dreikaiserbündniss съ его частыми встрѣчами трехъ императоровъ, торжественными тостами-рѣчами и неизмѣнными завѣреніями во взаимной симпатіи и уваженіи. Повторяю, поскольку дѣло шло о традиціяхъ и субъективныхъ желаніяхъ государственныхъ людей и монарховъ, entente cordiale между Германіей и Россіей, по крайней мѣрѣ, въ первыя десятилѣтія послѣ войны 1870—71 годовъ могла считаться вполнѣ обезпеченной. Но тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, на пути укрѣпленія индивидуальныхъ чувствъ и историческихъ традицій встали повелительныя требованія международной политики. Непосредственной виновницей охлажденія, а потомъ и разрыва между двумя консервативными имперіями явилась Габсбургская монархія.

Я уже упоминалъ о томъ тяготѣніи на Ближній Востокъ, которое съ очень давнихъ поръ стало исторической традиціей Австріи и Россіи и которое естественно сталкивало два сосѣднихъ государ-

---

[1]) „Bismarck und Russland. Enthüllungen eines Diplomaten“; Berlin, 1888, стр. 115.

ства на одномъ и томъ же полѣ политической дѣятельности, создавая между ними отношенія постоянной взаимной конкуренціи. Въ зависимости отъ причудливаго хода событій австро-русское соперничество на Балканахъ временами то ослабѣвало, то снова обострялось до крайней степени, грозя вырваться наружу въ формѣ открытаго вооруженнаго конфликта. При такомъ положеніи дѣлъ нисколько не удивительно, что, когда въ 1875—76 годахъ въ Герцеговинѣ и Сербіи вспыхнули возстанія противъ турецкаго ига, обѣ державы сразу пришли въ движеніе и стали очень косо посматривать другъ на друга. Русскіе панслависты подняли усиленную агитацію съ требованіемъ объявленія войны Оттоманской имперіи, и такъ какъ Австрія тоже явно готовилась использовать въ своихъ интересахъ создавшуюся ситуацію, то Россіи приходилось считаться съ возможностью вовлеченія Дунайской монархіи въ борьбу. Мы знаемъ уже, что въ 1876 г. Александръ II освѣдомлялся у Бисмарка о позиціи Германіи въ случаѣ столкновенія между Австріей и Россіей, знаемъ также и отвѣтъ „желѣзнаго канцлера“ на этотъ щекотливый вопросъ. Не добившись желательнаго результата въ Берлинѣ, Александръ II рѣшилъ сократить размѣры своихъ притязаній и, оставивъ въ сторонѣ Габсбургскую корону, обрушиться всей мощью своей арміи только на Турцію. Больше того, особой тайной конвенціей (въ январѣ 1877 г.) съ Австріей онъ обезпечилъ себѣ нейтралитетъ послѣдней во время войны въ обмѣнъ за предоставленіе ей права оккупаціи Босніи и Герцеговины. Острый конфликтъ между участниками Dreikaiserbündniss былъ такимъ образомъ предупрежденъ, но зато самый этотъ союзъ былъ окончательно разстроенъ, и отнынѣ между Германіей и Россіей залегла первая тѣнь взаимнаго отчужденія.

Начавшееся охлажденіе между традиціонными друзьями было еще болѣе усилено берлинскимъ конгрессомъ 1878 г., закончившимъ русско-турецкую войну. Не подлежитъ сомнѣнію, что центральной фигурой на этомъ съѣздѣ дипломатическихъ представителей всѣхъ крупнѣйшихъ европейскихъ державъ явился все тотъ же кн. Бисмаркъ. А какова была занятая имъ позиція? Въ своей парламентской рѣчи отъ 5 декааря 1876 г, желѣзный канцлеръ бросилъ свою знаменитую, неоднократно впослѣдствіи повторявшуюся фразу о томъ, что весь балканскій вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ Германіи не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Въ концѣ 70-хъ годовъ это было несомнѣнно такъ, и это облегчало имперіи Гогенцоллерновъ занятіе объективно наблюдательнаго положенія въ гущѣ дипломатическихъ и политическихъ нитей, скрестившихся около

злополучной восточной проблемы. Германія сама пока не была непосредственно заинтересована въ судьбахъ Оттоманской имперіи. Она была заинтересована въ нихъ лишь косвенно, ровно постольку, поскольку эти судьбы представляли серьезное значеніе для Австріи, съ которой Бисмаркъ какъ разъ готовился заключить союзъ. Вотъ почему нисколько не удивительно, что „желѣзный канцлеръ", избранный предсѣдателемъ берлинскаго конгресса, рѣшилъ разыграть на немъ роль „честнаго маклера", который не становится самъ ни на ту, ни на другую сторону, а стремится лишь путемъ выработки извѣстнаго компромисса достигнуть соглашенія между всѣми участниками операціи. Въ данномъ случаѣ политика Бисмарка носила двойственный характеръ: онъ поддерживалъ на конгрессѣ интересы Россіи, но лишь постольку, поскольку это, съ одной стороны, питало антагонизмъ между Россіей и Франціей (а также отчасти и Англіей) и поскольку это, съ другой стороны, не противорѣчило наиболѣе существеннымъ интересамъ Австріи.

Средняя линія рѣдко удовлетворяетъ всѣхъ участниковъ соглашенія,—такъ оно случилось и на этотъ разъ. Особенно недовольной рѣшеніями конгресса осталась Россія, разсчитывавшая на открытіе проливовъ и созданіе великой Болгаріи и теперь жестоко обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ. Руководящіе круги въ Россіи винили въ своей неудачѣ прежде всего Бисмарка, панславистскія газеты писали о „неблагодарности Германіи", спасенной въ 1870 г. русскимъ нейтралитетомъ отъ необходимости бороться на два фронта и теперь такъ вѣроломно предавшей своего традиціоннаго союзника. Весной 1879 г. положеніе настолько обострилось, что въ воздухѣ запахло новой войной. Большія массы русскихъ войскъ были сосредоточены на западной границѣ, мирный составъ арміи внезапно увеличенъ на 60.000 человѣкъ. Александръ II обратился съ угрожающимъ письмомъ къ германскому императору и, по указанію канцлера Горчакова, въ русской офиціозной печати началась пропаганда сближенія съ французской республикой. Престарѣлый Вильгельмъ I, больше всего боявшійся разрыва отношеній со своимъ племянникомъ, вопреки требованіямъ и настояніямъ Бисмарка, отправился на свиданіе съ Александромъ II, состоявшееся 3 сентября 1879 г., въ Александрово, и пытался путемъ личныхъ вліяній уладить острый конфликтъ между обѣими державами. А въ это же самое время желѣзный канцлеръ подписывалъ договоръ о союзѣ съ Австріей, увѣковѣчивавшій на долгія десятилѣтія впередъ политическое отчужденіе между Германіей и Россіей.

Клинъ, вбитый въ русско-германскую дружбу восточнымъ вопросомъ, послужилъ поворотнымъ пунктомъ въ развитіи отношеній между обѣими странами. Отнынѣ имперія Гогенцоллерновъ стала обнаруживать все болѣе явственное тяготѣніе на югъ—къ Австро-Венгріи и Италіи, а Россія—на западъ, къ демократической Франціи. Союзъ между двумя послѣдними государствами, неоднократно обсуждавшійся въ первой трети XIX вѣка и не могшій затѣмъ въ теченіе полустолѣтія осуществиться главнымъ образомъ изъ-за польской политики Россіи, теперь началъ серьезно занимать умы государственныхъ людей въ Петербургѣ и Парижѣ. О немъ, объ этомъ союзѣ, шла рѣчь въ интервью кн. Горчакова съ сотрудникомъ „Soleil“ въ сентябрѣ 1879 г., о немъ писали русскіе журналисты въ теченіе всѣхъ 80-хъ годовъ (Катковъ со второй половины десятилѣтія), о немъ, наконецъ, порою думалъ вступившій въ 1881 г. на престолъ Александръ III, нѣсколько недружелюбно настроенный по отношенію къ Германіи. И это франкофильское настроеніе правящихъ круговъ Россіи находило себѣ все новую и новую пищу въ рядѣ анти-русскихъ мѣропріятій Бисмарка: запрещеніи размѣщенія русскихъ займовъ на берлинской биржѣ (1888), таможенной войнѣ съ Россіей, начатой въ концѣ 80-хъ годовъ, и т. д.

Восточный вопросъ, еще разъ вспыхнувшій въ 1885 г. въ связи съ возстаніемъ и возсоединеніемъ съ Болгаріей Восточной Румеліи, снова обострилъ отношенія между Россіей и австро-германской коалиціей и настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, поставилъ въ порядокъ дня вопросъ о франко-русскомъ сближеніи. Однако, пока „желѣзный канцлеръ“ находился у власти, ему удавалось при помощи ловкой игры на эгоистическихъ мотивахъ заинтересованныхъ странъ предупреждать наступленіе неизбѣжнаго и оттягивать заключеніе союза между Франціей и Россіей. Паденіе Бисмарка знаменовало собой замыканіе кольца между западной и восточной сосѣдками Германіи, и, дѣйствительно, уже 1891 годъ увидалъ флаги французской эскадры въ гавани Кронштадта—фактъ, открывающій собой 25-лѣтній періодъ франко-русскаго соглашенія, перешедшаго позднѣе (съ 1894 г.) въ формальный союзъ. Съ тѣхъ поръ золотая цѣпь, все прочнѣе связывавшая обѣ державы, являлась естественнымъ барьеромъ, предупреждавшимъ излишнюю близость между Россіей и имперіей Гогенцоллерновъ.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ къ этому прибавилось еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, дѣйствовавшее въ томъ же направленіи. Мы видѣли, что въ эпоху берлинскаго конгресса Германія

сама не была заинтересована въ судьбахъ Ближняго Востока, она удѣляла ему извѣстное вниманіе лишь въ угоду Австріи. Теперь положеніе радикально измѣнилось. Въ послѣдніе годы воинствующій германскій капиталъ обратилъ свой хищный взоръ на Балканы и Анатолію, онъ твердой ногой сталъ на берегахъ Босфора, занялся прокладкой Багдадской желѣзной дороги и началъ не на шутку мечтать о полномъ подчиненіи своему вліянію азіатскихъ владѣній Оттоманскаго царства. Тѣмъ самымъ имперія Гогенцоллерновъ пріобрѣтала *собственные* крупные интересы на Ближнемъ Востокѣ и уже не косвенно, а прямо сталкивалась съ традиціонными устремленіями россійской политики. Когда-то — и еще сравнительно не очень давно — князь Бисмаркъ, всегда тяготѣвшій къ дружбѣ и союзу съ восточной сосѣдкой Германіи, готовъ былъ примириться съ господствомъ Россіи на Балканахъ. Онъ даже соглашался отдать ей Константинополь, надѣясь такимъ образомъ навсегда поссорить Россію съ Англіей и Франціей. Съ тѣхъ поръ однако много воды утекло. Тотъ самый нѣмецкій имперіализмъ, который въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій заставилъ берлинское правительство перейти на западной границѣ отъ обороны къ наступленію, сыгралъ аналогичную игру и на противоположномъ фронтѣ. Въ лицѣ Высокой Порты, Анатоліи и отчасти Персіи онъ создалъ постоянное яблоко раздора между Германіей и Россіей, которое все глубже вбивало клинъ въ отношенія между обѣими странами и разлагающее дѣйствіе котораго соглашенія, подобныя потсдамскому (1911 г.), могли нѣсколько ослабить и нивеллировать, но отнюдь не уничтожить.

Германія и Англія

(ихъ экономическія и политическія взаимоотношенія на протяженіи послѣдняго полувѣка)

Какъ ни важны и ни серьезны плоскости политическихъ и экономическихъ треній между Германіей съ одной стороны и Франціей и Россіей съ другой, все-таки не здѣсь приходится искать основного узла нынѣшняго европейскаго кризиса. Пусть на западномъ и восточномъ фронтахъ имперіи Гогенцоллерновъ разыгрываются главныя столкновенія милліоновъ армій противниковъ, внѣшность картины не должна обманывать нашего взгляда. То, что происходитъ сейчасъ на поляхъ битвъ, есть не больше, какъ яркій внѣшній фасадъ, истинныхъ причинъ и первоисточниковъ величайшаго въ тысячелѣтней эволюціи человѣчества военнаго пожара приходится искать нѣсколько глубже позади за линіями этого фасада, въ скрытыхъ пружинахъ и движеніяхъ величавой исторической драмы, наполнявшей своимъ напряженіемъ всю политическую атмосферу Европы въ теченіе минувшихъ 20 лѣтъ. Имя этой драмы — борьба Германіи и Англіи за міровую гегемонію, ея главныя дѣйствующія лица—Соединенное Королевство и имперія Гогенцоллерновъ. Такъ какъ ось исполинскаго конфликта, разрѣшаемаго сейчасъ силой оружія на горахъ и равнинахъ стараго континента, проходитъ какъ разъ черезъ это основное и наиболѣе серьезное международно-политическое противорѣчіе, то мы должны остановиться на немъ особенно внимательно.

Гдѣ, въ чемъ коренится важнѣйшая причина англо-германскаго соперничества?

Когда въ настоящее время окидываешь ретроспективнымъ взглядомъ развитіе Великобританіи на протяженіи послѣднихъ двухъ съ

половиной—трехъ вѣковъ, то не можешь не замѣтить основной черты ея исторической эволюціи—мощной и неудержимой тенденціи къ Expansion. Уже со второй половины XVI столѣтія Англія въ то время ещё маленькое островное королевство начинаетъ дѣлать дерзкіе набѣги на американскія владѣнія двухъ тогдашнихъ крупнѣйшихъ колоніальныхъ державъ: Испаніи и Франціи. Съ начала XVII вѣка заокеанская активность Великобританіи принимаетъ болѣе широкій, а, главное, болѣе прочный и систематическій характеръ. Въ 1600 г. Англія основываетъ свои первыя поселенія въ Индіи, а въ 1607 г. — въ Сѣверной Америкѣ (въ Виргиніи), въ 1620 году возникаетъ Plymoutsh Colonie, послужившая зародышемъ нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, а въ 1624 году—Джемстуонъ на Барбадосѣ. Во второй половинѣ того же XVII вѣка Великобританія, послѣ упорныхъ войнъ съ Голландіей, отнимаетъ у послѣдней ея владѣнія въ Бразиліи и Африкѣ и низводитъ богатую торговую республику до положенія второстепенной европейской державы. Почти одновременно Англія захватываетъ часть принадлежавшаго Испаніи Антильскаго архипелага съ островомъ Ямайкой во главѣ (1655 — 70 гг.). Эпоха революціи 1688 г. открываетъ новую и, можно смѣло сказать, поворотную страницу въ исторіи Англіи, страницу, создавшую главныя основы ея сохранившагося и понынѣ необыкновеннаго колоніальнаго и морского могущества.

Теперь, послѣ паденія Голландіи и Испаніи, главнымъ врагомъ и соперникомъ Великобританіи становится Франція. И вотъ въ теченіе 126 лѣтъ (1688—1814) она неутомимо ведетъ упорную и истребительную борьбу съ своей ближайшей континентальной сосѣдкой; участвуя рѣшительно во всѣхъ коалиціяхъ, возникающихъ противъ Франціи, и сама нерѣдко создавая подобныя коалиціи. При этомъ главной цѣлью Англіи все время является захватъ французскихъ колоній и уничтоженіе французскаго военнаго флота. И эта задача выполняется ею съ желѣзной настойчивостью и несомнѣннымъ успѣхомъ. Около 1750 г. Англія изгоняетъ Францію изъ Индіи и становится единственной европейской державой, имѣющей владѣнія на Индостанѣ. Въ 1763 г. она отбираетъ по парижскому договору у той же Франціи Канаду и другія сѣверо-американскія колоніи, частью, впрочемъ, потерянныя ею опять въ періодъ борьбы съ возставшими Соединенными Штатами (1778—86). Въ первые годы великой революціи, пользуясь разстройствомъ французской государственной машины, Великобританія окончательно прибираетъ къ рукамъ почти всѣ французскія и голландскія владѣнія въ Африкѣ и Азіи и

въ знаменитой битвѣ при Трафальгарѣ (21 ноября 1805 г.) наноситъ непоправимый ударъ французскому морскому могуществу.

Англійское господство на водахъ окончательно установлено и вмѣстѣ съ тѣмъ заложены краеугольные камни міровой Британской имперіи. Вступая въ концѣ XVII вѣка въ борьбу съ Франціей, Соединенное Королевство представляло собой маленькую колоніальную державу второго порядка,—теперь, на зарѣ XIX столѣтія, оно являлось величайшимъ колоніальнымъ царствомъ міра, во владѣніяхъ котораго никогда не заходило солнце.

На этомъ однако развитіе не остановилось. Разъ получивъ могущественный толчокъ, британскій государственный корабль неудержимо продолжалъ свой бѣгъ въ опредѣленномъ направленіи. Тѣмъ болѣе, что какъ разъ съ начала прошлаго вѣка англійскій капитализмъ вступилъ въ полосу необыкновенно блестящаго расцвѣта, взвинтившаго до крайней точки его тенденцію къ Expansion. Въ 1815 г. Англія захватила Цейлонъ, въ 1819 г.—Сингапуръ, Пенангъ и Малакку, въ 1839 – Аденъ, въ 1841—Гонконгъ, къ 1856 подчинила себѣ весь Индостанъ, въ 1883 г. заняла Египетъ, въ 1898 г. окончательно овладѣла Египетскимъ Суданомъ, а въ 1899—1901 гг. завоевала всю Южную Африку. Вмѣстѣ съ тѣмъ на протяженіи всего минувшаго столѣтія шла усиленная колонизація Австраліи и Новой Зеландіи, мало-помалу превратившихся въ цвѣтущіе отпрыски далекой метрополіи.

Въ итогѣ этой замѣчательной 300-лѣтней эволюціи сложилась необозримая міровая имперія,—единственная по размѣрамъ въ исторіи человѣчества, покрывающая собой одну пятую всей суши и насчитывающая свыше 400 милліоновъ жителей,—грандіозное и величественное государственное зданіе, стоящее фундаментомъ на пяти континентахъ и поддерживающее на плечахъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ народностей маленькую золотую корону—Соединенное Королевство. При помощи необыкновенно искусной системы управленія, умѣло приспособляющейся къ мѣстнымъ условіямъ и варіирующей отъ упрощеннаго губернаторскаго абсолютизма до послѣдняго слова современной демократіи, руководителямъ этого исполинскаго государственнаго цѣлаго удавалось и продолжаетъ удаваться до сихъ поръ сохранять извѣстное внутреннее единство между различными частями огромнаго политическаго микрокосма (достаточно доказательствъ даннаго утвержденія мы видѣли въ теченіе настоящей войны) и обезпечивать такимъ образомъ за англійскимъ капиталомъ почти безграничное пространство для буйной игры

его столѣтіями накопленныхъ силъ. Неудивительно, что имперіалистамъ нашего времени необозримое Великобританское царство всегда представлялось какимъ-то политическимъ феноменомъ, геніальнымъ воплощеніемъ ихъ собственныхъ наиболѣе смѣлыхъ идеаловъ, своего рода капиталистическимъ Синаемъ, мирно покоящимся въ легкой дымкѣ достигнутаго успѣха [1]).

Но именно здѣсь, въ этой поразительной мощи и величавости Британской имперіи, лежала объективная неизбѣжность ея столкновенія съ Германіей. Чѣмъ дальше заходила индустріализація Германіи, чѣмъ больше послѣдняя начинала страдать отъ капиталистическаго полнокровія и искать выхода своимъ силамъ въ аллюрахъ воинствующаго имперіализма, тѣмъ чаще и больнѣе она должна была наталкиваться на твердыни великобританскаго господства. Она встрѣчала „добрую старую Англію“ вездѣ: на рынкѣ — въ качествѣ продавца-конкурента продуктовъ промышленности, на водахъ океановъ—въ качествѣ неоспоримой владычицы морей, на аренѣ международной политики—въ качествѣ доминирующей державы, слово которой законъ, въ сферѣ колоніальныхъ отношеній — въ качествѣ повелительницы безчисленныхъ народовъ и неизмѣримыхъ пространствъ на территоріи пяти частей свѣта. И мало-помалу все недовольство Германіи своими тѣсными границами, вся жгучая обида ея на судьбу за свое запоздалое выступленіе на путь агрессивнаго имперіализма и все страстное стремленіе ея капиталистическихъ классовъ къ вершинамъ неограниченнаго мірового господства — все это слилось и претворилось въ острую, съ годами все разраставшуюся ненависть къ Великобританіи, своему главному и смертельному врагу, который отнимаетъ воздухъ, необходимый ея организму для полнаго дыханія, и заступаетъ ей дорогу къ манящимъ идеаламъ политическаго и экономическаго тріумфа. Мы видимъ, такимъ образомъ, что почва для великаго историческаго конфликта между Англіей и Германіей была хорошо подготовлена и что рано или поздно этотъ конфликтъ долженъ былъ произойти...

Такова общая экономико-политическая и историческая основа англо-германскаго соперничества. Присмотримся теперь къ конкретной картинѣ взаимоотношеній обѣихъ странъ на протяженіи минувшаго полустолѣтія.

---

[1]) О ростѣ и развитіи Британской имперіи см. интересную книгу J. Seeley, „The Expansion of England“, 1895.

Экономика

I

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ то, что въ настоящее время именуется Германской имперіей, въ экономическомъ отношеніи представляло собой настоящую колонію Великобританіи. Хозяйственная структура тогдашней Германіи носила рѣзко выраженный аграрный характеръ. Въ 1850 году около двухъ третей ея населенія было занято въ области обработки земли, къ эпохѣ франко-прусской войны количество сельскохозяйственнаго населенія по сравненію съ только что приведенной цифрой сократилось лишь очень незначительно. Страна была покрыта десятками тысячъ селъ и деревень, протянувшихся отъ Рейна и до Нѣмана и Вислы, число городовъ было невелико, и почти всѣ они отличались весьма скромными размѣрами. Берлинъ въ 1867 году насчитывалъ 700 тысячъ жителей, Гамбургъ въ 1871 году—300 тысячъ, Мюнхенъ въ томъ же 1871 году—170 тысячъ. Общее количество городского населенія въ 1871 году составляло 36% противъ 64% сельскаго. Промышленность, играющая такую колоссальную роль въ жизни современной Германіи, находилась въ тотъ періодъ еще въ пеленкахъ, торговля съ другими странами ограничивалась сравнительно узкими предѣлами. Дѣйствительно, германскій экспортъ въ 1872 году достигалъ 2495 мил. марокъ, германскій импортъ—3468 милл. марокъ. Какими скромными кажутся эти цифры при сравненіи ихъ съ нынѣшними (о нихъ ниже)! Страна находилась еще на первыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія, была бѣдна и въ соотвѣтствіи съ этимъ вела умѣренный и аккуратный образъ жизни. Въ 1872 году національное богатство Германіи оцѣнивалось круглымъ счетомъ въ 70 милліардовъ марокъ, т.-е. въ среднемъ 1750 марокъ на голову населенія. При такихъ достаткахъ поневолѣ приходилось экономить.

Въ ту же эпоху Великобританія представляла собой страну, находившуюся въ зенитѣ капиталистическаго расцвѣта. Городское населеніе Англіи и Уэльса въ 1871 г. составляло 57% противъ 43% сельскаго. Лондонъ насчитывалъ въ 1871 году 3.883 тысячи жителей, Ливерпуль -493, Манчестеръ съ Салфордомъ—481. Внѣшняя торговля Соединеннаго Королевства въ 1870 году въ суммѣ достигла 374 милл. ф., т.-е. 7.580 милліоновъ марокъ (въ томъ числѣ импортъ 210 и экспортъ 164 милл. ф.), превышая такимъ

образомъ германскую минимумъ на 30%, а если принять во вниманіе количество населенія обѣихъ странъ, то и на всѣ 60%. Національное богатство страны въ 1875 году опредѣлялось въ 8.548 милліардовъ фунтовъ (около 170 милліардовъ марокъ), т.-е. въ среднемъ въ размѣрѣ 268 ф. (5360 мк.) на голову населенія [1]). Англія преодолѣла уже къ разсматриваемой эпохѣ всѣ трудности и преграды полосы „первоначальнаго накопленія", дѣтство капиталистическаго развитія прошло, наступили дни пышной и увѣренной въ себѣ зрѣлости. Зеленыя равнины островного королевства покрылись густой сѣтью фабрикъ и заводовъ, тонкія линіи рельсовыхъ путей изрѣзали во всѣхъ направленіяхъ его пространство, тысячи судовъ со всѣхъ концовъ земли толпились въ его многочисленныхъ гаваняхъ, привозя разнообразное сырье изъ-за океана и увозя съ собой назадъ готовые продукты промышленности. Англія являлась въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія „мастерской міра", она возвышалась, подобно скалѣ, на вершинѣ которой никогда не перестаютъ куриться фабричныя трубы, надъ плоской равниной сельскохозяйственной Европы, она монопольно эксплуатировала гигантскій рынокъ обоихъ полушарій и быстро накопляла въ своихъ сундукахъ неизмѣримыя богатства. Всѣ страны и государства пяти континентовъ были экономически ея провинціями, всѣ націи и народы—ея покорными вассалами. Она одна доминировала и, распоряжаясь по произволу свободой морей, держала въ своихъ рукахъ золотой скипетръ капиталистическаго господства. Именно тогда, въ это безпримѣрное по темпу экономическаго развитія 25-лѣтіе 1850—75 гг., были заложены основы современнаго индустріальнаго и финансоваго могущества Великобританіи и вмѣстѣ съ ними того высокомѣрнаго пренебреженія къ иностранцамъ и ко всему иностранному, которое такъ рѣзко поражаетъ въ англичанахъ наблюдателя вплоть до настоящаго дня.

Вся справедливость только что сдѣланныхъ утвержденій о характерѣ экономическихъ отношеній между Соединеннымъ Королевствомъ и другими странами въ интересующій насъ періодъ какъ нельзя лучше иллюстрируется примѣромъ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ 1870 года, германскій экспортъ въ Англію составлялъ 15.404 тысячи фунтовъ (т.-е. около 9% всего англійскаго ввоза изъ чужихъ владѣній), изъ котораго 12.755 тысячъ или 83% при-

---

[1]) См. M. G. Mulhall—The Dictionary of Statistics, 1899, стр. 589.

ходилось на долю продуктовъ сельскаго хозяйства и различнаго сырья и только 2.650 тысячъ или 17% на долю продуктовъ промышленности. Изъ продуктовъ перваго рода главными статьями экспорта были: хлѣбъ (3824 т. ф.), масло (1323), скотъ (1316), лѣсъ (871), мясо (858), сѣмена (717), ленъ (709), шерсть (426) и т. д. Изъ продуктовъ второго рода: шерстяныя издѣлія (791), хлопчатобумажныя издѣлія (208), стеклянныя и фарфоровыя издѣлія (237), химическіе продукты (154), игрушки (104), печатныя произведенія (73), музыкальные инструменты (50) и др. Чрезвычайно любопытно, что въ 1870 году германскій экспортъ продуктовъ желѣзодѣлательной и стальной индустріи въ Англіи былъ совершенно ничтоженъ (48 т. ф.), и что вывозъ туда же игравшихъ въ послѣдніе годы столь крупную роль анилиновыхъ красокъ еще не начинался. Въ соотвѣтственной графѣ англійской торговой статистики за указанный годъ мы такъ-таки и находимъ круглый 0. Въ свою очередь Великобританія отплачивала Германіи пересылкой почти исключительно индустріальныхъ произведеній. Въ томъ же 1870 году изъ Соединеннаго Королевства было вывезено въ Германію всего товаровъ на сумму 20.416 тыс. ф. (беру цифру, относящуюся къ предметамъ собственно англійскаго происхожденія), изъ нихъ 19.560 т. ф. или 96% приходилось на долю продуктовъ промышленности и 856 тысячъ фунтовъ или 4% на долю сырья и продуктовъ сельскаго хозяйства. Изъ послѣднихъ сколько-нибудь крупную роль играли только сѣмена для выжимки масла (359 т. ф.), рыба (262) и шкуры (93). Наоборотъ, изъ первыхъ: продукты шерстяной промышленности (8.319 т. ф.), хлопчатобумажной (5.645), металлургической (2.916) и угольной (673).

Передъ нами, такимъ образомъ, совершенно типичная картина экономическихъ отношеній отсталой колоніи къ высоко развитой метрополіи. Колоніей въ 1870 году была Германія, метрополіей—Соединенное Королевство.

II

Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и за этотъ въ жизни народовъ весьма короткій промежутокъ времени ситуація измѣнилась до неузнаваемости. Больше того, она превратилась почти въ свою собственную противоположность.

Въ теченіе минувшихъ четырехъ съ половиной десятилѣтій Германія бурно и стремительно прошла путь безпримѣрнаго капитали-

стическаго развитія. Въ 1870—1910 году она пережила періодъ небывалаго экономическаго Sturm und Drang'a, соотвѣтствующаго примѣрно эпохѣ 1800—1870 гг. въ исторіи Великобританіи. Конечно, и Англія на протяженіи разсматриваемаго 45-лѣтія продолжала экономически развиваться, и въ послѣдніе годы даже очень значительно, однако темпъ ея эволюціи былъ болѣе медленный, чѣмъ у имперіи Гогенцоллерновъ, и потому относительно она отъ нея постепенно все болѣе отставала. Данный процессъ ярче всего проявлялся, пожалуй, въ ростѣ внѣшней торговли обѣихъ интересующихъ насъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говорятъ статистическія данныя [1]).

	Импортъ.		Экспортъ.	
	Англійскій.	Германскій.	Англійскій.	Германскій.
	(въ милліонахъ фунтовъ).			
1870	303—100	— —	244—100	— —
1872	— —	173—100	— —	125—100
1880	411—135	144 [2])—83	286—117	155—124
1890	421—139	292—168	328—134	247—198
1900	523—173	306—177	354—145	248—198
1910	678—224	477—275	534—218	404—324

Какъ видимъ, за 40-лѣтній промежутокъ времени англійскій импортъ увеличился на 124%, англійскій экспортъ на 118%. Наоборотъ, германскій импортъ за тотъ же періодъ выросъ на 175%, германскій экспортъ даже на 224%. Молодой германскій капитализмъ обнаруживалъ исполинскую силу развитія и явно нагонялъ своего старшаго брата и соперника. И по странной ироніи судьбы, какъ разъ сама Англія въ огромной степени способствовала этому стремительному экономическому расцвѣту имперіи Гогенцоллерновъ. Съ 1879 года Германія перешла отъ свободной торговли къ протекціонизму, за ней въ томъ же направленіи послѣдовали и другія крупныя европейскія и внѣевропейскія страны, такъ что вскорѣ всѣ лучшіе и наиболѣе выгодные рынки оказались цѣликомъ, или частично, закрытыми для нѣмецкой индустріи. Изъ великихъ державъ

---

[1]) Эта и всѣ послѣдующія таблицы составлены мной на основаніи данныхъ „Statistiches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich“ и „Annual statement of trade and navigation of United Kingdom“ за соотвѣтственные годы. При переводѣ нѣмецкихъ денегъ на англійскія я принималъ 1 ф. ст.=20 мар.

[2]) Паденіе цифръ германскаго экспорта въ 1880 г. объясняется введеніемъ въ 1879 г. таможенныхъ пошлинъ.

только одна Великобританія осталась вѣрна принципамъ фритредерства, и это обстоятельство сыграло огромную роль въ ходѣ новѣйшей эволюціи германскаго капитализма: богатая и культурная Англія являлась прекраснымъ рынкомъ сбыта для произведеній нѣмецкой промышленности, рынкомъ, который послѣдняя использовала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Если къ этому еще прибавить, что въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Германія въ торговомъ отношеніи находилась на положеніи наиболѣе благопріятствуемой державы и почти во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, то станетъ совершенно понятнымъ, чѣмъ обязано нѣмецкое народное хозяйство міровой Британской имперіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, напримѣръ, такія цвѣтущія отрасли германскаго производства, какъ сахарная, текстильная или желѣзодѣлательная индустріи не могли бы такъ мощно и, главное, такъ сказочно быстро развиваться, если бы въ Соединенномъ Королевствѣ не существовало свободы торговли.

Что это дѣйствительно такъ, свидѣтельствуетъ постоянный и неуклонный ростъ торговыхъ сношеній между обѣими разсматриваемыми странами. Мы знакомы уже съ цифрами англо-германскаго ввоза и вывоза въ 1870 году, въ дальнѣйшемъ эти цифры измѣнялись слѣдующимъ образомъ:

	Германскій экспортъ въ Англію.		Англійскій экспортъ въ Германію.	
	(въ милл. ф.)	(въ %).	(въ милл. ф.)	(въ %).
1870	15,4	100	20,4	100
1880	24,4	158	16,9	82
1890	26,1	173	19,3	95
1900	31,2	205	28,0	137
1910	41,2	268	37,0	181

Такимъ образомъ цѣнность продуктовъ, экспортируемыхъ Германіей въ Англію, за 40 лѣтъ увеличилась на 168%, а цѣнность продуктовъ, экспортируемыхъ Англіей въ Германію, на 81%. Важнѣе, однако, этого количественнаго роста вывоза его радикальное качественное перерожденіе, поскольку дѣло касается Германіи. (Количественный составъ англійскаго вывоза въ Германію остался безъ существенныхъ перемѣнъ). Читатель помнитъ, конечно, что въ 1870 году 83% нѣмецкаго экспорта въ Соединенномъ Королевствѣ приходилось на долю продуктовъ сельскаго хозяйства и только 17% на долю продуктовъ промышленности. Въ 1910 году картина была

уже совершенно иная: цѣнность продуктовъ перваго рода составляла только 23%, а цѣнность продуктовъ второго рода 77% всего германскаго вывоза въ предѣлы Великобританіи. Соотношеніе почти какъ разъ обратное тому, которое наблюдалось 40 лѣтъ тому назадъ.

Приведенныя суммарныя цифры, конечно, очень поучительны, но, пожалуй, еще болѣе поразительны данныя, касающіяся экспорта продуктовъ отдѣльныхъ отраслей. Такъ, напримѣръ, вывозъ изъ Германіи въ Англію масла, лѣса, льна, яицъ, скота, игравшій такую крупную роль въ 1870 году, къ 1910 году совершенно прекратился. Вывозъ хлѣба (пшеницы, ржи, овса и ячменя) сократился съ 2.690 т. ф. до 860 т. ф. или на 213%. Зато, наоборотъ, колоссально выросъ экспортъ цѣлаго ряда индустріальныхъ продуктовъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы.

Было вывезено изъ Германіи въ Англію издѣлій:

	1870 г. (тыс. фунт. ст.)	1910 г.	въ %
Металлургической промышл.	245	21400	+8635
Хлопчатобумажной „	257	4805	+1750
Шерстяной „	791	2275	+ 190
Химической „	154	4075	+2560
Кожаной „	59	1705	+2743
Стеклянной „	193	1035	+ 436
Игрушечной „	104	1005	+ 900

Нельзя отрицать, что приведенная таблица въ высшей степени краснорѣчива. Экспортъ металлургическихъ продуктовъ изъ Германіи въ Англію за указанное сорокалѣтіе увеличился въ 86, кожаныхъ—въ 28, химическихъ—въ 27, хлопчатобумажныхъ—въ 19 разъ. Замѣчателенъ ростъ вывоза нѣкоторыхъ спеціальныхъ издѣлій. Такъ, въ 1870 году часовъ экспортировалось въ Англію всего лишь на 10 т. ф., а въ 1910 году уже на 340 т. ф., или въ 34 раза больше, роялей въ 1870 году экспортировалось на 9 т. ф., а въ 1910 г. уже на 485 т. ф., или въ 54 раза больше, машинъ и электрическихъ аппаратовъ въ 1870 г. не экспортировалось вовсе, а въ 1910 г. первыхъ было вывезено на 2.220 т. ф., вторыхъ—на 1340 т. ф. Экспортъ красокъ въ 1870 году, какъ упоминалось уже выше, равнялся 0, въ 1910 г. онъ оцѣнивался въ 1180 т. ф. и т. д.

Особенно поразителенъ послѣдній примѣръ. Когда-то, и еще сравнительно не такъ давно, Англія монополизировала въ своихъ рукахъ все производство и всю торговлю индиго, играющаго столь крупную

роль въ области текстильнаго дѣла. Культура индиго была перенесена англичанами изъ Америки въ Индію и здѣсь распустилась пышнымъ цвѣтомъ. Изъ индиго приготовлялись краски, необходимыя для производства тканей, и такъ какъ долгое время никто другой не могъ и не умѣлъ, хотя бы въ отдаленной степени, сравняться въ данной сферѣ съ англичанами, то индиго превратилось въ могучее оружіе развивающагося британскаго капитализма. Въ 1803 году, напримѣръ, нѣкій Іоганъ-Генрихъ Шнейдлеръ, красильщикъ изъ Ганновера, писалъ:

„Англичане въ этой области (т.-е. въ области производства индиго) далеко опередили всѣ прочія націи. Благодаря своему богатству, они владѣютъ всѣмъ, что необходимо для наиболѣе совершенной постановки данной индустріи. Они возвышаются, подобно колоссу, надъ всѣми своими соперниками и смѣются надъ безсиліемъ послѣднихъ. Мнѣ кажется, что намъ, нѣмцамъ, имѣющимъ, правда, много доброй воли, но зато слишкомъ мало силы, тщетно и безплодно пытаться выступать на борьбу съ націей, обладающей столь огромными экономическими преимуществами и могущей поэтому бить насъ всегда дешевыми цѣнами. Тщетно и безплодно не только сейчасъ, но и на будущее время“ [1]).

Эта монополія Англіи въ сферѣ добыванія красокъ продолжалась вплоть до конца XIX столѣтія, и еще въ 90 годахъ прошлаго вѣка стоимость ежегоднаго британскаго производства индиго оцѣнивалась въ 4—5 милл. ф. ст. И вдругъ произошелъ полный переворотъ.

Въ 50—60 годахъ минувшаго столѣтія нѣмецъ Гофманъ, работая въ Англіи, открылъ способъ приготовленія искусственнаго индиго изъ побочныхъ продуктовъ, получаемыхъ при производствѣ кокса. Открытіе это, однако, на британской почвѣ, несмотря на всѣ старанія изобрѣтателя, не принялось, тогда Гофманъ переѣхалъ въ Германію и тутъ, въ атмосферѣ могучаго развитія химіи, его первымъ робкимъ опытамъ было суждено развернуться въ новую и цвѣтущую отрасль промышленности. Съ поразительной быстротой Германія сумѣла создать колоссальное производство дешевыхъ и выгодныхъ анилиновыхъ красокъ и нанести въ данной области смертельный ударъ своему англійскому сопернику. Въ настоящее время имперія Гогенцоллерновъ располагаетъ въ изготовленіи искусственнаго индиго такой же міровой монополіей, какой сто лѣтъ назадъ располагало Соединенное Королевство въ изготовленіи настоящаго

[1]) G. Schulze-Gaevernitz—England und Deutschland, 1908. Berlin, стр. 30.

индиго. Три четверти британскаго производства красокъ погибло, наоборотъ, нѣмецкое производство послѣднихъ обнаружило стремительное развитіе, что можно видѣть хотя бы по слѣдующимъ даннымъ: экспортъ анилиновыхъ красокъ изъ Германіи въ 1893 году оцѣнивался въ 2,7 милл. ф., въ томъ числѣ въ Англію въ 530 т. ф., а въ 1912 г. уже въ 6.690 т. ф., въ томъ числѣ въ Англію 1.170 т. ф. Нынѣ вся текстильная промышленность Соединеннаго Королевства находится въ прямой зависимости отъ нѣмецкаго производства искусственнаго индиго, и когда послѣ начала міровой войны подвозъ даннаго продукта изъ вражеской страны естественно пріостановился въ Ланкаширѣ наступилъ тяжелый кризисъ. Попытки возрожденія собственнаго изготовленія красокъ на англійской почвѣ пока не увѣнчались успѣхомъ (главнымъ образомъ благодаря недостатку научно-образованныхъ химиковъ), и для того, чтобы хотя какъ-нибудь выйти изъ критическаго положенія, британское правительство вынуждено было разрѣшить покупать, несмотря на войну, столь необходимый продуктъ у непріятеля, конечно, черезъ нейтральныя страны. Это ли не наиболѣе блестящее доказательство той безспорной гегемоніи въ области производства индиго, которую завоевала себѣ Германія въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ? И когда передъ лицомъ подобныхъ фактовъ вспоминаешь пессимистическія пророчества почтеннаго „красильщика изъ Ганновера“, какъ-то съ особенно проникновеннымъ чувствомъ хочется повторить знаменитое изреченіе Гераклита: „все течетъ“...

Краски наиболѣе яркій примѣръ, но онъ далеко не единственный. Аналогичную картину мы находимъ и въ производствѣ цѣлаго ряда другихъ продуктовъ. Взять, напримѣръ, электрическіе приборы и аппараты: въ этой области Германія достигла тоже почти міровой монополіи, наводняя своими товарами всѣ европейскіе рынки, включая и англійскій. Однѣхъ лампочекъ накаливанія она экспортировала, напримѣръ въ 1910 году, въ Соединенное Королевство на 700 тысячъ ф., и когда вспыхнула нынѣшняя война, британскіе потребители по цѣлымъ недѣлямъ должны были ждать своихъ заказовъ на различныя принадлежности электрическаго освѣщенія. То же самое и съ произведеніями печати — подавляющее большинство продающихся въ предѣлахъ Великобританіи гравюръ, картинъ, репродукцій, открытокъ и прочее, нерѣдко самаго „истинно-англійскаго“ содержанія импортировалось изъ Германіи. Изъ Германіи же привозились почти всѣ игрушки (зимой 1914—15 гг. въ туманномъ Альбіонѣ господствовалъ настоящій „игрушечный кри-

зисъ"), огромныя массы шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей дешеваго качества, фарфора, домашней утвари, ножей, вилокъ, эмальированной посуды и т. д. Все это были по преимуществу продукты второго сорта, потребляемые широкими массами демократіи, въ то время, какъ собственно англійская индустрія спеціализировалась на производствѣ дорогихъ издѣлій; но какъ бы то ни было фабрикаты нѣмецкой промышленности пробили себѣ широкую дорогу на британскіе острова и, несмотря на обязательное клеймо „made in Germany", находили себѣ здѣсь все болѣе широкое распространеніе. Дешевизна—на коммерческомъ рынкѣ поистинѣ неотразимое оружіе.

Коротко говоря, за четыре десятилѣтія, отдѣляющія нашу эпоху отъ 1871 года, Германія изъ хозяйственно-отсталой страны успѣла превратиться въ стремительно развивающуюся страну всемогущаго капитализма и изъ экономической колоніи Великобританіи сумѣла стать ея равноправной соперницей, предъявляющей къ міру тѣ же самыя требованія и притязанія, какъ и ея былая метрополія. Это естественно приводитъ насъ къ вопросу величайшей важности, по поводу котораго въ послѣднее время было сломано такъ много копій, именно къ вопросу объ экономической конкуренціи Англіи и Германіи и о роли послѣдней въ возникновеніи нынѣшней міровой войны.

III

Среди широкой читающей публики нынѣ пользуется большой популярностью мнѣніе, что корень англо-германской вражды—чисто экономическаго характера; обѣ страны-де высоко развиты въ индустріальномъ отношеніи, экспортируютъ огромныя массы продуктовъ промышленности, ищутъ для ихъ сбыта выгодныхъ рынковъ, и такъ какъ съ каждымъ годомъ земной шаръ для капитализма становится все тѣснѣй, то повсюду онѣ сталкиваются лбами и наступаютъ на ноги другъ другу. Напряженность этой экономической войны,—утверждаютъ сторонники данной теоріи,—въ послѣднія десятилѣтія достигла крайняго предѣла, Германія, стиснутая въ своихъ узкихъ границахъ, задыхалась отъ капиталистическаго полнокровія, Англія, угрожаемая стремительными атаками противника, находилась на порогѣ разоренія, удивительно ли при такихъ условіяхъ, что въ нашемъ мірѣ, гдѣ всѣ сложныя проблемы рѣшаются обычно по методамъ кулачнаго права, и настоящій чисто коммерческій конфликтъ облекся въ концѣ-концовъ въ форму вооруженнаго катаклизма? Это

не только не странно и не удивительно, но въ извѣстной мѣрѣ даже вполнѣ естественно и законно: когда двое конкурентовъ хотятъ завладѣть однимъ и тѣмъ же кускомъ мяса, они неизбѣжно должны вступить въ рукопашную.

Вѣрна ли во всѣхъ своихъ частяхъ приведенная схема? Дѣйствительно ли экономическое соперничество между Германіей и Англіей, на міровомъ рынкѣ, самаго факта существованія котораго, конечно, отрицать не приходится, достигло въ настоящее время уже такой степени остроты, которая не оставляла никакого другого выхода, кромѣ борьбы между обѣими націями на жизнь и на смерть съ оружіемъ въ рукахъ? Попробуемъ нѣсколько внимательнѣе остановиться на данной проблемѣ. Возьмемъ для сравненія двѣ даты 1890 и 1910 гг. и посмотримъ, какова была эволюція экспортной торговли интересующихъ насъ странъ за раздѣляющій оба момента 20-лѣтній промежутокъ времени.

Общая цѣнность экспорта составляла (въ мил. ф. ст.):

	Изъ Англіи.	Изъ Германіи.
1890 г.	263,5	170,5
1910 г.	430,4	373,8
Увеличеніе	166,9 (+63%)	203,3 (+119%)

Какъ видимъ, германскій экспортъ за разсматриваемый періодъ выросъ на 119% и по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ сталъ близко нагонять великобританскій. Однако и Соединенное Королевство за тотъ же періодъ продолжало также дѣлать замѣтные, хотя и гораздо болѣе медленные успѣхи и за 20 лѣтъ увеличило свой вывозъ на 63%. Таковы суммарныя цифры, обратимся къ нѣкоторымъ деталямъ.

Двѣ части свѣта—Европа и Америка — играютъ доминирующую роль, какъ рынки сбыта для англійской и германской промышленности: первая экспортируетъ туда до 62%, вторая — до 91% всего своего вывоза (данныя 1910 г.). И для сужденія о тенденціяхъ развитія въ занимающей насъ области крайне важно ознакомиться съ эволюціей экспорта обоихъ конкурентовъ въ страны европейскаго и американскаго континентовъ. Вотъ соотвѣтственныя данныя.

Вывозъ (въ мил. ф. ст.) равнялся:

	Изъ Англіи.		Изъ Германіи.	
	1890 г.	1910 г.	1890 г.	1910 г.
Въ Европу	92,6	155,4 (68%)	127,7	281,6 (120%)
„ Америку	72,7	109,0 (50%)	30,3	61,2 (102%)

Здѣсь мы опять встрѣчаемъ знакомую картину: обѣ страны обнаруживаютъ несомнѣнный прогрессъ, однако темпъ развитія германскаго экспорта приблизительно вдвое быстрѣе темпа развитія англійскаго. Чрезвычайно любопытны цифры вывоза по отдѣльнымъ важнѣйшимъ странамъ. Вывозъ (въ мил. ф.) составлялъ:

	Изъ Англіи.		Изъ Германіи.	
Европа:	1890 г.	1910 г.	1890 г.	1910 г.
въ Германію	19,3	37,0 (+ 92%)	—	—
„ Францію	16,6	22,7 (+ 37%)	11,5	27,2 (+135%)
„ Италію	7,8	12,5 (+ 60%)	4,8	16,1 (+235%)
„ Австро-Венгрію	1,3	4,0 (+208%)	17,5	41,1 (+135%)
„ Россію	5,8	12,3 (+112%)	10,3	26,9 (+161%)
„ Бельгію	7,6	13,8 (+ 82%)	7,5	19,5 (+159%)
„ Голландію	10,1	12,8 (+ 27%)	12,9	25,0 (+ 93%)
„ Англію	—	—	35,2	55,1 (+ 57%)
Америка:				
въ Соед. Штаты	32,1	31,4 (— 2%)	20,8	37,7 (+ 52%)
„ Канаду	7,2	19,6 (+172%)	0,7	2,0 (+186%)
„ Аргентину	8,4	19,1 (+127%)	1,3	12,0 (+823%)
„ Бразилію	7,5	16,5 (+120%)	2,6	6,1 (+136%)
„ Чили и Боливію	3,1	5,8 (+ 90%)	1,7	3,5 (+106%)
„ Мексику	1,9	2,4 (+ 26%)	0,7	2,3 (+229%)
„ Уругвай	2,0	2,9 (+ 45%)	0,4	1,4 (+250%)

Приведенная таблица, по общему своему духу вполнѣ совпадая съ выше цитированными данными, устанавливаетъ одно чрезвычайно любопытное явленіе: Германія повсюду въ Европѣ и Америкѣ относительно вытѣсняетъ Англію, но въ Европѣ она дѣлаетъ это значительно успѣшнѣе, чѣмъ въ Америкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, темпъ развитія германскаго экспорта въ европейскія страны гораздо быстрѣе, чѣмъ темпъ развитія англійскаго, иногда въ два (Бельгія), три (Голландія, Франція) и даже четыре (Италія) раза. А по абсолютнымъ цифрамъ вывоза Германія къ 1910 г. тутъ повсюду далеко обогнала Англію. Наоборотъ, въ Америкѣ Великобританія оказывается, повидимому, болѣе способной сопротивляться напору дерзкихъ пришельцевъ. Правда, въ смыслѣ темпа развитія она сильно отстаетъ отъ Германіи въ Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинѣ, Мексикѣ и Уругваѣ, зато въ Канадѣ, Бразиліи, Чили, Боливіи она лишь очень немногимъ уступаетъ противнику. Главное же однако это то, что въ цѣломъ рядѣ перечисленныхъ американскихъ странъ (Канадѣ, Аргентинѣ, Бразиліи, Чили, Боливіи, Уругваѣ) Англія по абсолют-

нымъ размѣрамъ своего экспорта еще и сейчасъ далеко превосходитъ Германію.

Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Австраліи. Экспортъ (въ мил. ф.) равнялся:

	Изъ Англіи.		Изъ Германіи.	
	1890 г.	1910 г.	1890 г.	1910 г.
Въ Британск. колон. въ Азіи	40,0	56,6 (+ 41%)	1,6	5,3 (+231%)
„ Китай	6,6	9,2 (+ 40%)	1,5	3,4 (+127%)
„ Японію	4,1	10,1 (+146%)	0,9	4,5 (+400%)
„ Египетъ	3,4	8,7 (+156%)	0,2	1,7 (+750%)
„ Британск. колон. въ Африкѣ	10,4	21,8 (+110%)	0,7	3,6 (+414%)
„ Австралію	23,0	36,3 (+ 58%)	1,1	3,5 (+227%)

Во всѣхъ указанныхъ странахъ и районахъ по темпу развитія экспорта Германія опять-таки сильно обгоняетъ Англію (особенно въ Египтѣ, Японіи и Африкѣ), однако и англійская торговля обнаруживаетъ повсюду замѣтный прогрессъ, главное же по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ она все еще возвышается подобно колоссу надъ своимъ тевтонскимъ соперникомъ. Что значатъ въ самомъ дѣлѣ 5,3 мил. ф. нѣмецкаго экспорта въ азіатскія колоніи Великобританіи противъ 56,6 мил. ф. англійскаго или 3,5 мил. ф. нѣмецкаго экспорта въ Австралію противъ 36,3 м. ф. англійскаго. Какъ видно, островному королевству легче защищать свои экономическія позиціи противъ натиска смѣлаго конкурента на внѣевропейскомъ рынкѣ, чѣмъ на европейскомъ, и тутъ-то, несмотря на стремительный ростъ германской торговли, ему обезпеченъ еще долгій періодъ безусловнаго преобладанія.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ анализа приведенныхъ данныхъ и цифръ?

Выводъ этотъ, очевидно, сводится къ слѣдующему. Между Англіей и Германіей на протяженіи послѣдняго 25-лѣтія обнаружилась серьезная и съ годами все болѣе обострявшаяся конкуренція въ экономической области. Англія при этомъ была стороной по преимуществу обороняющейся, стремящейся лишь сохранить раньше завоеванныя ею позиціи на міровомъ рынкѣ, Германія, наоборотъ, являлась стороной нападающей (поставившей себѣ цѣлью выбить своего соперника изъ занятыхъ имъ укрѣпленій и самой расположиться въ стѣнахъ послѣднихъ. Такова была общая историческая тенденція которая, логически развиваясь, могла вызвать на опредѣленной ступени эволюціи вооруженный конфликтъ между обѣими странами. Въ

настоящій моментъ однако эта ступень еще далеко не является достигнутой. Цифра экспорта вполнѣ недвусмысленно свидѣтельствуетъ, что, хотя германская внѣшняя торговля за минувшую четверть вѣка увеличивалась съ стремительной быстротой, однако и англійская торговля продолжала (правда, болѣе медленнымъ темпомъ) тоже прогрессировать. Міръ оказывался такимъ образомъ еще достаточно широкимъ для того, чтобы обезпечить возможность успѣха обоимъ соперникамъ. Германія явно оттѣсняла Англію на европейскомъ рынкѣ, становясь тутъ главнымъ поставщикомъ индустріальныхъ продуктовъ, зато Англія энергично сопротивлялась ея напору на внѣевропейскомъ рынкѣ и здѣсь вплоть до сегодняшняго дня она обладаетъ еще очень крупными преимуществами передъ своей конкуренткой. Во всякомъ случаѣ острота хозяйственныхъ противорѣчій между обѣими странами въ настоящее время была въ дѣйствительности значительно меньше, чѣмъ это обычно себѣ представляли, и Соединенному Королевству въ ближайшемъ будущемъ ничто не угрожало индустріальными и финансовыми руинами. Мечъ въ качествѣ судьи, рѣшающаго споръ двухъ націй за экономическое „быть или не быть“, являлся пока (даже съ капиталистической точки зрѣнія) еще совершенно ненужнымъ, преждевременнымъ, пожалуй, болѣе вреднымъ. чѣмъ полезнымъ. А какъ бы сложились обстоятельства въ дальнѣйшемъ, кто знаетъ? Міръ международныхъ экономическихъ и политическихъ отношеній богатъ всякаго рода перспективами и возможностями, и исторія уже не разъ видала примѣры, когда два смертельныхъ „вѣковыхъ“ врага становились добрыми друзьями подъ вліяніемъ измѣнившейся ситуаціи.

Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что экономическій моментъ сыгралъ крупную роль въ подготовкѣ почвы, на которой разыгралась нынѣшняя борьба между Англіей и Германіей, однако придавать этому моменту въ данномъ случаѣ исключительное или хотя бы даже преимущественное значеніе было бы явнымъ преувеличеніемъ. Факты и цифры не подтверждаютъ подобнаго воззрѣнія. И основныхъ мотивовъ, ближайшимъ образомъ приведшихъ къ міровой войнѣ, приходится поэтому искать въ нѣсколько другой области, именно въ сложной и запутанной области внѣшней политики, къ которой я теперь и перехожу.

Политика

I

Вопреки широко распространенному мнѣнію о томъ, что британская внѣшняя политика испоконъ вѣковъ была „купеческой политикой", въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ руководившаяся исключительно лишь торговыми интересами и товарной статистикой, слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что чисто политическій моментъ всегда игралъ въ ней безусловно доминирующую роль. Основная идея, поставленная во главу угла государственной мудрости Англіи въ сферѣ отношеній послѣдней къ другимъ державамъ, заключалась въ охранѣ цѣлости и неприкосновенности раскинувшейся по всѣмъ пяти частямъ свѣта міровой имперіи. Эта идея господствовала надъ всѣми помыслами и стремленіями кормчихъ британскаго государственнаго корабля, руководила дѣйствіями всѣхъ министерствъ и кабинетовъ—либеральныхъ или консервативныхъ безразлично. Исходя изъ нея, Англія вела войны и заключала договоры и соглашенія съ другими націями; исходя изъ нея она строила свою колоніальную и отчасти даже внутреннюю политику. Всѣ остальные принципы и положенія британскаго дипломатическаго искусства являлись по сравненію съ указанной основной идеей лишь средствами, ведущими къ осуществленію цѣли, лишь стѣнами и колоннами, поддерживающими на своихъ плечахъ куполообразную вершину всего причудливаго зданія англійской международной политики.

Островное королевство стало міровой имперіей на зарѣ XIX вѣка послѣ паденія Наполеоновскаго господства. Оно, это королевство, сыграло главную роль въ низверженіи великаго корсиканца. Ворясь съ неослабной энергіей въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ съ завоевательными стремленіями французской революціи и созданнаго ею императора, Англія довела исполинскую борьбу до желаннаго ей конца и въ рѣшеніяхъ Вѣнскаго конгресса 1815 года осуществила съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ свою программу политическаго устройства Европы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, работы Вѣнскаго конгресса стали исходнымъ пунктомъ традицій и навыковъ англійской дипломатіи, той схемы ея практическихъ мѣропріятій, при помощи которой она вплоть до 70 гг. прошлаго столѣтія стре-

милась воплощать въ дѣйствительности свою главную цѣль—поддержаніе цѣлости и неприкосновенности Британской имперіи.

Вглядываясь внимательнѣе въ эту схему, мы различаемъ въ ней три основныхъ момента.

Во-первыхъ, недовѣрчиво настороженное отношеніе къ Франціи. Франція обнаруживала притязанія на міровое господство, изъ Франціи вышелъ величайшій завоеватель всѣхъ временъ и народовъ, повергшій въ смятеніе все культурное человѣчество. Правда, Франція была разгромлена на поляхъ Лейпцига и Ватерлоо и введена въ относительно скромныя территоріальныя границы, однако благоразуміе требовало все-таки быть всегда настороже. Мятежный духъ страны не былъ угашенъ окончательно, онъ тлѣлъ подъ пепломъ и могъ въ любой моментъ снова воспламениться. Идеи цезаризма не умерли въ ней безвозвратно, и новый великій завоеватель могъ выйти изъ нѣдръ безпокойной націи при первомъ благопріятномъ поворотѣ исторіи. Отсюда естественно вытекало стремленіе всячески препятствовать росту могущества Франціи, изолировать ее международно-политически, усиливать ея враговъ. Именно въ этотъ періодъ Англія вела систематическую и, надо прибавить, успѣшную борьбу съ колоніальными попытками Франціи и всѣми мѣрами способствовала консолидаціи Германіи и утвержденію Пруссіи на берегахъ Рейна. Франція на востокѣ должна была имѣть сильнаго и опаснаго противника—это было догматомъ англійской внѣшней политики въ 1815—70 годахъ и, какъ увидимъ ниже, британскіе государственные люди неоднократно прикладывали свою руку къ созданію подобнаго положенія.

Второй—и не менѣе важной—чертой программы англійской дипломатіи въ разсматриваемый періодъ было столь же недовѣрчиво настороженное отношеніе къ Россіи. Притязанія послѣдней въ Азіи уже начинали нѣсколько безпокоить руководителей британской политики, но все-таки главной ареной столкновенія между обѣими державами былъ Ближній Востокъ. Россія проявляла слишкомъ недвусмысленныя устремленія на Балканы, и это означало постановку на очередь турецкаго вопроса. Разгромъ же Оттоманской имперіи означалъ, въ свою очередь, переходъ Малой Азіи и Египта въ руки побѣдителя, каковымъ, очевидно, могла быть только Россія. Тѣмъ самымъ сильная военная держава располагалась на пути между Соединеннымъ Королевствомъ и Индіей и заносила Дамокловъ мечъ надъ богатѣйшей колоніей Великобританіи. Неудивительно, что правящая Англія въ теченіе всего разсматриваемаго

періода не отводила пристальнаго взора отъ Ближняго Востока и пускала въ ходъ всѣ политическіе и дипломатическіе рычаги, какъ только замѣчала какое-либо подозрительное движеніе со стороны противника. Охрана цѣлости Турецкой монархіи противъ агрессивныхъ поползновеній Россіи была другимъ догматомъ иностранной политики Великобританіи въ 1815—70 г. г., догматомъ, не менѣе твердо установленнымъ, чѣмъ созданіе сильнаго государства на востокѣ отъ Франціи. Во имя его Англія не разъ зажимала уши, дабы не слышать воплей угнетаемыхъ турецкихъ славянъ; во имя его же она проливала кровь своихъ сыновъ на поляхъ Севастополя во время Крымской кампаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ задачи борьбы съ Россіей побуждали Англію заботиться о созданіи сильнаго противовѣса ей на западѣ и такимъ образомъ еще разъ съ другой стороны приводили ее все къ той же проблемѣ усиленія Германіи.

Наконецъ третьей характерной чертой программы британской дипломатіи первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка было обезпеченіе безопасности Индіи и свободнаго морского пути къ ней, что достигалось при помощи систематическаго захвата важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ по дорогѣ къ этой „жемчужинѣ англійской короны“ въ родѣ Капштадта, острова св. Елены, Адена и др. Впрочемъ охрана пути въ Индію остается одной изъ главныхъ заботъ англійскихъ государственныхъ людей вплоть до настоящаго дня. Въ 1875 году они въ этихъ именно видахъ, скупивъ акціи Суэцкаго канала, сдѣлались фактическими господами воротъ изъ Средиземнаго моря въ Индійскій океанъ, въ 1877 году по особому договору съ Турціей заняли Кипръ, въ 1883 году—оккупировали Египетъ. И точно также для обезпеченія Индіи и всего вообще своего колоніальнаго царства, Англія все время не переставала заботиться о поддержаніи своего неограниченнаго господства на морѣ, строго соблюдая выставленный ея государственными людьми принципъ, что британскій флотъ долженъ всегда равняться суммѣ флотовъ двухъ слѣдующихъ за ней морскихъ державъ.

Таковы были испытанныя основы внѣшней политики Соединеннаго Королевства къ началу того періода, когда стала складываться современная объединенная Германія. Посмотримъ же, каковы были отношенія обѣихъ странъ въ бурные дни, непосредственно предшествовавшіе рожденію имперіи Гогенцоллерновъ.

II

Какъ извѣстно, Германская имперія вышла изъ горнила трехъ военныхъ кампаній 1864, 1866 и 1870—71 годовъ. На поляхъ Шлезвига, Кениггреца и Седана была рѣшена сложная проблема объ единеніи нѣмецкаго отечества, рѣшена кровью и желѣзомъ, но все-таки рѣшена. Какова была позиція Англіи въ эти судные для тевтонской націи дни?

Хронологически первой пришла датско-нѣмецкая война 1864 года. Обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія ее, были въ краткихъ чертахъ таковы. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ Пруссіи въ 1849—50 годахъ силою оружія освободить герцогства Шлезвигъ и Голштинію изъ-подъ датскаго владычества, судьба послѣднихъ по особому „лондонскому договору“ 1852 года, подписанному Англіей, Франціей, Россіей, Швеціей, Австріей и Пруссіей, была регулирована слѣдующимъ образомъ: оба герцогства образовывали единое цѣлое подъ эгидой датскаго короля, при условіи однако, что Данія обязуется не включать Шлезвигъ въ составъ своихъ владѣній и ни въ какой степени не покушаться на самостоятельность Голштиніи. Это требованіе въ началѣ 60 годовъ было нарушено Даніей самымъ безцеремоннымъ образомъ. 30 марта 1863 года датскій король Фридрихъ VII издалъ указъ о раздѣленіи обоихъ герцогствъ, а 14 ноября того же года датскій парламентъ вотировалъ новую конституцію, согласно которой Шлезвигъ присоединялся къ датской монархіи, а Голштинія, формально оставаясь независимой, фактически превращалась въ ея вассальную провинцію. Какъ разъ въ это время (15 ноября) умеръ король Фридрихъ VII и возникъ вопросъ о наслѣдованіи престола въ обоихъ злополучныхъ герцогствахъ. Согласно „лондонскому договору“, корона должна была перейти къ датскому наслѣднику принцу Христіану. Такъ какъ, однако, Данія своими дѣйствіями сама нарушила этотъ договоръ, то нѣмецкія государства стали оспаривать права принца Христіана на шлезвигъ-голштинское наслѣдованіе и выдвинули противъ него въ качествѣ своего претендента принца Фридриха Аугустенбургскаго. Попытки Англіи уладить конфликтъ дипломатическимъ путемъ не увѣнчались успѣхомъ и рѣшеніе спора было предоставлено оружію. 23 декабря 1863 года 12.000-ный отрядъ саксонцевъ и ганноверанцевъ вступилъ въ Голштинію, а 1 февраля 1864 года союзная прусско-австрійская армія перешла границу Шлезвига. Датчане

вскорѣ были разбиты и принуждены къ отступленію на Ютландію; по иниціативѣ Англіи въ Лондонѣ была созвана конференція для заключенія мирнаго договора, закончившаяся однако безрезультатно; борьба снова возобновилась и послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ неудачъ Данія, въ концѣ концовъ, должна была капитулировать и уступить Пруссіи и Австріи спорныя герцогства.

Какъ отнеслась правящая Англія къ данному исходу войны?

У насъ есть одинъ чрезвычайно любопытный документъ, дающій ясный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Документъ этотъ—письмо тогдашняго англійскаго премьера Пальмерстона къ лорду Джону Расселю отъ 13 сентября 1865 года, касающееся вопроса о судьбѣ спорныхъ герцогствъ, письмо (особенно въ наши дни) настолько любопытно, что я рѣшаюсь привести его цѣликомъ.

„Мой дорогой Рассель! — писалъ глава британскаго правительства,—конечно было нечестно и неблагородно отнять у Даніи Шлезвигъ и Голштинію. Совсѣмъ иной вопросъ однако, какъ поступить съ этими герцогствами въ интересахъ наибольшаго блага Европы, разъ они уже все равно отдѣлены отъ Даніи. Съ этой точки зрѣнія мнѣ представляется, что будетъ лучше, если они послужатъ къ увеличенію мощи Пруссіи, чѣмъ если они образуютъ еще одно маленькое государство въ ряду незначительныхъ политическихъ тѣлъ, только ослабляющихъ силу и вліяніе Германіи. Нынѣшняя Пруссія слишкомъ слаба для того, чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ быть честной и независимой. И, принимая во вниманіе интересы будущаго, крайне желательно, чтобы Германія, какъ цѣлое, сдѣлалась сильной, чтобы она оказалась въ состояніи держать въ уздѣ обѣ честолюбивыя и воинственныя державы—Францію и Россію, которыя сжимаютъ ее съ запада и востока. Что касается Франціи, то мы хорошо знаемъ какъ безпокойна и задорна она, и какъ въ любой моментъ изъ-за Бельгіи, изъ-за Рейна или изъ-за какой-нибудь другой области, могущей быть захваченной безъ особаго труда, она готова начать войну. Что касается Россіи, то она со временемъ превратится въ державу, по величинѣ напоминающую древнюю Римскую имперію. При желаніи она легко сможетъ стать повелительницей всей Азіи, за исключеніемъ Британской Индіи; и если при помощи просвѣщенныхъ мѣропріятій ея доходы будутъ приведены въ соотвѣтствіе съ ея территоріей, и если желѣзныя дороги сократятъ ея разстояніе,—она станетъ располагать колоссальными денежными средствами и почти неизмѣримымъ человѣческимъ матеріаломъ, и тогда ея способность перебрасывать войска на огромныя пространства сдѣ-

лается въ высокой степени опасной. Германія должна быть сильна для того, чтобы быть въ состояніи противостоять русскому напору, и если Германія должна быть сильна, то совершенно неизбѣжно, что должна быть сильна и Пруссія. Вотъ почему, сознаюсь въ этомъ откровенно, хотя я и не одобряю поведеніе Пруссіи и Австріи по отношенію къ герцогствамъ, я все-таки предпочитаю видѣть ихъ въ составѣ Прусскаго королевства, а не внѣ его, образующими еще одну новую звѣздочку въ государственной системѣ Европы. Съ дружескимъ привѣтомъ Вашъ Пальмерстонъ“ [1]).

Такъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ полстолѣтія назадъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ Англіи, а теперь? И когда читаешь приведенное письмо, хочется еще разъ повторить все то же знакомое: „все течетъ“...

Два года спустя послѣ датской войны разразилась война между Пруссіей и Австріей. Ближайшимъ поводомъ для нея послужила судьба все тѣхъ же Шлезвига и Голштиніи [2]), но по существу это былъ давно уже подготовлявшійся Бисмаркомъ кровавый поединокъ между обѣими державами за гегемонію въ мірѣ нѣмецкихъ государствъ и въ будущей, уже всѣми явно предчувствовавшейся, Германской имперіи. Обстоятельства войны 1866 года хорошо извѣстны. Пруссія съ стремительной быстротой мобилизовала громадную армію, съ столь же стремительной быстротой вступила въ предѣлы Австріи и ея южно-германскихъ союзниковъ и прежде, чѣмъ вѣнское правительство успѣло толкомъ прійти въ себя, нанесла вражеской арміи рѣшительное пораженіе подъ Кениггрецомъ. Старинный споръ между Габсбургами и Гогенцоллернами за германскую корону былъ рѣшенъ, такимъ образомъ, въ пользу послѣднихъ, слава прусскаго оружія вознесена превыше небесъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на политическомъ горизонтѣ обрисовались очертанія объединенной Германіи, но объединенной не подъ эгидой Вѣны, а Берлина. Что же Англія?

Наканунѣ Австро-прусской войны она снова, какъ и въ 1864 году, пыталась уладить конфликтъ изъ-за герцогствъ (а также и другіе спорные вопросы международной политики) путемъ созыва

---

[1]) *E. Ashley.* The life and correspondence of Vicount Palmerston, 1879, London, т. II, стр. 445—6.

[2]) Пруссія обнаруживала явныя тенденціи къ аннексіи обоихъ герцогствъ, Австрія же, наоборотъ, въ пику Пруссіи отстаивала ихъ независимость,—на этой почвѣ и выросъ конфликтъ, приведшій къ событіямъ 1866 г.

конференціи державъ. Когда же эта попытка, благодаря упорству Австріи, закончилась неудачей, Англія спокойно предоставила событія естественному ходу вещей, занявъ во время войны позицію дружественнаго нейтралитета по отношенію къ Пруссіи. Исходъ борьбы въ Соединенномъ Королевствѣ былъ встрѣченъ весьма сочувственно, и двумя годами позже Бисмаркъ имѣлъ возможность въ одномъ частномъ разговорѣ охарактеризовать англо-германскія отношенія слѣдующимъ образомъ:

„Съ Англіей у насъ все обстоитъ прекрасно. Англичане прежде опирались на Австрію, такъ какъ видѣли въ ней противовѣсъ Франціи, и такъ какъ они думали, что Австрія играетъ доминирующую роль въ Германіи. Однако, со времени войны 1866 года они, какъ практическіе люди, измѣнили свою позицію. Теперь они ничего не имѣютъ противъ національнаго объединенія Германіи, наоборотъ, оно имъ только пріятно“ [1]).

Но вотъ пришелъ 1870 годъ, и вмѣстѣ съ нимъ памятная борьба между Франціей и Германіей. Мнѣ незачѣмъ останавливаться здѣсь на перипетіяхъ этой борьбы—онѣ и безъ того хорошо извѣстны, достаточно будетъ сказать, что, при помощи ловкой игры на дипломатическихъ струнахъ, Бисмаркъ сумѣлъ довести Наполеона III до состоянія бѣлаго каленія: пользуясь его раздраженіемъ провоцировалъ французскаго суверена на неосторожное объявленіе войны и придалъ, такимъ образомъ, всѣмъ дѣйствіямъ Пруссіи и ея союзниковъ видъ вполнѣ законный и необходимой самообороны. Эта ловкая тактика „желѣзнаго канцлера“ снискала на первыхъ порахъ горячія симпатіи Германіи во всемъ нейтральномъ мірѣ, но особенно дружное сочувствіе она создала ей въ Англіи. Дворъ, правительство, общественное мнѣніе, пресса—всѣ были на сторонѣ Пруссіи, всѣ громили преступную и коварную политику Наполеона. Такъ, напр., въ передовицѣ, посвященной объявленію войны, „Times“ писалъ:

„Величайшее преступленіе, о которомъ намъ приходилось когда-либо сообщать на этихъ столбцахъ со времени первой французской имперіи, совершилось. Война объявлена, несправедливая, преднамѣренная война. Это страшное несчастье, переполняющее всю Европу чувствомъ гнѣва и отвращенія, является (теперь это слишкомъ очевидно) дѣломъ рукъ Франціи, одного человѣка во Франціи.“

---

[1]) Bismarck und England, 1889, Berlin, стр. III.

Изложивъ далѣе ходъ предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ и поведеніе французскаго посла Бенедетти, газета продолжаетъ:

„Это былъ ударъ въ лицо лѣвой рукой въ то время, какъ правая покоилась на рукояткѣ меча. Это былъ поступокъ дуэлянта, хватающаго своего противника за горло съ крикомъ: „честь или жизнь!“ Больше нельзя сомнѣваться: Пруссія могла избѣжать войны только путемъ такого униженія, на которое не пошла бы ни одна уважающая себя нація... Едва ли нужно говорить, на чьей сторонѣ симпатіи всего міра. Каковы бы ни были грѣхи Пруссіи въ прошломъ, въ данномъ случаѣ она можетъ разсчитывать на всю ту моральную поддержку, въ которой рѣдко отказываютъ людямъ, поднявшимъ оружіе на защиту своей независимости“ [1]).

Не менѣе рѣшительна была оцѣнка положенія со стороны радикальной „Daily News“, занявшей сразу рѣзко германофильскую позицію. Въ передовицѣ отъ 16 іюля 1870 года газета находила, что „прусскій король дѣйствовалъ во всей этой исторіи съ большимъ достоинствомъ и гуманностью,“ что движеніе въ пользу объединенія Германіи, противъ котораго въ сущности собиралась вести борьбу Франція, являлось здоровымъ и неистребимымъ движеніемъ, лежащимъ въ духѣ вѣка, и что со всѣхъ точекъ зрѣнія Франція была неправа, объявляя Пруссіи войну. „На судѣ исторіи, заявлялъ радикальный органъ, поступокъ Франціи будетъ разсматриваться какъ преступленіе, преступленіе противъ цивилизаціи, человѣчества, мира и добраго порядка вещей“.

Въ томъ же родѣ были отзывы и всей остальной прессы, либеральной или консервативной — безразлично. Вся она съ напряженнымъ интересомъ слѣдила за перипетіями великой борьбы по ту сторону канала и, регистрируя столь внезапно обрушившіяся на голову Франціи несчастья, не могла удержаться отъ невольнаго чувства злорадства. Англійская печать точно становилась въ позу добродѣтельнаго моралиста и, указывая пальцемъ на поверженную грѣшницу, восклицала: „Вотъ злонравія достойные плоды“. Насколько общественное мнѣніе Великобританіи рѣшительно высказывалось въ пользу Пруссіи, можно между прочимъ судить по двумъ выступленіямъ Т. Карлейля. Въ письмѣ, появившемся въ октябрѣ 1870 года въ „Weimarische Zeitung“, знаменитый историкъ заявлялъ:

„Германія идетъ теперь навстрѣчу днямъ болѣе счастливымъ чѣмъ дни Барбароссы. Я лично испытываю величайшее удовлетво-

[1]) „Times“ отъ 16 іюля 1870 г.

реніе отъ сознанія этого, и вся Англія, вся мыслящая Англія отъ души привѣтствуетъ Германію за все, ею сдѣланное и исполненное. На моей памяти въ Европѣ еще не было событія, которое въ такой же мѣрѣ окрыляло бы меня“ [1]).

Въ другомъ письмѣ, опубликованномъ 18 ноября 1870 года въ „Times'ѣ“, Карлейль подробно, на протяженіи двухъ съ половиной газетныхъ столбцовъ, разсматриваетъ отношенія Франціи и Германіи за минувшіе четыре вѣка и приходитъ въ заключеніе въ слѣдующему выводу:

„Ни одна нація никогда не имѣла болѣе непріятнаго сосѣда чѣмъ тотъ, котораго Германія въ теченіе послѣднихъ 400 лѣтъ имѣла въ лицѣ Франціи, непріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ: дерзкаго, жаднаго, ненасытнаго, жестокаго, вѣчно агрессивнаго. И во всей исторіи еще не было случая, когда бы дерзкій и несправедливый сосѣдъ получалъ такой страшный, такой сокрушающій ударъ, какой получила Франція отъ Германіи. Германія, послѣ 400 лѣтъ всяческихъ издѣвательствъ и насилій со стороны этого сосѣда, переживаетъ теперь торжество при видѣ поверженнаго на колѣняхъ врага, и я думаю, она совершила бы настоящее безуміе, если бы не воспользовалась благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для проведенія болѣе надежной границы между собой и своимъ сосѣдомъ“.

Въ дальнѣйшемъ авторъ высказывается за аннексію Эльзаса и Лотарингіи „благородной, терпѣливой, глубокой, набожной и серьезной Германіей“, которая ко благу всего человѣчества должна смѣнить „вздорную, тщеславную, безпокойно кривляющуюся и болѣзненно возбуждающуюся Францію“ въ роли доминирующей державы континента.

Это безусловное одобреніе и превознесеніе Германіи продолжалось однако недолго. Седанъ явился поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи англійскаго общества и правительства. Если раньше Англія съ торжествомъ привѣтствовала каждый новый ударъ, обрушивающійся на ея стариннаго французскаго противника, и готова была при этомъ кричать: „Ату его!“, то теперь послѣ историческаго дня 2 сентября она явно встревожилась и пришла въ безпокойство. Что вторая имперія была разгромлена съ британской точки зрѣнія являлось, конечно, благомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душу руководителей англійской политики начало закрадываться невольное сомнѣніе: не слишкомъ ли дорогой цѣной покупается это благо? Не слишкомъ ли

[1]) „Times“ отъ 25 окт. 1870 г.

усилитъ кампанія 1870 года Германію? И не станетъ ли Бисмаркъ, опьяненный непрерывными побѣдами нѣмецкаго оружія, — вторымъ завоевателемъ Наполеономъ, способнымъ ввергнуть Европу въ пучину новыхъ военно-политическихъ конвульсій?

И эта перемѣна въ настроеніи вліятельныхъ круговъ тотчасъ же отразилась на всемъ поведеніи страны. Королева Викторія, на первыхъ порахъ съ восторженнымъ вниманіемъ слѣдившая за германскими успѣхами, теперь посылаетъ длинное письмо прусскому королю Вильгельму I, въ которомъ призываетъ его къ великодушію по отношенію къ поверженному врагу. Одновременно англійское правительство выступаетъ въ роли посредника между обѣими воюющими державами, стремится предупредить осаду и бомбардировку Парижа и, апеллируя къ государственной мудрости Бисмарка, рекомендуетъ ему умѣренность и благородство. Усиліями лондонскаго кабинета заключается въ концѣ-концовъ выгодное для Франціи перемиріе. Англійская пресса наперерывъ убѣждаетъ Пруссію не перегибать палку, пользуясь благопріятной ситуаціей момента, и не слишкомъ высоко взвинчивать свои требованія. Та самая „Daily News“, которая въ началѣ войны переливала всѣми ярко-германофильскими цвѣтами, теперь съ напряженіемъ всѣхъ силъ предостерегаетъ Бисмарка отъ аннексіи Эльзаса и Лотарингіи, тѣхъ самыхъ Эльзаса и Лотарингіи, которыя „Times“ въ день объявленія войны назвалъ „старинными нѣмецкими провинціями“, всегда стремившимися къ возсоединенію со своей національной родиной. Наконецъ, англійскіе заводы и фабрики при явномъ попустительствѣ кабинета начинаютъ усиленно снабжать вновь формируемыя республиканскія арміи оружіемъ и амуниціей. Тщетно прусскій посолъ въ Лондонѣ протестуетъ противъ подобнаго нарушенія принциповъ нейтралитета, всѣ его попытки въ указанномъ направленіи оканчиваются полной неудачей...

Перемѣна фронта Англіи, наступившая послѣ Седана, не могла конечно отвратить неизбѣжнаго. Парижъ былъ все-таки осажденъ и подвергся обстрѣлу, Эльзасъ-Лотарингія была все-таки присоединена къ Германіи, а Франція принуждена уплатить побѣдителю 5-милліардную контрибуцію. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ той любопытной эволюціи настроенія, которую Великобританія пережила на протяженіи кампаніи 1870—71 гг., и которая бросаетъ необыкновенно яркій свѣтъ какъ на отношенія Англіи къ Германіи въ разсматриваемый періодъ, такъ и вообще на движущіе мотивы внѣшней политики Соединеннаго Королевства.

III

Франко-прусская война кончилась, миръ и спокойствіе снова воцарились въ Европѣ, Германія окончательно сложилась въ могучую объединенную монархію и подъ искуснымъ управленіемъ кн. Бисмарка начала свой стремительный бѣгъ навстрѣчу будущему. Англіи приходилось примириться съ совершившимся фактомъ и строить свои международно-политическіе расчеты, примѣняясь къ новымъ условіямъ, созданнымъ событіями 1864—71 гг. Каковы были отношенія интересующихъ насъ странъ въ эпоху, наступившую послѣ разгрома второй французской имперіи?

Весь 44-лѣтній промежутокъ времени, лежащій между франко-прусской кампаніей и нынѣшней міровой войной, можно раздѣлить на три почти одинаковыхъ по продолжительности періода.

Первый изъ нихъ обнимаетъ примѣрно 14-лѣтіе 1871—84 г. и можетъ быть охарактеризованъ, какъ продолженіе старой дружбы между обѣими странами, такъ ярко манифестированной въ предшествующее десятилѣтіе. Германія послѣ 1871 года не стала Франціей Наполеона I. Бисмаркъ не соблазнился лаврами великаго корсиканца и отказался вступить на путь безконечныхъ завоеваній. Объединенная имперія сочла себя вполнѣ удовлетворенной достигнутыми военно-политическими успѣхами и обратила теперь все свое вниманіе на внутреннюю работу, на цементированіе и укрѣпленіе только что построеннаго государственнаго зданія. Она хотѣла быть и была лишь сильной европейской державой, доминирующей среди великихъ націй континента. Но она не обнаруживала пока никакихъ тенденцій за океанъ, въ колоніи, къ сверкающей коронѣ мірового господства. Она не угрожала, такимъ образомъ, цѣлости и нераздѣльности Британской имперіи, и это естественно снимало свинцовую тяжесть съ душъ англійскихъ государственныхъ людей. Страшный призракъ, вставшій было передъ ихъ глазами послѣ историческихъ дней Седана, сразу поблекъ и потерялъ свои угрожающія очертанія, правящая Англія вздохнула свободно и снова протянула дружескую руку Германіи.

Описываемый періодъ былъ сравнительно бѣденъ крупными международными событіями, и добрыя отношенія между Великобританіей и имперіей Гогенцоллерновъ имѣли сравнительно немного случаевъ для своего болѣе яркаго проявленія. Въ 1875 году во время франко-германскаго кризиса, вызваннаго увеличеніемъ фран-

цузской арміи, Англія вмѣстѣ съ Россіей выступила въ роли посредника между обоими противниками и добилась ихъ примиренія. Въ 1876 — 77 гг. въ эпоху балканскихъ волненій и русско-турецкой войны Англія устами „Times'a“ приглашала Германію къ кооперації въ ближневосточномъ вопросѣ, въ отвѣтъ на что получила довольно рѣзкую отповѣдь со стороны официозной „Norddeutsche Allg. Zeitung.“, заявившей, что Германія имѣетъ свое собственное мнѣніе по данному предмету. Впрочемъ, на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года Бисмаркъ велъ линію, въ общемъ пріемлемую для Великобританіи, не допустивъ созданія Великой Болгаріи и нейтрализаціи проливовъ. Заключеніе союза между Германіей и Австро-Венгріей въ 1879 году вызвало на берегахъ Альбіона замѣтное безпокойство, однако причины его лежали не столько въ политической, сколько въ экономической области: Англія боялась, что данный союзъ явится лишь преддверіемъ къ введенію системы протекціонизма въ обоихъ государствахъ, а это могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія для отечественной торговли. Несмотря однако на всѣ частичныя тренія и столкновенія, общій тонъ англо-германскихъ отношеній въ разсматриваемый періодъ оставался вполнѣ дружественный и даже интимный. Бисмаркъ неоднократно публично высказывалъ убѣжденіе въ необходимости и возможности совмѣстной работы обѣихъ державъ въ области международной политики, а о томъ, каковы были соотвѣтственныя настроенія на томъ берегу канала, легко судить хотя бы по слѣдующимъ цитатамъ изъ „Pall Mal Gazette“, бывшей въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія официозомъ тогдашняго премьера Гладстона.

„Гегемонія, которой въ настоящее время въ Европѣ обладаетъ Германія, является единственной въ своемъ родѣ какъ по своей неоспоримости, такъ и по методамъ ея использованія. Ни Англія послѣ Ватерлоо, ни Франція послѣ Сольферино, ни императоръ Николай послѣ подавленія венгерскаго возстанія никогда не располагали столь громаднымъ вліяніемъ... И послѣ тринадцатилѣтняго испытанія ни одинъ частный наблюдатель не станетъ отрицать, что германское преобладаніе является наиболѣе здоровымъ элементомъ европейской ситуаціи. Нѣмецкая политика, конечно, не свободна отъ ошибокъ, ибо нѣмцы, какъ и всѣ прочіе люди, смертны, однако въ общемъ и цѣломъ наличность въ центрѣ Европы этой большой и миролюбивой силы имѣла поистинѣ неоцѣнимое значеніе. И если бы существовала увѣренность, что пользованіе данной силой и впредь будетъ столь же мудро и осторожно, какъ оно было до сихъ поръ,

то всѣ, за исключеніемъ быть-можетъ лишь узкаго круга французскихъ политиковъ, готовы были бы сказать: „esto perpetua“. Рѣдко подобная колоссальная мощь примѣнялась такъ цѣлесообразно и разумно, и рѣдко Англія ощущала такъ ясно, какъ теперь, на зарѣ оживленія французской дѣятельности на Мадагаскарѣ и въ Тонкинѣ, какіе огромные плюсы дала великая побѣда, однимъ ударомъ освободившая Францію отъ имперіи и Европу отъ безпокойнаго честолюбія Франціи.

„Идеальное будущее континента — это объединеніе всѣхъ его государствъ въ одну великую европейскую конфедерацію. Зародыши подобнаго объединенія лежатъ уже въ теперешнихъ отношеніяхъ Германіи къ другимъ державамъ. Въ интересахъ превращенія анархіи въ царство порядка и законности важнѣе, чтобы центральная власть была сильна, чѣмъ чтобы она была во всѣхъ пунктахъ справедлива. Германія сильна и съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе. За Германіей стоитъ Австрія, за Австріей Италія, Россія — вѣковой союзникъ Германіи. Испанія мечтаетъ о присоединеніи къ великому „мирному союзу“. Германія, благодаря своему строю, своему положенію, своему темпераменту и своимъ интересамъ является единственной страной, призванной руководить Европой. Англія стоитъ внѣ конкуренціи, ибо она азіатская, африканская и австралійская держава, Франція ищетъ славы и господства за морями. Германія занимаетъ укрѣпленный лагерь въ центрѣ Европы, и всѣ ея интересы чисто европейскіе. Она достигла всего, къ чему стремилась, она хочетъ теперь только мира и потому оказываетъ спокойно-умѣряющее вліяніе на всѣ другія націи. Ея политика есть политика невмѣшательства, прекрасно иллюстрируемая словами о костяхъ померанскаго гренадера [1]), политика, находящаяся въ искусныхъ рукахъ честнаго маклера“ [2]).

Кто бы могъ подумать, что подобный диѳирамбъ по адресу имперіи Гогенцоллерновъ принадлежитъ перу англійскаго министерскаго офиціоза? А между тѣмъ это несомнѣнный фактъ, отдѣленный отъ нашего времени сравнительно небольшимъ промежуткомъ въ три десятилѣтія. Такъ все мѣняется въ политикѣ.

---

[1]) Намекъ на извѣстный афоризмъ Бисмарка о томъ, что для Германіи весь ближневосточный вопросъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера.

[2]) „Pall Mal Gazette“ отъ 2 сент. 1883 г. Статья по поводу 13-й годовщины Седана.

IV

Но какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда гладстоновскій органъ печаталъ вышеприведенную статью, произошло событіе, содержавшее въ себѣ въ зародышѣ сѣмена раздора и вражды между двумя могущественными странами и открывавшее собой вторую эпоху въ англо-германскихъ отношеніяхъ послѣдняго полустолѣтія, эпоху, обнимающую 1885—1900 г. Я имѣю въ виду пріобрѣтеніе Германіей въ концѣ 1884 года первой колоніи на юго-западномъ берегу Африки.

Въ 1884—86 гг. Германія частью путемъ соглашенія съ другими государствами, частью путемъ простой „экспропріаціи" туземныхъ властителей пріобрѣла, кромѣ упоминавшейся уже юго-западной Африки, еще такъ называемую „нѣмецкую восточную Африку", Занзибаръ, Того, Камерунъ, сѣверо-восточную часть Новой Гвинеи и группу Маршальскихъ острововъ (послѣднія двѣ колоніи въ Тихомъ океанѣ) и изъ державы исключительно континентальной превратилась въ державу, располагающую заморскими владѣніями.

Это было несомнѣнно весьма непріятнымъ разочарованіемъ для Англіи, ибо означало собой вступленіе Германіи на путь вольной или невольной конкуренціи съ островнымъ королевствомъ. Правда, пока данная конкуренція находилась еще въ эмбріональномъ состояніи и реально почти не давала себя чувствовать, но въ исторической перспективѣ она все-таки не могла не вызывать извѣстнаго безпокойства. Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ Германія, основывая свои торговыя факторіи за океаномъ, отдавала ихъ обычно подъ англійскую защиту, теперь она, очевидно, переходила къ системѣ собственнаго колоніальнаго строительства, демонстрируя тѣмъ самымъ ростъ недовѣрія и подозрительности къ своей многолѣтней союзницѣ. Первая серьезная тѣнь упала на англо-германскія отношенія и смутила ихъ прежнюю „лучезарность".

Первая тѣнь упала, но это еще не означало полнаго разрыва. О, нѣтъ, до разрыва пока было далеко. Колоніальные опыты Германіи были, конечно, непріятны Великобританіи, но серьезной опасности для нея они, до поры до времени, не представляли. Наоборотъ, серьезная непосредственная опасность шла въ ту эпоху совсѣмъ съ другой стороны. Франція, бросившаяся послѣ 1871 года съ головой въ сферу имперіалистской политики, въ Египтѣ пришла въ острое столкновеніе съ Англіей и вдобавокъ доставляла ей немало хлопотъ

въ прочихъ районахъ Африки и въ Азіи (Индо-Китай). Россія медленно, но неуклонно продвигалась изъ Сибири на югъ въ сторону Индіи и вступила въ конфликтъ съ Великобританіей изъ-за Афганистана. Одновремено островное королевство было вовлечено въ длительную и тяжелую войну въ Суданѣ, что еще болѣе осложняло его положеніе. При такихъ обстоятельствахъ было ясно, въ какую сторону склонится равнодѣйствующая англійской внѣшней политики. Какъ практическіе люди, британскіе государственные дѣятели рѣшили меньшее зло предпочесть большему и объявили амнистію нѣмецкимъ колоніальнымъ прегрѣшеніямъ. Дѣйствительно, въ рѣчи отъ 6 марта 1885 года, произнесенной на засѣданіи верхней палаты, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гранвиль сказалъ:

„Я увѣренъ, что въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, въ обоюдномъ интересѣ Англіи и Германіи лежитъ поддерживать другъ съ другомъ добрыя отношенія, ибо обѣ страны сталкиваются теперь почти во всѣхъ частяхъ свѣта, и всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобы способствовать осуществленію примирительной политики, начертанной германскимъ имперскимъ канцлеромъ“.

12 марта того же года Гладстонъ въ палатѣ общинъ вполнѣ присоединился къ этому заявленію своего коллеги по кабинету, прибавивъ, что и съ политической и съ принципіальной точекъ зрѣнія крайне ошибочно смотрѣть косыми глазами на колоніальныя пріобрѣтенія имперіи Гогенцоллерновъ. Если Германія превратится въ колонизирующую державу, онъ призываетъ на нее благословеніе Божіе, она станетъ тогда другомъ и союзникомъ Англіи на благо всего человѣчества [1]).

Основной тонъ англо-германскимъ отношеніямъ былъ такимъ образомъ данъ, и онъ въ общемъ сохранилъ свою дѣйствительность почти до самаго конца разсматриваемаго 15-лѣтія, тѣмъ болѣе, что вплоть до 1897 г. колоніальныя владѣнія Германіи не увеличились ни однимъ квадратнымъ километромъ. Добрый миръ, господствующій между обѣими странами, былъ достаточно ярко иллюстрированъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, изъ которыхъ я упомяну только нѣсколько наиболѣе существенныхъ. Такъ, въ 1890 году Англія уступила Германіи въ обмѣнъ за Занзибаръ островъ Гельголандъ. Тогда общественное мнѣніе Великобританіи было чрезвычайно довольно этой, по выраженію Стэнли, покупкой новаго костюма въ обмѣнъ за пу-

[1]) См. „Times“ отъ 17 и 13 марта 1885 г.

говицу отъ старыхъ штановъ; такъ ли оно настроено въ настоящее время—вопросъ особый. Точно также въ 1891—93 гг. Англія покровительствовала попыткамъ германскаго капитала (въ пику Франціи и Россіи) въ постройкѣ желѣзной дороги Константинополь-Ангора, изъ которой въ дальнѣйшемъ развилась знаменитая Багдадская желѣзная дорога, ставшая въ послѣдніе годы яблокомъ раздора между обѣими странами. Въ 1895 году представители Соединеннаго Королевства присутствовали на торжественномъ открытіи Кильскаго канала и произносили тамъ привѣтственныя рѣчи. Въ 1898 году Англія, угрожаемая войной съ Франціей изъ-за Судана съ одной стороны и крупными осложненіями въ Южной Африкѣ съ другой, благословила Германію на овладѣніе Кіао-Чао (въ Китаѣ). Впрочемъ это благословеніе было заключительнымъ актомъ англо-германской дружбы.

V

Для того, чтобы понять истинныя причины глубокой вражды, раздѣлившей съ начала XX вѣка,—и тутъ мы подходимъ къ третьему періоду въ развитіи англо-германскихъ отношеній разсматриваемой эпохи,—обѣ интересующія насъ страны, необходимо вернуться къ основной идеѣ всей внѣшней политики Англіи, къ охранѣ цѣлости и неприкосновенности Британской имперіи.

Пока Германія была лишь могущественной континентально-европейской державой, она была Англіи только пріятна, ибо силой своего оружія держала до извѣстной степени въ уздѣ тогдашнихъ недруговъ Соединеннаго Королевства—Францію и Россію. Потомъ Германія вздумала сдѣлаться колоніальнымъ государствомъ и отчасти успѣла въ осуществленіи своихъ имперіалистскихъ намѣреній. Это было Англіи уже непріятно, но съ этимъ еще можно было мириться, такъ какъ заокеанскія владѣнія самого Альбіона были громадны, и новый конкурентъ ему не былъ особенно страшенъ. Но лиха бѣда начало. Тяга за море естественно привела Германію къ проблемѣ созданія собственнаго многочисленнаго военнаго флота,—проблемѣ, выдвинувшейся на первый планъ со вступленіемъ на престолъ нынѣшняго императора Вильгельма II[1]). Уже въ 1889 году было обра-

[1]) О морской политикѣ Германіи въ теченіе нынѣшняго царствованія см. очень интересную, хотя и нѣсколько одностороннюю книгу *E. Reventlow.* Deutschlands auswärtige Politik 1888—1913. Berlin. 1914.

зовано спеціальное морское министерство и чисто воинская часть во флотѣ отдѣлена отъ административной. Въ 1890 году въ Штетинѣ германскій вѣнценосецъ произнесъ свои много разъ цитировавшіяся слова: „наше будущее лежитъ на водѣ". Въ 1897 году морскимъ министромъ былъ назначенъ адмиралъ Тирпицъ, подлинный творецъ нынѣшняго морского могущества Германіи, въ 1898 году основанъ знаменитый „Flottenverein" и рейхстагомъ принята первая „морская программа", за которой съ короткими промежутками послѣдовали еще четыре (1900, 1905, 1908 и 1912 гг.) Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій Германія, флотъ которой въ 1898 году равнялся всего лишь трети англійскаго и стоялъ позади французскаго и русскаго, превратилась во вторую по силѣ морскую державу и стала серьезно угрожать британской гегемоніи на водахъ океановъ [1]). Въ объясненіе этого увлеченія военнымъ судостроительствомъ юнкерско-капиталистическая Германія говорила, что страна вступила въ полосу властныхъ и непреодолимыхъ тенденцій къ Expansion, что нѣмецкая торговля захватила въ свой кругооборотъ весь земной шаръ (соотвѣтственныя цифровыя данныя приводились выше), что нѣмецкій коммерческій флотъ бороздитъ своимъ килемъ воды наиболѣе отдаленныхъ морей, и что, поэтому, для охраны и защиты жизненнѣйшихъ экономическихъ интересовъ націи отъ возможныхъ нападеній со стороны противника необходима наличность достаточнаго числа стоящихъ на уровнѣ современной техники панцырныхъ судовъ.

Нельзя отрицать, что эта юнкерско-капиталистическая Германія по-своему была не совсѣмъ неправа. Съ буржуазно-имперіалистической точки зрѣнія тевтонская монархія имѣла вполнѣ достаточныя основанія къ созданію сильнаго военнаго флота, но для Англіи это было равносильно началу конца. Ибо пока Германія оставалась континентальной державой, она при всемъ своемъ милитаристскомъ могуществѣ была почти совершенно безвредна для міровой Британской имперіи. Но съ того момента, какъ Германія становилась твердой

---

[1]) Къ 1 апрѣля 1899 г. германскій военный флотъ состоялъ изъ 97 болѣе значительныхъ судовъ (въ томъ числѣ 21 крупныхъ боевыхъ единицы) съ общей водоизмѣстимостью 326 тыс. т. и 27.000 чел. экипажа, къ 1 апрѣля 1913 г. онъ насчитывалъ 127 болѣе значительныхъ судовъ (50 крупныхъ боевыхъ единицъ съ 889 тыс. тоннъ и 73.000 чел. экипажа. Обыкновенные расходы на флотъ составляли: въ 1899 г.—69 милл. мк., въ 1913 г.—197 мк., увеличеніе на 185%.

ногой на морѣ, всѣ преимущества Альбіона, вытекающія изъ особенностей его географическаго положенія, сразу исчезли. Надъ головой великаго англо-саксонскаго царства заносился тяжелый тевтонскій мечъ, его цѣлости и неприкосновенности отнынѣ въ любой моментъ угрожалъ дерзкій завоеватель. Германскій флотъ—вотъ наиболѣе страшная опасность для самыхъ основъ британскаго могущества; германскій флотъ—вотъ наиболѣе серьезная причина, превратившая двѣ когда-то дружественныя націи въ непримиримыхъ враговъ. Здѣсь для Англіи на картѣ стоялъ вопросъ политической жизни и смерти, и здѣсь для нея не было и не могло быть компромисса. И поскольку имперія Гогенцоллерновъ отказывалась отъ сокращенія морскихъ вооруженій, постольку для Соединеннаго Королевства оставался только одинъ выходъ, одна линія поведенія: борьба.

Борьба началась и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, основная причина столкновенія сейчасъ же осложнилась цѣлымъ рядомъ другихъ, существовавшихъ и раньше, но до поры до времени искуственно сдерживавшихся. Сразу прорвалось и вспыхнуло соперничество обѣихъ странъ въ колоніальной области, на этотъ разъ въ Малой Азіи. Я уже упоминалъ о нѣмецкихъ попыткахъ начала 90 годовъ прорѣзать рельсовымъ путемъ Азіатскую Турцію. Линія Константинополь—Ангора—Коніа была проведена, но дальше султанъ отказался пустить европейскихъ инженеровъ. Однако въ 1898 году послѣ театральнаго путешествія императора Вильгельма въ оттоманскую столицу „Deutsche Bank“ получилъ концессію на постройку желѣзной дороги не только отъ Коніа до Багдада, но даже до самаго Персидскаго залива. Этотъ нѣмецкій успѣхъ былъ крайне непріятенъ Великобританіи, ибо вызывалъ передъ глазами ея государственныхъ дѣятелей страшный призракъ „индійской опасности“, но, не будучи въ состояніи помѣшать неизбѣжному, они сочли за лучшее сами принять участіе въ предполагавшемся грандіозномъ предпріятіи. Однако при болѣе детальномъ обсужденіи условій совмѣстной „работы“ англійскіе и нѣмецкіе финансовые тузы не сошлись на раздѣлѣ шкуры еще не убитаго медвѣдя, и это послужило сигналомъ для открытія военныхъ дѣйствій. Въ прессѣ, въ общественномъ мнѣніи, въ политическихъ и торгово-промышленныхъ кругахъ по ту и по сю сторону канала, начиная примѣрно съ 1903 года, была инсценирована настоящая оргія взаимнаго натравливанія и заушенія, съ которой собственно и ведетъ свое лѣтосчисленіе нынѣшняя англо-германская вражда.

Затѣмъ на сцену выдвинулся вопросъ объ экономическомъ соперничествѣ. Мы видѣли, что отрицать самаго факта подобнаго соперничества совершенно не приходится, но что изъ этого факта сумѣли сдѣлать наемные преторіанцы капиталистической печати! Тѣ самые люди, которые еще совсѣмъ недавно, не могли найти достаточно сильныхъ словъ для доказательства необходимости тѣснаго сотрудничества между Англіей и Германіей, тѣ самые люди, теперь съ пѣной у рта старались всѣхъ убѣдить, что обѣ страны—смертельные враги и не могутъ не быть таковыми, ибо ихъ экономическіе интересы непримиримо противоположны, что они вспахиваютъ одно и то же поле, что они отнимаютъ другъ у друга воздухъ, необходимый для дыханія, и что для нихъ не остается никакого иного выхода изъ нынѣшняго положенія, какъ только схватить другъ друга за горло и со всего размаха ударить противника о землю. Толпа слушала эти изо-дня-въ день повторяемыя рѣчи, принимала ихъ за чистую монету и закипала взаимной ненавистью.

И въ этой сгущенной атмосферѣ человѣконенавистничества, вражды и національнаго озлобленія, все тяжелѣе нависавшей надъ Европой, оба соперника поспѣшно перестраивали свои ряды и дѣлали необходимыя приготовленія къ битвѣ. Германія лихорадочно строила свой флотъ, увеличивала свою сухопутную армію, изобрѣтала Цеппелины и усовершенствованныя подводныя лодки, ядовитые газы и 17-дюймовыя орудія. Англія вела болѣе сложную политику. Съ одной стороны, она прилагала огромныя усилія къ повышенію своей боевой мощи—создала типъ знаменитаго „дредноута“, въ огромной степени увеличила свое военное судостроеніе, сконцентрировала большую часть своего флота на Сѣверномъ морѣ [1]), реорганизовала свои сухопутныя военныя силы и улучшила оборону своихъ береговъ [2]). Съ другой стороны она прибѣгла въ широкихъ размѣрахъ къ методамъ дипломатическаго изолированія противника и подъ руководствомъ Эдуарда VII и сэра Эдуарда Грея, пренебрегая заста-

---

[1]) Теперь старую формулу о равенствѣ англійскаго флота флотамъ двухъ слѣдующихъ за Великобританіей морскихъ державъ пришлось сдать въ архивъ, какъ явно невыполнимую, и удовлетвориться болѣе скромнымъ положеніемъ: соотношеніе силъ между англійскимъ и германскимъ флотомъ въ гл вныхъ боевыхъ единицахъ никогда не должно опускаться ниже 60:40.

[2]) Ростъ англійскихъ морскихъ вооруженій за разсматриваемый періодъ ярче всего иллюстрируется слѣд. цифрами. Въ 1888—99 г. британскій флотъ насчитывалъ всего 405 судовъ (изъ нихъ 99 крупныхъ боевыхъ единицъ) съ 106 тыс. чел. экипажа. Въ 1913—14 г. численность флота была 634 судна

рѣлыми симпатіями и антипатіями, заключила рядъ соглашеній и союзовъ съ различными европейскими и внѣевропейскими державами: въ 1900 году съ Португаліей, въ 1902 г. съ Японіей, въ 1904 г.—съ Франціей, въ 1907 г.—съ Россіей. Тѣмъ самымъ она создала живую стѣну штыковъ вокругъ опаснаго противника и до извѣстной степени компенсировала недостатокъ своей собственной военной силы. Таковъ былъ основной фонъ англо-германскихъ отношеній въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, на которомъ отдѣльные факты противоположнаго характера—въ родѣ, напримѣръ, примиренія обѣихъ странъ въ вопросѣ о багдадской дорогѣ въ 1912 году [1]), оставались лишь маленькими свѣтлыми бликами скоропреходящаго характера. И во время алжирскаго кризиса 1906—7 гг., и во время послѣдняго столкновенія изъ-за Марокко въ 1911 году, и во время всякихъ иныхъ международныхъ осложненій минувшихъ лѣтъ сквозь толщу всевозможныхъ дипломатическихъ наслоеній вы всегда легко и явственно могли прощупать это главное движущее противорѣчіе въ мірѣ европейской внѣшней политики—противорѣчіе между имперіей Гогенцоллерновъ и островнымъ королевствомъ. Оно постепенно крѣпло, росло, напрягалось, пока изъ нависшихъ грозовыхъ тучъ, наконецъ, не грянулъ громъ...

Все течетъ въ мірѣ человѣческихъ отношеній, а въ мірѣ международной политики въ особенности. Вражда и дружба, борьба и сотрудничество, интересы и стремленія—все здѣсь временно и относительно, все эволюціонируетъ, развивается, нерѣдко превращается въ свою собственную противоположность. Какъ интимны были отношенія между Лондономъ и Берлиномъ полстолѣтія назадъ и какъ обнаженно обострены они сейчасъ! Но, если возможна подобная трансформація, почему невозможна обратная?

Прошлое учитъ, но если исторія англо-германскихъ отношеній на протяженіи минувшаго полувѣка чему-нибудь учитъ, такъ это,

---

(116 крупныхъ боевыхъ единицъ, изъ нихъ 66 типа „дредноутъ") съ 138 тыс. чел. экипажа. Расходы морского министерства составляли; въ 1898—99 г.—23,8 мил. ф., въ 1913—14 г.—48,8 мил. ф.—увеличеніе—на 107%. Ср. „The Statesman's Year Book" за 1899 и 1914 гг.

[1]) Примиреніе это стало возможнымъ, благодаря отказу Германіи, по конвенціи 20 марта 1911 года съ Турціей, отъ проведенія желѣзнодорожной линіи между Багдадомъ и Персидскимъ заливомъ.

конечно, только тому, что никогда не слѣдуетъ придавать абсолютнаго значенія событіямъ и ощущеніямъ текущаго дня. Какъ бы ни были сильны впечатлѣнія момента, какъ бы ни казались прочны и непоколебимы господствующія сегодня группировки и комбинаціи, никогда нельзя забывать, что за сегодняшнимъ днемъ наступаетъ завтрашній, принося за собой новыя чувства и новые интересы. Миръ и война, соглашенія и разрывы, подъемъ и паденіе царствъ, борьба народовъ и соперничество имперій,—все это не больше, какъ вѣчно мѣняющіяся страницы въ величественной книгѣ міровой исторіи, эпиграфомъ которой является: „все течетъ".

Колоніальная политика

I

Колоніи, лихорадочная погоня за которыми является наиболѣе существеннымъ признакомъ современнаго имперіализма, по своему экономическому значенію и характеру могутъ быть раздѣлены на два основныхъ типа: колоніи трудовыя и колоніи, являющіяся лишь объектомъ капиталистической эксплуатаціи.

Колоніи перваго рода заселяются по преимуществу представителями трудящихся классовъ метрополіи, — крестьянами, рабочими ремесленниками и т. д., гонимыми изъ родной страны экономическимъ, политическимъ или религіознымъ гнетомъ. И, разумѣется, необходимой предпосылкой образованія подобной колоніи является наличность въ новой землѣ климатическихъ и естественно-историческихъ условій, не слишкомъ отличающихся отъ аналогичныхъ условій стараго отечества поселенцевъ. Классическимъ примѣромъ трудовыхъ колоній могутъ служить, напр., Соед. Штаты Сѣверной Америки, Канада, Австралія, Новая Зеландія.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ однако колоніи второго рода Расположены онѣ бываютъ обыкновенно въ тропическихъ или подтропическихъ зонахъ, гдѣ регулярная трудовая дѣятельность для людей умѣреннаго пояса почти совершенно невозможна. И переселенцами въ нихъ являются не крестьяне и рабочіе метрополіи, ищущіе въ чужихъ краяхъ новаго отечества, а представители ея господствующихъ классовъ, — финансисты, предприниматели, чиновники, разсматривающіе колоніи лишь, какъ сказочное царство быстраго и безпрепятственнаго обогащенія. Оттого и въ отношеніи этихъ посе-

ленцевъ къ заокеанскимъ владѣніямъ обыкновенно такъ ярко сказывается чисто разбойничья точка зрѣнія: лишь бы награбить побольше, какой бы цѣны это ни стоило, а послѣ насъ—хоть потопъ! Особенно въ первый періодъ „культивированія“ дикихъ земель преобладаютъ подобные взгляды. Къ числу колоній второго типа принадлежатъ, напр., Индія, Марокко, голландскія владѣнія въ Азіи и др. Къ этому же типу относятся и почти всѣ заокеанскія владѣнія Германіи [1]).

Данный характеръ нѣмецкихъ колоній объясняется, разумѣется, не отсутствіемъ трудовой эмиграціи изъ имперіи. Наоборотъ, десятки тысячъ рабочихъ и ремесленниковъ покидаютъ ежегодно ея территорію и отправляются на поиски счастья въ чужіе края. За періодъ 1871—1904 гг. не меньше 2,6 милл нѣмцевъ выселилось изъ родной страны въ большинствѣ случаевъ въ Соед. Штаты. И если тѣмъ не менѣе заокеанскія владѣнія Германіи носятъ рѣзко выраженный капиталистически-эксплуататорскій характеръ, то это приходится отнести главнымъ образомъ на счетъ поздняго выступленія имперіи на арену міровой политики: когда объединенная Германія протянула руку за лакомой колоніальной добычей, всѣ лучшіе куски оказались уже разобранными другими крупными державами. Приходилось брать остатки и довольствоваться тропическими песками Африки да пустынными островами Тихаго океана.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкая колоніальная политика еще очень молода и едва насчитываетъ какихъ-нибудь 30 лѣтъ. Впервые вопросъ о пріобрѣтеніи внѣевропейскихъ владѣній сталъ предъ Германіей въ 1874 г., когда ей предложенъ былъ протекторатъ надъ островомъ Занзибаромъ. Однако Бисмаркъ, какъ разъ тогда занятый устроеніемъ только что созданной имперіи, отклонилъ сдѣланное предложеніе. Шесть лѣтъ спустя колоніальная проблема снова и уже настойчивѣе обрисовалась на горизонтѣ: гамбургская фирма Goddefroy, съ давнихъ поръ занимавшаяся разведеніемъ плантацій на островахъ Самоа въ Тихомъ океанѣ, въ 1880 г. оказалась на краю банкротства и обратилась къ правительству за матеріальной помощью. Однако и на этотъ разъ сторонниковъ имперіалистической политики ожидало тяжелое разочарованіе: рейхстагъ отклонилъ ассигнованіе субсидіи задолжавшей фирмѣ и такимъ образомъ колоніальный вопросъ былъ снова снятъ съ порядка дня. Странно звучатъ въ настоящее время тогдашнія антиимперіалистическія рѣчи нѣмецкихъ

[1]) О дѣленіи колоній на типы см. K. Kautsky, „Sozialismus und Kolonialpolitik“, Berlin, 1907.

политиковъ, а между тѣмъ вѣдь съ тѣхъ поръ не прошло еще и полныхъ четырехъ десятилѣтій!

Съ 80-хъ годовъ начинаетъ однако обнаруживаться замѣтный поворотъ. Въ 1882 г. образуется „Deutscher Kolonial-Verein“ (Нѣмецкій колоніальный союзъ), ставящій своей задачей пропаганду колоніальной идеи и оказанія въ желательномъ для него смыслѣ вліянія на органы государственной власти. Около того же времени возникаетъ аналогичное „Gesellschaft für deutsche Kolonisation“ (Общество нѣмецкой колонизаціи). Въ 1887 г. обѣ родственныя организаціи сливаются въ одно „Deutsche Kolonial-Gesellsschaft“ (Нѣмецкое колонизаціонное общество), являющееся съ тѣхъ поръ и вплоть до настоящаго дня главнымъ носителемъ имперіалистическихъ идей въ Германіи. Въ 1902, 1905 и 1910 гг. этимъ обществомъ были съ большой помпой созваны общенѣмецкіе колоніальные конгрессы, блиставшіе мундирами различныхъ вѣдомствъ и членовъ и производившіе немало шуму на тему о патріотизмѣ и народной гордости.

Пробужденіе живого интереса къ колоніальному вопросу въ кругахъ богатаго бюргерства и высшей бюрократіи не могло, конечно, остаться безъ вліянія на поведеніе государственной власти. Ея первоначально отрицательное отношеніе къ проектамъ пріобрѣтенія заокеанскихъ владѣній начало постепенно смѣняться сочувственнымъ къ нимъ вниманіемъ, а затѣмъ и активной поддержкой и вполнѣ недвусмысленной симпатіей. Съ какой быстротой совершался указанный процессъ, можно судить хотя бы по тому, что уже къ серединѣ 80-хъ годовъ Бисмаркъ вынужденъ былъ прекратить свою антиколоніальную оппозицію и ступить рѣшительно на путь міровой политики и имперіализма.

Исторія колоніальныхъ пріобрѣтеній Германіи распадается на три основныхъ періода. Первый, давшій ей главную массу ея заокеанскихъ владѣній, относится къ 1884—1886 гг. Дѣло началось съ оккупаціи юго-западнаго берега Африки къ сѣверу отъ южно-африканскихъ владѣній Великобританіи. Въ 1882 г. нѣкій бременскій купецъ Ф. Людерицъ рѣшилъ открыть торговую факторію на этомъ берегу и обратился къ германскому правительству съ запросомъ, можетъ ли онъ разсчитывать въ случаѣ нужды на его поддержку. Нѣмецкое правительство въ свою очередь запросило англійское министерство, не имѣетъ ли то какихъ-либо притязаній на „вакантныя“ мѣста юго-западной Африки. Послѣ долгихъ промедленій британское правительство, наконецъ, отвѣтило, что да, таковыя притязанія оно имѣетъ. Тогда Бисмаркъ со свойственной ему рѣшитель-

ностью поспѣшилъ немедленно же оккупировать спорный участокъ и обратилъ его такимъ образомъ въ нѣмецкую колонію. Это произошло въ концѣ 1884 г. Около того же времени Германія утвердилась и на восточно-африканскомъ берегу. Нѣсколькими представителями упоминавшагося выше „Gesellschaft für deutsche Kolonisation“ здѣсь были пріобрѣтены у мѣстныхъ начальниковъ племенъ обширныя области, въ суммѣ составлявшія поверхность около 2.500 нѣмецкихъ квадратныхъ миль. Занзибарскій султанъ сначала не хотѣлъ было признать законности совершенной сдѣлки. Однако появленіе нѣмецкой эскадры у береговъ Занзибара заставило его уступить притязаніямъ пришельцевъ. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ нѣмецкія владѣнія путемъ давленія на султана и дипломатическихъ переговоровъ съ Англіей и Португаліей были значительно расширены, пока, наконецъ, договорами 1909—1910 гг. съ только что упомянутыми державами, а также съ бельгійскимъ Конго не были установлены нынѣшнія границы восточно-африканской колоніи Германіи. Приблизительно такимъ же способомъ въ 1885—86 гг. нѣмцами были заняты на Гвинейскомъ берегу Того и Камерунъ, а въ Тихомъ океанѣ сѣверо-восточная часть Новой Гвинеи и группа Маршальскихъ острововъ.

Второй періодъ обнимаетъ собой 1897 — 99 гг. и находится въ тѣсной связи съ такъ называемымъ дальневосточнымъ вопросомъ. Извѣстно, что Китай и вообще восточное побережье Азіи до самаго послѣдняго времени разсматривались европейскими державами, какъ „никому не принадлежащая страна“, представляющая собой чрезвычайно благопріятную почву для всякаго рода упражненій въ колоніальной политикѣ. Англія еще въ 1842 г. утвердилась въ Гонконгѣ, съ своей стороны Франція завладѣла Тонкиномъ, Испанія съ давнихъ поръ захватила—Филиппины, Португалія—Макао, Голландія—Зондскій архипелагъ, наконецъ, Россія медленно, систематически продвигалась съ сѣвера на югъ, къ берегамъ Желтаго моря. И было вполнѣ естественно и даже по-своему „законно“, что Германія вступитъ на путь имперіализма и міровой политики въ восточной Азіи. Въ 1897 г. китайцы убили двухъ нѣмецкихъ католическихъ миссіонеровъ. Это былъ прекрасный предлогъ для новыхъ колоніальныхъ завоеваній и нѣмецкое правительство, конечно, не замедлило имъ воспользоваться. Для наказаній убійцъ съ большой помпой была снаряжена цѣлая военная эскадра подъ командой принца Генриха. Императоръ провожалъ ее пышной рѣчью, въ которой грозилъ „бронированнымъ кулакомъ“ врагамъ Германіи. Въ результатѣ по прибытіи въ восточно-азіатскія воды флотиліей была занята

бухта Кіао-Чао (Цзяо-Чжоу) и прилегающая къ ней довольно обширная территорія. Китай вынужденъ былъ „сдать въ аренду“ Германіи на 99 лѣтъ оккупированную ею область и, кромѣ того, предоставить ей концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ и разработку горныхъ богатствъ въ Шань-Дунѣ. Къ этому же второму періоду колоніальныхъ пріобрѣтеній относится и покупка нѣмцами у Испаніи Каролинскихъ острововъ, а также полученіе ими по договору 1899 г. съ Англіей и Соед. Штатами главныхъ острововъ группы Самоа (и тѣ и другіе въ Тихомъ океанѣ).

Наконецъ, третій, еще совсѣмъ свѣжій періодъ связанъ съ пресловутой марокканской исторіей 1911 г. Мнѣ нѣтъ необходимости останавливаться здѣсь на всѣхъ подробностяхъ событій, послѣдовавшихъ за внезапнымъ появленіемъ нѣмецкаго крейсера въ Агадирѣ. Достаточно лишь будетъ сказать, что результатомъ этого „прыжка пантеры“ [1]) была уступка Франціей въ пользу Германіи довольно значительной части своихъ центрально-африканскихъ владѣній, непосредственно примыкающей къ нѣмецкому Камеруну.

Таковы итоги колоніальныхъ пріобрѣтеній имперіи Гогенцоллерновъ въ концѣ XIX и началѣ XX вв. Посмотримъ же, что она съ ними сдѣлала за время своего почти 30-лѣтняго управленія.

II

Съ отошедшей къ нѣмцамъ по договору 1911 г. части французскаго Конго общая картина колоніальныхъ владѣній Германіи представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ:

	Площадь (кв. км.)	Населеніе (тысячи)
Восточная Африка	995000	10000
Камерунъ	750600	3779
Того	87200	1000
Юго-западная Африка	835100	82
Новая Гвинея (земля имп. Вильгельма и Архип. Бисмарка)	240000	530
Острова Тихаго океана	2476	55
Самоа	2572	37
Кіао-Чао	552	169
	2913500	14652

[1]) Игра словъ: крейсеръ, появившійся въ Агадирѣ, носилъ имя „Пантера“.

Раскинутыя въ различныхъ частяхъ земного шара, отдѣленныя отъ метрополіи и другъ отъ друга морями и пустынями, всѣ эти владѣнія представляютъ собой, конечно, крайнее разнообразіе естественно-историческихъ, культурныхъ и соціально-этнографическихъ условій. Два важныхъ признака однако общи всѣмъ нѣмецкимъ колоніямъ, за исключеніемъ Кіао-Чао: всѣ онѣ расположены въ тропической или подтропической зонѣ и населены полудикими, стоящими на низкой ступени развитія племенами.

Политика имперіи по отношенію къ ея заокеанскимъ владѣніямъ на протяженіи минувшихъ трехъ десятилѣтій далеко не представляетъ собой прямой, никогда не уклонявшейся въ сторону линіи. Первоначально правительство, отличавшееся раньше вообще большой сдержанностью въ колоніальной сферѣ, обнаруживало весьма мало охоты брать въ свои руки непосредственное управленіе африканскими и азіатскими областями. Бисмарку, стоявшему тогда во главѣ государственной власти, рисовалась, наоборотъ, картина эксплуатаціи новыхъ владѣній большими привилегированными частными компаніями—въ родѣ, напр., извѣстной Восточно-Индійской компаніи въ Англіи,—соединяющими въ своихъ рукахъ на ряду съ торгово-промышленными также и административно-военныя функціи. Къ созданію подобныхъ компаній и были направлены на первыхъ порахъ усилія правительства. Дѣйствительно, въ серединѣ 80-хъ гг. возникло „Deutsche Kolonial-Gesellschaft für Südwest Afrika“, затѣмъ аналогичныя общества были образованы для Восточной Африки, Новой Гвинеи и въ 1888 г. Маршальскихъ острововъ. Однако существованіе всѣхъ этихъ колоніально-торговыхъ предпріятій оказалось крайне недолговѣчнымъ. Заокеанскія владѣнія Германіи, какъ мы ниже увидимъ, далеко не представляютъ собой того „золотого дна“, каковымъ была въ свое время Индія. Новыя компаніи очень скоро убѣдились, что ничего, кромѣ убытковъ, эксплуатація колоній имъ принести не можетъ, и потому поспѣшили сбыть послѣднія государству, предпочитая, чтобы за грѣхи имперіалистическихъ увлеченій буржуазіи расплачивался своимъ карманомъ нѣмецкій налогоплательщикъ. Раньше всего было ликвидировано Западно-африканское общество, за нимъ въ 1890 г. послѣдовало Восточно-африканское, въ 1898 г.—Новогвинейское и, наконецъ, въ 1906 г. общество Маршальскихъ острововъ.

Первый періодъ въ исторіи колоніальнаго управленія кончился. Наступалъ второй періодъ—непосредственнаго хозяйничанья самого государства. Давно и правильно сказано, что административная

система, устанавливающаяся въ колоніяхъ, является лишь ухудшенной копіей административной системы самой метрополіи. Неудивительно поэтому, что язва бездушнаго и мертвеннаго бюрократизма, отъ котораго такъ сильно страдаетъ современная Германія, была пересажена и на африканскую почву и здѣсь, въ обстановкѣ тропической пустыни, дала поистинѣ ужасающіе плоды. Вся нынѣшняя организація управленія нѣмецкими колоніями построена на послѣдовательно проведенномъ абсолютистско-бюрократическомъ принципѣ. Главой государственной власти во всѣхъ заокеанскихъ владѣніяхъ Германіи является императоръ, соединяющій въ своихъ рукахъ власть исполнительную съ властью законодательной. Рейхстагъ, правда, сохраняетъ за собой бюджетныя права по отношенію къ колоніямъ. Онъ регулируетъ въ нихъ также нормы частнаго права и основы судебной конституціи. Однако, при нынѣшнемъ увлеченіи нѣмецкой буржуазіи имперіалистическими идеями, данное ограниченіе на практикѣ лишено почти всякаго значенія. Непосредственное управленіе заокеанскими областями осуществляется особымъ министерствомъ колоній (Reichs-Kolonial-Amt), существующимъ съ 1907 г. (лишь управленіе Kiao-Чао относится къ сферѣ дѣятельности морского министерства). Агентами центральнаго правительства на мѣстахъ являются губернаторы отдѣльныхъ колоній, обладающіе не только всей полнотой административной, но также и весьма значительной долей законодательной власти. Такъ, ихъ „обязательными постановленіями“ почти цѣликомъ регулируется правовое положеніе туземнаго населенія. Мѣстнаго самоуправленія въ подлинномъ смыслѣ этого слова въ колоніяхъ, конечно, не существуетъ, и тѣ зачатки его, которые въ самое послѣднее время (съ 1909 г.) введены въ юго-западной Африкѣ, крайне слабы и незначительны. Темнокожіе лишены правъ нѣмецкаго гражданства и потому фактически какихъ бы то ни было правъ вообще, они не могутъ быть коммунальными избирателями. И даже бѣлые, вступающіе въ бракъ или находящіеся въ сожительствѣ съ туземными женщинами, теряютъ свои избирательныя права. Вдобавокъ, судебная власть, поскольку дѣло касается цвѣтного населенія, не отдѣлена отъ власти административной, такъ что одинъ и тотъ же чиновникъ издаетъ распоряженія и караетъ обывателя за ихъ нарушеніе.

Легко себѣ представить, какъ при такихъ условіяхъ складываются внутреннія отношенія въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Кучка жестокихъ и высокомѣрныхъ бюрократовъ, свободная отъ контроля общественнаго мнѣнія, располагающая организованной военной

силой [1]) и опирающаяся на авторитетъ всего государственнаго механизма, поставлена въ положеніе неограниченныхъ владыкъ многомилліоннаго туземнаго населенія Послѣднее выдано головой бездушнымъ и надменнымъ „ассесорамъ“, чувствующимъ себя въ обстановкѣ тропической пустыни полубогами, которымъ все позволено и на которыхъ нигдѣ управы нѣтъ. О томъ, до какихъ безобразій доходитъ опьяненная властью колоніальная администрація, необыкновенно ярко свидѣтельствуютъ многочисленные скандальные процессы послѣднихъ лѣтъ. Достаточно вспомнить хотя бы извѣстное дѣло Петерса, разыгравшееся лѣтъ 10 тому назадъ, при разборѣ котораго было установлено, что колоніальные чиновники забиваютъ плетьми до полусмерти темнокожихъ и ради забавы вѣшаютъ цвѣтныхъ женщинъ и мужчинъ. Да и приходится ли удивляться этому варварству низшей администраціи, если само „культурное“ германское правительство, ссылаясь на глубоко укоренившіеся обычаи и взгляды туземцевъ, до сихъ поръ не рѣшилось полностью отмѣнить въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ институтъ рабства и тѣлеснаго наказанія.

Рука объ руку съ административнымъ угнетеніемъ населенія шелъ чреватый еще болѣе тяжелыми результатами грабежъ послѣдняго европейскими капиталистами. Кровавая исторія международной „колонизаціи“ обогатилась въ африканскихъ владѣніяхъ Германіи одной изъ своихъ наиболѣе возмутительныхъ страницъ. Главное богатство полудикихъ областей, перешедшихъ въ руки имперіи Гогенцоллерновъ, составляли земля и скотъ. И вотъ къ „освобожденію“ чернаго населенія отъ того и другого и были направлены всѣ усилія нѣмецкихъ торговцевъ и спекулянтовъ. Водка, обманъ, насиліе, вѣроломство, подкупъ старѣйшинъ племенъ, заключеніе незаконныхъ сдѣлокъ и т. д. — всѣ эти и имъ подобные методы „первоначальнаго накопленія“, играющіе столь крупную роль въ капиталистическомъ „культивированіи“ колоній всѣхъ странъ и народовъ, нашли себѣ, разумѣется, самое широкое примѣненіе и въ африканскихъ владѣніяхъ Германіи. И блестящіе финансовые результаты этой хищнической политики, конечно, не замедлили сказаться.

Приведу характерный примѣръ. Въ 1904 г. при обсужденіи проекта желѣзнодорожной линіи между Ломе и Палиме въ Того было, между прочимъ, официально установлено, что такъ называемое „Togo-Landgesellschaft“ („Земельное общество въ Того“) пріобрѣло у

[1]) Общая численность нѣмецкихъ колоніальныхъ войскъ опредѣлялась въ 1912 г. въ 9383 чел., въ томъ числѣ 4793 бѣлыхъ и 4589 черныхъ.

туземцевъ участокъ земли въ 45.000 гектаровъ, заплативъ имъ за него всего лишь 2.720 марокъ. Одинъ гектаръ (около десятины) обошелся такимъ образомъ обществу круглымъ счетомъ въ 6 пфениговъ! Сдѣлка была заключена въ присутствіи правительственнаго чиновника, при чемъ предварительно хорошо „обработанные“ старѣйшины племенъ поставили кресты подъ текстомъ договора, едва ли даже толкомъ сознавая все огромное юридическое значеніе совершаемаго ими акта.

Для того, чтобы по достоинству оцѣнить поведеніе нѣмецкихъ спекулянтовъ, необходимо еще принять во вниманіе, что, согласно мѣстнымъ обычаямъ, земля является коллективной собственностью цѣлаго рода, такъ что старѣйшины племенъ имѣли приблизительно столько же правъ на продажу земельныхъ участковъ „Togo-Landgesellschaft“, сколько ихъ имѣетъ, напр., бургомистръ европейскаго города на единоличную уступку третьимъ лицамъ коммунальнаго имущества.

Какія губительныя послѣдствія подобныя сдѣлки имѣютъ для темнокожаго населенія, конечно, легко себѣ представить. Сошлюсь хотя бы на слѣдующую поучительную исторію: въ числѣ старѣйшинъ, заключившихъ вышеупомянутый договоръ съ Togo-Landgesellschaft“, находился и старѣйшина рода Ньямбо, продавшій за 440 мк. 4.208 гектаровъ (стало быть, по $10^1/_2$ пф. за гектаръ!). Послѣ совершенія этой продажи въ распоряженіи рода, насчитывавшаго въ моментъ разсказываемыхъ событій 1.559 человѣкъ, оставалось еще 1.558 гект. Такъ какъ, по расчетамъ самого правительства, для нормальнаго питанія и размноженія туземцевъ необходима наличность 2 гект. на душу, то, значитъ, выходило, что теперь роду Ньямбо нехватало по меньшей мѣрѣ 1500 гект. для поддержанія своего физическаго существованія. Соціалъ-демократы интерпеллировали по этому поводу министерство въ рейхстагѣ и требовали возврата туземцамъ незаконно отобранныхъ у нихъ земель. Министерство въ принципѣ признавало справедливость этого требованія и даже обѣщало вступить въ соотвѣтственные переговоры съ „Togo-Landgesellschaft“. Но съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, а объ актѣ элементарной справедливости по отношенію къ чернокожимъ ничего не слышно. Награбленная земля такъ и осталась въ собственности колонизаторовъ, а дикарямъ предоставлена была возможность умирать съ голоду.

Вся исторія нѣмецкаго „культуртрегерства“ въ колоніяхъ является сплошной цѣпью подобныхъ эпизодовъ. Взять хоть бы срав-

нительно недавнюю войну съ гереро въ юго-западной Африкѣ, обошедшуюся такой дорогой цѣной метрополіи. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключались причины этой войны? Когда нѣмцы пришли на юго-западное побережье, они прежде всего приступили къ экспропріаціи большихъ стадъ скота, которыми располагало черное населеніе. Экспропріація эта совершалась, разумѣется, въ самыхъ „законныхъ“ юридическихъ формахъ, а именно путемъ продажи туземцамъ различныхъ товаровъ въ долгъ или, какъ болѣе правильно послѣдніе выражались, „въ банкротство“ (auf Bankerott). Конечно, темнокожіе никакъ не успѣвали въ срокъ расплатиться съ торговцами, и тогда начинался безпощадный, нерѣдко сопровождавшійся насиліями и избіеніями, уводъ скота.

За скотомъ наступила очередь земельныхъ владѣній. Усиліями нѣмецкихъ властей въ 1890—91 гг. главнымъ вождемъ племени гереро былъ избранъ нѣкій Самуилъ Магареро—слабовольный, развратный алкоголикъ. Правъ на занятіе своего поста онъ не имѣлъ никакихъ и за бутылку водки готовъ былъ сдѣлать все, что угодно. Именно, подобный „вождь“ и нуженъ былъ спекулянтамъ. Расхищеніе земель при немъ приняло такіе исполинскіе размѣры, что даже правительство увидало себя вынужденнымъ вмѣшаться, такъ какъ все туземное населеніе въ теченіе короткаго времени должно было совершенно вымереть. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній власти пришли, наконецъ, къ героическому рѣшенію „резервировать“ для темнокожихъ опредѣленные районы, объявивъ всю остальную еще свободную землю государственной собственностью. Эти „резерваты“ однако были такъ скупо отмѣрены и состояли изъ столь скудныхъ участковъ, что когда колоніальное управленіе приступило къ осуществленію намѣченной программы, на всемъ юго-западномъ побережьѣ вспыхнуло ожесточенное возстаніе темнокожихъ.

Колоніальная война, послѣдовавшая затѣмъ, тянулась почти три года и ознаменовалась рядомъ безчеловѣчныхъ жестокостей со стороны представителей европейской „культуры“. Гереро не предавались особымъ иллюзіямъ на счетъ окончательнаго исхода кампаніи. Миссіонеры разсказываютъ, что они съ самаго начала считались съ возможностью безостаточнаго уничтоженія всего ихъ племени. Но отступать для туземцевъ не было возможности. Храбрые и воинственные отъ природы, гереро дрались съ мужествомъ отчаянія, вдохновляемые своими женами, которыя повсюду слѣдовали за боевыми рядами и фанатизировали мужчинъ напѣвомъ: „Кому принадлежитъ земля гереро? Намъ принадлежитъ земля гереро!“

Послѣ трехлѣтнихъ напряженныхъ усилій, сосредоточивъ въ Африкѣ 15 000-ную армію и заливъ кровью туземцевъ дѣвственную почву (командиръ экспедиціоннаго корпуса отдалъ приказъ: плѣнныхъ не брать!), „культурная“ Германія, наконецъ, одержала верхъ. Вся страна была опустошена до тла, большинство ея городовъ и селеній превратилось въ груду развалинъ, почти все племя гереро подверглось безпощадному уничтоженію: изъ 80.000 человѣкъ числившихся передъ началомъ войны, въ живыхъ осталось не больше 20 000. Свыше 300 милл. мк. было выброшено изъ народнаго кармана на безцѣльную авантюру.

III

Но если такимъ образомъ нѣмецкая „колонизація“ не принесла туземному населенію ничего, кромѣ гибели и опустошенія, то, быть-можетъ, она способствовала хоть экономическому подъему заокеанскихъ владѣній имперіи? Быть-можетъ, на костяхъ темнокожихъ она создала цвѣтущія промышленность и торговлю и дала возможность найти здѣсь новое отечество десяткамъ и сотнямъ тысячъ переселенцевъ изъ Германіи? Увы!—нѣтъ и этого. Чтобы не быть голословнымъ приведу нѣкоторые факты и цифры.

Начну съ переселенія. Однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ сторонниковъ колоніальной политики въ Германіи всегда является указаніе на роль заокеанскихъ владѣній, какъ резервуара для избыточнаго населенія метрополіи. Ежегодно десятки тысячъ нѣмецкихъ гражданъ—говорятъ эти господа—эмигрируютъ за границу и способствуютъ своимъ трудомъ процвѣтанію Англіи, Канады, Соед. Штатовъ и цѣлаго ряда другихъ, нерѣдко конкурирующихъ съ ними государствъ. Не цѣлесообразнѣе ли будетъ, если всѣ эти потерянныя для націи рабочія силы будутъ направлены въ колоніи и своей промышленной или сельскохозяйственной дѣятельностью послужатъ увеличенію мощи Германской имперіи?

Какъ ни правильно съ націоналистической точки зрѣнія приведенное разсужденіе, оно страдаетъ однимъ недостаткомъ: совершеннымъ игнорированіемъ дѣйствительности. Прежде всего—почти всѣ заокеанскія владѣнія Германіи расположены въ экваторіальной зонѣ, климатическія условія которой весьма мало подходящи для поселенія европейцевъ. Далѣе, большинство лучшихъ областей въ нѣмецкихъ колоніяхъ (особенно въ Того, Камерунѣ и Восточной Африкѣ)

заняты уже и сейчасъ довольно густымъ чернокожимъ населеніемъ, такъ что мѣста для бѣлыхъ пришельцевъ остается вообще очень немного. Единственное исключеніе составляетъ какъ-будто юго-западная Африка: здѣсь населеніе не такъ густо (вѣдь гереро почти совсѣмъ уничтожены!), да и климатическія условія внутренняго довольно возвышеннаго плоскогорія болѣе соотвѣтствуютъ условіямъ умѣреннаго пояса. Однако и здѣсь недостатокъ воды и степной характеръ мѣстности позволяютъ лишь экстенсивное скотоводство. А это значитъ, что въ самомъ лучшемъ случаѣ юго-западная Африка могла бы пріютить не больше 100.000 бѣлыхъ поселенцевъ. Между тѣмъ въ Германіи количество эмигрантовъ никогда не опускается ниже 20.000 человѣкъ въ годъ. Если прибавить сюда, что путешествіе и поселеніе въ африканскихъ колоніяхъ связано съ цѣлымъ рядомъ лишнихъ расходовъ, почти совсѣмъ не существующихъ при эмиграціи въ страны болѣе старой культуры, въ родѣ Соед. Штатовъ, Канады и т. д., то станетъ совершенно ясно, что всѣ разговоры о колонизаціонномъ значеніи нынѣшнихъ заокеанскихъ владѣній Германіи не выдерживаютъ сколько-нибудь серьезной критики. Не характерно ли, что послѣ 30 лѣтъ усиленнаго „культуртрегерства“ все бѣлое населеніе германскихъ колоній исчисляется лишь въ 25.000 чел., включая 7.000 солдатъ и чиновниковъ? Въ 1911 г., напр., нѣмцевъ, выселившихся въ Африку, было всего 18 человѣкъ, тогда какъ въ Сѣверную Америку отправилось искать счастья цѣлыхъ 19.000 нѣмецкихъ гражданъ [1]).

Не лучше обстоитъ дѣло и съ экономической эксплуатаціей колоній. Одною изъ первыхъ же мѣръ нѣмецкихъ финансистовъ послѣ утвержденія Германіи на африканскомъ континентѣ было энергичное проведеніе желѣзнодорожныхъ линій. Строили и тамъ, гдѣ были шансы на развитіе движенія, и тамъ, гдѣ такихъ шансовъ не было: государство гарантировало компаніямъ достаточно высокій минимальный процентъ. Къ 1 января 1912 г. длина дѣйствующей желѣзнодорожной сѣти во всѣхъ африканскихъ владѣніяхъ имперіи достигала 3,457 км. (кромѣ того 689 км. находились въ постройкѣ), — однако почти всѣ линіи, за исключеніемъ двухъ или трехъ, давали огромный дефицитъ, и — что хуже всего — объ уничтоженіи этого дефицита въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ не можетъ быть и рѣчи. Да и удивительно ли? Несмотря на весь шумъ, про-

[1]) Приведенныя цифры взяты изъ офиціальнаго „Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich“ за 1912 г.

изводимый около колоніальнаго вопроса нѣмецкими имперіалистами, торгово-промышленное развитіе заокеанскихъ владѣній Германіи подвигается лишь крайне медленно и въ настоящее время представляетъ собой жалкую картину.

Взять, напримѣръ, производство хлопчатой бумаги. Послушать наемныхъ капиталистическихъ писакъ, такъ уже въ ближайшіе годы Германія окажется въ состояніи ввозить огромныя количества этого продукта изъ собственныхъ колоній и чуть ли не освободится совсѣмъ отъ „ига“ Соед. Штатовъ, являющихся сейчасъ главными поставщиками хлопка на міровой рынокъ. Но заглянемъ въ тотъ же Statistisches Jahrbuch. Въ 1911 г. хлопчатой бумаги изъ колоній въ имперію было ввезено на сумму 1.730.000 мк. Такъ какъ цѣнность всего количества ввезеннаго въ 1911 году въ Германію хлопка опредѣляется въ 604 милліона мк., то ясно, что ввозъ даннаго продукта изъ колоній составилъ лишь около $^1/_{350}$ его общаго ввоза.

Или возьмемъ тропическій продуктъ—кофе. Цѣнность ввоза его изъ колоній равнялась въ 1911 году 856,000 мк. при общей цѣнности германскаго ввоза кофе въ 251,6 милліоновъ мк., т.-е. составляла $^1/_{293}$ послѣдней. Точно также ввозъ финиковъ изъ колоній составлялъ 2%, ввозъ какао—3% и, наконецъ, ввозъ каучука только 11% общаго ввоза названныхъ продуктовъ въ Германію. А вѣдь все это главныя статьи колоніальнаго экспорта. Правда, въ томъ же 1911 г. изъ юго-западной Африки было вывезено въ Германію на $2^1/_2$ милліона мк. драгоцѣнныхъ камней (главнымъ образомъ алмазовъ). Однако съ народно-хозяйственной точки зрѣнія цѣнность даннаго факта далеко не такъ высока, какъ съ точки зрѣнія ювелирной.

Что экономическое значеніе нѣмецкихъ колоній вообще ничтожно, свидѣтельствуютъ и цифры ихъ внѣшней торговли. Такъ, вывозъ метрополіи въ свои заокеанскія владѣнія въ 1911 г.—равнялся 50,2 милл. мк., или 0,6% всего германскаго вывоза, а ввозъ оттуда—43 милл. мк. или 0,4% всего національнаго ввоза. И если размѣры колоніальной торговли постепенно растутъ, то всѣ происходящія тутъ измѣненія совершаются пока лишь въ сферѣ безконечно малыхъ величинъ [1]).

---

[1]) Для сравненія укажу на соотвѣтственныя данныя, касающіяся Англіи. Въ 1911 г. изъ общей суммы 557 мил. фунтовъ ст. англійскаго вывоза 182 милл., т.-е. 31%, и изъ общей суммы 680 мил. ф. ст. англійскаго ввоза 201 милл., т.-е. 30%, приходились на долю колоній.

Печальнѣе всего для германскихъ имперіалистовъ, пожалуй, судьба Кіао-Чао. Съ какими гордыми надеждами былъ водруженъ нѣмецкій флагъ надъ этой гаванью и какъ жестоко эти надежды были обмануты! Свыше 100 милліоновъ мк. истратило правительство на оборудованіе порта, милліоны были выброшены на постройку Шань-Дунской желѣзной дороги, пылкому воображенію колоніальныхъ политиковъ рисовалось уже нарожденіе второго Гонъ-Конга, могущаго послужить для Германіи опорнымъ базисомъ при предполагавшемся тогда раздѣлѣ Китая... Съ тѣмъ поръ прошло 15 лѣтъ, и отъ прежнихъ гордыхъ мечтаній не осталось ничего, кромѣ обиднаго разочарованія: побѣды Японіи и революція въ Китаѣ поставили крестъ надъ проектами раздѣла Срединной имперіи. А что касается торговаго значенія Кіао-Чао, то въ 1910 г. общая сумма ввоза гавани составляла 69,4 милл. мк., общая сумма вывоза—60,6 милл. мк., въ томъ числѣ размѣръ германскаго ввоза составлялъ всего лишь 5.623,000, а размѣръ германскаго вывоза даже только 150,000 мк. Остальное приходилось главнымъ образомъ на долю японцевъ и американцевъ...

Итакъ, экономическая цѣнность нѣмецкихъ заокеанскихъ владѣній, несмотря на 30-лѣтнее хозяйничанье въ нихъ германскаго капитала, остается вплоть до настоящаго дня крайне ничтожной. А между тѣмъ за сомнительное удовольствіе именоваться колоніальной державой метрополіи приходится расплачиваться сотнями милліоновъ марокъ. Собственные доходы всѣхъ этихъ Того и Камеруновъ настолько незначительны, что не въ состояніи покрывать даже расходы на содержаніе мѣстной администраціи. И Германіи приходится систематически докладывать изъ своихъ средствъ весьма и весьма крупныя суммы. За десятилѣтіе 1901—10 гг. имперія истратила на колоніи 724 милл. марокъ, общая же сумма ея расходовъ на данный предметъ, начиная съ 1884 г., далеко превыситъ милліардъ марокъ.

Ясно, такимъ образомъ, что нѣмецкая колоніальная политика съ чисто коммерческой точки зрѣнія является не только бездоходнымъ, но прямо убыточнымъ занятіемъ. И тратамъ на него не предвидится конца. А такъ какъ ни одинъ разумный хозяинъ не станетъ поддерживать существованіе предпріятія, изъ года въ годъ дающаго одни дефициты, то естественно возникаетъ вопросъ: почему государственная власть не послѣдуетъ примѣру этого разумнаго хозяина и не ликвидируетъ разъ навсегда заокеанскихъ владѣній?

Разрѣшеніе данной загадки подводитъ насъ къ самымъ корнямъ современнаго имперіализма. Я уже упоминалъ, что его движущей силой является индустріальный и, въ особенности, финансовый капиталъ, ищущій выгоднаго приложенія. Это приложеніе онъ находитъ и въ нынѣшнихъ нѣмецкихъ колоніяхъ: строитъ тамъ желѣзныя дороги, поддерживаетъ почтовое сообщеніе между африканскими пустынями и метрополіей, охраняетъ цѣлость этихъ пустынь при помощи пушекъ и дредноутовъ, заботится о непоколебимости престижа Германіи, какъ „міровой державы“, при помощи систематическаго увеличенія арміи и флота. Нужды нѣтъ, что колоніальныя желѣзныя дороги приносятъ лишь одни убытки, что чернокожее населеніе Африки еще не додумалось до употребленія почтовыхъ марокъ, что ни пушки, ни дредноуты не привыкли окупать издержки производства, — за все заплатитъ государство! Оно обезпечитъ финансисту законный процентъ на капиталъ, и еще какой! Было уже установлено въ офиціальной „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, что во время войны съ гереро въ юго-западной Африкѣ фирма Типпельскирха, обладавшая монополіей на поставку припасовъ для колоніальной арміи, выдавала своимъ акціонерамъ два года подъ рядъ по $67^1/_2{}^0/_0$ дивиденда. Оттого-то содержаніе каждаго солдата экспедиціоннаго корпуса обошлось государству по 10.000 марокъ въ годъ. Точно также и пресловутая гамбургская „Вермановская линія“, поддерживающая пароходное сообщеніе между метрополіей и африканскими колоніями, отнюдь не можетъ пожаловаться на плохія дѣла. Упоминать ли еще о знаменитомъ Круппѣ, обязанномъ всѣмъ величіемъ своего нынѣшняго предпріятія міровой политикѣ Германіи, породившей и продолжающей порождать интернаціональную милитаристскую горячку?

Вотъ эти-то фирмы, банки и т. п. и являются истинными вдохновителями колоніальной политики, убыточной для государства, но столь выгодной для нихъ самихъ. А такъ какъ вліяніе ихъ на государственную власть чрезвычайно могущественно (вспомнимъ хотя бы недавнія разоблаченія, касающіяся Круппа), то ради ихъ „процента“ нѣмецкому народу приходится выкладывать изъ кармана послѣдній трудовой грошъ.

Какъ не велики выгоды, извлекаемыя нѣмецкой буржуазіей изъ нынѣшнихъ заокеанскихъ владѣній Германіи, было бы все-таки большой ошибкой полагать, что ими ея колоніальный голодъ можетъ удовлетворяться хотя бы въ минимальной степени. Съ одной стороны, эти владѣнія не даютъ почти ничего исполински возрос-

шему индустріальному капиталу (единственное исключеніе составляетъ лишь военная промышленность). Съ другой стороны, и накопленной энергіи финансоваго капитала онѣ открываютъ слишкомъ узкое поле дѣятельности [1]). Не странная ли—разсуждаютъ нерѣдко и такъ нѣмецкіе патріоты—и не обидная ли это насмѣшка судьбы, что маленькая Бельгія, крохотная Голландія или Португалія имѣютъ обширныя и богатыя колоніи въ то время, какъ могучая Германія владѣетъ какими-то кусками тропическихъ песковъ, лишенныхъ серьезной капиталистической цѣнности? Нѣмецкіе патріоты—а ихъ такъ много среди финансовой и торгово-промышленной аристократіи—очень хотѣли бы исправить эту печальную ошибку исторіи. И потому они жадными глазами смотрятъ на весь окружающій ихъ міръ, выбирая заранѣе подходящее мѣсто для новаго, на этотъ разъ болѣе удачнаго имперіалистскаго „прыжка“. Среди многочисленныхъ соблазновъ, открываемыхъ предъ ними нынѣшнимъ состояніемъ земнаго шара, несомнѣнно на первомъ мѣстѣ стоитъ такъ наз. Ближній Востокъ. Впрочемъ, данная проблема настолько сложна и своеобразна, что безусловно заслуживаетъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

---

[1]) По офиціальнымъ даннымъ, вплоть до 1906 г. въ колоніальныя предпріятія было вложено 147 милл. марокъ нѣмецкаго капитала. Въ настоящее время эта сумма поднялась приблизительно до 200 милл. Что значитъ подобная цифра въ сравненіи съ 30 милліардами марокъ, размѣщенными Германіей за границей.

Германія и Ближній Востокъ

I

Дипломатическій терминъ „Ближній Востокъ“ въ основныхъ чертахъ покрывается предѣлами знаменитой Оттоманской имперіи. Я имѣю въ виду не нынѣшнюю маленькую и искалѣченную Турцію—жалкій обломокъ былого государственнаго величія, а именно Оттоманскую имперію. Своихъ максимальныхъ размѣровъ она достигла во второй половинѣ XVII столѣтія, завоевавъ въ 1669 году дотолѣ независимый островъ Критъ и получивъ въ 1672 году по миру при Бучачѣ всю Подолію и часть Малороссіи. Однако моментъ высшаго подъема совпалъ для Высокой Порты съ началомъ медленнаго, но неудержимаго процесса внутренняго разложенія. Я не могу здѣсь останавливаться на выясненіи причинъ даннаго чрезвычайно любопытнаго явленія—это завело бы меня слишкомъ далеко, для моихъ цѣлей совершенно достаточно указать, что уже Карловицкій миръ 1699 года знаменовалъ собой вступленіе государства османовъ на наклонную плоскость политическаго и военнаго упадка. Это былъ первый миръ, который не принесъ ему ни расширенія территоріальныхъ владѣній, ни денежной дани, и наоборотъ съ его стороны потребовалъ весьма чувствительныхъ жертвъ: Порта должна была отдать Венгрію и Трансильванію Австріи, Подолію и Украйну Польшѣ, Морею—Венеціанской республикѣ. Не безъ основанія Карловицкій миръ называютъ „Первымъ раздѣломъ Оттоманской имперіи“.

Въ XVIII вѣкѣ начавшійся процессъ разложенія, несмотря на рядъ реформаторскихъ попытокъ (особенно со стороны султановъ Мустафы III и Селима III) продолжался. И вмѣстѣ съ нимъ границы турецкой державы постепенно сокращались, при чемъ наиболѣе опаснымъ врагомъ послѣдней въ этотъ періодъ выступила медленно,

но неуклонно продвигавшаяся на югъ Россія: по Ясскому миру 1791 г. Россія окончательно пріобрѣла Крымъ и пространство мѣжду Бугомъ и Днѣстромъ. Несмотря, однако, на всѣ эти достаточно серьезныя потери, Оттоманская имперія къ началу XIX вѣка представляла собой все-таки еще очень обширное государственное цѣлое. Она простиралась отъ бассейна Дуная до Индійскаго океана и отъ Кавказа до Марокко. Ей принадлежалъ весь Балканскій полуостровъ съ вассальными княжествами Молдавіей и Валахіей (нынѣшняя Румынія), вся Малая Азія и Аравія; Египетъ, Триполи, Тунисъ и Алжиръ находились въ состояніи вассальной зависимости отъ султана, обязаны были платить ему дань и доставлять ему вспомогательное войско. Справедливость требуетъ сказать, что эта зависимость слишкомъ часто бывала совершенно номинальной, но во всякомъ случаѣ все сѣверное побережье Африки около 1800 года офиціально находилось подъ эгидой турецкаго полумѣсяца. И такъ какъ „ближневосточный вопросъ“ особенно серьезное значеніе пріобрѣлъ въ XIX в., то естественно, что подъ именемъ „Ближняго Востока“ и дипломаты и широкая публика стали понимать земли и народы, объединенные подъ властью султана на рубежѣ минувшаго столѣтія.

Едва ли не самой характерной чертой этого исполинскаго восточнаго царства была крайняя пестрота его этнографическаго состава. Воинственное племя турокъ-османовъ въ своемъ стремительномъ движеніи на западъ покорило десятки самыхъ разнообразныхъ націй, религій, нарѣчій, и все это пыталось сочетать въ рамкахъ одного военно-теократическаго государства. Оно оставляло, правда, обыкновенно завоеваннымъ областямъ ихъ мѣстное управленіе, ихъ языкъ и ихъ наслѣдственное исповѣданіе вѣры, но все-таки оно подводило ихъ всѣхъ подъ извѣстный однообразный шаблонъ и ихъ соками и кровью питало мусульманское древо Оттоманской имперіи. Положеніе еще болѣе осложнялось тѣмъ, что различные народы далеко не вездѣ жили сплошными массами, а нерѣдко занимали одни и тѣ же районы вперемежку, отчего плоскости ихъ взаимныхъ треній, конечно, только увеличивались. Такъ, напримѣръ, греки населяли не только полуостровъ Морею и острова Эгейскаго моря, но также значительныя части Македоніи, малоазіатское и черноморское побережье и самый Константинополь. Болгары группировались не только тамъ, гдѣ нынѣ проходятъ границы Болгарскаго царства, но также въ Македоніи, гдѣ они сталкивались и перемѣшивались съ греками и сербами. Румыны занимали не только княжества Молдавію и Валахію, но также встрѣчались въ значительныхъ количествахъ все

въ той же Македоніи, въ Албаніи и въ сѣверной Греціи. Армяне концентрировались не только въ горныхъ вилайетахъ Малой Азіи, но составляли также видную часть населенія и въ Стамбулѣ и во всѣхъ другихъ крупныхъ городахъ страны. Турки-османы жили компактными массами въ Анатоліи, но зато въ Европѣ были разсѣяны небольшими кучками въ Болгаріи, Македоніи, Румыніи, Сербіи. Евреи въ сильной степени окрашивали собой городское населеніе, цыгане бродили по обширной имперіи изъ конца въ конецъ. Объ африканскихъ народахъ я уже не упоминаю. Въ результатѣ получалась настоящая этнографическая мозаика, какой-то роскошный восточный коверъ, сшитый изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ всевозможныхъ языковъ и національностей. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о пестротѣ племенного состава Оттоманской державы, я приведу здѣсь кое-какія любопытныя цифры. Такъ какъ, однако, статистика никогда не являлась сильной стороной Высокой Порты, то мнѣ придется воспользоваться данными не начала XIX в., а начала XX столѣтія съ той, впрочемъ, необходимой оговоркой, что даже и эти свѣдѣнія далеко не могутъ претендовать на особенную точность. Въ 1909—10 гг. на пространствѣ, занимавшемся въ 1800 году (въ Европѣ и Азіи) Оттоманской имперіей, жило:

османовъ	10 милл.
румынъ	7 „
сербо-кроатовъ	5,6 „
грековъ	4,5 „
болгаръ	4,4 „
арабовъ	5,0 „
армянъ	1,5 „
албанцевъ	1,5 „
евреевъ	0,5 „
прочихъ національн.	5,0 „[1])

Сто пятнадцать лѣтъ назадъ общая численность населенія Ближняго Востока была примѣрно въ два—два съ половиной раза меньше, т.-е. доходила до 18—20 милл. противъ 45 милл. въ настоящее время, однако пропорціональное соотношеніе представителей различныхъ національностей оставалось приблизительно то же, что и нынѣ.

Къ пестротѣ нарѣчій и племенъ присоединялась еще пестрота религіозныхъ вѣрованій. Господствующимъ вѣроисповѣданіемъ было

[1]) См. „Encyclopedia Britannica“, статьи „Balkans“, „Turkey“, „Roumania“ и „Greece“.

магометанское. Только его послѣдователи являлись полноправными гражданами, только они призывались на военную службу и допускались въ ряды государственной бюрократіи. Мусульмане составляли правящій и владѣющій слой населенія имперіи, но они не насчитывали и половины всѣхъ подданныхъ султана. Греки, славяне (сербы, болгары, кроаты) и румыны принадлежали къ восточно-христіанской церкви, армяне — къ армяно-грегоріанской и т. д. Турки относились къ другимъ религіямъ въ общемъ довольно терпимо, они не только не разрушали сложившихся церковныхъ организацій, но даже наоборотъ поддерживали и покровительствовали имъ, стремясь использовать ихъ въ своихъ интересахъ, какъ инструментъ сплоченія и объединенія разношерстныхъ элементовъ Оттоманской державы. Особенно крупную роль играла при этомъ греческая церковь, патріархи которой окружались большимъ почетомъ со стороны правительства и даже имѣли особую стражу изъ янычаръ. Однако, христіане все-таки были лишь подданными второго класса, лишенными цѣлаго ряда гражданскихъ и политическихъ правъ (они, напримѣръ, не служили въ арміи, не могли занимать государственныхъ должностей, обязаны были носить опредѣленнаго цвѣта платье и строить опредѣленнаго типа дома, выполнять всѣ грязныя и тяжелыя работы для войска и т. д.), а также въ большинствѣ случаевъ полукрѣпостными крестьянами, находившимися въ тяжелой экономической зависимости отъ мусульманъ-помѣщиковъ. Не меньшимъ зломъ, чѣмъ національная черезполосица, была также черезполосица религіозная. Магометане и христіане жили вперемежку, и это создавало между ними массу всевозможныхъ споровъ и столкновеній. Хуже всего положеніе было тамъ, гдѣ налицо имѣлось большое количество такъ называемыхъ „ренегатовъ“. Именемъ послѣднихъ обозначались тѣ христіане, которые въ интересахъ лучшаго устроенія своей земной судьбы измѣняли традиціонной вѣрѣ отцовъ и переходили въ мусульманство, а такихъ было немало, особенно среди грековъ на Критѣ, сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, болгаръ въ Македоніи. „Ренегаты“, какъ это свойственно вообще всѣмъ отступникамъ, становились заклятыми врагами своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и обнаруживали по отношенію къ нимъ гораздо большей жестокости, чѣмъ подлинные турки. Данное обстоятельство играло очень крупную роль еще и потому, что „ренегаты“ оставались жить среди своихъ единоплеменниковъ, и что изъ ихъ рядовъ выходило немало видныхъ дѣятелей оттоманской государственности. Извѣстно, что пресловутые янычары вербовались почти исключительно изъ

числа христіанскихъ дѣтей, въ министры и полководцы также нерѣдко попадали христіанскіе отступники. Такъ, напримѣръ, знаменитый Омаръ-Паша, блестящій турецкій администраторъ и военачальникъ середины прошлаго вѣка, былъ по происхожденію австрійскимъ кроатомъ (по имени Михаилъ Латтасъ), принявшимъ исламъ и впослѣдствіи сдѣлавшимся генералиссимусомъ султана. Это не единственный случай. Въ Оттоманской имперіи даже сложилась характерная поговорка, что для того, чтобы дойти до степени высокихъ, надо быть христіанскимъ ренегатомъ. Впрочемъ, подобные счастливцы были, конечно, не слишкомъ частымъ явленіемъ, зато количество рядовыхъ отступниковъ православія исчислялось сотнями тысячъ, если не милліонами. Въ Албаніи, напримѣръ, около двухъ третей всего населенія были магометанами, а остальная треть дѣлилась между православными и католиками. Въ Босніи 35% составляли магометане, 20%—католики, прочіе исповѣдывали православіе. Аналогичныя отношенія наблюдались и въ нѣкоторыхъ другихъ районахъ Балканскаго полуострова. Легко себѣ представить, какое положеніе создавалось въ странѣ при наличности подобной племенной и религіозной пестроты. Здѣсь, въ этой пестротѣ, не смягченной присутствіемъ единой численно и культурно доминирующей національности, не компенсированной могущественными центростремительными тенденціями экономическаго характера, вызывавшимися повсюду въ позднѣйшіе періоды развитіемъ капитализма, лежала несомнѣнно Ахиллесова пята Оттоманской имперіи, скрывалась основная причина ея неизбѣжнаго и неудержимаго распада.

II

Около постели тяжело больного всегда суетится много людей. И если этотъ больной еще вдобавокъ обладаетъ большимъ состояніемъ, то суматоха принимаетъ особенно безпокойный и назойливый характеръ. Въ ней принимаютъ участіе не только непосредственные члены семьи, но также и дальніе родственники, знакомые, наконецъ, просто всѣ, у кого есть на то время и охота. Каждый волнуется, каждый подаетъ совѣты, выслушиваетъ сообщенія о ходѣ болѣзни, то радостно потираетъ руками, то сокрушенно вздыхаетъ, и всегда при этомъ старается показать, что онъ-то какъ разъ и есть здѣсь самое главное лицо и что именно у него интересы боль-

ного лежатъ больше всего на сердцѣ. Ибо каждый въ тайникахъ души разсчитываетъ, что умирающій богачъ не забудетъ его своими милостями въ завѣщаніи, а если паче чаянія и забудетъ, то въ обстановкѣ всеобщаго смятенія онъ и самъ сумѣетъ по заслугамъ вознаградить себя.

Именно эта картина невольно приходитъ въ голову, когда окидываешь взглядомъ политику великихъ и малыхъ державъ по отношенію къ Оттоманской имперіи на протяженіи минувшихъ 115 лѣтъ. Николай I въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ однажды выразился о Высокой Портѣ такъ: „У насъ на рукахъ больной человѣкъ, очень больной человѣкъ“ [1]), и въ этихъ словахъ отразилось лишь общее мнѣніе тогдашней европейской государственной мудрости. Когда-то могущественная имперія султана была объявлена приговоренной къ смерти и многочисленные наслѣдники ея былого величія со всѣхъ сторонъ протягивали къ ней алчныя руки. Надо отдать имъ справедливость, ожидаемая добыча безусловно стоила затраты максимальныхъ усилій.

Оттоманское царство, или то, что было раньше Оттоманскимъ царствомъ, представляетъ собой несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе благодатныхъ и многообѣщающихъ уголковъ земли. Его естественныя богатства очень велики. Четыре большихъ судоходныхъ рѣки—Дунай, Нилъ, Тигръ и Евфратъ прорѣзываютъ въ разныхъ направленіяхъ его территорію. Рядъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ самыми главными являются Балканы въ Европѣ и Тавръ и Анти-Тавръ въ Малой Азіи, чрезвычайно разнообразитъ климатическія условія страны, создавая возможность для воздѣлыванія наиболѣе прихотливыхъ и нѣжныхъ культуръ. Извилистые, изобилующіе удобными бухтами и заливами берега Эгейскаго моря и масса разбросанныхъ по нему острововъ образуютъ необходимыя предпосылки для широкаго развитія рыболовства, судоходства и торговли. Богатство почвы металлами и минералами (солью, мѣдью, свинцомъ, марганцемъ, углемъ, нефтью, асфальтомъ и т. д.) открываетъ заманчивыя перспективы въ сферѣ индустріальнаго развитія. Необыкновенное плодородіе долины Нила, равнинъ Месопотаміи и нижняго бассейна Дуная при примѣненіи раціональныхъ методовъ обработки земли способны превратить ихъ въ настоящую житницу человѣче-

[1]) *W. Miller.* The Ottoman Empire 1801—1913, Cambridge 1913, стр. 203.

ства. Наконецъ обширность площади, занятой лѣсами (нынѣ въ предѣлахъ бывшей Оттоманской имперіи насчитывается до 30 мил. акровъ лѣсовъ), обѣщаетъ неисчислимыя выгоды всякому, кто сумѣетъ заняться ихъ умѣлой эксплуатаціей. Какъ видимъ, природа щедро наградила Высокую Порту своими лучшими дарами, способными возбуждать зависть и корыстолюбіе среди другихъ націй и государствъ. Не даромъ легенда относитъ мѣстопребываніе рая къ долинамъ Тигра и Евфрата, не даромъ также наиболѣе цвѣтущія государства древности и средневѣковья—Вавилонія, Ассирія, Багдадскій калифатъ—сложились и выросли на равнинахъ передней Азіи. И однако, какъ ни велики естественныя богатства Оттоманской державы, ея главная цѣнность заключается все-таки не въ этомъ, а въ ея исключительно выгодномъ географическомъ положеніи.

Имперія османовъ находилась на скрещеніи трехъ громадныхъ частей свѣта — Европы, Азіи и Африки, и благодаря этому естественно командовала подходами къ наиболѣе богатымъ и населеннымъ странамъ трехъ континентовъ. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ она граничила съ тевтонскими монархіями и Россіей, на западѣ соприкасалась съ Италіей, на востокѣ и юго-востокѣ близко подходила къ Индіи и Персіи, на юго-западѣ черезъ Египетъ продвигалась до Судана и другихъ районовъ центральной Африки. Тѣмъ самымъ Турецкая держава оказывалась связующимъ звеномъ между важнѣйшими государствами и народами стараго міра, математическимъ скрещеніемъ ихъ многообразныхъ политическихъ и хозяйственныхъ интересовъ. Это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія двоякаго рода. Во-первыхъ, Оттоманская имперія должна была становиться и, дѣйствительно, все болѣе становилась торговымъ посредникомъ между Европой съ одной стороны, побережьемъ Индійскаго океана и сѣверо-восточной Африки съ другой. Экономическія выгоды такого положенія ясны сами собой. Во-вторыхъ, та же Оттоманская имперія занимала чрезвычайно благопріятную стратегическую позицію, будучи въ состояніи съ сравнительно небольшой затратой энергіи наносить изъ центра удары своимъ противникамъ на периферіи и такимъ образомъ оказывать глубокое и далеко расходящееся вліяніе на политическую канстелляцію трехъ частей свѣта. Что положеніе Порты и особенно ея столицы—Константинополя съ военно-политической точки зрѣнія дѣйствительно превосходно, мы знаемъ отъ такого неоспоримаго авторитета въ данной области, какъ Наполеонъ I. Частный секретарь послѣдняго разсказываетъ, что, когда во время переговоровъ между великимъ корсиканцемъ и Алексан-

дромъ I въ Тильзитѣ (въ 1807 г.) о раздѣлѣ Турціи, русскій царь заявилъ претензіи на полученіе „Царьграда“, французскій полководецъ съ негодованіемъ воскликнулъ: „Константинополь! Константинополь! Никогда! Константинополь—это міровая имперія“ [1])!

Изъ предыдущаго ясно, что распадающаяся Оттоманская держава являлась богатѣйшимъ политическимъ наслѣдствомъ и потому человѣчеству вполнѣ понятно, если различныя европейскія націи и государства въ теченіе всего XIX вѣка не переставали носиться съ планами ея полнаго раздѣла, или по крайней мѣрѣ ея частичнаго расхищенія. Процессъ разложенія имперіи османовъ происходилъ двумя путями: во-первыхъ, путемъ безцеремоннаго захвата ея отдѣльныхъ провинцій и вассальныхъ владѣній такъ называемыми великими державами, и во-вторыхъ, путемъ выдѣленія изъ ея разноплеменнаго состава цѣлаго ряда новыхъ небольшихъ государствъ, населеніе которыхъ раньше являлось подданными султана, но впослѣдствіи завоевало себѣ независимость. Оба пути, впрочемъ, приводили къ одному и тому же конечному результату: они подрывали самыя основы былого оттоманскаго величія.

Экспропріація турецкихъ земель великими державами, офиціально облекаемая въ самыя разнообразныя юридическія формы отъ скромнаго „протектората“ до полнаго „завоеванія“, приняла въ XIX ст. грандіозные размѣры. Начало ей положила Франція, захвативъ въ 1830 году Алжиръ. Въ 1878 году, какъ результатъ русско-турецкой войны, Россія получила Добруджу и область Карса и Батума, Англія оккупировала Кипръ, Австро-Венгрія—Боснію и Герцеговину. Въ 1881 году Франція взяла подъ „протекторатъ“ Тунисъ, въ 1882 году Англія заняла Египетъ [2]), и въ 1898 году Суданъ, наконецъ въ 1911—12 г. Италія завоевала Триполи и Киренаику.

Одновременно политическая гангрена постепенно разрушала организмъ Оттоманской имперіи изнутри. Въ 1804—17 гг. разразилось знаменитое сербское возстаніе, открывшее собой борьбу балканскихъ народовъ за свою независимость. Послѣ тринадцатилѣтнихъ героическихъ усилій, поддерживаемые попеременно то Австріей, то Россіей, сербы добились извѣстной автономіи. Въ 1829 году по Адріанопольскому миру между Турціей и Россіей Сербія была при-

---

[1]) *W Miller.* ibid, стр. 39.

[2]) Въ 1915 г. Египетъ и Кипръ формально объявлены великобританскими владѣніями, Въ 1908 г. Боснія и Герцеговина были офиціально аннексированы Габсбургской монархіей.

знана независимымъ вассальнымъ княжествомъ, въ 1878 году она стала вполнѣ суверенным государствомъ. За сербами наступила очередь грековъ. Война 1821—29 гг. между греками и турками, ведшаяся съ перемѣннымъ счастьемъ и извѣстная подъ именемъ „войны за греческую независимость", вызвала въ концѣ-концовъ вмѣшательство великихъ державъ (Россіи, Англіи и Франціи) и привела къ созданію вассальнаго греческаго королевства, которое, впрочемъ, уже въ 1830 году сдѣлалось вполнѣ самостоятельнымъ. Въ 1864 г. къ Греціи были присоединены, находившіеся до того подъ англійскимъ протекторатомъ (съ 1815—1864) Іонійскіе острова, въ 1881 году—часть остававшихся еще подъ турецкимъ владычествомъ Эпира и Ѳессаліи. Затѣмъ выдвинулась Румынія. Молдавія и Валахія уже въ началѣ XIX вѣка представляли собой вассальныя независимыя княжества Порты, управляемыя назначенными султаномъ на 7-лѣтній срокъ господарями. Послѣдніе вербовались долгое время исключительно лишь изъ числа богатыхъ греческихъ фамилій Константинополя (такъ называем. фанаріотовъ—отъ имени квартала Фанаръ, гдѣ они жили въ столицѣ). Однако, въ 1822 г. румынскимъ боярамъ удалось добиться отмѣны этого порядка, и отнынѣ господари стали назначаться изъ состава мѣстной знати. Въ 1861 г., несмотря на цѣлый рядъ политическихъ и дипломатическихъ препятствій, произошло объединеніе обоихъ княжествъ, при чемъ господари стали выбираться пожизненно самимъ населеніемъ. Въ 1877 г Румынія стала суверенным государствомъ, въ 1881 г. она получила титулъ королевства. Послѣдними въ этомъ неудержимомъ процессѣ національной консолидаціи оказались болгары. Война 1877—78 г. создала вассальное княжество Болгарію и автономную болгарскую провинцію Восточную Румелію, которая должна была находиться подъ управленіемъ особаго христіанскаго генералъ-губернатора. Въ 1885 году, однако, обѣ искусственно раздѣленныя части болгарскаго народа „самовольно", т.-е. безъ согласія Порты и державъ объединились, а въ 1908 году, въ критическій моментъ младо-турецкой революціи, Болгарія объявила свою независимость и приняла офиціальное наименованіе „царства". Послѣ всѣхъ перечисленныхъ политико-хирургическихъ операцій, у Турціи оставалась еще на Балканахъ узкая полоса земли, соединявшая побережье Чернаго и Адріатическаго морей и отдѣлявшая Грецію отъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Знаменитая война 1912—13 годовъ, подробности которой, конечно, свѣжи въ памяти у читателя, лишила Оттоманскую имперію и этого послѣдняго остатка ея когда-то об-

ширныхъ европейскихъ владѣній. Въ результатѣ болѣе чѣмъ столѣтней „консолидаціи“ (выраженіе Дизраэли) турецкой державы, площадь ея балканской территоріи сократилась съ 238,000 кв. миль (въ 1801 г.) до 11.000 кв. миль (въ 1914 г.); въ ея рукахъ здѣсь нынѣ остаются лишь самый Константинополь, да часть Адріанопольскаго вилайета. Такъ какъ въ то же время Высокая Порта потеряла въ теченіе XIX столѣтія всѣ свои африканскія земли, о чемъ рѣчь была уже выше, то въ концѣ-концовъ она почти превратилась въ чисто азіатскую державу, т.-е. противъ собственной воли осуществила совѣтъ фонъ-деръ-Гольца, данный ея властителямъ много лѣтъ назадъ. Извѣстный нѣмецкій генералъ, такъ много потрудившійся надъ реорганизаціей турецкой арміи, находилъ, что европейскія и африканскія владѣнія только обезсиливаютъ Оттоманскую имперію, и поэтому рекомендовалъ главѣ правовѣрныхъ въ интересахъ болѣе здороваго развитія его государства добровольно ограничить предѣлы послѣдняго однѣми лишь „коренными“ азіатскими областями [1]).

Но, хотя такимъ образомъ минувшія 115 лѣтъ произвели огромныя перемѣны въ размѣрахъ и физіономіи Османскаго царства, „ближневосточный вопросъ все-таки остался неразрѣшеннымъ. Наоборотъ, онъ еще болѣе запутался. Оттоманская имперія все еще не была „раздѣлена“, и Константинополь все еще продолжалъ искать своего „господина“; на Балканахъ образовался комплексъ маленькихъ самостоятельныхъ государствъ съ большими аппетитами, которыя вѣчно ссорились между собой и, будучи каждое въ отдѣльности слишкомъ слабо для веденія дѣйствительно самостоятельной политики, представляли собой великолѣпный матеріалъ для шахматной игры европейской дипломатіи; наконецъ, мощное развитіе капиталистическаго имперіализма въ послѣднія десятилѣтія въ сильной степени обострило борьбу между великими державами за Ближній Востокъ и, что особенно важно, къ старымъ, такъ сказать, традиціоннымъ претендентамъ на турецкое наслѣдство—Англіи, Франціи, Австріи и Россіи—прибавило еще двоихъ новыхъ—Германію и Италію. Для того, чтобы нѣсколько разобраться въ сложномъ клубкѣ взаимно перекрещивающихся и переплетающихся „интересовъ“, спекулирующихъ на распадъ Оттоманской имперіи крупныхъ государствъ, постараемся выяснить основныя линіи ихъ „ближневосточной политики“.

---

[1]) См. *P. Rohrbach*, Deutschland unter den Weltvölkern, 1908, стр. 259.

III

Первой великой державой, пришедшей въ непосредственное столкновеніе съ могущественнымъ царствомъ османовъ, была Австрія. Уже въ XV вѣкѣ турки открыли атаку на Венгрію. Столѣтіемъ позже Будапештъ вмѣстѣ съ большей частью венгерскихъ земель подпали подъ власть Высокой Порты, подъ которою они и оставались почти 150 лѣтъ. Въ этотъ періодъ Оттоманская имперія достигла высшей точки своего развитія, она вела войны во всѣхъ концахъ своей обширной территоріи, то-и-дѣло наводняла своими полчищами предѣлы Австріи и подчасъ грозила даже самому ея существованію. Такъ, въ 1529 году Сулейманъ Великолѣпный осадилъ Вѣну, но былъ отбитъ. Въ 1683 году Кара-Мустафа повторилъ тотъ же опытъ, но потерпѣлъ пораженіе отъ пришедшаго на выручку австрійцамъ польскаго короля Яна Сабѣсскаго. Вплоть до конца XVII столѣтія Турція наступала, и вся „ближневосточная политика“ Австріи въ тотъ періодъ сводилась къ защитѣ своихъ владѣній отъ ихъ страшнаго натиска. Карловицкій миръ 1699 года, о которомъ уже упоминалось выше, явился поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ между обоими государствами. Впервые Оттоманская имперія была побѣждена коалиціей Австріи, Польши, Венеціи и Россіи. Она вынуждена была сдѣлать серьезныя территоріальныя уступки своимъ противникамъ и измѣнить основное направленіе своей внѣшней политики: отъ наступленія она перешла къ оборонѣ, и изъ страшнаго олицетворенія гнѣва Господня стала все больше превращаться въ „больного человѣка“, покорно ждущаго своей смерти на берегахъ Золотого Рога. И въ той мѣрѣ, въ какой агрессивный духъ постепенно исчезалъ во дворцѣ Высокой Порты, онъ крѣпъ и развивался въ рядахъ господствующихъ классовъ Австріи, заставляя ихъ, въ свою очередь, переходить въ наступленіе и предъявлять свои требованія на богатое турецкое наслѣдство. Но уже тутъ въ эту раннюю эпоху „ближневосточнаго вопроса“ вполнѣ ясно опредѣлилась основная характерная черта австрійскихъ „интересовъ“ въ царствѣ османовъ, черта, сохранившаяся въ полной мѣрѣ вплоть до настоящаго дня,—ихъ ограниченность однимъ лишь Балканскимъ полуостровомъ. Австрійская „сфера вліянія“—это только Балканы и даже скорѣе только часть Балканъ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ австрійская „ближневосточная политика“ есть по существу лишь

„балканская политика". Дальше указанныхъ рамокъ Вѣнскія притязанія не заходили и не заходятъ.

Однако въ этой облюбованной ею области Австрія твердо знаетъ, чего она хочетъ. На протяженіи минувшихъ 200 лѣтъ ея поведеніе на Балканахъ, конечно, не разъ подвергалось частичнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ той или иной дипломатической и военной ситуаціи, но все-таки кардинальная линія ея политики оставалась неизмѣнно одна и та же: монархія Габсбурговъ всегда стремилась и до настоящаго момента продолжаетъ стремиться наложить свою руку на западную половину Балканскаго полуострова. Англійскій дипломатъ Хаутонъ разсказываетъ, что какъ-то вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса 1878 года австрійскій кронпринцъ Рудольфъ въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ: Вѣна ничего не имѣла бы противъ занятія Константинополя Россіей, если бы одновременно орлы Габсбурговъ были водружены надъ Салониками[1]). Эта откровенная фраза даетъ ключъ къ пониманію „ближневосточной политики" двуединой Дунайской имперіи. И она въ общемъ неуклонно слѣдуетъ къ осуществленію намѣченныхъ цѣлей. Въ XVIII ст. Австрія завоевываетъ Сербію и въ теченіе 21 года (1718—39) удерживаетъ ее подъ своимъ владычествомъ. Въ 1797 году она по миру въ Кампо-Форміо получаетъ Далмацію, въ 1878 году занимаетъ Боснію и Герцеговину, которыя тридцать лѣтъ спустя официально становятся ея неотъемлемыми владѣніями. Въ то же время Австрія прилагаетъ огромныя усилія къ тому, чтобы обезпечить за собой доминирующее положеніе въ Сербіи, Черногоріи, Албаніи и Западной Македоніи съ расчётомъ при столь нетерпѣливо ожидаемомъ „раздѣлѣ" Оттоманской имперіи предъявить свои права на облюбованные районы. Отсюда естественно вытекаетъ задача двоякаго рода: съ одной стороны, необходимость заранѣе связать метрополію съ ея будущими провинціями возможно болѣе тѣсными узами политическими, экономическими, духовными, съ другой, еще болѣе повелительная необходимость—поддерживать ихъ слабыми, раздробленными, неспособными къ серьезному сопротивленію. Австрія дѣлаетъ то и другое.

Своей политикой въ XVIII столѣтіи ей удается вселить въ сознаніи сербовъ убѣжденіе, что единственной державой, которая способна освободить ихъ изъ-подъ турецкаго ига, является только

---

[1]) *P. Rohrbach*, ibid, стр. 242.

имперія Габсбурговъ. Не даромъ сербскій поэтъ того времени называетъ Іосифа II австрійскаго „покровителемъ“ сербской расы“. Дѣйствительно, въ годы рожденія сербской независимости Дунайская монархія обнаруживаетъ величайшій интересъ къ судьбамъ маленькаго народа и въ пику Россіи предлагаетъ ему свою помощь и протекторатъ. Позднѣе она энергично поддерживаетъ австрофильскую политику Александра Карагеоргіевича (1842—59) и Милана (1882—89), участвуетъ во всѣхъ интригахъ противъ вѣнценосныхъ представителей руссофильства, въ 1885 году спасаетъ Сербію отъ разгрома Болгаріей, протестуетъ противъ Санъ-Стефанскаго договора, какъ закрывающаго Сербіи и Австріи выходъ къ Эгейскому морю и добивается его серьезной модификаціи на Берлинскомъ конгрессѣ, способствуетъ развитію торговыхъ сношеній между обѣими странами, противодѣйствуетъ итальянскимъ планамъ въ Албаніи и Македоніи, наконецъ, выдвигаетъ въ 1908 году проектъ соединенія рельсовой линіей Сараево съ Митровицей и установленія такимъ образомъ прямого желѣзнодорожнаго пути между Вѣной и Салониками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія строго блюдетъ, чтобы опекаемые ею области и народы не стали слишкомъ сильными и самостоятельными и заблаговременно принимаетъ рядъ предупредительныхъ мѣръ. На Берлинскомъ конгрессѣ 1878 года ей удается вдвинуть между Сербіей и Черногоріей пресловутый Новобазарскій Санджакъ и этимъ способомъ воспрепятствовать объединенію двухъ одноплеменныхъ государствъ; она всячески борется противъ полученія Сербіей свободнаго выхода къ морю и противъ велико-сербской агитаціи, но въ особенности энергично она выступаетъ противъ всякаго усиленія Россіи на Балканахъ, ибо это естественно грозитъ реализаціи ея наиболѣе завѣтныхъ надеждъ. Поэтому, въ эпоху Крымской кампаніи Австрія занимаетъ весьма угрожающую по отношенію къ восточной сосѣдкѣ позицію и тѣмъ вынуждаетъ русскія войска къ отступленію изъ Турціи и Румыніи; поэтому въ 1878 году она (вмѣстѣ съ Англіей) вырываетъ у Россіи значительную часть плодовъ ея побѣдъ; поэтому въ концѣ прошлаго вѣка она привѣтствуетъ увлеченіе Россіи дальневосточной политикой и въ 1897 году заключаетъ съ ней соглашеніе, исключающее всякіе завоевательные планы со стороны обѣихъ державъ на Балканахъ, а въ 1901 году вырабатываетъ съ ней общую программу о поддержаніи statu quo въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи; поэтому же съ воцареніемъ „русскаго вліянія“ въ Сербіи при нынѣшнемъ королѣ Петрѣ Карагеоргіевичѣ (съ 1903) она начинаетъ съ ней упорную экономическую и

политическую борьбу, ищетъ сближенія съ Болгаріей и, опираясь на Германію, неоднократно грозитъ кулакомъ Россіи (особенно въ 1908 и 1914 г.). Австро-Венгрія, по извѣстному образному выраженію, „часовой на Балканахъ“, и она зорко сторожитъ свою будущую добычу.

Характеризуя „ближневосточную“ политику Габсбургской монархіи, я то-и-дѣло вынужденъ былъ упоминать имя Россіи. И это вполнѣ понятно. Обѣ сосѣднія державы съ незапамятныхъ временъ являлись постоянными соперниками въ спорной области; обѣ претендовали на доминирующее вліяніе въ предѣлахъ европейской Турціи; обѣ намѣчали себѣ однѣ и тѣ же или очень близко совпадающія другъ съ другомъ доли оттоманскаго наслѣдства, и потому естественно, что между „ближневосточной“ активностью обѣихъ имперій существовала всегда примѣрно столь же тѣсная связь, какъ между положительнымъ и отрицательнымъ полюсами электрической энергіи. Однако справедливость требуетъ сказать, что притязанія Россіи въ сферѣ господства „больного человѣка“ были гораздо больше, чѣмъ притязанія Австріи, ея цѣли и проектъ неизмѣримо шире и грандіознѣе.

Первоначально дѣло шло лишь о стихійной тягѣ Москвы „на югъ“, къ удобному и свободному выходу на Черное море. Отправнымъ пунктомъ этого великаго историческаго движенія можно считать конецъ XVII вѣка, когда въ правленіи царевны Софьи (1682—89) Россія приняла участіе въ „Священномъ союзѣ“ Австріи, Польши и Венеціи противъ турокъ. Это было первой серьезной попыткой агрессивной политики по отношенію къ Оттоманской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ „ближневосточной“ политики Россіи. Петръ Великій въ теченіе своего долгаго царствованія энергично стремился пробиться къ завѣтнымъ „эвксинскимъ берегамъ“, для чего предпринялъ рядъ походовъ противъ османовъ и татаръ (въ 1695, 1696—1700, 1710—12), однако всѣ его усилія стать твердой ногой на Черномъ и Азовскомъ моряхъ окончились неудачей. Войны съ Оттоманской имперіей продолжались и послѣ смерти Петра, но только Екатеринѣ II посчастливилось осуществить его наиболѣе смѣлыя мечтанія. При ней по двумъ договорамъ — въ Кучукъ-Кайнарджи (1775 г.) и Яссахъ (1791 г.) Россія получила навсегда Крымъ, Кубань и все черноморское побережье до Днѣстра, пріобрѣла право свободнаго плаванія по Черному, Мраморному и Средиземному морямъ и, наконецъ, что особенно важно, была признана болѣе или менѣе офиціальной покровительницей румынскихъ княжествъ Мол-

давіи и Валахіи и христіанскаго населенія самой Турціи. Званіе „покровительницы“ давало Россіи возможность выступать съ различными „представленіями“ отъ имени своихъ довѣрителей передъ Портой и такимъ образомъ снабжало ее очень удобнымъ предлогомъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла послѣдней. Съ такимъ „ближневосточнымъ“ наслѣдствомъ Россія вступила въ XIX вѣкъ. И тутъ произошла довольно крутая перемѣна. Ея первоначально нѣсколько неясная и расплывчатая тенденція „на югъ“ постепенно окрѣпла, развилась и приняла законченную форму, которая въ своемъ наиболѣе яркомъ выраженіи стала гласить: превращеніе Чернаго моря въ „русское море“. Чрезвычайно любопытно отмѣтить, что такой видный представитель германскаго имперіализма, какъ Пауль Рорбахъ, признаетъ „неоспоримое историческое и моральное право“ Россіи на эту сложную политическую операцію [1]). Les beaux esprits se rencontrent, но это лишь мимоходомъ.

Превращеніе Чернаго моря въ „русское море“ требовало, очевидно, охвата его съ двухъ сторонъ—съ востока и запада. Завоеваніе Кавказа и областей Карса и Батума (послѣднихъ въ 1878 г.) служило осуществленіемъ первой части смѣлаго плана. Оно далось не легко (одно покореніе Кавказа потребовало 60 лѣтъ борьбы), но это все-таки была еще сравнительно болѣе простая задача. Гораздо сложнѣе обстояло дѣло съ заходомъ съ запада, ибо тутъ Россіи приходилось сталкиваться съ могущественнымъ сопротивленіемъ со стороны Австріи и еще нѣкоторыхъ другихъ великихъ державъ, о которыхъ ниже. Поскольку однако позволяли время и обстоятельства, Россія все время проводила одну опредѣленную „ближневосточную“ линію: раздѣлъ Турціи, собственное укрѣпленіе въ Константинополѣ и на проливахъ и быть-можетъ, созданіе великаго всеславянскаго царства, включающаго въ свой составъ христіанскіе народы Балканъ и, по крайней мѣрѣ, часть славянскихъ подданныхъ Габсбургской короны. Вотъ почему съ точки зрѣнія офиціальной Россіи все, что усиливаетъ позицію и вліяніе нашего отечества въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи, всегда являлось благомъ, все, что препятствуетъ этому усиленію,—зломъ. Ибо предполагалось и,—надо признать откровенно,—не безъ основанія, что, если Россія станетъ твердой стопой у воротъ Золотого Рога, малоазіатскій берегъ Чернаго моря естественно и неизбѣжно перейдетъ въ ея же руки, замыкая такимъ

[1]) *P. Rohrbach*, ibid, стр. 243.

образомъ „русскую линію“ вокругъ важнѣйшаго воднаго бассейна Ближняго Востока. И Россія не менѣе послѣдовательно, чѣмъ Австрія, и постоянно сталкиваясь и конкурируя съ послѣдней, все время ведетъ свою особую политику на Балканахъ.

Въ 1802 году въ обмѣнъ за услуги, оказанныя Портѣ въ борьбѣ съ Наполеономъ, она получаетъ отъ султана обѣщаніе, что молдавскіе господари не будутъ назначаться безъ санкціи царя. Въ 1807 г. Россія вмѣшивается въ сербское возстаніе, а въ 1812 году по Бухарестскому договору обезпечиваетъ установленіе сербской автономіи и пріобрѣтаетъ для себя Бессарабію. Въ 20-хъ годахъ она покровительствуетъ развитію греческаго движенія за независимость (знаменитое общество „Philike Hetairia“, подготовившее возстаніе 1821 года, возникаетъ въ 1814 году въ Одессѣ, Инсиланти и Каподистріи — лица, сыгравшія столь крупную роль въ борьбѣ за освобожденіе Греціи, долгое время находятся на русской государственной службѣ), въ 1826 году заключаетъ съ Турціей такъ называемую Аккерманскую конвенцію, гарантирующую ей свободное плаваніе по Черному морю и назначеніе румынскихъ господарей изъ состава мѣстной румынской знати, опять-таки съ согласія царя. Въ 1828—29 годахъ во время войны, вызванной несоблюденіемъ Портой Аккерманской конвенціи, Россія оккупируетъ (на 6 лѣтъ) Молдавію и Валахію, Дибичъ занимаетъ Адріанополь, Энось и Мидію и останавливается почти подъ стѣнами Константинополя. По Адріанопольскому миру 1829 года Россія получаетъ Добруджу, снова подтверждается ея право свободнаго плаванія по Черному и Мраморному морямъ, Дарданеллы признаются открытыми для торговыхъ судовъ всѣхъ странъ. Въ 1833 году султанъ, прижатый къ стѣнѣ грознымъ возстаніемъ египетскаго вице-короля Махметъ-Али, обращается за помощью къ Николаю I, русскій флотъ вступаетъ въ Босфоръ, русская армія окапывается на его азіатскомъ берегу, вліяніе Россіи въ Портѣ становится всемогущимъ и въ результатѣ между обѣими державами заключается договоръ о взаимной поддержкѣ „въ случаѣ нужды“: Россія обязуется при этомъ доставлять султану вспомогательное войско, а Турція по знаку изъ Петербурга закрывать Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Въ 1848 году Россія снова занимаетъ румынскія княжества въ интересахъ „возстановленія порядка“, нарушеннаго здѣсь отголосками западно-европейскихъ революцій, и по Балто-Лиманской конвенціи 1849 года добивается значительнаго усиленія своего авторитета въ нижнемъ теченіи Дуная. Наканунѣ Крымской кампаніи Николай I предлагаетъ

Англіи раздѣлъ Турціи на слѣдующихъ основаніяхъ: Англія получаетъ Критъ и Египетъ, Россія „временно“ оккупируетъ Константинополь и создаетъ независимыя княжества Сербію и Болгарію. Предложеніе это однако было вѣжливо, но рѣшительно отклонено. Въ 1853 году Россія требуетъ возстановленія своего формальнаго протектората надъ греческой церковью въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, изъ чего въ концѣ-концовъ разыгрывается Крымская война, а въ 1870 году настаиваетъ на образованіи особаго болгарскаго экзархата. Въ 1878 году русскія войска снова стоятъ подъ стѣнами Константинополя, и въ Санъ-Стефано заключается извѣстный мирный договоръ, согласно которому значительно увеличивались и почти сливались другъ съ другомъ территоріи Сербіи и Черногоріи и создавалась „Великая Болгарія“ отъ Эгейскаго до Чернаго морей, лежащая у самыхъ воротъ Царьграда. Договоръ этотъ, впрочемъ, какъ упоминалось выше, былъ сильно измѣненъ Берлинскимъ конгрессомъ. Позднѣе, убѣдившись, что освобожденная Болгарія обнаруживаетъ слишкомъ большую самостоятельность, официальная Россія добивается удаленія (въ 1886 г.) князя Александра Баттенбергскаго, сторонника доктрины „Болгарія для болгаръ“, и вплоть до 1896 года не можетъ примириться съ неугоднымъ ей новымъ болгарскимъ повелителемъ—Фердинандомъ Кобургскимъ. Начавшееся со средины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія увлеченіе Россіи дальневосточными дѣлами нѣсколько ослабило интересъ ея къ балканскому вопросу, но въ послѣдніе годы, послѣ неудачнаго столкновенія съ Японіей, вниманіе ея снова переносится на завѣтные „эвксинскіе берега“. Здѣсь она снова неизбѣжно сталкивается съ Австріей,—покровительствуетъ Сербіи, гдѣ съ 1903 года ея вліяніе становится доминирующимъ, способствуетъ созданію „Балканской Лиги“ (въ 1912 г.), разгромившей Турцію, и, наконецъ, съ первымъ ударомъ міровой войны въ давно уже небывалой конкретной формѣ начинаетъ думать и готовиться къ разрѣшенію старой проблемы: Константинополь и проливы. Длинная цѣпь фактовъ и событій, объединенныхъ одной общей основной идеей...

IV

Обѣ великія державы, „ближневосточную политику“ которыхъ мы до сихъ поръ разсматривали, несмотря на свое традиціонное вѣковое соперничество, имѣютъ однако нѣчто общее въ своихъ

цѣляхъ и стремленіяхъ: обѣ онѣ заинтересованы въ разрушеніи Оттоманской имперіи, обѣ онѣ стремятся возможно скорѣе и полнѣе положить предѣлъ существованію „больного человѣка“ на Босфорѣ. И если распадающееся царство османовъ сумѣло, тѣмъ не менѣе, выдержать почти 200-лѣтній напоръ Австріи и Россіи и вплоть до настоящаго дня сохранить извѣстную жизнеспособность, то это объясняется прежде всего той могущественной поддержкой, которую Порта въ теченіе всего XIX столѣтія получала со стороны Англіи. Ибо непосредственные экономическіе и политическіе интересы этой послѣдней настоятельно диктовали ей въ противоположность двумъ сѣвернымъ имперіямъ охрану цѣлости и независимости Турецкаго государства.

Каковы были эти интересы?

Прежде всего чисто торговые. Коммерческія сношенія Англіи съ съ Ближнимъ Востокомъ начались еще въ XVI ст. Уже въ 1520 году мы находимъ перваго англійскаго консула на Критѣ. Въ 1581 году возникла „Company of Merchants of the Levant“, которая, подобно всѣмъ своимъ наслѣдницамъ, вплоть до 1803 года, назначала и оплачивала британскихъ посланниковъ при дворѣ султана. Въ задачи послѣднихъ входила главнымъ образомъ защита экономическихъ интересовъ могущественной компаніи и только на второмъ планѣ уже стояли вопросы политическаго характера. Левантинская торговля Англіи успѣшно развивалась въ теченіе всѣхъ минувшихъ трехъ столѣтій, и въ настоящее время достигаетъ весьма крупныхъ размѣровъ [1]). И вполнѣ естественно, конечно, что съ точки зрѣнія своихъ торговыхъ интересовъ Великобританія должна была очень отрицательно относиться къ расхищенію Оттоманской имперіи великими державами Европы.

---

[1]) Въ 1912 г. размѣры англійской торговли на Ближнемъ Востокѣ выражались слѣдующими цифрами:

	Импортъ.	Экспортъ.
Турція . . .	6,4 милл. ф.	8,1 милл. ф.
Румынія . . .	3,3 „	2,9 „
Болгарія	0,5 „	1,0 „
Сербія	— „	0,3 „
Греція	2,2 „	2,5 „
Египетъ	25,8 „	9,5 „
	38,2 милл. ф.	24,3 милл. ф.

Но былъ у Англіи и еще одинъ и притомъ гораздо болѣе властный и повелительный мотивъ, заставлявшій ее дѣйствовать въ томъ же направленіи, — это забота объ охранѣ своихъ восточно-колоніальныхъ владѣній. Около середины XVIII вѣка Великобританія окончательно утвердилась въ Индіи, тридцатью годами позже она начала заселеніе Австраліи и Новой Зеландіи, въ XIX ст. она ступила твердой ногой на юго-восточномъ побережьѣ Китая. Съ тѣхъ поръ основной догмой внѣшней политики Альбіона становится обезпеченіе цѣлости своихъ богатѣйшихъ заокеанскихъ провинцій и свобода и безопасность ведущихъ къ нимъ путей. Слабая и распадающаяся Турція, являющаяся буферомъ между Россіей и Австріей, съ одной стороны, и побережьемъ Индійскаго океана съ другой, была настоящей находкой для Великобританіи. Если бы ея не существовало, ее необходимо было бы выдумать. Сама имперія османовъ была Англіи не страшна, и вмѣстѣ съ тѣмъ она прикрывала собой подступы къ знаменитой „жемчужинѣ британской короны“. Отсюда доминирующая нота всей „ближневосточной политики“ Соединеннаго Королевства въ XIX вѣкѣ,—поелику возможно охранять неприкосновенность владѣній султана; отсюда вѣчное стремленіе препятствовать продвиженію Россіи на югъ и въ особенности захвату ею Константинополя; отсюда почти столѣтнее „туркофильство“ англійскихъ государственныхъ людей. На рубежѣ XX столѣтія вмѣстѣ съ появленіемъ Германіи на Ближнемъ Востокѣ настроеніе правящихъ круговъ Великобританіи сильно измѣнилось, но рѣчь объ этомъ будетъ еще ниже.

Факты вполнѣ подтверждаютъ вышенарисованную концепцію. Въ послѣдніе годы XVIII вѣка и первые XIX, когда Англія напрягала всѣ усилія въ борьбѣ съ французскимъ колоссомъ, ей волей-неволей приходилось искать союза съ Россіей и смотрѣть сквозь пальцы на балканскія поползновенія послѣдней. Но, когда могущество Наполеона было наконецъ сломлено, и великій завоеватель очутился на скалистомъ островѣ, затерянномъ въ безбрежности океана, дружбѣ между обѣими державами пришелъ конецъ, и наоборотъ открылась почти столѣтняя эра ихъ откровенной и незамаскированной вражды. Когда въ 1828 году, готовясь къ войнѣ съ Турціей, Россія предложила Англіи принять участіе въ предполагаемой кампаніи, послѣдняя отвѣтила отказомъ. Андріанопольскій миръ 1829 года сильно напугалъ Великобританію и между прочимъ побудилъ ее настаивать на суженіи границъ греческаго королевства, которое въ то время подозрѣвалось въ руссофильскихъ симпатіяхъ. Въ тридцатыхъ годахъ

Пальмерстонъ пришелъ къ выводу, что въ интересахъ Англіи лежитъ поддерживать небольшія христіанскія государства на Балканахъ, какъ барьеръ противъ движенія Россіи на Константинополь, поэтому въ 1837 г. онъ посылаетъ въ Сербію ко двору Милоша полковника Ходжа въ качествѣ британскаго консула и энергично поддерживаетъ тамъ антирусскую партію. Точно такъ же въ 1848—49 гг. Великобританія беретъ руку Румыніи противъ Россіи, а въ 1865—70 гг. сочувственно относится къ созданію независимой Болгаріи, разсматривая послѣднюю какъ еще одно препятствіе на пути Россіи къ берегамъ Золотого Рога. Въ 1885 году она охотно признаетъ возсоединеніе Восточной Румеліи съ Болгаріей, ибо усматриваетъ въ этомъ фактѣ проявленіе антирусскаго духа. Впрочемъ, косвенное содѣйствіе нарожденію балканскихъ княжествъ и королевствъ, появленіе которыхъ становилось объективно неизбѣжнымъ, не мѣшаетъ Англіи энергично спасать отъ Турціи то, что еще поддавалось спасенію. Въ 1841 году она добивается особой европейской „конвенціи о проливахъ“, закрывающей въ мирное время Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ державъ. Въ 1853—55 гг. Англія принимаетъ участіе въ Крымской кампаніи и на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года проводитъ освобожденіе Румыніи отъ русскаго вліянія и ограниченіе размѣровъ русскаго (а также и турецкаго) военнаго флота на Черномъ морѣ, которое Россія, съ молчаливаго согласія Германіи, нарушила только въ 1870 году. Но быть-можетъ самымъ наглядымъ и характернымъ для всей позиціи Великобританіи въ „ближневосточномъ вопросѣ“ является ея поведеніе въ 1877—78 гг. Въ маѣ 1876 года разразились извѣстныя турецкія звѣрства въ Болгаріи. Башибузуки на протяженіи всей страны массами избивали беззащитныхъ христіанъ. Особенные ужасы разыгрались въ деревнѣ Батакъ. Жители ея, подвергшіеся нападенію со стороны двухъ бандъ насильниковъ, сдались на условіи, что ихъ жизнь будетъ пощажена. Вмѣсто этого началось поголовное вырѣзываніе всѣхъ безъ различія пола и возраста. Толпа обезумѣвшихъ людей заперлась въ церкви, турки подожгли ее и стали стрѣлять въ горящихъ. Около 5.000 человѣкъ погибло въ одномъ этомъ селеніи, а всего въ Болгаріи было убито свыше 12.000 христіанъ. Негодованіе Европы не знало границъ. Въ Англіи поднялась настоящая буря протестовъ. Гладстонъ выпустилъ пламенную брошюру, въ которой требовалъ изгнанія турокъ изъ Болгаріи. Консервативный министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ въ Константинополь, что „болгарскія звѣрства“ уничтожили всякую симпатію къ Портѣ

въ предѣлахъ Великобританіи, а лордъ Дерби одновременно прямо заявилъ: „Если бы даже Россія объявила Турціи войну, правительство ея величества не нашло бы возможнымъ вмѣшаться въ конфликтъ". Сильныя слова! Горячія чувства! И однако два года спустя, когда русскія войска стояли подъ Константинополемъ, британскій флотъ вошелъ въ Мраморное море, британскій парламентъ вотировалъ 6 милл. ф. на военные расходы, часть британскихъ резервовъ была мобилизована и языкъ британской прессы и британскихъ политиковъ принялъ такой характеръ, что вооруженный конфликтъ между Англіей и Россіей казался неизбѣжнымъ. И потомъ на Берлинскомъ конгрессѣ Великобританія сдѣлала все возможное для того, чтобы спасти Оттоманскую имперію и лишить Россію ея завоеваній. Двадцатью годами позже повторилась аналогичная исторія. Въ 1894—96 гг. разыгрались знаменитыя „армянскія звѣрства": въ Арменіи, въ городахъ Малой Азіи и въ самомъ Константинополѣ были перебиты десятки тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ подъ руководствомъ мѣстныхъ турецкихъ властей, по приказу, или по крайней мѣрѣ, съ дозволенія центральнаго правительства. И опять волна негодованія прокатилась по Европѣ, опять Гладстонъ, уже древній старикъ, выступилъ съ грознымъ обвиненіемъ противъ турецкаго режима и назвалъ Абдулъ-Гамида „великимъ убійцей". И однако и теперь не было предпринято никакихъ серьезныхъ шаговъ ни для наказанія виновниковъ армянскихъ ужасовъ, ни для предупрежденія ихъ повтореній. Англійское правительство вторично смолчало, ибо для него было важно и необходимо сохраненіе statu quo на Ближнемъ Востокѣ. Въ политикѣ господствуютъ не сентименты, а интересы, пылкое и благородное чувство человѣчности было въ тысячу первый разъ въ исторіи принесено въ жертву жестокимъ потребностямъ практической выгоды.

Австрія, Россія и Англія—это главныя основныя державы, игравшія въ теченіе столѣтій доминирующую роль въ судьбахъ Оттоманской имперіи. Для того, однако, чтобы дополнить нарисованную выше картину, необходимо, прежде чѣмъ перейти къ Германіи, еще хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на „ближневосточной политикѣ" Франціи и Италіи.

Несмотря на то, что въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ Франція поддерживала тѣсныя отношенія и нерѣдко заключала договоры и союзы съ Высокой Портой, въ XIX вѣкѣ ея активность въ сферѣ Ближняго Востока отличалась въ общемъ довольно скромными размѣрами и носила какой-то отрывочный и спорадическій характеръ.

Такъ, съ 1805—14 гг. Франція владѣетъ Далмаціей; въ 20—30-хъ годахъ она чрезвычайно усиливаетъ свое вліяніе въ Египтѣ, гдѣ создаетъ Мегмету-Али прекрасное войско, поставившее въ 1833 году на край гибели турецкаго султана; въ 1830 году она захватываетъ Алжиръ, въ 1881 году—Тунисъ; въ 1853—55 г. принимаетъ участіе въ Крымской кампаніи, а въ 60-хъ годахъ проводитъ Суэцкій каналъ, мечтая о подчиненіи себѣ Египта и образованіи большого колоніальнаго царства на сѣверномъ берегу Африки. Но встрѣтивъ сильнаго конкурента въ лицѣ Англіи, Франція безъ особаго сопротивленія сдаетъ свои позиціи на Нилѣ и устремляетъ свои взоры совсѣмъ въ иномъ направленіи. Позднѣе она начинаетъ разсматривать какъ свою „сферу вліянія“ Сирію, и въ настоящее время претендуетъ именно на нее, какъ на свою долю турецкаго наслѣдства. Въ общемъ, окидывая ретроспективнымъ взглядомъ „ближневосточную политику“ Франціи на протяженіи минувшаго столѣтія, невольно приходишь къ выводу, что ей нехватаетъ выдержанности и послѣдовательности, какой отличается, напр., политика Англіи или Россіи; что въ ней слишкомъ большую роль играютъ личные импульсы и настроенія момента, и что удѣльный вѣсъ ея притязаній чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ становится меньше и скромнѣй. Конечно, третья республика и сейчасъ формально считается одной изъ крупнѣйшихъ „ближневосточныхъ“ державъ, голосъ которой всегда принимается во вниманіе при рѣшеніяхъ, касающихся злополучной проблемы (каждая великая держава можетъ на это претендовать), однако справедливость требуетъ сказать, что „интересы“ Франціи въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, даже мѣряя ихъ обычнымъ въ международной политикѣ офиціально-дипломатическимъ масштабомъ, гораздо менѣе серьезны, чѣмъ „интересы“ другихъ важнѣйшихъ государствъ.

Появленіе Италіи на „ближневосточномъ“ горизонтѣ относится къ самому позднѣйшему періоду. Еще въ 1877 году въ отвѣтъ на протесты Кристи противъ оккупаціи Австріей Босніи и Герцеговины Бисмаркъ и лордъ Дерби единодушно заявляли: „Возьмите себѣ Албанію“ [1]). Однако въ тотъ періодъ Аппенинское королевство не рѣшалось на столь смѣлый и чреватый послѣдствіями шагъ. Въ 1881 году, когда Франція объявила протекторатъ надъ Тунисомъ, Англія и Германія совѣтовали Италіи въ видѣ „компенсаціи“ захватить Три-

[1]) *E. Reventlow.* Deutschlands auswärtige Politik, 1914, стр. 9—10.

поли. Однако и это дружеское указаніе не имѣло практическихъ результатовъ. Въ 1882—3 гг. Великобританія приглашала Италію принять участіе въ экспедиціи въ Египетъ, но послѣдняя и на этотъ разъ осталась нейтральной. Главная причина итальянской сдержанности заключалась въ боязни крупныхъ расходовъ и въ желаніи избѣжать острыхъ осложненій съ Франціей, которыя сдѣлались бы неизбѣжными при вступленіи на путь колоніальной политики. Для этого лишь незадолго передъ тѣмъ объединившаяся страна не чувствовала себя еще достаточно сильной. Только съ началомъ 90-хъ годовъ въ настроеніи итальянскихъ правящихъ круговъ происходитъ извѣстный переломъ. Капитализмъ на Аппенинскомъ полуостровѣ замѣтно крѣпнетъ, имперіалистскія тенденціи выявляются неопредѣленнѣй, тяга „за океанъ“ становится неодолимѣй. Италія ищетъ себѣ поле колоніальной дѣятельности и находитъ его въ Абиссиніи и Эритреѣ. Однако жестокій военный разгромъ, нанесенный въ 1897 году при Адуѣ негусомъ Менеликомъ непрошеннымъ цивилизаторамъ, ставитъ ранній предѣлъ итальянскимъ успѣхамъ въ восточной Африкѣ. Тогда взоръ имперіалистовъ Аппенинскаго королевства снова возвращается къ знакомымъ объектамъ возможнаго обладанія—къ Триполи и Албаніи. Первая изъ названныхъ областей становится добычей Италіи въ 1911 году, о судьбахъ второй сейчасъ на поляхъ сраженій Европы мечутся ризы. Но аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой, и нынѣ Италія уже больше не довольствуется одной Албаніей. Нынѣ она мечтаетъ о подчиненіи себѣ Тріеста, Далмаціи, Герцеговины, Черногоріи; она стремится къ превращенію Адріатическаго моря въ „итальянское море“; она рѣшительно хочетъ стать одной изъ великихъ „балканскихъ“ державъ. Съ этими именно цѣлями и задачами Италія вступила въ великую міровую войну, скрестивъ въ вооруженномъ конфликтѣ мечи со своей главной противницей въ осуществленіи заманчивыхъ плановъ—Австро-Венгріей. Будущее покажетъ, какъ разсудитъ австро-итальянскій споръ исторія...

V

Послѣ всего сказаннаго выше читатель, надѣюсь, согласится, что Ближній Востокъ можетъ быть по справедливости названъ „нервнымъ узломъ“ международной европейской политики, въ которомъ сходятся и перекрещиваются линіи самыхъ разнообразныхъ велико-

державныхъ интересовъ. и вотъ въ сравнительно очень недавнее время въ этотъ болѣзненно напряженный центръ, полный сложныхъ и трудно разрѣшимыхъ проблемъ, ударила новая могущественная сила, клиномъ врѣзалась еще одна, до сихъ поръ стоявшая нѣсколько особнякомъ страна—Германія. Мотивы, двинувшіе ее на завоеваніе Оттоманской имперіи, были впрочемъ нѣсколько иного свойства, чѣмъ тѣ, которые руководили дѣйствіями уже знакомыхъ намъ государствъ. Австрія и Россія съ самаго начала мечтали о раздѣлѣ Турецкаго царства, о непосредственно-политическомъ подчиненіи имъ опредѣленныхъ частей распадающейся имперіи османовъ. Движущей силой ихъ завоевательныхъ стремленій были интересы господствующей земельной аристократіи, для которой каждое расширеніе отечественной территоріи означаетъ увеличеніе ея недвижимой собственности, умноженіе высшихъ военныхъ и административныхъ постовъ, ростъ числа „крѣпостныхъ“ и налогоплательщиковъ,—словомъ огромное усиленіе ея экономическаго и политическаго могущества. Въ интересахъ облегченія реализаціи своихъ цѣлей и задачъ, земельная аристократія, конечно, всегда охотно была готова использовать различнаго рода „идеологическіе моменты“ (національное чувство, религію и пр.), но это все-таки нисколько не мѣняло существа дѣла. Англія какъ держава капиталистическая, гдѣ у власти стоитъ буржуазія, смотрѣла на Турцію нѣсколько иначе. Для нея это былъ прежде всего прекрасный барьеръ между Индіей и Россіей и затѣмъ уже во второй инстанціи торговый рынокъ. На цѣлость Оттоманской имперіи она долгое время сама не покушалась, наоборотъ, какъ я указалъ выше, въ ея интересахъ лежало всячески охранять неприкосновенность владѣній султана. Но точно также въ ея интересахъ лежало поддерживать Высокую Порту въ состояніи слабости, раздробленности, безпомощности, не давать ей усиливаться политически и экономически, дабы не нажить себѣ въ ея лицѣ опаснаго претендента на свои азіатскія колоніальныя владѣнія.

Германія находилась въ совсѣмъ иномъ положеніи. О территоріальныхъ завоеваніяхъ на Ближнемъ Востокѣ ей трудно было думать хотя бы уже въ силу ея географической удаленности отъ береговъ Мраморнаго моря. Къ тому же здѣсь ей дорогу заступали наиболѣе могущественныя европейскія державы. Далѣе—и это особенно важно—періодъ, когда берлинское правительство оказалось вообще способнымъ къ активному участію въ международной политикѣ, совпалъ съ бурнымъ расцвѣтомъ германскаго капитализма,

выдвинувшимъ на первый планъ въ сферѣ интернаціональныхъ отношеній иные, чѣмъ раньше, цѣли и интересы и намѣтившимъ иные, болѣе „современные“ методы ихъ осуществленія и защиты. Коротко говоря, въ основѣ нынѣшняго устремленія монархіи Гогенцоллерновъ на Ближній Востокъ лежатъ не столько аппетиты юнкерства, сколько потребности капиталистическаго имперіализма, и въ соотвѣтствіи съ этимъ ближайшей задачей Германіи является не политическое, а экономическое завоеваніе настоящихъ и бывшихъ оттоманскихъ владѣній. Политическое завоеваніе—и въ этомъ, конечно, не сомнѣваются носители нѣмецкой государственной власти—придетъ позже, придетъ, пожалуй, само собой, но пока оно еще не созрѣло, оно еще не находится въ предѣлахъ практической досягаемости. Этотъ специфическо-имперіалистическій характеръ тевтонскаго „Drang nach Osten“ имѣетъ одно чрезвычайно важное послѣдствіе. Поскольку Германія до поры до времени стремится лишь къ экономическому порабощенію Турціи (и Балканъ), т.-е. къ использованію ея естественныхъ богатствъ, къ постройкѣ въ ея предѣлахъ желѣзныхъ дорогъ, къ увеличенію своей торговли съ нею и т. д., она становится сама заинтересованной не только въ охранѣ цѣлости, но и въ извѣстномъ хозяйственномъ усиленіи Оттоманской имперіи, ибо безъ этого немыслимо развитіе между обѣими державами оживленныхъ коммерческихъ сношеній. А они-то, эти коммерческія отношенія, вѣдь какъ разъ и стоятъ въ центрѣ вниманія нѣмецкой буржуазіи. Во всякомъ случаѣ Германія не особенно пугается усиленія Турціи, не усматриваетъ въ немъ непосредственной для себя опасности. Кромѣ того, Германіи выгодно, если „раздѣлъ“ Ближняго Востока станетъ въ концѣ-концовъ уже неизбѣжнымъ, возможно дальше оттягивать наступленіе этого момента, дабы самой прочнѣе утвердиться тамъ и получить такимъ образомъ право при ликвидаціи оттоманскаго наслѣдства предъявить требованія на максимально-допустимую долю, быть-можетъ, на Константинополь и большую часть Малой Азіи. Отсюда основная линія германской „ближневосточной“ политики—охранять и защищать неприкосновенность турецкихъ владѣній въ настоящее время и не только охранять и защищать, но также до извѣстной степени способствовать ихъ экономическому подъему. И отсюда же, конечно, совершенно естественно—стихійное тяготѣніе Высокой Порты къ Германіи, такъ хорошо подготовленное многолѣтней дѣятельность фонъ-деръ-Гольца по усовершенствованію и реорганизаціи оттоманской арміи. Въ ней, въ этой могущественной средне-европейской монархіи, слабая и разлагающаяся Турція, окру-

женная со всѣхъ сторонъ жадными претендентами на ея богатства, видитъ и чувствуетъ сейчасъ своего единственнаго защитника, свою послѣднюю надежду, свой якорь спасенія, быть-можетъ, даже зарю своего новаго возрожденія. Насколько сильны эти объективныя, основанныя на совпаденіи интересовъ, тенденціи къ сближенію между обѣими державами свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ. Когда младотурки стали у власти, они, въ теченіе многихъ десятилѣтій пользовавшіеся убѣжищемъ въ Англіи и Франціи, въ то время какъ почва Германіи всегда была для нихъ черезчуръ горяча, задумали было теперь отплатить добромъ за оказанное имъ западными демократіями гостепріимство. И, дѣйствительно, въ теченіе первыхъ лѣтъ своего господства комитетъ „Единеніе и Прогрессъ“ пытался вести англофильскую и франкофильскую политику. Однако этотъ курсъ очень быстро оборвался. Логика жизни неумолимо толкала оттоманское правительство отъ Великобританіи въ сторону Германіи, и передъ этой желѣзной логикой оказались безсильны даже самые убѣдительные аргументы чувства. Тѣмъ самымъ Англія неизбѣжно вытѣсняется съ своего вѣками насиженнаго мѣста въ Константинополѣ, и отнынѣ на часахъ у воротъ Золотого Рога становится бравый нѣмецкій гренадеръ, грозящій своимъ штыкомъ каждому смѣльчаку, рискнувшему неосторожно протянуть руку. Любопытная, полная глубокаго историческаго драматизма смѣна декорацій.

Быть-можетъ, самое замѣчательное въ движеніи Германіи на Ближній Востокъ—это поразительная быстрота, съ которой она добилась тамъ неоспоримо крупныхъ успѣховъ. Еще не дальше, какъ въ 1876 году Бисмаркъ бросилъ въ рейхстагѣ свою знаменитую фразу о томъ, что весь Балканскій вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ имперіи Гогенцоллерновъ не стоитъ костей одного Померанскаго гренадера. Еще въ 1878 году на Берлинскомъ конгрессѣ „желѣзный канцлеръ“ могъ выступить и быть всѣми признаннымъ безпартійнымъ „честнымъ маклеромъ“ именно на томъ основаніи, что Германія сама по себѣ нисколько не заинтересована въ турецкомъ наслѣдствѣ. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ Оттоманская имперія тоже не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія со стороны родоначальниковъ нѣмецкаго имперіализма, и поскольку они мечтали о расширеніи „сферы вліянія“ своего отечества, ихъ взоры неизмѣнно устремлялись далеко за океанъ къ Африкѣ, Южной Азіи, островамъ Австралійскаго архипелага. Мы знаемъ, что какъ разъ здѣсь Германія сдѣлала въ тотъ періодъ свои первыя колоніальныя

пріобрѣтенія. Но потомъ, вдругъ, въ концѣ 80-хъ годовъ, сразу произошелъ крутой переломъ, и Ближній Востокъ весь въ сіяніи заманчиво-дразнящихъ перспективъ какъ-то внезапно всталъ въ сознаніи нѣмецкихъ капиталистическихъ круговъ, чаруя ихъ нетронутостью своихъ естественныхъ силъ и богатствъ. И справедливость требуетъ сказать, что этотъ чисто экономическій „Drang nach Osten“ нашелъ себѣ необыкновенно удачнаго политическаго выразителя въ лицѣ только что вступившаго тогда на престолъ императора Вильгельма II. Молодого вѣнценосца тянули на равнины передней Азіи великія историческія воспоминанія, образы Ксеркса и Александра Македонскаго, Саладина и Гарунъ-Аль-Рашида, быть-можетъ, собственныя еще неясныя тогда мечты о созданіи исполинской міровой монархіи. Какъ бы то ни было, но романтическія склонности главы государства въ данномъ случаѣ прекрасно совпадали съ корыстными расчетами королей банковъ и индустріи (глава государства и самъ кое-что понималъ въ экономическихъ вещахъ), и плоды этой дружеской 25-лѣтней кооперації лежатъ теперь открыто передъ нами.

Капиталистическое внѣдреніе Германіи въ страны Ближняго Востока датируетъ съ середины 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1874—88 гг. баронъ Гиршъ построилъ рядъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи. Одновременно возникъ рядъ разнообразныхъ обществъ, поставившихъ своей задачей экономическое сближеніе Германіи съ Оттоманской имперіей. Въ 1888 году Вильгельмъ II, воспользовавшись своимъ визитомъ на свадьбу своей сестры Софіи съ греческимъ кронпринцемъ, побывалъ и въ Константинополѣ, при чемъ непосредственнымъ результатомъ его поѣздки было полученіе концессіи на постройку желѣзнодорожной линіи въ Анатоліи. Въ мартѣ 1889 года возникло „Societé du chemin de fer Ottoman d'Anatolie“ съ капиталомъ сначала въ 45, а позднѣе въ 60 мил. фр.,— учрежденіе, несмотря на свое французское имя, питаемое главнымъ образомъ „Deutsche Bank“ и „Dresdner Bank“ и поставившее своей задачей использованіе дарованной концессіи. Вплоть до 1896 года рельсовый путь былъ проложенъ отъ Гайдаръ-Паша (станція на азіатскомъ берегу Босфора противъ Константинополя) до Коніа, т.-е. на протяженіи 600 километровъ[1]). Въ 1898 году императоръ совершилъ свое второе, уже гораздо болѣе торжественное, путешествіе въ

[1]) См. *J. Riesser.* The German Great Banks, Wahington, 1911, стр. 434. За неимѣніемъ подъ руками нѣмецкаго оригинала книги, пользуюсь американскимъ изданіемъ ея.

Константинополь, съ помпой произнесъ рѣчь на гробѣ султана Саладина и объявилъ себя другомъ и защитникомъ 300 милліоновъ мусульманъ, обитающихъ на земномъ шарѣ. Вслѣдъ за этимъ Абдулъ-Гамидъ въ особой конвенціи отъ 27 ноября 1899 года далъ Deutsche Bank дальнѣйшую концессію на продолженіе начатой линіи до Багдада и далѣе до Ковейта, т.-е. до самыхъ береговъ Персидскаго залива. Это былъ очень крупный успѣхъ германской дипломатіи, и онъ вскорѣ былъ дополненъ еще однимъ съ капиталистической точки зрѣнія чрезвычайно важнымъ. Для постройки желѣзной дороги Коніа—Багдадъ было образовано новое общество „Société Imperiale Ottomane du chemin de fer de Bagdad“, получившее право аренды новаго рельсоваго пути на 99 лѣтъ. И для того, чтобы облегчить осуществленіе всего грандіознаго предпріятія, Порта дала обѣщаніе уплачивать Deutsche Bank по 11.000 фр. субсидіи на каждый километръ пути и сверхъ того гарантировала 4.500 фр. ежегоднаго дохода съ километра же. Вся линія длиной въ 2400 км. разбивалась на 12 участковъ по 200 км. каждый, и турецкое правительство уплачивало „Société Imperiale“ по 54 мил. фр. (капитализированная сумма субсидіи) на участокъ въ формѣ спеціально выпускаемыхъ государственныхъ бумагъ, размѣщаемыхъ на европейскихъ биржахъ. Такъ какъ дѣйствительная стоимость строительныхъ работъ была въ среднемъ значительно ниже 11.000 фр. на километръ, то общество фактически не только не тратило ни копейки собственныхъ денегъ, но еще клало въ карманъ весьма значительные „излишки“. Гешефтъ получался, какъ видимъ, прекрасный, и счастливый, акціонеры могли потирать руки отъ удовольствія. Однако для размѣщенія турецкихъ государственныхъ бумагъ одного нѣмецкаго рынка было недостаточно, приходилось искать „союзниковъ“ и Deutsche Bank обратилъ тогда свои взоры на Францію. Республиканское правительство отчасти подъ давленіемъ Россіи (о причинахъ его ниже), отчасти изъ боязни германской конкуренціи на Ближнемъ Востокѣ отказалось поддерживать Багдадскую дорогу, тѣмъ не менѣе республиканскіе капиталисты нашли предпріятіе настолько выгоднымъ, что не могли противостоять „золотому“ искушенію: французскія деньги, конечно, на опредѣленныхъ условіяхъ были даны нѣмецкому консорціуму и такимъ образомъ оплодотворили собой одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ замысловъ германскаго имперіализма. Англійскіе финансовые и офиціальные круги пытались оказывать сопротивленіе постройкѣ Багдадской дороги, однако ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ. Дорога постепенно росла и удлинялась, и наканунѣ міро-

вой войны готовый рельсовый путь протянулся уже на 1750 км., до конечнаго пункта его оставалось еще около 650 км.

Почти одновременно съ Багдадской нѣмцы принялись за проведеніе другой чрезвычайно важной линіи—Сирійско-аравійской. Подъ руководствомъ талантливаго инженера Мейсснера (или какъ онъ величался въ Турціи, Мейсснеръ-Паши) и при широкомъ использованіи войскъ для строительныхъ цѣлей—на участкѣ Дамаскъ—Маанъ, напр., было занято 5600, на участкѣ Маанъ—Эль-Уфа—7000 солдатъ, прокладываніе рельсоваго пути вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря пошло быстрымъ темпомъ впередъ. Отъ Маана была сдѣлана попытка провести небольшую вѣтку (около 100 км.) на Акабу—портъ, лежащій въ сѣверо-восточномъ углу Краснаго моря, и тѣмъ самымъ создать обходъ Суэцкаго канала; однако этотъ проектъ наткнулся на упорное противодѣйствіе Великобританіи (она поставила Портѣ ультиматумъ и послала военную эскадру къ Дарданелламъ) и его, въ концѣ-концовъ, пришлось оставить (въ 1906 г.). Какъ бы то ни было, но по своемъ продолженіи на Медину—Мекку и южное побережье Аравіи (значительная часть этой линіи уже готова) Сирійско-аравійская дорога въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ создастъ прямой выходъ Турціи къ Индійскому океану.

Впрочемъ вниманіе германскаго капитала не приковано къ одной только Оттоманской имперіи и не ограничивается однимъ только желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Постепенно онъ втягиваетъ въ сферу своего воздѣйствія и различныя балканскія государства, причемъ здѣсь въ дружеской кооперації съ нимъ выступаетъ капиталъ австро-венгерскій. Вотъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ изъ этой области. Еще въ 1899 году возникъ „Deutsche Palestina Bank“ (основанъ фирмой von der Heydt und C°) въ цѣляхъ развитія германской торговли въ Палестинѣ и Левантѣ. Въ настоящее время этотъ банкъ имѣетъ свои отдѣленія въ Яффѣ, Іерусалимѣ, Бейрутѣ и Гамбургѣ и сверхъ того зависящую отъ него Levante-Kontor въ Константинополѣ. Въ 1904 году Nationalbank основалъ „Banque d'Orient“ въ Аѳинахъ съ 10 мил. фр. капитала, имѣющаго нынѣ отдѣленія въ Салоникахъ и Смирнѣ. Въ 1905 году Dresdner Bank вмѣстѣ съ Schaafhausenscher Bankverein и Nationalbank создалъ „Deutsche Orientbank“ (капиталъ 16 милл. мк.), насчитывающій сейчасъ 8 отдѣленій: въ Константинополѣ, Александріи, Каирѣ, Бруссѣ, Смирнѣ, Каламатѣ, Казабланкѣ (Марроко) и Гамбургѣ. Въ томъ же 1905 году берлинское Diskonto-Gesellschaft при участіи Nordd. Bank, Bleichröder и нѣкоторыхъ болгарскихъ фирмъ открыло въ Софіи „Banque de

Credit" („Кредитнаго Банка") съ капиталомъ въ три милл. фр.[1]). Одновременно быстро развивалась германская торговля съ Ближнимъ Востокомъ, доказательствомъ чего могутъ служить слѣдующія цифры:

	1897 г.		1912 г.	
	Импортъ. (въ мил. марокъ).	Экспортъ.	Импортъ. (въ мил. марокъ).	Экспортъ.
Турція	30,5	30,9	77,8	113,2
Румынія	52,6	33,1	138,2	131,7
Болгарія	3,0	6,4	18,0	28,6
Сербія	8,1	3,9	19,7	18,5
Греція	9,2	4,2	25,1	18,9
Египетъ	24,1	10,5	111,7	38,0
	127,5	89,0	390,5	348,9[2])

Какъ видимъ, на протяженіи 15 лѣтъ размѣры нѣмецкаго товарооборота въ интересующей насъ области болѣе чѣмъ утроились, при чемъ особенно выросъ германскій экспортъ (почти въ четыре раза). Въ настоящее время Германія выступаетъ уже очень серьезнымъ торговымъ конкурентомъ Англіи на Ближнемъ Востокѣ (въ 1912 г. англійскій импортъ оттуда равнялся 760 мил. мк., англійскій экспортъ туда—480 милл. мк.) и есть всѣ основанія полагать, что въ дальнѣйшемъ ей предстоятъ новые коммерческіе успѣхи[3]).

Какъ видимъ, австро-венгерская торговля также обнаруживаетъ въ послѣдніе годы очень быстрое развитіе, и въ настоящее время вмѣстѣ съ германской по размѣрамъ приблизительно равняется великобританской (въ области экспорта даже значительно превышаетъ).

---

[1]) *J. Riesser*, ibid, стр. 443—454.

[2]) Statistisches Jahrbuch für d. Deutsche Reich за 1899 и 1913 г.

[3]) Считаю нелишнимъ привести еще цифровыя данныя, касающіяся роста австро-венгерской торговли на Ближнемъ Востокѣ за тотъ же періодъ времени (1897—1912):

	1897 г.		1912 г.	
	Импортъ.	Экспортъ.	Импортъ.	Экспортъ.
	(Въ милліонахъ кронъ):			
Турція . . .	36,8	54,6	73,2	140,6
Румынія . . .	38,8	55,0	102,5	144,9
Болгарія . . .	2,6	15,7	15,9	51,6
Сербія . . .	40,3	25,8	40,8	46,2
Греція	18,3	10,9	22,3	24,8
Черногорія .	0,5	0,6	1,2	2,9
Египетъ . .	17,1	20,5	36,5	36,1
	154,4 (131.2 м. мк.)	183,1 (156.6 м. мк.)	292,4 (248,5 м. мк.)	447,1 (380,0 м. мк.)

VI

Капиталистическое внѣдреніе Германіи въ страны былой Оттоманской имперіи имѣетъ чрезвычайно крупное экономическое и политическое значеніе. Наиболѣе острымъ оружіемъ этого внѣдренія являются несомнѣнно тѣ рельсовые пути, о которыхъ рѣчь шла выше, особенно же ставшая въ послѣдніе годы столь знаменитой Багдадская дорога. И, дѣйствительно, народно-хозяйственныя перспективы, открываемыя проведеніемъ желѣзнодорожной линіи Константинополь—Багдадъ—Персидскій заливъ, поистинѣ громадны. Эта линія должна втянуть въ міровой оборотъ Анатолію и Месопотамію, страны, богато одаренныя отъ природы, бывшія когда-то очагами наиболѣе высокой культуры древности, затѣмъ пришедшія въ запустѣніе и вотъ уже цѣлый рядъ вѣковъ дремлющія въ ожиданіи новаго пробужденія. Въ частности нѣмецкіе имперіалисты полагаютъ, что Малой Азіи въ ближайшемъ будущемъ суждено стать настоящей житницей Германіи, снабжающей ее главнымъ образомъ двумя продуктами: хлѣбомъ и хлопкомъ. Произведенные пока изслѣдованія и опыты единодушно свидѣтельствуютъ, что какъ климатическія, такъ и почвенныя условія разсматриваемыхъ областей вполнѣ благопріятствуютъ воздѣлыванію обоихъ названныхъ растеній, и не такъ давно научное свѣтило прусскихъ аграріевъ профессоръ Руландъ къ великому ужасу правовѣрнаго юнкерства даже какъ дважды два четыре разсчиталъ, что мессопотамская пшеница явится еще болѣе грознымъ врагомъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, чѣмъ пшеница аргентинская. Превращеніе безплодныхъ пустынь въ колосящіяся нивы—несомнѣнно явленіе большого культурнаго значенія, но капиталъ работаетъ, конечно, не ради идеальныхъ цѣнностей, капиталу нужна чистая прибыль, нуженъ высокій и обезпеченный процентъ. И широкія равнины передней Азіи въ полной мѣрѣ гарантируетъ ему эту возможность. Мы видѣли, какимъ прекраснымъ „гешефтомъ“ является уже сама по себѣ только постройка Багдадской дороги. Легко понять, что недурныя дѣла въ связи съ ней дѣлаютъ и различныя металлургическія, вагонныя и другія фирмы Германіи. Но около дороги начинаетъ постепенно возникать цѣлый рядъ предпріятій иного характера, также обѣщающихъ „великія и богатыя милости“ для нѣмецкихъ банковъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ обширныя оросительныя работы, безъ которыхъ немыслимо культивированіе земли въ Анатоліи и Вавилоніи. Въ районѣ Коніа подоб-

ныя работы уже производятся на участкѣ въ 46.000 гект. — ихъ цѣнность опредѣляется въ 70 мил. марокъ. Въ Киликіи уже намѣчены къ орошенію 300.000 гект., въ Вавилоніи свыше 3 мил. гект. и т. д. Далѣе начнется разведеніе плантацій, засѣваніе полей хлѣбными злаками, развитіе различнаго рода побочныхъ с.-х. индустрій— все предпріятія, потребующія для своей реализаціи сотенъ и сотенъ милліоновъ марокъ. Какія безконечно широкія перспективы открываются передъ германскимъ капиталомъ! И съ какой завистью, съ какимъ раздраженіемъ долженъ смотрѣть на его „жирные“ барыши капиталъ всѣхъ другихъ странъ и прежде всего Великобританіи!

Еще глубже и серьезнѣе политическое значеніе Багдадской дороги. Основной смыслъ его можно формулировать примѣрно такъ: Багдадская дорога является страшной угрозой для Россіи, съ одной стороны, для Англіи съ другой. Въ особенности для Англіи. Изъ предыдущаго изложенія ясно, что проведеніе рельсоваго пути черезъ всю Малую Азію должно способствовать значительному укрѣпленію Турціи какъ въ экономическомъ, такъ и военно-стратегическомъ отношеніи, и это конечно не можетъ быть пріятно обѣимъ названнымъ державамъ. Но сверхъ того каждая изъ нихъ имѣетъ еще свои совершенно спеціальные страхи и опасенія. То самое „Societé du chemin de fer Ottoman d'Anatolie“, которое въ 1889 году начало строить желѣзную дорогу отъ Гайдаръ-Паша, провело также линію на Ангору и впослѣдствіи получило отъ султана концессію на продолженіе ея до Кесаріи. Это сильно встревожило Россію, имѣющую свои виды (о нихъ рѣчь была выше) на южное побережье Чернаго моря, и въ 1900 году она добилась отъ Порты категорическаго обѣщанія не давать никакой третьей державѣ разрѣшенія прокладывать рельсовые пути въ сѣверной части Малой Азіи. До сихъ поръ это обѣщаніе не было нарушено, и потому Россія могла считать себя удовлетворенной.

Сложнѣе обстояло дѣло съ Англіей. Въ выпущенномъ въ 1911 году второмъ изданіи своей работы „Die Bagdadbahn“ Пауль Рорбахъ писалъ:

„Для Германіи существуетъ только одна возможность парировать агрессивную войну со стороны Англіи — это усиленіе Турціи. Англія легко уязвима изъ Европы на сушѣ лишь въ одномъ единственномъ мѣстѣ — въ Египтѣ. Вмѣстѣ съ Египтомъ Великобританія теряетъ не только господство надъ Суэцкимъ каналомъ и путями въ Индію и Восточную Азію, но также, по всей вѣроятности, и свои владѣнія въ центральной и восточной Африкѣ. Сверхъ того завоеваніе Египта

магометанской державой, подобной Турціи, имѣло бы очень сильное моральное вліяніе на 60 милліоновъ индійскихъ мусульманъ, а также на Афганистанъ и Персію" (стр. 19).

Въ этихъ словахъ, пріобрѣтающихъ особый интересъ въ наши дни, несомнѣнно вполнѣ правильно отмѣчена главная опасность для Великобританіи германскаго внѣдренія на Ближнемъ Востокѣ. Багдадская дорога была для нея страшнымъ ударомъ. Ибо это означало, съ одной стороны, установленіе нѣмецкой гегемоніи въ Оттоманской имперіи, съ другой, исчезновеніе того необходимаго государственнаго буфера между Индіей и великими державами Европы, надъ сохраненіемъ и поддержаніемъ котораго англійская дипломатія работала въ теченіе столѣтій. Турція переставала быть слабой Турціей. Изъ-за фески султана выглядывала каска германскаго кайзера. Онъ дергалъ всѣми нитями, онъ доминировалъ на берегахъ Золотого Рога. Передъ этой страшной и вполнѣ реальной „нѣмецкой опасностью" сразу поблѣднѣлъ и стушевался когда-то грозный фантомъ „русской опасности" и вмѣстѣ съ тѣмъ дрогнули основы традиціонной „ближневосточной политики" Англіи. Произошло сближеніе двухъ „историческихъ враговъ"—Великобританіи и Россіи противъ третьяго общаго врага—Германіи, нашедшее свое наиболѣе яркое выраженіе въ столь трагическомъ для судебъ Персіи соглашеніи 1907 года. И что не менѣе многознаменательно, намѣтился крутой (уже съ 80-хъ гг. подготовлявшійся переломъ въ отношеніи Англіи къ судьбамъ Оттоманскаго царства: отнынѣ Англія перестала быть стражемъ его цѣлости и неприкосновенности, она сдѣлалась наоборотъ сторонницей его „раздѣла". Разъ Турція больше не выполняла тѣхъ функцій, ради которыхъ она была дорога сердцу британскихъ государственныхъ людей, стоило ли съ ней дольше церемониться? Наоборотъ, выгоднѣе было теперь же получить свою долю наслѣдства, возможно болѣе крупную и цѣнную, и заняться ея раціональной эксплуатаціей. Что же намѣчала правящая Англія въ качествѣ своего pium desiderium.

Извѣстный англійскій инженеръ и бывшій директоръ ороситель-ныхъ сооруженій въ Египтѣ Вилькоксъ въ 1903 году въ своемъ извѣстномъ докладѣ въ географическомъ обществѣ въ Каирѣ впервые болѣе отчетливо намѣтилъ притязанія Великобританіи въ Азіатской Турціи. Она требовала себѣ Аравію, Вавилонію, Мессопотамію, т.-е. установленія прямого сухопутнаго сообщенія между Египтомъ и Индіей; она хотѣла связать Каиръ и Калькутту непрерывной желѣзнодорожной линіей, переселить въ бассейнъ Тигра и Евфрата

египетскихъ и индійскихъ крестьянъ и возродить такимъ образомъ старинную культуру этихъ историческихъ областей. Вмѣстѣ съ тѣмъ она надѣялась закрыть разъ навсегда доступъ къ Индійскому океану съ сѣвера для Германіи или какой-либо иной державы, и на этомъ прочномъ территоріальномъ фундаментѣ построить неприступную твердыню своего африканскаго и азіатскаго колоніальнаго господства. Поистинѣ грандіозный планъ, неоднократно развивавшійся въ послѣдніе годы англійскими имперіалистами! Отсюда такая неудержимая тяга островнаго королевства къ Южной Персіи; отсюда его радость, когда путемъ сложной дипломатической игры въ 1912 году удалось заставить Германію отказаться отъ своей концессіи на постройку линіи Багдадъ—Персидскій заливъ; отсюда же, наконецъ, страстныя усилія Англіи, пользуясь суматохой міровой войны, овладѣть во что бы то ни стало древней столицей Гарунъ-Аль-Рашида, нынѣ являющейся конечнымъ пунктомъ наиболѣе грандіознаго предпріятія германскаго имперіализма. Все это лишь внѣшнія проявленія того основного противорѣчія имперіалистскихъ интересовъ двухъ наиболѣе могущественныхъ европейскихъ державъ, которое обѣщаетъ сыграть великую историческую роль въ судьбахъ Ближняго Востока.

VII

Ударъ нѣмцевъ на Балканы послѣ того, какъ ихъ попытки однимъ взмахомъ сокрушить Францію и рядомъ побѣдъ принудить къ сепаратному миру Россію окончились неудачей [1]), былъ съ точки зрѣнія тевтонскихъ монархій несомнѣнно чрезвычайно умнымъ и глубоко задуманнымъ шахматнымъ ходомъ. Имъ они попадали въ „нервный узелъ“ международной политики и били въ самое чувствительное мѣсто сложной антигерманской коалиціи. Прежде всего, поворачиваясь лицомъ къ юго-востоку, средне-европейскія имперіи получали сразу очень крупныя стратегическія преимущества. Ихъ противники здѣсь были меньше всего подготовлены къ серьезной борьбѣ; наличность цѣлаго ряда мелкихъ государствъ съ различными, а подчасъ и прямо противоположными интересами давала основаніе надѣяться на отысканіе себѣ среди нихъ явныхъ или тайныхъ союзниковъ; нѣмецкое происхожденіе и нѣмецкія связи греческой, бол-

[1]) Настоящія строки писаны въ концѣ 1915 г.

гарской и румынской династій дѣлали эти ожиданія еще болѣе вѣроятными; сокрушеніе Сербіи и установленіе прямого пути Берлинъ—Константинополь становились при такихъ условіяхъ вполнѣ возможными, а утвержденіе на берегахъ Золотого Рога, въ свою очередь, означало, съ одной стороны, пополненіе порѣдѣвшихъ нѣмецкихъ войскъ свѣжими турецкими силами, съ другой, занесеніе Дамоклова меча надъ Египтомъ, что должно было тяжело ударить по главному и наиболѣе неуязвимому противнику Германіи—Англіи. Мы знаемъ, что въ общемъ и цѣломъ всѣ эти дальновидные расчеты оказались правильными и принесли ихъ авторамъ очень крупные успѣхи.

Гораздо важнѣе однако, чѣмъ это стратегическое, огромное политическое значеніе даннаго тевтонскаго хода. Послушайте германскихъ имперіалистовъ, и вы поймете, къ чему клонится дѣло. Если имперія Гогенцоллерновъ останется побѣдительницей на Балканахъ и если на другихъ фронтахъ ей удастся болѣе или менѣе благополучно закончить исполинскую борьбу, то—мечтаютъ они—человѣчеству придется быть свидѣтелемъ полныхъ величайшаго историческаго значенія эволюцій въ области государственнаго строительства. Ибо въ этомъ случаѣ всѣ страны и народы бывшей Оттоманской имперіи несомнѣнно подпадутъ подъ двойную желѣзную гегемонію германскаго юнкерства и германскаго капитала. Практическимъ выраженіемъ послѣдней, очевидно, будетъ тотъ обширный средне-европейскій таможенный союзъ, о которомъ такъ много писалось съ самаго начала войны въ нѣмецкой печати и пропагандировать который профессоръ Оствальдъ пытался въ Швеціи и Даніи. Это значитъ, что Германія, Австро-Венгрія, Балканскія государства, Турція, быть-можетъ, Скандинавскія державы, Голландія и Швейцарія будутъ обведены высокой стѣной покровительственныхъ пошлинъ и составятъ единое экономическое цѣлое, въ широкихъ предѣлахъ котораго могучій германскій капиталъ найдетъ почти безграничный просторъ для буйной игры своихъ исполинскихъ силъ. Политически всѣ составныя части новаго огромнаго хозяйственнаго образованія останутся пока независимыми (нѣмецкіе имперіалисты поклянутся вамъ даже „навсегда“), но фактически онѣ превратятся лишь въ васалловъ доминирующей метрополіи, и кто знаетъ, когда пробьетъ часъ уничтоженія ихъ формальнаго государственнаго суверенитета? Опытъ германскаго таможеннаго союза первой половины XIX вѣка можетъ дать въ интересующемъ насъ отношеніи рядъ весьма полезныхъ указаній. И именно этотъ опытъ заставляетъ полагать, что такъ или иначе, съ формальнымъ возложеніемъ короны на голову германскаго

кайзера или безъ продѣлыванія столь торжественной операціи, въ сравнительно не очень отдаленномъ будущемъ создастся нѣчто въ родѣ великой восточно-тевтонской имперіи, обнимающей до 200 мил. разноплеменнаго и разноязычнаго населенія и простирающейся отъ береговъ Сѣвернаго моря до Индійскаго океана. Имперія, имѣющая съ нѣмецкой точки зрѣнія еще то преимущество, что для охраны ея цѣлости и неприкосновенности нѣтъ необходимости въ содержаніи могучаго, равнаго по силамъ британскому, флота. Тѣмъ самымъ будетъ осуществлена наиболѣе гордая мечта юнкерско-капиталистической Германіи, и одновременно злополучный „ближневосточный вопросъ“ найдетъ свое полное и довольно неожиданное разрѣшеніе...

Фантазіи! воскликнетъ, пожалуй, иной читатель, пробѣжавъ предыдущія строки. Быть-можетъ, и такъ,—отвѣчу я,—тѣмъ болѣе, что основная предпосылка ихъ осуществленія — конечная побѣда Германіи и Австріи далеко не обезпечена, но едва ли все-таки можно отрицать, что эти грандіозныя политическія и экономическія фантазіи какъ-то чрезвычайно хорошо вяжутся съ нашимъ поистинѣ фантастическимъ временемъ.

Въ дни массоваго безумія

(Изъ общественной психологіи)

I

Когда въ настоящее время пытаешься окинуть ретроспективнымъ взглядомъ такое недавнее и кажущееся уже такимъ безконечно далекимъ прошлое, больше всего поражаетъ какая-то стихійно-головокружительная быстрота событій. Точно шквалъ массоваго безумія внезапно обрушился на европейскія страны и сразу закружилъ, завертѣлъ ихъ и повлекъ къ краю пропасти. И когда изъ глубины бездны, передъ которой неожиданно очутились народы, въ лицо имъ повѣяло зловѣщее дыханіе смерти и разрушенія, было уже поздно: лавина катилась, и больше не было силы ни на небѣ ни на землѣ, которая могла бы ее удержать...

Я только что упомянулъ о шквалѣ массоваго безумія. И, право, трудно удержаться отъ подобной мысли, когда вспоминаешь Германію въ теченіе этихъ долгихъ мѣсяцевъ войны, особенно въ ея первыя недѣли. Смотришь на физіономію страны и не понимаешь, и не можешь представить, что это та самая физіономія, которая еще вчера смѣялась, говорила, была то мечтательно-вдумчивой, то дѣловито-серьезной. Такихъ радикальныхъ и стремительныхъ психологическихъ перемѣнъ намъ до сихъ поръ еще не приходилось наблюдать. Словно злой волшебникъ, во мгновеніе ока испортившій всю сложную музыку мірового концерта, взялъ да и выпустилъ изъ темныхъ подземелій стаю хохочущихъ и кривляющихся демоновъ, и тѣ съ гикомъ и воемъ понеслись по свѣту, отравляя повсюду атмосферу ядомъ ненависти и шовинистическаго ослѣпленія.

Массовое безуміе охватило нѣмецкій народъ, впрочемъ, не сразу. Былъ моментъ въ самомъ началѣ роковыхъ событій, когда голосъ

разума еще протестовалъ противъ надвигающагося ужаса, когда здоровый человѣческій инстинктъ еще пытался сопротивляться острому приступу психическаго заболѣванія. 2 августа „Vorwärts“ писалъ:

„Сегодня рѣшительный день! Такова была главная мысль, которая вчера проникала всѣ сердца и, подобно грозовой тучѣ, нависла надъ столицей. Она и только она гнала, начиная съ полудня, тысячи и десятки тысячъ людей на Friedrichstrasse и Unter den Linden. Гнетущая неизвѣстность давила всѣхъ. Въ волненіи и нерѣшительности толпа терпѣливо ждала и образовывала огромныя сконища въ пунктахъ наиболѣе оживленнаго движенія. Неужели ужасное совершится? Неужели до этого дойдетъ? Несчастье такъ велико, что его невозможно обнять во всей его неизмѣримости. Но леденящее мрачное предчувствіе постепенно охватываетъ всѣхъ, бѣжитъ отъ человѣка къ человѣку, отъ группы къ группѣ...

„Внизу, у королевскаго дворца, бурлитъ и вздымается людское море. Большой нарядъ полиціи охраняетъ ворота. Тутъ и тамъ передніе ряды начинаютъ пѣть и выкрикивать „Hoch“, однако толпа слабо поддерживаетъ, и звуки быстро замираютъ. Позади же все мрачно и серьезно. Большинство либо само призывается, либо имѣетъ родственниковъ, которые должны итти на поле битвы. Экономическое положеніе служитъ предметомъ горячаго обсужденія“.

И въ другой статьѣ:

„То, что должно было наступить, наступило: духъ патріотическаго угара быстро испарился, и гнетущая тѣнь приближающагося великаго несчастья упала на безграничную, тѣснящуюся на улицахъ толпу. Безусая молодежь сразу исчезла, на мѣстѣ остались только взрослые. Неизмѣримый человѣческій потокъ наполняетъ Unter den Linden и Schlossplatz, но основной тонъ вездѣ мрачный и подавленный...

„Проѣзжаетъ коляска съ австрійскимъ офицеромъ. Толпа—нуль вниманія. Одинъ—два молодыхъ парня пытаются устроить ему овацію—жалкое фіаско. На одномъ изъ угловъ какой-то господинъ... читаетъ стенограмму рѣчи императора. Раздаются нѣсколько жидкихъ „браво“ и затѣмъ все смолкаетъ. Свинцовая тяжесть гнететъ души всѣхъ присутствующихъ“.

Какъ видимъ, въ критическіе дни, предшествовавшіе объявленію войны, нѣмецкій народъ не чуждъ былъ нормальныхъ человѣческихъ ощущеній. Но, когда роковое слово было, наконецъ, произнесено, и Рубиконъ оказался перейденъ, все сразу точно по волшебству измѣнилось. Дремлющіе инстинкты звѣря, ненависть къ иностранцамъ, духъ по-

винизма, жажда добычи, десятилѣтіями воспитанное упоеніе собственнымъ могуществомъ сплелись въ какой-то дико-фантастической свистопляскѣ. Кроваво-національстическое опьяненіе затопило разсудокъ, задерживающіе центры оказались парализованными, волна безумія широко покатилась по странѣ. Люди какъ будто перестали понимать членораздѣльную рѣчь и воспринимать законъ трехъ измѣреній...

Началось, какъ водится, съ преслѣдованій и избіеній иностранцевъ. Мнѣ незачѣмъ здѣсь повторять безконечныя исторіи о злоключеніяхъ нашихъ соотечественниковъ, оказавшихся въ моментъ объявленія войны въ предѣлахъ Германіи,—эти злоключенія достаточно ярко уже были освѣщены въ русской повседневной прессѣ. Ограничусь поэтому для иллюстраціи силы шовинистическаго психоза, охватившаго нѣмецкую націю, только однимъ любопытнымъ примѣромъ, тѣмъ болѣе любопытнымъ, что онъ относится даже не къ иностранцу, а къ чистокровному германцу.

„Я добрый нѣмецъ и сражаюсь въ качествѣ добровольца-артиллериста въ полку такомъ-то—сообщалъ въ началѣ августа въ газетахъ извѣстный штуттгартскій артистъ Георгъ Штигертъ.—Во время моихъ послѣднихъ приготовленій къ походу я былъ нѣсколько разъ арестованъ, и хотя многіе знали меня лично, какъ артиста Штигерта, меня все-таки не оставляли въ покоѣ. И все изъ-за того, что я имѣлъ несчастье обладать „иностранной“ наружностью! Я ношу по-военному короткіе волосы и находился въ сопровожденіи молодой дамы, принадлежащей къ одной изъ лучшихъ городскихъ фамилій. Даму арестовали „какъ шпіонку“!.. Меня преслѣдовали по пятамъ. Защита со стороны городовыхъ все время была крайне недостаточная. Публика вопила: „Это артистъ? Нѣтъ, это не артистъ, это шпіонъ, это русскій, бейте его, стрѣляйте въ него!“ Градъ палочныхъ ударовъ сыпался на меня, кулаки поднимались надъ моей головой, кто-то вытащилъ даже револьверъ. Благодаря содѣйствію одного шуцмана, который все время кричалъ: „Это нѣмецъ“! (но толпа не вѣрила ему), мнѣ удалось добраться до полицейскаго участка на вокзалѣ. Только послѣ многочасового преслѣдованія я очутился, наконецъ, дома. Ударъ ногой въ животъ, полученный мной въ сопровожденіи любезнаго замѣчанія: „Ахъ ты, иностранная собака!“ лишилъ меня силъ“ [1]).

И это происходило не на сѣверѣ, не въ казарменной Пруссіи, а на крайнемъ югѣ Германіи, въ Штуттгартѣ, столицѣ милой и

[1]) „Vorwärts“, № отъ 14 августа.

добродушной Швабіи! Удивительно ли при такихъ условіяхъ, что и въ другихъ мѣстахъ разыгрывались не менѣе „патріотическія“ сцены? Въ Мюнхенѣ, напримѣръ, было разгромлено одно большое кафе только потому, что послѣ двукратнаго исполненія австрійскаго гимна хозяинъ предложилъ оркестру перейти къ чему-нибудь новому. Въ Берлинѣ аналогичная судьба постигла другое кафе за то, что игравшій тамъ передъ войной русскій оркестръ вздумалъ было заключить свою программу звуками „Боже, Царя храни“. Тамъ же въ Берлинѣ разыгрались дикія сцены передъ англійскимъ посольствомъ. Когда сталъ извѣстенъ разрывъ дипломатическихъ отношеній между Великобританіей и Германіей, громадная толпа собралась передъ зданіемъ, занимаемымъ представителями британскаго правительства, устроила кошачій концертъ, перебила всѣ оконныя стекла, пыталась вломиться внутрь помѣщенія и едва не убила испанскаго посла, выходившаго въ это время изъ дверей дома, ошибочно принимая его за посла англійскаго. Безобразія эти носили настолько отвратительный характеръ, что на слѣдующій день всѣ даже наиболѣе правыя газеты должны были рѣшительно осудить поведеніе толпы [1]).

Вмѣстѣ съ гоненіями на иностранцевъ начались гоненія и на все иностранное. Возгорѣлась ожесточенная война съ словами. Нѣмцы и раньше обнаруживали сильную тенденцію къ очищенію своего языка отъ всякаго рода „варваризмовъ“,—теперь борьба съ галлицизмами и иными чужестранными наслоеніями, вошедшими въ

---

[1]) Надо вообще замѣтить, что никого изъ состава вражеской коалиціи нѣмцы не ненавидятъ такъ страстно и неудержимо, какъ именно англичанъ. Ихъ злоба по отношенію къ „коварному“ Альбіону вообще, а къ сэру Эдуарду Грею въ особенности, не имѣетъ границъ. И это вполнѣ понятно. Вступая въ конфликтъ съ Россіей, Германія, конечно, заранѣе знала, что ей придется одновременно вести борьбу и противъ Франціи. Съ даннымъ обстоятельствомъ она считалась, къ нему она была психологически подготовлена. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ Великобританіей. По совершенно непонятной аберраціи зрѣнія кормчіе нѣмецкаго государственнаго корабля разсчитывали или, по крайней мѣрѣ, льстили себя надеждой на нейтралитетъ Англіи въ нынѣшней войнѣ. И когда этого не случилось, они, а вмѣстѣ съ ними и большинство германскаго населенія, пришли въ состояніе настоящей ярости. Нѣмецкая пресса стала на всѣ лады вопить объ измѣнѣ англичанъ, а уличная толпа накидываться на всѣхъ лицъ, говорящихъ по-англійски. Въ концѣ сентября (1914 г.) американскій консулъ въ Хемницѣ долженъ былъ просто бѣжать изъ Германіи, такъ какъ его всюду принимали за британскаго гражданина и въ соотвѣтствіи съ этимъ всячески отравляли ему существованіе.

нѣмецкую разговорную рѣчь, превратилась въ священную патріотическую обязанность. Первой жертвой этого лингвистическаго усердія пала ресторанная карта, переполненная, какъ извѣстно, иностранными, особенно французскими, названіями. „Potage St.-Germain“ превратился внезапно въ „legierte Erbsensuppe“, „Malossol-Kaviar“ въ „Kaviar ohne Salz“, „Russische Eier“—въ „Eier mit Rémouladensauce“, „gebackene Seezungen a l'américaine“—въ „gebackene Seezunge mit Tomatensauce“ и т. д. Конечно, „Tomate“, Rémoulade, и „Sauce“—тоже французскія слова и потому, вѣроятно, со временемъ тоже подвергнутся остракизму, но пока пылкіе патріоты не успѣли еще найти имъ какой-либо истинно-тевтонской замѣны и волей-неволей вынуждены итти на компромиссъ. Затѣмъ начался жестокій погромъ всѣхъ вообще иностранныхъ словъ. Были лишены права жительства въ нѣмецкомъ лингвистическомъ отечествѣ такія уже пріобрѣтшія давнишнюю осѣдлость выраженія, какъ „chef“, „portier“, „depot“, „serviette“, „pardon“, „adieu“, „portemonnaie“ и т. д. Взрослые и дѣти съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, преслѣдовали „инородца“ и въ школахъ даже вводились особые штрафы за употребленіе иностранныхъ словъ.

За языкомъ и ресторанной картой настала очередь моды. Парижъ, непріятельскій Парижъ являлся до сихъ поръ законодателемъ модъ и для нѣмецкаго дамскаго міра. Теперь все должно было перемѣниться. 1 августа „Konfektionär“, органъ предпринимателей, изготовляющихъ платье, торжественно оповѣстилъ страну, что „германская мода“ благополучно появилась на свѣтъ. Журналъ обрушился съ грозной филиппикой на испорченную и „бѣдную идеями“ французскую моду и призвалъ отечество къ полной эмансипаціи отъ чужеземныхъ вліяній. Да что тамъ какой-то „Konfektionär“! Не далѣе, какъ въ концѣ сентября официозъ германскаго правительства, „Norddeutsche Allg. Zeitung“ нашелъ нужнымъ посвятить особую статью „нѣмецкой модѣ“ и тѣмъ основнымъ принципамъ, на которыхъ она должна быть построена. Это ли не блестящая иллюстрація того, до какого умственнаго помраченія доводитъ война? Суждено ли однако модно-реформаторскимъ начинаніямъ въ Германіи увѣнчаться успѣхомъ,—другой вопросъ. Исторія во всякомъ случаѣ настраиваетъ довольно скептически: въ 1870 году нѣмцы тоже пытались эмансипироваться отъ французскаго моднаго ига, но потерпѣли при этомъ самое позорное пораженіе. Будутъ ли они счастливѣе теперь?..

На ряду съ преслѣдованіемъ иностранцевъ и иностраннаго, другимъ патріотическимъ занятіемъ населенія стала ожесточенная ловля

шпіоновъ. Точно по командѣ, шпіономанія овладѣла всей Германіей. Каждый лавочникъ вообразилъ себя спасителемъ отечества и на этомъ основаніи сталъ хватать за шиворотъ чуть не каждаго сосѣда и прохожаго. Военныя власти имѣли неосторожность обратиться къ публикѣ съ призывомъ содѣйствовать охранѣ мостовъ, дорогъ и различнаго рода общественныхъ и военныхъ сооруженій,—этотъ призывъ довелъ обывательское рвеніе до уровня полнаго безумія. Охота на шпіоновъ приняла особенно дикія формы, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что нѣсколько автомобилей съ русскимъ золотомъ на всѣхъ парахъ несутся къ русской границѣ. Тутъ каждый бросился ловить „золотыя машины“, и притомъ не только на востокъ отъ Берлина, но также и въ Баваріи, и въ Гамбургѣ, и вдоль всего теченія Рейна. Сколько при этомъ произошло несчастныхъ случаевъ, сколько людей оказалось застрѣленными, сколько ногъ и рукъ сломанными или изувѣченными,—исторія умалчиваетъ. Но что потери были серьезныя, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Такъ, въ округѣ Бромбергъ въ связи съ охотой на автомобили былъ убитъ мѣстный ландратъ, въ округѣ Саганъ—ранена герцогиня Ратиборъ, въ Эссенѣ—жестоко искалѣчена пожилая дама, въ Мангеймѣ тяжело избита дама съ ребенкомъ и т. д. Нѣсколько разъ задержанію подвергались высшіе военные чины, посланные генеральнымъ штабомъ съ экстренными порученіями. Одинъ австрійскій генералъ, спѣшившій по порученію своего правительства изъ Вѣны въ Берлинъ, едва не былъ застрѣленъ и лишь послѣ 12-тичасового ареста выпущенъ на свободу. Какой эпидемическій характеръ приняла въ первые дни послѣ объявленія войны шпіономанія, можно судить по слѣдующему поразительному примѣру: въ Берлинѣ только въ полицейскій участокъ Потсдамскаго вокзала и въ теченіе только одного дня 3 августа было доставлено 64 „шпіона“, оказавшихся впослѣдствіи всѣ до одного самыми безобидными обывателями. Въ концѣ-концовъ положеніе стало настолько нестерпимымъ, что генеральный штабъ увидалъ себя вынужденнымъ предложить населенію прекратить ловлю иностранныхъ предателей и поскорѣй вернуться къ своимъ обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Штуттгартскій же полицей-директоръ обратился одновременно къ подчиненнымъ ему шуцманамъ съ слѣдующимъ замѣчательнымъ воззваніемъ:

„Городовые! Населеніе начинаетъ сходить съ ума. Улицы переполнены старыми бабами обоего пола, упражняющимися въ глупыхъ и недостойныхъ выходкахъ. Каждый видитъ въ своемъ сосѣдѣ русскаго или французскаго шпіона и считаетъ своей обязанностью про-

ломить голову заподозрѣнному и защищающему послѣдняго шуцману, въ лучшемъ случаѣ притащить обоихъ въ сопровожденіи цѣлой толпы въ полицейскій участокъ. Облака принимаются за летчиковъ, звѣзды за дирижабли, стойки для велосипедовъ за бомбы. Сообщается, что телефонныя и телеграфныя проволоки въ самомъ центрѣ Штуттгарта перерѣзаны, мосты взорваны, шпіоны разстрѣляны и водопроводы отравлены. Трудно себѣ представить, какъ будутъ обстоять дѣла, если надвинутся, дѣйствительно, тяжелыя времена. Вполнѣ установлено, что до сихъ поръ въ городѣ не случилось рѣшительно ничего подозрительнаго. Можно подумать, что мы находимся въ сумасшедшемъ домѣ, а между тѣмъ обязанность каждаго, если онъ не трусъ и не опасный бездѣльникъ, спокойно выполнять свой долгъ, ибо моментъ достаточно серьезенъ. Городовые, сохраняйте и дальше свое хладнокровіе! Будьте, какъ вы были до сихъ поръ, мужчинами, а не бабами! Не позволяйте себя увлекать и смотрите въ оба, какъ того требуетъ ваша обязанность"![1])

Любопытный документъ, который навсегда останется памятникомъ массоваго безумія, вызваннаго войной.

II

Справедливость требуетъ сказать, что едва ли не главная доля вины за это сумасшествіе толпы падаетъ несомнѣнно на нѣмецкую прессу. Никогда мнѣ еще не приходилось читать ничего болѣе гнуснаго и отвратительнаго, чѣмъ статьи наиболѣе распространенныхъ буржуазныхъ газетъ Германіи въ теченіе первой половины августа мѣсяца. Передъ войной, насколько мнѣ извѣстно, лишь одна несоціалистическая газета („Frankfurter Zeitung") рѣшительно высказывалась въ пользу сохраненія мира, но даже и она при объявленіи мобилизаціи пришла въ невѣроятно патріотическій ражъ и напечатала нѣсколько истинно-тевтонскихъ статей. Вся остальная пресса, начиная съ лѣво-либеральнаго „Berl. Tageblatt" и вплоть до черно-реакціонной „Kreuz-Zeitung" въ критическіе дни сомнѣній и колебаній не только не пыталась предотвратить надвигающуюся катастрофу, но даже въ большей или меньшей степени старалась еще подтолкнуть начавшую уже двигаться лавину. Съ особенной яростью эта тенден-

---

[1]) „Vorwärts" № отъ 10 августа.

ція обнаружилась, конечно, на правомъ флангѣ. Такъ, послѣ провозглашенія военнаго положенія въ Германіи органъ желѣзныхъ и угольныхъ королей, берлинская „Post“ писала: „Императоръ сказалъ свое слово. Онъ зоветъ народъ къ оружію. Ура! да здравствуетъ императоръ!“ Одновременно антисемитская „Tägliche Rundschau“ выражала недовольство слишкомъ медленнымъ ходомъ событій:

„Все еще нѣтъ мобилизаціи,—жаловалась она.—Одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно: такъ дальше не можетъ продолжаться. Всѣ ждутъ, какъ вѣсти объ избавленіи, приказа о мобилизаціи... Чего же еще медлить? Народное терпѣніе и безъ того уже слишкомъ долго испытывалось“.

Когда же война разразилась, чуть не вся нѣмецкая буржуазная пресса ударила въ націоналистическіе кимвалы и, точно сорвавшаяся съ цѣпи свора собакъ, въ одинъ голосъ завопила: крови! крови! крови! Что сказать, напримѣръ, о слѣдующихъ выпадахъ все той же „Post“:

„Топчите врага! Рубите черепа на куски! Будьте безжалостны, какъ того требуетъ часъ“!

И, переходя къ мобилизаціи и тому горю, которое она причиняетъ, „Post“ продолжала:

„Если дюжина старыхъ бабъ собирается на улицѣ и начинаетъ плакать, гоните ихъ безъ сожалѣнія. Это зрѣлище не трогаетъ, оно лишь возмущаетъ“.

Въ томъ же духѣ и писали и другіе „правые“ и такъ называемые „безпартійные“ органы печати, необыкновенно широко распространенные въ Германіи. Удивительно ли, при такихъ условіяхъ, что въ странѣ Гёте, Канта и Бетховена нашелся рядъ газетъ, которыя не только оправдывали, но прямо привѣтствовали варварское разрушеніе Лувэна? Такъ, напримѣръ, аграрно-консервативная „Deutsche Tageszeitung“ по этому поводу заявляла:

„Если необходимость насъ заставляетъ звѣрства бельгійцевъ топить въ потокахъ крови и погребать подъ грудами развалинъ, то мы тѣмъ самымъ не только выполняемъ заповѣдь самосохраненія, но также творимъ *великое дѣло культуры и человѣчности.* Это позорное пятно, лежащее на Европѣ, должно быть выжжено раскаленнымъ желѣзомъ“ (Курсивъ мой. *В. М.*).

Еще опредѣленнѣе высказывалась „Kreuz-Zeitung“:

„Въ данномъ случаѣ,—глубокомысленно замѣчала юнкерская газета,—дѣло идетъ о фактѣ громаднаго значенія, и не только потому, что кара обрушилась на столь замѣчательный городъ, но

также и потому, что здѣсь погибло нѣчто невознаградимое: Лувэнъ былъ богатъ произведеніями стараго искусства, которыя сильно пострадали при экзекуціи. *Тѣмъ большее удовлетвореніе вызываетъ поведеніе нашихъ войскъ: они не позволили увлечь себя сентиментальнымъ порывамъ* и тѣмъ самымъ разъ навсегда ясно показали, что сильно ошибается тотъ, кто разсчитываетъ остаться безнаказаннымъ за свои звѣрства только потому, что послѣднія случайно совершены въ стѣнахъ города съ большимъ культурнымъ и художественнымъ прошлымъ" (Курсивъ мой. *В. М.*).

Не ограничиваясь однако поощреніемъ звѣрскихъ инстинктовъ вся правая и „желтая" уличная пресса занималась еще самымъ беззастѣнчивымъ распространеніемъ (ради сенсаціи, конечно) всевозможныхъ дикихъ и нелѣпыхъ слуховъ, сѣявшихъ лишь новые страхи и подозрѣнія въ и безъ того достаточно возбужденной обывательской толпѣ. Для примѣра приведу хотя бы слѣдующую небольшую выдержку изъ „Deutscher Kurier" отъ 3 августа. Изъ Штуттгарта этой газетѣ сообщали: „Сегодня утромъ была сдѣлана попытка покушенія на дворецъ наслѣдника. Преступникъ, какъ утверждаютъ, славянскаго происхожденія, былъ арестованъ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался бросить бомбу... Два француза хотѣли взорвать въ Канштадтѣ желѣзнодорожный віадукъ. Нѣсколько подозрительныхъ индивидуумовъ пытались перерѣзать телеграфныя проволоки на главномъ почтамтѣ въ Штуттгартѣ. Около Фрейденштата была задержана цыганская повозка съ взрывчатыми веществами. Тамъ же иностранцы хотѣли отравить водопроводъ. Захвачено много автомобилей съ иностранными путешественниками" и т. д., и т. д., все въ томъ же родѣ вплоть до сенсаціоннаго извѣстія, что въ одномъ изъ автомобилей было найдено 9 милліоновъ марокъ золота, пересылавшагося (поистинѣ, геніальный планъ!) изъ Франціи въ Россію черезъ Германію. Конечно, все это былъ чистѣйшій вздоръ, и, конечно, газета сама не сомнѣвалась въ этомъ ни минуты. Но легко себѣ представить, какъ потокъ подобныхъ извѣстій долженъ былъ дѣйствовать на возбужденную толпу [1])

Тутъ же небезынтересно будетъ отмѣтить любопытное превращеніе нѣкоторыхъ консервативныхъ Савловъ въ революціонныхъ Павловъ.

---

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что с.-д. пресса во все это критическое время вела себя совершенно иначе и старалась воздѣйствовать на толпу въ успокаивающемъ и отрезвляющемъ духѣ, однако, какъ извѣстно, она далеко не столь многочисленна и вліятельна, какъ пресса буржуазная.

Газеты, которыя до сихъ поръ дрожали отъ ярости при одномъ имени соціалъ-демократіи, которыя во внутренней политикѣ Германіи всегда отстаивали принципы самой черной политической и общественной реакціи, вдругъ внезапно превратились въ глашатаевъ революціи... для Бельгіи, Россіи, Британской имперіи. Такъ, „Post“ въ пламенныхъ выраженіяхъ призывала фламандцевъ сбросить съ себя французское иго и прильнуть къ материнской груди родственнаго нѣмецкаго народа. „Deutsche Tageszeitung“ взяла подъ свое спеціальное покровительство индусовъ и, обращаясь къ нимъ, писала: „Начавшаяся міровая война явится зарей новой исторической эпохи. Послужитъ ли она сигналомъ къ возстанію, какъ Крымская война въ 1857 году? Мы съ своей стороны можемъ только крикнуть индусамъ: „если ты пропустишь этотъ моментъ, его больше не сможетъ возвратить тебѣ вѣчность. Пора!“ Не правда ли, краснорѣчиво? О томъ, что правая, да и не только правая, пресса въ Германіи все время подстрекала поляковъ къ возмущенію противъ Россіи, что она съ бранью и оскорбленіями накидывалась на столь почитавшихся ею еще столь недавно нѣкоторыхъ лицъ въ восточной имперіи, конечно, нечего особенно распространяться. Это ясно само собой. Но, читая пламенные выпады новоявленныхъ революціонеровъ, часто нельзя было удержаться отъ невольной улыбки. Еще бы: зрѣлище знаменитаго Ольденбургъ-Янушау („друга Пуришкевича“), любезно похлопывающаго по плечу старика Робеспьера, не могло не настраивать въ достаточной степени юмористически...

Свою лепту въ общую волну безумія внесла и изящная литература. Дѣйствительно, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ войны „военная“ или точнѣе „воинственная“ поэзія въ Германіи расцвѣла поистинѣ пышнымъ цвѣтомъ. Я не случайно употребляю выраженіе „расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ“: по подсчетамъ Юліуса Баба въ „Literarisches Echo“ [1]), число стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ, написанныхъ о войнѣ въ августѣ—сентябрѣ 1914 г., опредѣляется минимумъ въ 50.000 (пятьдесятъ тысячъ). Мыслимъ ли болѣе богатый урожай? Правда, 99 % этихъ произведеній не суждено было увидѣть свѣта, но все-таки даже и появившійся въ печати 1 % представляетъ въ количественномъ отношеніи такую крупную величину, что можетъ дать нѣкоторое представленіе о движеніяхъ нѣмецкой души въ пережитый ею критическій моментъ.

[1]) 17. Jahrgang, Heft № 1.

Тѣмъ болѣе, что рѣшительно всѣ хоть сколько-нибудь замѣтные и выдающіеся пѣвцы Аполлона, къ какой бы литературной школѣ они ни принадлежали и какихъ бы политическихъ воззрѣній ни держались, сочли своимъ долгомъ откликнуться на происходящія событія. О чемъ же они повѣдали міру?

Когда просматриваешь безчисленное количество стихотвореній, появившихся въ германской печати въ первыя недѣли войны, невольно поражаетъ рѣдкое единство настроенія, единство симпатій, стремленій и даже отдѣльныхъ словъ и выраженій большинства авторовъ. Рихардъ Демель и Гергардтъ Гауптманъ, Карлъ Генкель и Арно Гольцъ, Людвигъ Гангхоферъ и Лиссауеръ, — всѣ, рѣшительно всѣ, несмотря на громадныя идейныя различія, раздѣлявшія ихъ въ мирную эпоху, теперь дружно тянутъ одну и ту же ноту, на всѣ лады распѣваютъ одну и ту же нѣмецко-шовинистическую мелодію. Всѣ они называютъ нынѣшнюю войну „святой войной“; всѣ изображаютъ Германію въ видѣ суроваго рыцаря, который, по Божьему повелѣнію, творитъ судъ и расправу надъ „злодѣями“, „шакалами и гіенами“; всѣ жестоко издѣваются надъ враждебными имъ націями и превозносятъ собственное отечество превыше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Вотъ нѣсколько образчиковъ.

Отто Эрнстъ въ стихотвореніи „Къ моему отечеству“ восклицаетъ: „Убей дьявола и принеси себѣ съ неба семь вѣнцовъ человѣчества!“ (семь по числу враговъ Германіи). Рихардъ Демель поетъ: „Народъ, ты чувствуешь себя вдохновеннымъ, ибо твой духъ есть Духъ Божій и никогда не можетъ умереть!“ Народъ — это, конечно, нѣмецкій народъ, потому что противниковъ Демель въ томъ же стихотвореніи („Gebet aus Volk“) характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Они — олицетвореніе всего плохого, всего сквернаго, разбойники, наемники, рабы, негодяи“. Гергардтъ Гауптманъ заставляетъ Германію на вопросъ, что заставило ее взяться за мечъ, отвѣчать: „Моя незапятнанная честь, мое безупречно чистое имя“. Рихардъ Нордгаузенъ сочиняетъ цѣлую торжественную оду „на рожденіе“ 42-сантиметроваго орудія, оду, въ которой онъ, между прочимъ, провозглашаетъ: „Война! Она не какое-нибудь доисторическое животное, она — богиня массъ; молитвы и трубные звуки возносятся къ ней, открывающей намъ дорогу къ будущему“ Іосифъ фонъ Лауффъ поле битвы сравниваетъ съ алтаремъ, а Рудольфъ Герцогъ демонстрируетъ читателю ни больше ни меньше, какъ „нѣмецкаго архангела Михаила“, котораго Богъ „между Ме-

цомъ и Вогезами" дѣлаетъ своимъ знаменосцемъ. Впрочемъ, это еще далеко не предѣлъ. Карлъ Росснеръ умудрился нарисовать гораздо болѣе выразительную картину: Христосъ идетъ черезъ поле битвы и при этомъ внимаетъ среди умирающихъ только тѣмъ, которые думаютъ „по-нѣмецки". Стихотвореніе Росснера имѣло шумный успѣхъ.

Если таково безумное превознесеніе собственнаго народа — „избраннаго народа", то не менѣе преувеличены презрѣніе и ненависть, питаемыя къ народамъ враждебнымъ. Еще къ французамъ отношеніе сравнительно благодушно. Ихъ называютъ всего только „глупцами" (Остини), „галльскими комедьянтами" (Густавъ Шюлеръ), говорятъ о „египетской ночи, дремлющей по ту сторону Рейна", о „вѣчномъ позорѣ Седана" и т. д. Хуже уже отношеніе къ русскимъ. „Варвары", „дикіе калмыки", „безсмысленная орда" и т. п.—вотъ наиболѣе обычные эпитеты, которые примѣняются къ нашимъ соотечественникамъ. Но ярче и неугасимѣе всего пламя ненависти въ нѣмецкихъ сердцахъ пылаетъ по отношенію къ англичанамъ. Англія—это, въ изображеніи германскихъ поэтовъ, исчадіе ада, сосудъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ; это страна, которая знаетъ только одну страсть — низкую страсть наживы; это врагъ, который не вѣдаетъ мѣры въ жестокости и границы въ злопамятствѣ. И потому вѣчная, непримиримая ненависть къ Англіи! Пожалуй, лучшимъ съ художественной точки зрѣнія произведеніемъ среди моря „воинственной" лирики Германіи является знаменитый обращенный къ Англіи „Гимнъ ненависти" Лиссауера, достаточное представленіе о которомъ можетъ дать слѣдующая строфа:

Dich werden wir Hassen mit langem Hass,
Wir werden nicht lassen von unserm Hass,
Hass zu Wasser und Hass zu Land,
Hass des Hauptes und Hass der Hand,
Hass der Hämmer und Hass der Kronen,
Drasselnder Hass von siebzig Millionen
Sie leben vereint, sie hassen vereint,
Sie haben alle nur einen Feind:
England [1].

[1]) „Тебя мы будемъ ненавидѣть долгой ненавистью, мы никогда не откажемся отъ нашей ненависти! Ненависть на моряхъ и ненависть на сушѣ, ненависть сознанія и ненависть дѣйствія, ненависть королей и ненависть работниковъ, лютая ненависть 70 милліоновъ! Они любятъ вмѣстѣ, они ненавидятъ вмѣстѣ, они всѣ имѣютъ только одного врага—Англію".

Не правда ли, достаточно краснорѣчиво? Впрочемъ, стоитъ ли этому удивляться, если угаръ войны сумѣлъ опьянить и болѣе крѣпкія, чѣмъ журналистскія или „поэтическія“ головы, головы нѣмецкихъ мыслителей и ученыхъ? Вотъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ и образчиковъ. Въ самомъ началѣ войны „медицинскій совѣтникъ“ докторъ Фуксъ выпустилъ въ Берлинѣ брошюру о готовности народа къ войнѣ, заканчивающуюся слѣдующимъ замѣчательнымъ пассажемъ:

„И потому основное нѣмецкое требованіе момента: пропедевтика народной души! Семья на передовыя позиціи! За семьей должно слѣдовать государство, сначала въ школѣ, потомъ во внѣшней политикѣ. Воспитаніе ненависти! Воспитаніе уваженія къ ненависти! Воспитаніе любви къ ненависти! Организація ненависти! Прочь съ опасеніями, съ ложнымъ стыдомъ передъ жестокостью и фанатизмомъ! Да, и въ политикѣ необходимо слѣдовать совѣту Маринетти: „больше пощечинъ, меньше поцѣлуевъ“. Мы не должны останавливаться передъ открытымъ заявленіемъ: намъ даны вѣра, надежда и ненависть! Но ненависть—больше всего!“

А двумя мѣсяцами позже профессоръ физики гейдельбергскаго университета докторъ Ленардъ въ памфлетѣ, направленномъ противъ Англіи, писалъ (цитирую по „Hamburger Fremdenblatt“): „Прочь со всякими соображеніями о такъ называемой англійской культурѣ! Главное гнѣздо и высшая академія всякаго лицемѣрія на берегу Темзы должны быть разрушены до основанія, если мы хотимъ добиться благопріятнаго результата. Прочь съ уваженіемъ передъ могилами Шекспира, Ньютона, Фарадея! Духъ этихъ великихъ людей давно покинулъ ихъ потомковъ и нынѣ въ гораздо большей степени живетъ въ странахъ, которыя Англія стремится раздавить, чѣмъ въ ней самой. Долой со всѣмъ этимъ! Мы должны разъ навсегда усвоить ту истину, что съ бандитами не можетъ быть дѣйствительнаго мира до тѣхъ поръ, пока они окончательно не разгромлены“.

Съ своей стороны, либеральный берлинскій экономистъ профессоръ Ястровъ послѣ занятія нѣмцами Ченстохова на страницахъ лѣво-либеральнаго „Berliner Tageblatt“ счелъ нужнымъ подать германскому правительству слѣдующій замѣчательный совѣтъ: оно должно-де использовать въ своихъ интересахъ почтеніе, питаемое польскимъ населеніемъ къ Ченстоховской иконѣ Божіей Матери, и издать къ нему отъ имени послѣдней прокламаціи съ призывомъ возстать противъ Россіи и поддерживать нѣмецкое дѣло.

И, наконецъ, еще одно, быть-можетъ, самое поразительное сви-

дѣтельство патологическаго состоянія, охватившаго страну,—отказъ цѣлой вереницы первоклассныхъ нѣмецкихъ ученыхъ отъ титуловъ и знаковъ отличія, пожалованныхъ имъ англійскими научными учрежденіями. Только одинъ человѣкъ—и имя его, несомнѣнно, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ—профессоръ Вильгельмъ Ферстнеръ нашелъ въ себѣ достаточно мужества публично протестовать противъ этого гусарскаго набѣга на интернаціональную республику знанія. Всѣ остальные покорно склонились передъ внезапнымъ порывомъ шовинистической волны. И кто склонился! Беринъ, Эрлихъ, Листъ, Лабандъ, Вундтъ, Эрнстъ Геккель... Да, даже и 80-тилѣтній Эрнстъ Геккель, авторъ „Міровыхъ загадокъ", радикалъ-мыслитель, крупнѣйшій представитель современнаго религіозно-философскаго монизма!

Нужны ли еще болѣе яркія доказательства массоваго безумія вызваннаго войной?

Пролетаріатъ и война

I

Въ числѣ многихъ сюрпризовъ, подаренныхъ человѣчеству настоящей войной, несомнѣнно однимъ изъ наиболѣе яркихъ и непредвидѣнныхъ является тотъ полный распадъ интернаціональнаго міра труда, который съ самаго начала великаго историческаго конфликта сталъ не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ. Произошло нѣчто въ его исторіи совершенно небывалое. Единое движеніе, охватывавшее представителей всѣхъ странъ и народовъ и всегда гордившееся своимъ пренебреженіемъ къ офиціальнымъ политико-дипломатическимъ границамъ, внезапно раскололось на три какъ бы совершенно независимыхъ группы: германско-австрійскую, „союзную“ (англо-франко-русско-бельгійскую) и „нейтральную“, каждая изъ которыхъ стала устраивать свои особыя совѣщанія и съѣзды, вырабатывать свою особую тактику и политику и все болѣе оформляться въ особое отъ другихъ цѣлое. Въ моментъ исполинскаго мірового катаклизма пролетаріатъ оказался не въ силахъ сохранить свое интернаціональное классовое единство и распался на отдѣльные изолированные куски какъ разъ по линіи тѣхъ самыхъ офиціально-дипломатическихъ подраздѣленій, н а д ъ которыми онъ всегда ставилъ себя въ мирное время и которыя онъ всегда принципіально отрицалъ. Это ли не сюрпризъ, это ли не полная и какъ будто совершенно непонятная неожиданность?

Странный фактъ пытались объяснить. И при этомъ въ пылу раздраженія и разочарованія обыкновенно больше всего стремились найти „виновника“. Одни видѣли послѣдняго въ пагубномъ вліяніи вождей, обманувшихъ идущія за ними массы. Другіе, наоборотъ, усматривали основную причину соціалистическаго грѣхопаденія въ

косности массъ, заставившихъ вождей примѣняться къ ихъ низменнымъ чувствамъ и настроеніямъ. Третьи готовы были считать „злоумышленникомъ“ не вождей и не массы, а то опредѣленное теченіе соціалистической теоріи и практики, которое извѣстно подъ именемъ ревизіонизма и которое съ конца прошлаго столѣтія медленно, но вѣрно „отравляло“ сознаніе интернаціональнаго рабочаго класса [1]). Нельзя отрицать, пожалуй, что въ каждомъ изъ приведенныхъ объясненій скрывается своя доля истины, но всѣ они крайне недостаточны. Ибо и коварство пастырей, и тупость стада, и разъѣдающее вліяніе ревизіонизма, очевидно, являются лишь поверхностью изслѣдуемаго факта, разъ одновременно одни и тѣ же событія разыгрались во всѣхъ вовлеченныхъ въ конфликтъ европейскихъ странахъ, стоящихъ, какъ извѣстно, на весьма различныхъ ступеняхъ экономическаго и политическаго развитія, разъ по одну сторону націоналистическихъ „баррикадъ“ оказались и ревизіонисты, и радикалы, и синдикалисты, и даже—horribile dictu—анархисты. Явленіе подобнаго размаха должно имѣть и соотвѣтственно глубокіе корни, питающіеся не ошибками и недостатками отдѣльныхъ индивидуумовъ или даже цѣлыхъ группъ, а какими-то общими стихійно-историческими

---

[1]) Есть еще одинъ взглядъ, особенно широко распространенный въ Бельгіи и Франціи, который стремится перенести всю отвѣтственность за распадъ интернаціонала на плечи пролетаріата одной стороны—Германіи. Германскій рабочій классъ повиненъ-де во всемъ, ибо, отказавшись отъ активнаго противодѣйствія своему правительству въ моментъ объявленія войны, онъ вынудилъ тѣмъ самымъ рабочій классъ другихъ странъ къ поддержанію у себя дома „національнаго единства“. Особенно рѣшительно защищаютъ подобную точку зрѣнія французскіе синдикалисты. Мы—заявляютъ они—наканунѣ войны предлагали Легину и другимъ нѣмецкимъ вождямъ профессіоналистамъ устроить совмѣстно генеральную стачку, но тѣ отказались. Разъ такъ, намъ не оставалось ничего больше, какъ итти защищать свое отечество. И синдикалисты въ настоящее время, дѣйствительно, составляютъ одну изъ наиболѣе націоналистически-настроенныхъ вѣтвей европейскаго рабочаго движенія. Справедливость однако требуетъ сказать, что указанный взглядъ грѣшитъ очень большими преувеличеніями. Какъ ни «ура-патріотичны» сейчасъ германскіе с.-д., все-таки въ началѣ кризиса они дѣлали извѣстныя попытки сговориться съ заграничными товарищами о нѣкоторой общей линіи поведенія. Такъ, достовѣрно извѣстно, что еще 1—2 августа нов. стиля (т.-е. въ самый разгаръ мобилизаціи) секретарь центральнаго правленія германской с.-д. партіи пріѣзжалъ въ Парижъ и пытался установить извѣстную координацію дѣйствій между нѣмецкими и французскими соціалистами, однако миссія его не увѣнчалась успѣхомъ благодаря сопротивленію съ французской стороны.

процессами, опредѣляющими своимъ ходомъ судьбы современнаго человѣчества.

И я едва ли ошибусь, если скажу, что для установленія этихъ основныхъ причинъ распада рабочаго интернаціонала нѣтъ страны болѣе подходящей, чѣмъ Германія. Германія является тѣмъ государствомъ, которому во всемъ разыгрывающемся на нашихъ глазахъ исполинскомъ конфликтѣ принадлежитъ, несомнѣнно, наиболѣе агрессивная роль. Съ другой стороны, германскій пролетаріатъ наканунѣ войны считался—и не безъ основанія—наилучше организованнымъ, наилучше воспитаннымъ и тренированнымъ въ соціалистическо-интернаціоналистическомъ духѣ среди своихъ собратьевъ. Такимъ образомъ, всѣ и объективно-политическія, и субъективно-классовыя условія, казалось, соединились вмѣстѣ для того, чтобы облегчить рабочей демократіи Германіи задачу сохраненія ясной головы въ атмосферѣ внезапно поднявшейся націоналистической бури. Здѣсь не было непосредственной опасности опустошительнаго непріятельскаго нашествія, способной помрачать даже наиболѣе свѣтлые умы, ни темныхъ и безсмысленныхъ массъ, живущихъ лишь слѣпыми инстинктами да передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе традиціями. Устоять при такихъ обстоятельствахъ противъ „патріотическихъ“ соблазновъ, остаться вѣрнымъ принципамъ и идеаламъ, неустанно проповѣдывавшимся въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, для громаднаго, пустившаго прочные корни движенія было, повидимому, не такъ ужъ трудно. По меньшей мѣрѣ, для его верхняго болѣе интеллигентнаго слоя, для его офицерскаго корпуса и его генеральнаго штаба.

И однако въ дѣйствительности случилось нѣчто совершенно иное. Германскій пролетаріатъ не выдержалъ выпавшаго на его долю испытанія: онъ бросился съ головой въ потокъ шовинистическихъ увлеченій и, соединившись съ остальными классами нѣмецкаго общества, сталъ восторженно воскурять фиміамъ предъ идеями національнаго обособленія и государственной исключительности. Тѣмъ любопытнѣе изслѣдовать этотъ наиболѣе чисто съ научной точки зрѣнія поставленный историческій опытъ, тѣмъ поучительнѣе на его примѣрѣ вникнуть глубже въ психологію современныхъ трудящихся массъ.

II

Я только что упомянулъ о шовинистическихъ увлеченіяхъ германскаго пролетаріата. Увы!—иного выраженія въ данномъ случаѣ никакъ употребить нельзя. Германскій пролетаріатъ съ самаго начала войны находится въ состояніи націоналистическаго угара, который пьянитъ ему голову и преображаетъ до неузнаваемости его лицо. Читая изо дня въ день соціалистическую прессу, слѣдя за жизнью партійныхъ и профессіональныхъ организацій, прислушиваясь къ смѣшаннымъ голосамъ, доносящимся изъ глубины рабочихъ массъ, вы не можете отдѣлаться отъ невольнаго впечатлѣнія, что здѣсь, на вашихъ глазахъ, произошло какое-то совершенно безпримѣрное превращеніе, своей быстротой и своимъ глубокимъ радикализмомъ уподобляющееся настоящей катастрофѣ. Но факты и данныя!—скажетъ читатель. Фактовъ и данныхъ такъ много и они стали въ настоящее время такимъ повседневнымъ явленіемъ, что я ограничусь лишь нѣсколькими наиболѣе яркими примѣрами.

Когда въ концѣ іюля 1914 года была объявлена война, вездѣ по Германіи, отражаясь гулкимъ тысячеголосымъ эхомъ, прокатился подхваченный всѣми классами и сословіями лозунгъ: „Burgfrieden“ (миръ внутри)! Когда врагъ стоитъ на границахъ имперіи, наиболѣе священнымъ долгомъ всѣхъ гражданъ является всемѣрное охраненіе внутренняго мира и согласія. Эта заповѣдь казалась настолько естественной и неоспоримой, что самъ Вильгельмъ II въ рѣчи къ народу, произнесенной наканунѣ объявленія мобилизаціи, торжественно провозгласилъ: отнынѣ для него не существуетъ больше партій, теперь всѣ для него—отъ юнкера до соціалъ-демократа—нѣмцы и только нѣмцы. „Burgfrieden“, такимъ образомъ, получилъ высочайшую санкцію и сталъ офиціальнымъ знаменемъ всей націи въ области внутренней политики. Передъ нимъ склонились министры и ландраты, передъ нимъ склонилась также и рабочая демократія. И все то, что съ тѣхъ поръ происходило страннаго и необычнаго въ мірѣ германскаго пролетаріата, все, что такъ рѣзко расходилось съ его болѣе, чѣмъ полувѣковыми навыками и традиціями и о чемъ рѣчь будетъ ниже,—все это являлось лишь причудливыми узорами, которые капризница жизнь вышивала на основномъ фонѣ всеобщаго „гражданскаго мира“. Но что же случилось въ дѣйствительности?

Первымъ плодомъ провозглашеннаго „Burgfrieden“ было голосованіе с.-д. фракціи за военные кредиты въ знаменитомъ засѣданіи рейхстага 4 августа 1914 г. Фракція тогда мотивировала свое поведеніе опасностью, грозящей отечеству съ востока, и одновременно признала нарушеніе нейтралитета Бельгіи печальной, но неизбѣжной стратегической необходимостью. Четыре мѣсяца спустя, въ засѣданіи рейхстага 2 декабря, с.-д. фракція вторично вотировала военные кредиты и вторично же въ особомъ абзацѣ прочитанной Гаазе декларации санкціонировала попраніе независимости Бельгіи. Нашелся лишь одинъ единственный депутатъ (изъ общаго количества 110), Карлъ Либкнехтъ, рѣшившійся голосовать противъ бюджета и въ особомъ манифестѣ, опубликованіе котораго въ рейхстагѣ не было допущено, энергично протестовать противъ такъ легкомысленно затѣянной войны. Фракція вынесла Либкнехту суровое порицаніе и одно время даже носились слухи о предстоящемъ исключеніи его изъ партіи [1]).

Таково настроеніе высшаго политическаго представительства соціалъ-демократіи. А пресса? Въ общемъ она попала въ то же русло, что и парламентаріи. Еще въ первые мѣсяцы войны, когда воспоминанія о недавнемъ прошломъ были свѣжѣе, с.-д. газеты пытались быть осторожными и объективными и тѣмъ самымъ выгодно отличались отъ бряцающей оружіемъ буржуазной печати. Съ тѣхъ поръ однако много воды утекло и въ настоящее время соціалистическая пресса сильно упала въ качествѣ, постепенно поддавшись тлетворному вліянію окружающей атмосферы. Относительно прилично держался и держится „Vorwärts“, подвергающійся за это ожесточеннымъ атакамъ въ партійныхъ и профессіональныхъ кругахъ. Болѣе или менѣе вѣрны прежнимъ традиціямъ остались „Bremer Bürger-Zeitung“, „Frankfurter Volksstimme“ и еще двѣ—три небольшихъ провинціальныхъ газеты. Въ началѣ одна изъ нихъ—„Gothaer Volksblatt“—была закрыта военными властями за то, какъ гласила официальная бумага, что она слишкомъ рѣзко нападала на „патріотическій образъ мыслей“ с.-д. фракціи рейхстага. Попробуйте вообразить себѣ только эту картину: высшее представительство соціалистическаго пролетаріата—и прусскій военный министръ

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ фракція еще не разъ голосовала за бюджетъ, хотя постепенно въ ея средѣ нарастала оппозиція противъ подобнаго поведенія. Во время послѣдняго голосованія (въ декабрѣ 1915 г.) 20 с.-д. депутатовъ, нарушая партійную дисциплину, даже открыто вотировали противъ.

фонъ-Фалькенгайнъ, выступающій въ роли полицейскаго защитника этого представительства отъ критики собственныхъ же товарищей послѣдняго! Восемь мѣсяцевъ назадъ нѣчто подобное могло показаться продуктомъ горячечнаго воображенія, теперь это непреложный фактъ дѣйствительности, ставшей чудеснѣе самой фантастической сказки. За вычетомъ немногихъ исключеній, вся соціалистическая и профессіональная пресса въ настоящее время мало отличается отъ прессы буржуазной. То же безусловное одобреніе войны, та же поддержка существующаго правительства, тѣ же попытки представить Германію во образѣ невиннаго агнца, ведомаго союзниками на закланіе, тѣ же звонко-націоналистическія фразы и тотъ же концентрированный духъ квасного „ура патріотизма“. Новая эпоха принесла съ собой почти невѣроятныя превращенія. Такова, напримѣръ, судьба „Hamburger Echo“: до войны это былъ большой и солидный органъ радикальнаго направленія, пользовавшійся очень серьезнымъ вліяніемъ въ партіи,—теперь это одна изъ наиболѣе шовинистическихъ с.-д. газетъ, рѣзко нападающая на „Vorwärts“ за недостатокъ патріотизма.

Конечно, справедливость требуетъ сказать, что германская рабочая пресса находится въ тискахъ, подъ бдительнымъ окомъ предварительной цензуры. Однако вѣдь и цензура далеко не всесильна: послѣдняя можетъ заставить газету не говорить того, что та хочетъ, но она не въ силахъ все-таки принудить ее говорить то, чего она не хочетъ. А между тѣмъ въ нѣмецкой соціалистической печати сейчасъ не рѣдкость встрѣтить такія статьи и замѣтки, которыя сдѣлали бы честь наиболѣе шовинистическимъ органамъ буржуазной Германіи. Вотъ, напримѣръ, такъ называемый Fall Weil (случай съ Вейлемъ). Соціалъ-демократическій депутатъ Меца Вейль—эльзасецъ по рожденію—вскорѣ послѣ начала войны отрекся отъ своего офиціальнаго отечества, отказался отъ своего парламентскаго мандата и вступилъ въ ряды французской арміи, заявивъ, что въ этотъ великій историческій моментъ онъ чувствуетъ себя гораздо больше французомъ, чѣмъ нѣмцемъ. Казалось бы, партія, торжественно признающая право каждой національности на самоопредѣленіе и каждаго индивидуума на свободное распоряженіе собственной личностью, должна была бы отнестись къ поступку Вейля весьма хладнокровно и ограничиться простой регистраціей даннаго факта. На дѣлѣ произошло однако совершенно обратное. Чуть не вся соціалистическая пресса открыла цѣлый походъ противъ „измѣнника“, забрасывая его грязью и оскорбленіями, и даже

старикъ-радикалъ Ледебуръ нашелъ возможнымъ на страницахъ „Vorwärts“а на основаніи какихъ-то уличныхъ сплетенъ копаться въ душѣ своего бывшаго коллеги по фракціи.

Въ тонъ этому общему настроенію партіи и отдѣльныя выступленія ея признанныхъ вождей. Германъ Вендель, незадолго до начала войны бросившій съ трибуны рейхстага свое гордо-вызывающее: „Vive la France!“, теперь по пріѣздѣ въ Брюссель старается уговорить бельгійскихъ соціалистовъ стать на работу, дабы такимъ образомъ облегчить германскому правительству задачи водворенія мира въ завоеванной странѣ. Предсѣдатель парламентской фракціи, Шейдеманъ, публикуетъ въ „Leipziger Volkszeitung“ письмо, въ которомъ радикальному берлинскому корреспонденту с.-д. „Berner Tagwacht“, пишущему подъ псевдонимомъ Parabellum, публично бросаетъ обвиненіе въ подкупленности враждебными иностранными правительствами. Какъ быстро прививаются скверныя привычки! Шейдеманъ не успѣлъ еще башмаковъ износить съ того времени, какъ подобныя же обвиненія бросались германскими реакціонерами ему самому и его товарищамъ, и вотъ онъ уже спѣшитъ использовать юнкерскіе методы борьбы по отношенію къ своему партійному единомышленнику, не успѣвшему такъ скоро забыть свое прошлое. Наконецъ, пресловутый нюренбергскій депутатъ Зюдекумъ, уже и въ прежнія времена обнаруживавшій достаточно позывовъ къ министеріабельности, нынѣ превращается въ полуофиціальнаго агента имперскаго правительства и, по его порученію, отправляется въ Румынію въ цѣляхъ „обработки“ общественнаго мнѣнія послѣдней въ германофильскомъ направленіи. С.-д. фракція, такъ поспѣшившая съ вынесеніемъ порицанія Карлу Либкнехту, до сихъ поръ однако не подумала отрясти отъ ногъ своихъ этого двусмысленнаго комми-вояжера Бетманъ-Гольвега.

Если таково поведеніе вождей, то что же сказать о массахъ? Массы полны „ура-патріотическихъ“ настроеній и, видимо, довольно быстро забываютъ преподававшуюся имъ въ теченіе многихъ лѣтъ словесную соціалистическую мудрость. Что сказать, напримѣръ, о такомъ замѣчательномъ инцидентѣ? Партійная организація въ Кобургѣ рѣшила въ день рожденія императора Вильгельма—23 января 1915 г.—устроить большой патріотическій концертъ. Такъ какъ однако самъ „именинникъ“ категорически высказался противъ „торжественнаго“ и шумнаго празднованія въ годину войны его появленія на свѣтъ, то предполагавшійся концертъ былъ властями запрещенъ. Монархическое усердіе мѣстныхъ Genossen было однако

такъ велико, что они не захотѣли примириться съ распоряженіемъ администраціи и задумали использовать для своей патріотической цѣли похороны, случайно приходившіяся на пресловутый „день“. Но и тутъ судьба надъ ними подшутила: священникъ, ничего не знавшій о замыслахъ с.-д., забылъ упомянуть въ своей рѣчи о значеніи „дня“, а локальный партійный органъ „даже“ не выразилъ священнику за это никакого порицанія. Кобургскіе „товарищи“ были страшно возмущены всѣмъ происшедшимъ и нѣкоторые изъ нихъ въ видѣ протеста отказались получать свой привычный „Volksblatt“... Читаешь о подобныхъ вещахъ и не можешь понять, что это: сонъ или дѣйствительность? И какъ-то невольно припоминаешь брошенныя года три назадъ по одному поводу императоромъ Вильгельмомъ слова: „Meine Sozialdemokraten sind garnicht so schlimm!“ (мои соціалъ-демократы ужъ не такъ-то плохи). Повидимому, Вильгельмъ зналъ германскихъ с.-д. лучше, чѣмъ ихъ партійные товарищи за границей.

Это въ мірѣ партійно-политическомъ, а въ профессіональномъ движеніи? Тамъ настроеніе еще болѣе сгущенное, шовинизмъ еще болѣе откровенный и недвусмысленный. Послѣ паденія Антверпена цѣлый рядъ профессіональныхъ органовъ писалъ примѣрно въ такомъ духѣ: „Антверпенъ—нашъ и, будемъ надѣяться, навсегда“. Предсѣдатель „Генеральной Комиссіи“ Легинъ въ концѣ 1914 г. выступилъ въ печати съ публичнымъ протестомъ противъ „Vorwärts“'а, обвиняя послѣдній въ тенденціозномъ изображеніи дѣйствительности, въ стремленіи обѣлить поведеніе враговъ и очернить поведеніе нѣмцевъ на полѣ битвы. Въ серединѣ ноября того же 1914 года произошло еще одно совершенно фантастическое для Германіи событіе, показавшее, какъ далеко уже шагнуло профессіональное движеніе по пути укрѣпленія „Burgfrieden“: высшіе представители государственной власти—имперскіе министры юстиціи и финансовъ и прусскіе министры торговли и внутреннихъ дѣлъ—въ сопровожденіи берлинскаго оберъ-бургомистра, президентовъ рейхстага и прусской палаты господъ, а также группы либеральныхъ и консервативныхъ парламентаріевъ посѣтили столичный Gewerkschaftshaus, рабочій кооперативъ и помѣщенія союзовъ металлистовъ и деревообдѣлочниковъ, при чемъ по окончаніи осмотра министръ финансовъ въ залѣ засѣданія послѣдняго союза произнесъ соотвѣтствующую случаю рѣчь, произведшую глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ [1]).

[1]) „Vorwärts“, № отъ 17 ноября 1914 года.

Должно быть, подъ вліяніемъ описаннаго посѣщенія центральный органъ германскаго профессіональнаго движенія, „Correspondenzblatt“, въ своемъ новогоднемъ номерѣ писалъ: „Оправдаются ли наши ожиданія,—въ первую голову будетъ зависѣть отъ позиціи, которую займутъ послѣ войны правительство и офиціальныя власти по отношенію къ профессіональному движенію въ цѣломъ и коалиціонному праву въ частности. Что предприниматели и въ будущемъ не особенно нѣжно будутъ взирать на профессіональные союзы—вполнѣ понятно, ибо экономическіе антагонизмы существуютъ и ихъ нельзя надолго устранить. И въ будущемъ, надо полагать, не обойдется безъ забастовокъ и локаутовъ. Иного мы ждемъ отъ отношенія правительства къ профессіональному движенію; ибо до сихъ поръ оно опредѣлялось страхомъ, какъ бы свободные союзы на ряду съ соціалъ-демократіей не оказались серьезной помѣхой для національной обороны. Всѣ такія опасенія сейчасъ разлетѣлись, какъ дымъ: ни соціалъ-демократія, ни свободные союзы не покинули отечества и народа въ моментъ опасности, а заняли, какъ и всѣ прочіе, надлежащее мѣсто въ дѣлѣ защиты страны. Слова кайзера: „я не знаю больше партій, я знаю только нѣмцевъ“, повторилъ въ офиціальномъ мѣстѣ торжественно и канцлеръ и многократно ручался за ихъ дѣйствительность, за то, что и послѣ войны правительство будетъ знать „только нѣмцевъ“... Изъ этого въ первую голову вытекаетъ полное равноправіе какъ политическое, такъ и правовое. Мы надѣемся, что правительство это поймете... и сейчасъ же послѣ войны его реализуетъ“.

Наивныя мечты, наивныя надежды! И мнѣ невольно вспоминается, какъ тотъ же самый Легинъ, подъ эгидой котораго издается „Correspondenzblatt“, всего лишь за 4 недѣли до начала войны на общепрофессіональномъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ, состоявшемся въ концѣ іюня 1914 года, грозилъ германскому правительству священнымъ гнѣвомъ пролетаріата. Онъ говорилъ тогда о вѣчныхъ преслѣдованіяхъ рабочихъ организацій въ Германіи, о полной неспособности прусской реакціи понять духъ и запросы времени, объ ея глубокой органической враждебности чаяніямъ и идеаламъ объединеннаго труда. Онъ говорилъ, и изъ всей его сильной, сопровождавшейся мѣрными ударами руки по каѳедрѣ рѣчи звучала скрытая, обращенная наверхъ угроза: „Берегитесь! Не натягивайте слишкомъ струну“! А теперь?.. Поистинѣ, какъ мало прожито, какъ много пережито!

Я не хочу излишне сгущать краски. Я знаю, что даже и сей-

часъ въ мірѣ германскаго пролетаріата не все обстоитъ уже такъ безнадежно и уныло. Я знаю, что какъ-никакъ тамъ имѣется Карлъ Либкнехтъ, около котораго группируется небольшая кучка довольно вліятельныхъ вождей (Мерингъ, Роза Люксембургъ и др.), сумѣвшихъ не капитулировать передъ націоналистической стихіей; что въ Гамбургѣ сложилось уже довольно вліятельное меньшинство, обнаруживающее рѣзкую оппозицію по отношенію къ войнѣ, а въ Штутгартѣ на этой же почвѣ произошелъ даже расколъ въ мѣстной партійной организаціи; что, наконецъ, въ самое послѣднее время въ рядахъ нѣмецкихъ рабочихъ массъ начинаетъ намѣчаться извѣстный психологическій сдвигъ, проносится легкое дуновеніе болѣе свѣжихъ и здоровыхъ настроеній, предвѣщающее близкій разсвѣтъ критической мысли и возвращеніе къ власти временно попраннаго сознанія. Все это, конечно, очень важно и многозначительно, но все-таки это пока лишь „музыка будущаго“, а я говорю о настоящемъ. Настоящее же—и это необходимо откровенно признать—окрашено въ темные тона, и для настоящаго типичными фигурами являются не Мерингъ и Либкнехтъ, а Легинъ и Шейдеманъ. И чѣмъ яснѣе и отчетливѣе начинаешь сознавать этотъ суровый и непреложный фактъ, тѣмъ настойчивѣе въ душѣ подымается вопросъ: гдѣ причина? Гдѣ, въ чемъ причина или причины той поразительной, не имѣющей еще прецедента въ исторіи метаморфозы, которая, выражаясь фигурально, на протяженіи какихъ-нибудь двадцати четырехъ часовъ сумѣла превратить грозно рыкающаго соціалистическаго льва въ тупо блеющаго націоналистическаго ягненка?

III

Когда въ настоящее время въ свѣтѣ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, начинаешь внимательно присматриваться къ духовному лицу индустріальнаго пролетаріата (а о немъ какъ разъ идетъ сейчасъ рѣчь), то совершенно ясно и отчетливо различаешь въ его груди параллельное существованіе двухъ различныхъ и до извѣстной степени даже другъ друга взаимно исключающихъ душъ: души національной и души интернаціональной.

Нельзя сказать, чтобы данный фактъ являлся какимъ-либо неожиданно-новымъ открытіемъ. Совсѣмъ наоборотъ. Споры о націонализмѣ и интернаціонализмѣ ведутся въ соціалистическомъ

движеніи съ самаго его возникновенія. Проблема эта неоднократно обсуждалась уже на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ. О ней произнесено было безконечное количество рѣчей. Ей посвящена была обширная и съ годами все разраставшаяся литература. И, если тѣмъ не менѣе теперь, послѣ страшнаго опыта міровой войны, приходится снова возвращаться къ старой проблемѣ, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ міръ труда совершенно по-иному подходитъ къ знакомому вопросу. Раньше онъ подходилъ къ нему отъ болѣе или менѣе отвлеченной теоріи, сейчасъ отъ жестокой и безпощадной практики. И разница отъ этого подхода получается огромная: точно дунулъ вѣтеръ и развѣялъ легкій розоватый туманъ, скрывавшій отъ пролетаріата трудности дороги, внезапно во всей своей пугающей неприступности предъ нимъ встали грозныя очертанія скалъ, перегораживающихъ путь къ далекимъ идеаламъ.

Конечно, и до войны всѣ знали, что въ груди рабочаго живетъ и національная душа—и въ мирное время она проявлялась достаточно опредѣленно,—но все-таки большинство соціалистовъ неизмѣнно полагало, что интернаціональная душа пролетаріата гораздо ярче, сильнѣе, и что въ случѣ конфликта между той и другой послѣдняя выйдетъ безусловной побѣдительницей. Въ сущности какихъ-либо серьезныхъ доказательствъ въ пользу даннаго утвержденія никогда не было, наоборотъ, имѣлось не мало вѣскихъ соображеній въ пользу обратнаго предположенія. И однако, вопреки очевидности, всѣ вѣрили, ибо хотѣлось вѣрить, ибо въ данномъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, по извѣстной нѣмецкой поговоркѣ „Der Wunsch war der Vater des Gedankens“ (желаніе было отцомъ мысли). Душу интернаціональную обыкновенно всячески подчеркивали и демонстрировали. Наоборотъ, о душѣ національной говорили мало и неохотно, ея стыдливо сторонились, о ней старались не упоминать. Война жестоко расправилась съ этой соціалистической маниловщиной. Романтическій флеръ былъ внезапно сорванъ съ дѣйствительности. И предъ изумленнымъ міромъ труда неожиданно открылось то, что уже давно было ясно немногимъ дальновиднымъ, открылось то, что на современной ступени соціально-экономическаго и культурнаго развитія національное начало въ груди пролетаріата все еще безконечно могущественнѣе, чѣмъ интернаціональное, и что при конфликтѣ между тѣмъ и другимъ послѣднее ломается, какъ легкая тростинка, попавшая въ столкновеніе съ тяжелой палицей. Таковъ фактъ. А его объясненіе?

Мнѣ думается, что первой и наиболѣе непосредственной причиной разсматриваемаго явленія должна быть признана крайняя живучесть стихійно-первобытнаго національнаго чувства. Вліяніе его тоже обычно въ соціалистическихъ кругахъ недооцѣнивали, и однако оно въ настоящее время представляетъ огромную реальную силу, истинные размѣры которой мы только теперь начинаемъ понимать. Вѣковыя историческія традиціи, языкъ, бытовой укладъ, религія, литература, школа, система воспитанія, впечатлѣнія ранняго дѣтства и юности — все это вмѣстѣ взятое создаетъ могущественную, не легко ломающуюся связь между отдѣльными индивидуумами, составляющими націю, сливаетъ ихъ въ единое органическое цѣлое. Живое ощущеніе принадлежности къ этому цѣлому глубоко сидитъ въ душѣ каждаго, часто даже независимо отъ его сознанія. Оно составляетъ почти такое же стихійно-неотъемлемое свойство его натуры, какъ потребность двигаться, говорить, дышать или утолять голодъ принятіемъ пищи. Національное чувство это — нѣчто первичное (хотя, разумѣется, не абсолютно доминирующее), подпочвенное, основное, что нерѣдко годами и десятилѣтіями незамѣтно тлѣетъ подъ толстыми идеологическими наслоеніями и потомъ вдругъ подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго или внутренняго толчка внезапно вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, легко разрывая образовавшуюся надъ нимъ инородную кору. Поскребите даже любого изъ наиболѣе умныхъ и просвѣщенныхъ соціалистовъ, и въ девяти случаяхъ изъ десяти подъ радикально-космополитическою внѣшностью вы непремѣнно откроете націоналиста (въ большей или меньшей степени, конечно). Къ такому заключенію приводитъ, по крайней мѣрѣ, поведеніе большинства соціалистическихъ лидеровъ Германіи, Франціи, Бельгіи, Австро-Венгріи и другихъ вовлеченныхъ въ войну странъ.

Говорить ли въ такомъ случаѣ о массѣ? Мнѣ пришлось близко наблюдать общественныя настроенія Германіи въ первые дни послѣ объявленія войны. Это было что-то грозно-стихійное и безумно потрясающее. Казалось, вы присутствуете при внезапномъ изверженіи вулкана. Точно горячая лава національнаго чувства, сорокъ четыре года спавшая подъ спудомъ, теперь поднялась со дна и полилась бурнымъ потокомъ, наводняя страну и испепеляя всѣ сердца. Это былъ могучій порывъ, увлекавшій за собой даже самыя крѣпкія головы, и психологически нисколько не удивительно, что широкіе круги германской соціалъ-демократіи оказались не въ силахъ бороться съ его напоромъ и

покорно склонили свою выю передъ шовинистическимъ лозунгомъ: „мы—нѣмцы“!

И въ дальнѣйшемъ сколько разъ тотъ же самый лозунгъ слеталъ съ устъ германскаго пролетаріата! Въ рѣчахъ с.-д. депутатовъ и ораторовъ, въ писаніяхъ подавляющаго большинства с.-д. прессы, въ частныхъ бесѣдахъ и разговорахъ рядовыхъ членовъ партіи и профессіональныхъ союзовъ чуткое ухо всегда могло уловить болѣе явное или болѣе прикровенное, но всегда одинаково надменное и вызывающее: „мы—нѣмцы!“ Припоминается мнѣ одна любопытная статья „Vorwärts“'а, напечатанная еще въ первый періодъ войны, когда счастье рѣшительно улыбалось нѣмецкому оружію. Центральный органъ германской соціалъ-демократіи, съ видимымъ удовлетвореніемъ констатируя успѣхи нѣмцевъ во Франціи, давалъ свое объясненіе военному превосходству своего отечества. Онъ разсуждалъ при этомъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: Германія совершенно особенная страна, которая все, за что она ни берется, выполняетъ не въ примѣръ прочимъ необыкновенно дѣльно и талантливо. Главное же, она обладаетъ замѣчательнымъ организаторскимъ геніемъ. Въ Германіи все прекрасно организовано: государственная машина, промышленность, наука, желѣзныя дороги, рабочее движеніе. Прекрасно организована у нея и армія. Отсюда непобѣдимость Германіи на полѣ битвы... Я уже говорилъ о томъ, что „Vorwärts“ сейчасъ одна изъ наиболѣе приличныхъ с.-д. газетъ въ Германіи, и однако развѣ не напоминаютъ всѣ приведенныя разсужденія, какъ двѣ капли воды, все то же пресловутое: „мы—нѣмцы!“

И это чисто рефлекторное дѣйствіе пробужденнаго дѣйствительной или мнимой опасностью національнаго чувства чрезвычайно усиливалось еще однимъ обстоятельствомъ. Исторія знаетъ примѣры, когда національное чувство у сравнительно широкихъ слоевъ демократіи какъ бы атрофируется и, напримѣръ, военное пораженіе отечества не вызываетъ въ нихъ не только никакого ужаса и негодованія, но даже, наоборотъ, привѣтствуется ими, какъ средство къ внутреннему освобожденію страны. Это бываетъ обычно тамъ, гдѣ государство представляетъ собой каторжную тюрьму, а жители являются чѣмъ-то въ родѣ колодниковъ, которымъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей. Такъ, нѣмецкіе радикалы и либералы тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія съ нѣкоторымъ удовольствіемъ мечтали о возможности военнаго разгрома реакціонной Пруссіи. Однако подобные моменты случаются сравнительно рѣдко и для

современныхъ западно-европейскихъ державъ они, несомнѣнно, прошли. Какъ ни тяжело положеніе пролетаріата въ имперіи Гогенцоллерновъ, онъ все-таки даже и здѣсь чувствуетъ себя уже не просто рабомъ, а гражданиномъ (хотя бы и второго разряда); онъ принимаетъ участіе въ законодательствѣ, политической и общественной жизни, національномъ культурномъ творчествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ на себя извѣстную долю отвѣтственности за нормальное существованіе всего народно-государственнаго коллектива. Онъ естественно и незамѣтно привыкаетъ — и психологически это совершенно неизбѣжно—разсматривать послѣдній не какъ мрачную и угрюмую тюрьму, изъ которой каждый норовитъ вырваться на волю, а какъ родной отческій домъ, который обладаетъ, правда, крупными недостатками и подлежитъ основательному ремонту, но который тѣмъ не менѣе въ минуту внѣшней опасности долженъ быть съ напряженіемъ всѣхъ силъ охраненъ отъ полнаго или частичнаго разгрома.

IV

Какъ ни сильно и ни могущественно вліяніе стихійно-національнаго чувства, все-таки одно оно само по себѣ не могло бы такъ безраздѣльно и особенно такъ длительно захватить въ свои лапы цвѣтъ и красу германскаго пролетаріата. Первый инстинктивный порывъ, вѣроятно, сравнительно быстро прошелъ бы, и разумъ снова вступилъ бы въ свои права. И если въ дѣйствительности мы ничего подобнаго не видимъ, то это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ традицій и пережитковъ прошлаго, на мысли и чувства рабочаго класса въ націоналистическомъ духѣ оказали дѣйствіе и нѣкоторые иные гораздо болѣе раціоналистическіе факторы. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, приходится поставить то, что, пожалуй, правильнѣе всего было бы назвать экономической зависимостью индустріальнаго пролетаріата отъ національно-государственнаго капитализма родной страны.

Я уже упоминалъ выше, что передъ войной въ соціалистическомъ мірѣ господствовало чрезвычайно высокое представленіе о силѣ интернаціональнаго начала, живущаго въ груди современнаго промышленнаго рабочаго. Предполагалось, что рабочій не имѣетъ отечества или, если и имѣетъ его, то лишь въ очень условномъ и

ограниченномъ смыслѣ; что, будучи антагонистомъ буржуазнаго общества по своей природѣ, онъ обладаетъ полнымъ иммунитетомъ по отношенію къ „національному патріотизму“ и что поэтому пролетаріи другихъ странъ уму и сердцу его гораздо ближе, чѣмъ юнкера и капиталисты собственной страны. Нельзя сказать, чтобы все это построеніе было совершенно неправильно. Наоборотъ, въ немъ заключается если не вся, то во всякомъ случаѣ немалая доля истины. Тенденціи развитія уловлены въ немъ несомнѣнно вѣрно. Но, какъ это уже неоднократно случалось въ исторіи соціалистическаго движенія, ошибка была сдѣлана въ опредѣленіи быстроты темпа эволюціи: думали, что находятся уже у конца пути въ то время, какъ, въ дѣйствительности, были еще только въ его началѣ. И именно поэтому не замѣчали, или, по крайней мѣрѣ, не обращали должнаго вниманія на тотъ громадной важности фактъ, что въ нашу эпоху ожесточенной борьбы за „мѣсто на солнцѣ“ національно-капиталистическихъ имперіализмовъ пролетаріатъ каждой страны оказывается, подобно колоднику, помимо своей воли и желанія, прикованнымъ тѣсными узами экономической зависимости къ колесницѣ родной буржуазіи.

И это понятно. Рабочій классъ, какъ опредѣленная соціальная категорія, вырастаетъ на почвѣ капитализма. Чѣмъ быстрѣе и могущественнѣе развивается послѣдній, тѣмъ при прочихъ равныхъ условіяхъ благопріятнѣе положеніе перваго. Въ экономической наукѣ, напримѣръ, окончательно установлено, что повышеніе заработной платы находится въ самой тѣсной связи съ темпомъ промышленной эволюціи данной страны: чѣмъ этотъ темпъ быстрѣе, тѣмъ легче достигается повышеніе, чѣмъ медленнѣе, тѣмъ труднѣе. Оттого, напримѣръ, возрастаніе заработной платы въ Англіи съ ея относительно спокойнымъ ходомъ экономическаго развитія въ теченіе послѣдней четверти вѣка было очень незначительно и, наоборотъ, въ Германіи съ ея стремительнымъ капиталистическимъ расцвѣтомъ—громадно. И такъ какъ и въ наши дни важнѣйшимъ условіемъ для успѣшной капиталистической эволюціи является наличность рынковъ, колоній, сферъ вліянія и точекъ приложенія накопленнаго капитала, словомъ, всего того, что составляетъ pia desideria современнаго имперіализма, то въ итогѣ оказывается, что и пролетаріатъ становится до извѣстной степени заинтересованнымъ въ побѣдѣ имперіализма своей страны, въ торжествѣ своей буржуазіи. Заинтересованъ, конечно, съ точки зрѣнія своихъ непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ, прозаическихъ выгодъ

сегодняшняго дня. Но, по правдѣ сказать, когда и гдѣ широкія массы умѣли оказывать предпочтеніе дальнему передъ ближнимъ, когда и гдѣ журавля въ небѣ онѣ предпочитали синицѣ въ руки?

А что пышный расцвѣтъ національнаго капитализма способенъ дать въ руки пролетаріата извѣстную экономическую синицу,—тому порукой исторія новѣйшей эпохи. Мы знаемъ, что англійскій рабочій классъ въ XIX столѣтіи пережилъ настоящее „золотое“ двадцатипятилѣтіе 1850—1875 годовъ, сильно поднявшее его „standart of life“ и заложившее основы его нынѣшняго относительнаго (по сравненію съ рабочимъ классомъ другихъ странъ) благополучія. Разсуждая трезво и хладнокровно, нельзя не признать, что всѣ матеріальныя завоеванія британскаго пролетаріата въ указанный періодъ носили въ общемъ довольно скромный характеръ. Но все-таки ихъ оказалось достаточно для того, чтобы коренны̀мъ образомъ пересоздать всю психологію англійскаго рабочаго и на мѣсто революціоннаго чартизма поставить скромный и умѣренный трэдъ-юніонизмъ. Стало быть, массы сумѣли глубоко почувствовать разницу эпохъ до и послѣ 1850 года и дать этому своему ощущенію чрезвычайно яркое выраженіе въ смѣнѣ историческихъ періодовъ своего движенія. Но чѣмъ, спрашивается, объясняется наступленіе „золотого“ двадцатипятилѣтія? Оно объясняется всецѣло и исключительно тѣмъ, что, начиная съ середины прошлаго вѣка, британскій капитализмъ, переживъ неизбѣжныя болѣзни дѣтства, вступилъ въ полосу безпримѣрнаго подъема, раскинувъ сѣть своихъ коммерческихъ отношеній по всему земному шару. Британская буржуазія того времени баснословно богатѣла на монопольной эксплуатаціи мірового рынка и кой-какія крохи съ ея богатаго стола попадали и въ скромные коттэджи пролетаріата.

Другой примѣръ Германія. Я уже упоминалъ, что заработная плата нѣмецкихъ рабочихъ въ теченіе минувшей четверти вѣка сильно возросла, далеко обгоняя этотъ ростъ въ остальныхъ европейскихъ странахъ. Одновременно значительно сократился рабочій день, улучшились общія условія труда, положеніе рабочаго на фабрикѣ стало гораздо прочнѣе и независимѣе, чѣмъ раньше. Гдѣ причина этого замѣчательнаго соціальнаго прогресса? Конечно, ближайшая причина лежитъ въ неустанной борьбѣ пролетаріата. Но все-таки основной базой даннаго явленія, базой, сдѣлавшей самую борьбу столь плодотворной и успѣшной, долженъ быть признанъ стремительный бѣгъ капиталистическаго развитія Германіи въ раз-

сматриваемый періодъ. Страна переживала эпоху могущественнаго экономическаго расцвѣта, страна богатѣла, ея буржуазія дѣлала прекрасныя дѣла и крохи отъ ея царскаго стола опять-таки перепадали и на столъ пролетаріата.

Но не только улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго класса тѣсно связано съ успѣшнымъ развитіемъ капитализма,—съ нимъ связаны также и ростъ и усиленіе всего пролетарскаго движенія. Всѣ эти партіи, профессіональные союзы, кооперативы, народные дома, культурно-просвѣтительныя учрежденія и т. д.—всѣ они нуждаются для своего расцвѣта, какъ зерно въ плодородной почвѣ, въ подходящемъ соціально-экономическомъ фундаментѣ, въ наличности многочисленнаго, быстро увеличивающагося пролетаріата, въ существованіи здоровой, энергично развивающейся промышленности, открывающей извѣстныя возможности для экономическихъ и политическихъ завоеваній. Только тамъ, гдѣ пульсъ капиталистической жизни бьется сильнымъ упругимъ темпомъ, міръ рабочихъ организацій пускаетъ глубокіе корни въ соціальной средѣ и превращается въ огромное вѣтвистое дерево. Такимъ образомъ, по странной ироніи судьбы, интересы роста и развитія пролетарскаго движенія, исторически призваннаго сыграть роль могильщика буржуазнаго общества, протягиваютъ нѣкоторыя связующія нити между нимъ и національно капиталистическимъ имперіализмомъ нашей эпохи.

Знакомъ ли весь этотъ ходъ мыслей и доказательствъ германскому пролетаріату?

О, конечно, хорошо знакомъ. Въ сущности наиболѣе яркимъ и законченнымъ идеологическимъ отраженіемъ указанныхъ выше экономическихъ явленій былъ пресловутый нѣмецкій ревизіонизмъ съ его полуприкровенной проповѣдью классоваго соотрудничества, съ его скептическимъ отношеніемъ къ соціалистическому интернаціоналу, съ его стыдливой апологіей колоніальной политики. Но даже и за предѣлами ревизіонистскихъ круговъ взгляды и настроенія въ родѣ вышеприведенныхъ частично находили себѣ очень широкое признаніе. Такъ, чуть не на каждомъ рабочемъ собраніи, чуть не въ каждомъ номерѣ партійной или профессіональной газеты независимо отъ того, какого направленія былъ ораторъ или журналистъ, вы всегда могли услышать или прочитать облеченный въ ту или иную форму примѣрно слѣдующій силлогизмъ: успѣхъ германскаго пролетаріата и германскаго рабочаго движенія опредѣляется успѣхами германскаго капитализма,—ergo, если желаешь блага трудящимся массамъ,

не препятствуй, и даже больше, способствуй свободному развитію капиталистическихъ силъ страны.

Въ мирное время практическіе выводы изъ только что приведеннаго, глубоко засѣвшаго въ сознаніи нѣмецкихъ рабочихъ сил логизма были довольно безобидны. Они сводились обычно къ борьбѣ противъ реакціоннаго экономическаго законодательства, ярыми сторонниками котораго всегда являлись люди центра и консерваторы. Но, когда надъ Европой разразилась небывалая политическая буря, въ вихрѣ которой современные народы блеснули милліонами штыковъ, германскій пролетаріатъ, повинуясь привычнымъ формуламъ мышленія, стремительно бросился впередъ на защиту исполинской машины своего національно-государственнаго капитализма. Ревизіонизмъ неожиданно одержалъ свою наиболѣе блестящую побѣду, подчинивъ своему вліянію почти все соціалистическое движеніе Германіи съ его генеральнымъ штабомъ и офицерскимъ корпусомъ. Это не значитъ, конечно, что ревизіонизмъ доказалъ тѣмъ самымъ свою правоту, истинность которой при свѣтѣ міроваго пожара внезапно открылась всему пролетаріату. Это значитъ только, что въ настоящее время нѣмецкія рабочія массы достигли еще лишь той ступени развитія, когда онѣ оказываются способными къ воспріятію только ревизіонистской полуистины, или, пожалуй, точнѣе, сѣрой истины сегодняшняго дня, не считающейся и не интересующейся болѣе широкой истиной дня наступающаго.

V

Приведу нѣкоторыя иллюстраціи. Въ провинціальной соціалистической прессѣ Германіи въ настоящій моментъ на всѣ лады разрабатывается и пропагандируется теорія о „гармоніи“ интересовъ буржуазіи и пролетаріата каждой страны по отношенію ко всему остальному міру. Но, пожалуй, еще больше мѣста и вниманія удѣляетъ той же проблемѣ пресса профессіональная, стремящаяся такимъ путемъ объяснить и оправдать поддержку нѣмецкимъ пролетаріатомъ нынѣшней войны. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны и—что особенно важно—т и п и ч н ы размышленія „Grundstein“'а, органа могущественнаго союза строительныхъ рабочихъ, одного изъ лучшихъ, если не самаго лучшаго профессіональнаго органа Германіи. Въ своемъ новогоднемъ номерѣ (1915 г.) онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Война не устраняетъ естественной противоположности между рабочимъ и предпринимателемъ, ибо эта противоположность вытекаетъ изъ стремленія каждаго изъ нихъ получить возможно большую часть продукта труда. Черезъ пропасть, раздѣляющую ихъ, лишь временно, да и то съ грѣхомъ пополамъ, перекинутъ мостикъ, ибо и рабочіе и предприниматели преслѣдуютъ сейчасъ *одну общую, гораздо болѣе важную и существенную цѣль*—обезпеченіе національной независимости нашей страны. Какъ только эта цѣль будетъ достигнута, обѣ стороны снова вернутся къ сепаратной борьбѣ за свои классовые интересы“ (Курсивъ мой, *В. М.*).

И, переходя далѣе къ вопросу о томъ, какого исхода войны желаетъ германскій пролетаріатъ, органъ точнѣе опредѣляетъ, что же такое онъ понимаетъ подъ словами „національная независимость страны“ и почему онъ считаетъ обезпеченіе послѣдней стоящимъ какихъ угодно человѣческихъ и матеріальныхъ жертвъ.

„Мы хотимъ мира“,—заявляетъ „Grundstein“,—но такого мира, который гарантировалъ бы *свободу развитія германскому народному хозяйству*, свободу, которая народу столь же нужна, какъ отдѣльному человѣку нуженъ воздухъ для дыханія. За это борются наши арміи. За это пали безчисленныя жертвы, которыхъ сейчасъ оплакиваютъ сотни тысячъ матерей и дѣтей Германіи... Они пали не за тѣмъ, чтобы поддержать колеблющіеся троны, не за тѣмъ, чтобы повысить дивиденды оружейныхъ фирмъ,—нѣтъ, они пали за родину и за народъ. И потому къ нашей печали за нихъ примѣшивается не горькое чувство, что наши друзья и товарищи пожертвовали своей жизнью во имя достойныхъ проклятія цѣлей, но, наоборотъ, возвышающее сознаніе, что они погибли во имя счастья и величія общественной коллективности“ (Курсивъ мой. *В. М.*[1]).

Какъ видимъ, въ приведенныхъ разсужденіяхъ уже нѣтъ господства сентимента, нѣтъ вліянія рефлекторно-стихійнаго подъема національнаго чувства,—здѣсь все строго обдумано, взвѣшено и измѣрено. Авторъ не предается никакимъ маниловскимъ иллюзіямъ относительно „смягчающаго“ дѣйствія войны на органическія противорѣчія капиталистическаго міра. Онъ не ждетъ также, какъ явствуетъ изъ другого мѣста статьи, особаго „просвѣтленія“, благодаря происходящимъ событіямъ прусской реакціи, и считается съ возможностью возвращенія пролетаріата послѣ минованія нынѣшняго кризиса къ старому экономическому и политическому корыту. Авторъ вполнѣ

[1]) «Grundstein», 1915, № 1 отъ 2 января.

МОСКОВ. О-ва И-ЗЕЙ БИБЛІОТЕКА КОЛЛЕКЦІЯ

трезвъ и хладнокровенъ. И тѣмъ не менѣе, въ выраженіяхъ, не оставляющихъ мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній, онъ всецѣло солидаризируется съ позиціей германскаго пролетаріата по отношенію, къ войнѣ. Онъ по сознательному расчету защищаетъ эту позицію ибо находитъ, что всѣ соціальные и политическіе конфликты внутри страны являются лишь сравнительно менѣе важными домашними дѣлами, которыя въ настоящій моментъ должны быть отодвинуты назадъ и подчинены другой болѣе общей и серьезной задачѣ—задачѣ обезпеченія „свободы развитія германскому народному хозяйству“, т.-е., иными словами, обезпеченія побѣды германскому національно-государственному капитализму, побѣды германскому имперіализму надъ его конкурентами и соперниками.

Не слѣдуетъ думать при этомъ, что разсужденія, подобныя вышеприведеннымъ, представляютъ собой лишь „официальную“ мудрость, предназначенную для потребленія широкой публики, но не имѣющую никакой обязательной силы для вождей. Нѣтъ, данныя разсужденія являются искреннимъ убѣжденіемъ большинства генеральнаго штаба рабочаго движенія, убѣжденіемъ, нѣкоторые намеки на которое безъ труда можно открыть въ его недавнемъ прошломъ, но которое вполнѣ окрѣпло и сложилось только въ грозную годину войны. Не такъ давно мнѣ пришлось получить довольно длинное письмо отъ одного моего стараго нѣмецкаго знакомаго, занимающаго очень видный постъ въ мірѣ германскихъ профессіональныхъ организацій. По своему духу, содержанію и характеру названное письмо представляетъ настолько крупный общій интересъ (тѣмъ болѣе, что авторомъ его является чрезвычайно умный и широко образованный человѣкъ), что я рѣшаюсь привести здѣсь изъ него нѣкоторыя болѣе любопытныя мѣста.

„Я знаю,—пишетъ мой знакомый,—что въ швейцарскихъ партійныхъ кругахъ о нашей позиціи отрицательнаго мнѣнія, точно такъ же въ Голландіи, Норвегіи и Даніи дѣлаютъ видъ, будто бы насъ совершенно не понимаютъ. Но замѣчательно, что противъ подобнаго же поведенія французскихъ и англійскихъ товарищей никто не думаетъ возражать. Я глубоко убѣжденъ, что тѣ самые люди, которые теперь такъ жестоко нападаютъ на насъ, въ аналогичномъ положеніи дѣйствовали бы совершенно такъ же, какъ мы. Но quod licet Jovi—non licet bovi, т.-е. что разрѣшается другимъ, то не разрѣшается нѣмцамъ. Надо признать, мы, нѣмцы, страшно нелюбимы въ мірѣ. И, къ сожалѣнію, какъ разъ мы, германскіе соціалисты, несемъ на себѣ за это долю отвѣтственности.

Мы всегда такъ рѣзко критиковали все отрицательное въ нашей странѣ, что за границей того хорошаго, что имѣется у насъ, совершенно не знаютъ и благодаря этому не имѣютъ правильнаго представленія о Германіи...

„Но, какъ бы то ни было, все происходящее ужасно. Съ тѣми самыми людьми, съ которыми собирались встрѣтиться въ Вѣнѣ на интернаціональномъ конгрессѣ, теперь столкнуться на полѣ битвы со штыкомъ въ рукахъ! Кровь леденѣетъ въ жилахъ при одной мысли объ этомъ. Но что толку плакать и сокрушаться? Таковъ міръ, и мы можемъ уйти отъ него, только пустивъ себѣ пулю въ лобъ. Такъ какъ однако самоубійство никогда не можетъ быть программой политической партіи, приходится примириться съ фактомъ и ввести себя въ рамки исторически данныхъ условій и обязанностей. Намъ приходится теперь такимъ страшнымъ образомъ убѣждаться, что многія вещи выглядятъ въ дѣйствительности совсѣмъ иначе, чѣмъ ихъ обычно рисовали съ трибуны народныхъ собраній. Что остается сейчасъ отъ рѣчей интернаціональныхъ конгрессовъ? Въ настоящее время, несмотря ни на что, *національная связь является все-таки крѣпчайшей изъ всѣхъ связей, и народность и языкъ есть не только идеологическія категоріи, но и весьма мощныя экономическія силы, которыя на жизнь и смерть связываютъ всѣхъ насъ, отъ юнкера и до фабричнаго рабочаго*". (Курсивъ мой. *В. М.*).

Обратите вниманіе на подчеркнутыя мной слова, резюмирующія сущность разсужденій автора,—въ нихъ вы опять сталкиваетесь все съ той же доминирующей сейчасъ надъ сознаніемъ нѣмецкаго пролетаріата идеей, идеей о заинтересованности рабочаго класса въ процвѣтаніи отечественнаго капитализма, а стало быть, и въ побѣдѣ имперіи Гогенцоллерновъ надъ ея нынѣшними врагами.

Да, именно она, эта идея, является той мощной пружиной, которая еще въ большей степени, чѣмъ стихійная власть примитивно-національнаго чувства, толкаетъ трудящуюся демократію Германіи на путь объединенія съ господствующими классами, на путь слѣпого и однобокаго патріотизма. И надо ли удивляться, что данная идея нашло свое наиболѣе яркое и осознанное выраженіе какъ разъ въ Германіи? Если капиталистическая машина вообще обладаетъ извѣстной притягательной силой по отношенію къ пролетаріату, то, конечно, особенной притягательной силой должна отличаться машина новая, свѣжая, энергичная, полная блеска и очарованія молодости, ибо она больше, чѣмъ устарѣлый заржавѣвшій механизмъ,

способна импонировать народнымъ массамъ, возбуждая въ нихъ сангвиническія ожиданія и надежды. Но вѣдь какъ разъ таковой и является капиталистическая машина имперіи Гогенцоллерновъ, исторія баснословно-стремительнаго развитія которой въ теченіе минувшихъ сорока лѣтъ составляетъ одну изъ наиболѣе фантастическихъ сказокъ дѣйствительности.

VI

Другимъ важнымъ фактомъ раціоналистическаго порядка, способствовавшимъ соціалистическому грѣхопаденію германскаго пролетаріата (равно какъ и пролетаріата другихъ странъ), приходится считать слишкомъ большую разницу въ уровнѣ политическаго, общественнаго и экономическаго развитія различныхъ вовлеченныхъ въ борьбу государствъ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ важнѣйшія націи Европы находятся на одной и той же ступени исторической эволюціи, что ихъ политическая структура приблизительно одинакова, что ихъ соціально-экономическое строеніе не обнаруживаетъ сколько-нибудь существенныхъ отличій и что организованный пролетаріатъ въ средѣ каждой изъ нихъ пользуется пропорціонально одинаковой долей вліянія. Въ этомъ гипотетическомъ случаѣ положеніе рабочихъ каждой страны въ моментъ возникновенія международнаго кризиса было бы сравнительно просто. Единодушное выступленіе міра труда во всѣхъ затронутыхъ конфликтомъ государствахъ имѣло бы повсюду одинаково слабое или одинаково сильное дѣйствіе и потому естественно давало бы пролетаріату каждой національности убѣжденіе, что онъ своимъ поведеніемъ не поставитъ своего отечества въ исключительно невыгодное положеніе. И такъ какъ, съ другой стороны, уровень политической и соціальной культуры во всѣхъ затронутыхъ борьбой державахъ былъ бы приблизительно одинаковъ, то нигдѣ бы не могло возникнуть опасенія, что побѣда того или иного государства или коаліціи государствъ грозитъ побѣжденному разгромомъ цивилизаціи и утвержденіемъ варварства. При наличности ситуаціи, подобной только что описанной, пролетаріатъ каждой страны былъ бы совершенно свободенъ и могъ бы опредѣлять свое отношеніе къ войнѣ, руководствуясь исключительно лишь своими общими принципіальными воззрѣніями.

Въ дѣйствительности однако дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Современная Европа представляетъ собой пестрый конгломератъ націй и государствъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ историческаго развитія, съ различными соціальными структурами и политическими режимами, съ различными по размѣрамъ и вліянію пролетарскими движеніями. Въ результатѣ при возникновеніи всякаго международнаго столкновенія рабочій классъ каждой страны оказывается въ чрезвычайно сложномъ и противорѣчивомъ положеніи. Съ одной стороны, его интернаціональная душа подсказываетъ ему критическое отношеніе къ политикѣ собственныхъ господствующихъ классовъ и толкаетъ его къ извѣстному единству дѣйствій со своимъ собратомъ по ту сторону границы. Но, съ другой стороны, интересы національнаго и общечеловѣческаго прогресса властно диктуютъ ему защиту болѣе высокой политической и соціальной культуры противъ болѣе низкой, защиту странъ съ лучше организованнымъ и болѣе вліятельнымъ пролетаріатомъ противъ странъ съ хуже организованнымъ и менѣе вліятельнымъ пролетаріатомъ. Ибо пассивное или, еще больше, оппозиціонное отношеніе къ войнѣ въ первыхъ имѣло бы своимъ послѣдствіемъ лишь непропорціонально сильное (въ виду большого значенія рабочаго класса) ослабленіе позицій передовыхъ государствъ и тѣмъ самымъ созданіе особой преміи за отсталость для государствъ мало развитыхъ и реакціонныхъ.

И такъ какъ Европа нашихъ дней подобна музею, въ которомъ собраны образчики самыхъ различныхъ политическихъ системъ, экономическихъ режимовъ и рабочихъ движеній во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, то почти невозможенъ такой случай, когда бы вопросъ объ обязанности пролетаріата въ моменты остраго международнаго катаклизма защищать интересы высшей культуры противъ угрозы со стороны низшей не всплылъ передъ умственнымъ взоромъ рабочей демократіи и не сталъ невольно связывать ей руки при установленіи ея принципіальной позиціи по отношенію къ войнѣ. Тѣмъ болѣе, что господствующіе классы каждой страны, пользуясь рупоромъ прессы, парламента, административнаго аппарата и т. д., конечно, не преминутъ использовать данный моментъ въ цѣляхъ соотвѣтствующей обработки общественнаго мнѣнія. Именно такую картину мы видимъ и въ настоящее время. И въ Германіи, и въ Бельгіи, и во Франціи, и въ Англіи аргументъ „иноземной опасности“, какъ смертельной угрозы достигнутому уровню политической, экономической и соціальной культуры, лишь съ соотвѣтственной перестановкой собственныхъ именъ, сыгралъ громадную роль въ

дѣлѣ привлеченія широкихъ массъ пролетаріата на сторону войны, на сторону поддержки національнаго имперіализма, вопреки всѣмъ воззрѣніямъ, навыкамъ и традиціямъ ихъ почти полувѣкового прошлаго.

На предыдущихъ страницахъ я пытался дать посильный анализъ причинъ того, на первый взглядъ, крайне неожиданнаго грѣхопаденія германскаго (да и не только одного германскаго) пролетаріата, которое является въ настоящее время темой оживленнаго обмѣна мнѣній въ мірѣ труда. Я не задавался при этомъ никакими критическими задачами, не пытался доказывать правильность или неправильность воззрѣній, развиваемыхъ сейчасъ различными представителями соціалистическаго движенія, — я хотѣлъ лишь просто констатировать и объяснить совершившійся фактъ. И точно такъ же я воздержусь отъ какихъ-либо прогнозовъ, касающихся будущаго. Эпоха, переживаемая нами, такъ сложна, событія, проходящія на нашихъ глазахъ, такъ огромны, а ихъ послѣдствія обѣщаютъ быть такъ многообразны и всеобъемлющи, что роль пророка въ данный моментъ является и очень трудной и рискованной. Намъ, свидѣтелямъ и участникамъ грандіозной общечеловѣческой драмы, приходится пока лишь пристально вглядываться въ бурную панораму развертывающихся событій, наблюдать, регистрировать факты и, такимъ образомъ, подготовлять матеріалъ, который въ дальнѣйшемъ послужитъ фундаментомъ для построенія выводовъ и заключеній изъ богатѣйшаго опыта, даннаго величайшимъ катаклизмомъ міровой исторіи.

Профессіональное и кооперативное движеніе во время войны

I Профессіональные союзы [1])

I

Какъ мысль народовъ, казалось, ни должна была бы быть подготовлена всѣмъ предшествующимъ ходомъ событій къ разразившейся всеевропейской катастрофѣ, все-таки въ первый моментъ вѣсть объ объявленіи войны подѣйствовала на міръ, подобно землетрясенію. Дрогнулъ весь экономическій и политическій фундаментъ, на которомъ покоится современное общество. Зашатались самые прочные устои. Внезапно оборвались тысячи нитей, связывавшихъ до того отдѣльныя націи въ единое человѣчество. Точно налетѣлъ грозный шквалъ и все сразу смѣшалось: люди, партіи, воззрѣнія, сферы дѣятельности, источники существованія...

Въ этотъ первый періодъ великой исторической бури положеніе германскаго профессіональнаго движенія оказалось крайне затруднительнымъ. Объявленіе войны вызвало страшную панику въ индустріальныхъ и коммерческихъ кругахъ. „Капитаны“ промышленности и торговли рѣшили, что теперь все погибло, и стали поспѣшно закрывать свои предпріятія. Тысячи фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ подчасъ совершенно безъ всякихъ основаній (изъ одного лишь обывательскаго страха предъ неизвѣстнымъ грядущимъ) прекратили свою дѣятельность и выбросили на улицу сотни тысячъ пролетаріевъ. Одновременно государство производило мобили-

[1]) Я имѣю въ виду въ настоящей главѣ только такъ называемое „свободное“, т.-е. примыкающее къ с.-д. профессіональное движеніе.

зацію многомилліонной арміи. Рабочіе массами призывались подъ знамена и уходили изъ рядовъ организацій. Сразу исчезали признанные лидеры и вожды, цѣлыя правленія мѣстныхъ филіальныхъ отдѣленій, иногда половина, а то и двѣ трети изъ рядовыхъ членовъ. Вотъ типичный примѣръ: „Въ 192 нашихъ мѣстныхъ ферейнахъ,—писалъ органъ строительныхъ рабочихъ[1]), — были призваны предсѣдатели, въ 158 — кассиры, въ 208 — и тѣ, и другіе вмѣстѣ. Въ 53 филіальныхъ отдѣленіяхъ это повторялось по нѣскольку разъ, во многихъ случаяхъ забирался сразу весь составъ правленія. Изъ числа постоянно служащихъ были призваны 84 въ 58 отдѣленіяхъ, а сверхъ того 6 окружныхъ секретарей и 9 служащихъ центральнаго бюро въ Гамбургѣ.“ Для полноты картины слѣдуетъ еще прибавить, что первая мобилизація вырвала изъ рядовъ союза 109.000 человѣкъ, или 35 % его состава. Дальнѣйшіе повторные призывы значительно подняли это число, доведя его 31 іюля 1915 г. до 150.000, или 48 %. Союзъ строительныхъ рабочихъ не составлялъ, конечно, какого-либо исключенія. Аналогичныя явленія съ незначительными варіаціями разыгрывались и въ другихъ профессіональныхъ организаціяхъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда десятки тысячъ лишившихся хлѣба и крова пролетаріевъ начинали усиленно стучаться въ двери своихъ союзовъ, весь механизмъ послѣднихъ подъ ударами мобилизаціи грозилъ разлетѣться вдребезги. Какъ остро стоялъ вопросъ въ августѣ мѣсяцѣ 1914 г. можно судить по слѣдующимъ немногимъ иллюстраціямъ. Въ союзѣ рабочихъ по металлу, насчитывавшемъ передъ войной 534.000 членовъ, было призвано подъ знамена 132.000 (27,4 %) и оставалось безъ работы 72.000 (13,5 %), т.-е. свыше 40 % сразу выбыло изъ строя; въ союзѣ деревообдѣлочниковъ (192.000 членовъ) призвано подъ знамена 34.000 (18 %), осталось безъ работы 64.000 (33 %), т.-е. выбыло изъ строя 51 %; въ союзѣ текстильщиковъ (138.000 членовъ) призвано подъ знамена 12.000 (8 %), осталось безъ работы 30.000 (25 %), т.-е. вмѣстѣ 33 %; въ союзѣ печатниковъ (70.000 членовъ) призвано подъ знамена 13.000 (19 %), лишилось работы 19.000 (27 %), или вмѣстѣ 46 %; сверхъ того 12.000 (17 %) работали неполную недѣлю; въ союзѣ литографовъ (17.000 членовъ) призвано подъ знамена 3.000 (17 %), осталось безъ работы 8.000 (47 %) и т. д. Въ атмосферѣ всеобщей растерянности и смятенія болѣе малодуш-

[1]) „Grundstein“; № 12, отъ 20 марта 1915 г.

нымъ стало казаться, что все рушится, все погибаетъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сотни и тысячи вчера еще вѣрныхъ участниковъ организацій начали теперь поворачиваться къ нимъ спиной, тѣмъ самымъ еще больше увеличивая господствующее замѣшательство. Для того, чтобы спасти положеніе, необходимо было дѣйствовать быстро и энергично, съ полнымъ присутствіемъ духа и яснымъ сознаніемъ стоящихъ на очереди задачъ.

Надо отдать справедливость вождямъ германскаго профессіональнаго движенія: они, не въ примѣръ своимъ коллегамъ изъ с.-д. партіи, не только не потеряли въ эти критическія минуты головы, но, наоборотъ, обнаружили много хладнокровія, дальновидности и административнаго таланта. Уже 1 и 2 августа (н. с.) въ Берлинѣ состоялась экстренная конференція центральныхъ правленій союзовъ, которая обратилась съ горячимъ призывомъ къ пролетаріату остаться вѣрнымъ своимъ испытаннымъ организаціямъ въ тяжелые дни европейской войны, а также намѣтила основныя линіи поведенія, которыхъ должно было придерживаться профессіональное движеніе въ наступившую смутную эпоху. Тѣмъ самымъ былъ предупрежденъ губительный разбродъ въ его рядахъ и во всѣ его дѣйствія и поступки внесено извѣстное единство.

Первой и наиболѣе острой задачей момента являлось, конечно, поддержаніе цѣлости механизма и дѣеспособности профессіональныхъ организацій. Послѣднимъ опасности угрожали съ двухъ сторонъ: административной и финансовой. Мобилизація нанесла рядъ тяжелыхъ ударовъ руководящему персоналу германскихъ союзовъ, вырвавъ изъ его среды сотни и тысячи способныхъ работниковъ и вождей. Теперь приходилось спѣшно накладывать заплаты на полученныя пробоины, дабы избѣжать гибели всего корабля. Эта задача была на рѣдкость быстро и легко разрѣшена. Демократическая система управленія, господствующая въ германскихъ профессіональныхъ союзахъ, подготовила широкіе кадры толковыхъ и опытныхъ администраторовъ и изъ нихъ-то теперь организаціи стали черпать щедрой рукой. Черезъ 2—3 недѣли послѣ объявленія войны весь сложный механизмъ профессіональнаго движенія со всѣми его заводскими делегатами, районными собраніями, мѣстными правленіями и картелями, областными секретарями, редакціями газетъ, наконецъ, всемогущими національными центрами оказался возстановленнымъ и безчисленные винтики и рычаги исполинской ма-

шины, не путаясь и не толкаясь, заработали полнымъ ходомъ. Дальнѣйшіе призывы, конечно, еще не разъ дезорганизовывали налаженный порядокъ вещей, но справляться съ ихъ послѣдствіями было все-таки уже гораздо легче: повторныя мобилизаціи происходили не сразу, а черезъ значительные промежутки времени, да онѣ и не носили столь массоваго характера, какъ августовская. Въ итогѣ, на исходѣ перваго года войны весь организаціонный скелетъ германскаго профессіональнаго движенія, включительно до его тончайшихъ развѣтвленій, оказался въ полной неприкосновенности, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о своей очень большой упругости.

Сложнѣе обстояло дѣло съ финансами. Какъ извѣстно, профессіональные союзы живутъ взносами своихъ членовъ, получающихъ за это въ видѣ компенсаціи различнаго рода пособія: стачечное, больничное, отъ безработицы и т. д. Высота взносовъ и размѣръ пособій установлены такимъ образомъ, чтобы доходы организаціи въ условіяхъ нормальнаго времени покрывали ея расходы и еще оставляли извѣстный избытокъ, идущій въ запасный фондъ „на всякій случай". Передъ войной кассы германскихъ союзовъ находились въ цвѣтущемъ состояніи. Ихъ доходы въ 1913 г. достигли 83,5 милл. марокъ, а имущество и запасные фонды—88 милл. Руководимыя умными и осторожными „министрами финансовъ", рабочія организаціи бодро смотрѣли въ лицо грядущему и предвидѣли уже въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ наступленіе такого момента, когда гнѣвъ и вражда предпринимателей, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе могущественныхъ изъ нихъ перестанутъ быть особенной угрозой.

Внезапно разразившаяся катастрофа потрясла финансовое хозяйство профессіональныхъ союзовъ. Прежде всего страшно сократилось число ихъ членовъ, а, стало быть, и размѣръ доходовъ. Согласно статистикѣ „Генеральной Комиссіи" количество призванныхъ подъ знамена членовъ „свободныхъ" организацій равнялось:

Въ началѣ сентября	589.755=27,7 %	всѣхъ членовъ.
31 октября	661.005=31,3 „	„ „
30 января 1915	780.594=34,1 „	„ „
30 апрѣля 1915	958.247=41,7 „	„ „
31 іюля 1915	1.061.404=42,7 „	„ „

Есть много основаній полагать, что дѣйствительное количество призванныхъ было нѣсколько выше указанныхъ цифръ, ибо не всѣ

мобилизуемые успѣвали зарегистрироваться въ бюро своихъ организацій. Далѣе, часть членовъ (иностранцы) разъѣхалась, часть же, какъ уже упоминалось выше, малодушно покинула союзы въ первые смутные дни войны. Въ результатѣ 30 апрѣля 1915 г. „свободныя организаціи“ насчитывали только 1.324.000 членовъ вмѣсто 2.521.000, имѣвшихся у нихъ передъ войной, или почти вдвое меньше[1]). Это общая цифра, а по отдѣльнымъ союзамъ колебанія конечно, были очень значительны. Такъ, число членовъ союза металлистовъ сократилось съ 534.000 до 292.000, союза строительныхъ рабочихъ съ 309.000 до 125.000, союза фабричныхъ чернорабочихъ съ 207.000 до 96.000, союза деревообдѣлочниковъ съ 192.000 до 93.000, союза текстильщиковъ съ 133.000 до 87.000 и т. д.

И вотъ въ то время, какъ число членовъ союзовъ страшно упало, что не могло, конечно, не отразиться на состояніи кассъ послѣднихъ, ихъ финансовыя потребности въ первыя недѣли послѣ объявленія войны, вслѣдствіе небывало массовой безработицы, колоссально возросли. Приходилось принимать героическія мѣры для предупрежденія грозящаго краха, и организаціи дѣйствительно нашли ихъ во временной отмѣнѣ большей части своихъ обычныхъ, установленныхъ статутами, видовъ пособій. Отмѣна эта производилась, конечно, не въ предписанныхъ закономъ формахъ, по рѣшенію экстренныхъ съѣздовъ и т. п., а диктаторскими распоряженіями центральныхъ правленій, которыя лишь долго спустя утверждались различными компетентными органами. Но à la guerre comme à la guerre, и никакихъ протестовъ со стороны широкой массы членовъ на это необходимое самоуправство центровъ не послѣдовало. Изъ крупныхъ организацій только двѣ — печатниковъ и металлистовъ — на первыхъ порахъ пытались удержаться на старыхъ рельсахъ, но, въ концѣ-концовъ, и онѣ вынуждены были ввести различныя ограниченія. Подавляющее же большинство союзовъ сразу отмѣнило больничное, стачечное, путевое и др. пособія, оставивъ въ силѣ только одно — отъ безработицы, — да кое-гдѣ (напр., у текстильщиковъ, строительныхъ рабочихъ, горнорабочихъ, сапожниковъ и т. д.) введя экстренное, вызванное исключительными обстоятельствами пособіе семьямъ ушедшихъ на войну членовъ. Одновременно лозунгъ „всемѣрная экономія“ былъ подхваченъ всѣми отвѣтственными инстанціями профессіональнаго движе-

[1]) Къ 31 іюля 1915 г. число членовъ опустилось даже до 1.180.000 чел.

нія и сталъ энергично проводиться на практикѣ; экономили на изданіи газетъ, сокращая ихъ обычные размѣры (примѣръ: „Metallarbeiter-Zeitung“), экономили на почтовыхъ расходахъ, на расходахъ по управленію и т. д. Въ цѣломъ рядѣ союзовъ — у текстильщиковъ, углекоповъ и др. — служащіе добровольно отказались отъ части своего жалованья въ интересахъ организаціи.

Всѣ эти продиктованныя заботой о будущемъ мѣры не остались безъ вліянія, и притомъ, какъ увидимъ ниже, благодѣтельнаго вліянія на союзные финансы. Конечно, благодаря громадному сокращенію числа членовъ, доходы организаціи сильно упали, но одновременно проявленная ими „бережливость“ предупредила наступленіе банкротства. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ это ни страннымъ, быть-можетъ, покажется, сумѣли даже использовать столь критическій моментъ для укрѣпленія своего матеріальнаго положенія, Впрочемъ, такихъ было немного. Подавляющее же большинство должно было для благополучнаго сведенія баланса затронуть свои резервные фонды. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ:

	Размѣръ имущества.	
	31. XII. 13	31. XII. 14
Союзъ металлистовъ	18,5 милл. марокъ	16,6 милл. марокъ.
Союзъ печатниковъ	11,3 „ „	9,9 „ „
Союзъ фабричн. чернорабочихъ .	3,9 „ „	3,4 „ „

Та же самая картина наблюдалась повсюду и въ другихъ организаціяхъ. Война больно ударила по ихъ источникамъ доходовъ. Но такъ какъ съ отмѣной большей части нормальныхъ пособій ихъ расходы сократились и такъ какъ почти у всѣхъ у нихъ имѣлись солидные резервные фонды, накопленные въ предыдущіе мирные годы, то надвинувшійся кризисъ разрѣшился благополучно. Въ дальнѣйшемъ безработица по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ еще ниже, стала быстро сокращаться и къ веснѣ 1915 г. въ большинствѣ отраслей труда вошла почти въ обычное русло. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство и коммуны приняли на себя часть заботъ по обезпеченію экономическихъ жертвъ войны. Въ результатѣ бремя, свалившееся на профессіональные союзы въ августѣ-сентябрѣ 1914 г., значительно облегчилось. Равновѣсіе между доходами и расходами было возстановлено и общее положеніе настолько улучшилось, что одна организація за другой стали возвращаться къ своимъ нормальнымъ формамъ дѣятельности. На конференціи центральныхъ правленій, состоявшейся въ іюлѣ 1915 г. въ Берлинѣ,

было, между прочимъ, констатировано, что изъ общаго числа 47 „свободныхъ“ союзовъ 16 полностью возстановили свои „мирные“ уставы, остальные же находятся на пути къ этому, ограничиваясь пока полумѣрами. Какъ видимъ, и финансовый механизмъ профессіональныхъ организацій благополучно выдержалъ страшное испытаніе войны и до сихъ поръ (что дальше будетъ, конечно, трудно гадать) не далъ ни одной серьезной трещины.

II

Эта непоколебленная катастрофой прочность административнаго аппарата и экономическаго базиса профессіональнаго движенія имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что мало-по-малу жизнь заиграла въ его огромномъ тѣлѣ привычнымъ темпомъ. Когда въ настоящее время вы начинаете ближе присматриваться къ функціонированію интересующихъ насъ сейчасъ организацій, то васъ невольно поражаетъ полная „обычность“ ихъ работы. Если исключить стачки, которыя въ виду объявленнаго „Burgfrieden“ (соціальнаго перемирія) почти не устраиваются, все остальное, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ то, что происходило и полтора, и два, и пять лѣтъ назадъ. Какъ всегда, члены аккуратно уплачиваютъ свои взносы и вербуютъ новыхъ участниковъ движенія (всего за годъ войны привлечено вновь 250.000 человѣкъ). Какъ всегда, происходятъ собранія „Vertrauensmänner“ (делегатовъ) и созываются областные и центральные съѣзды и конференціи. Какъ всегда, устраиваются „Lohnbewegungen“ (буквально, движенія въ пользу повышенія заработной платы) и ведется упорная юридическая борьба въ учрежденіяхъ германскаго соціальнаго законодательства. Какъ всегда, производятся анкеты, статистическія изслѣдованія и пр., и на книжный рынокъ выбрасывается обширная профессіонально-экономическая литература. Какъ всегда, мысль вождей не ограничивается настоящимъ, а со свойственной нѣмцамъ предусмотрительностію бѣжитъ впередъ, заглядывая въ болѣе или менѣе отдаленное грядущее. Такъ, въ концѣ іюля 1915 г., въ самый разгаръ кровопролитной войны, въ Дрезденѣ былъ открытъ новый великолѣпный народный домъ („Volkshaus“), призванный служить дворцомъ организованнаго труда, а почти одновременно выше упоминавшейся конференціей центральныхъ правленій рѣшено начать изданіе особаго

профессіональнаго органа для женщинъ. Германскіе союзы всѣмъ своимъ поведеніемъ какъ бы нарочно хотятъ подчеркнуть, что ихъ вѣра въ свое будущее непоколебима и что всѣ потрясенія міровой катастрофы не способны отвлечь ихъ въ сторону отъ привычнаго пути.

Если такимъ образомъ міръ нѣмецкихъ профессіональныхъ организацій сравнительно легко перенесъ удары войны, то это въ значительной степени объясняется двумя важными обстоятельствами. Во-первыхъ, тѣмъ, что по своеобразной логикѣ событій военное положеніе не только не принесло германскимъ союзамъ никакого ухудшенія правовыхъ условій ихъ существованія, но, наоборотъ, способствовало замѣтному улучшенію этихъ условій. Въ послѣдніе годы государственная власть, сильно обезпокоенная мощнымъ ростомъ рабочаго движенія, старалась ставить ему на пути всяческія препоны. Она запрещала правительственнымъ служащимъ и рабочимъ вступать въ „свободныя“ организаціи, поощряла предпринимателей въ ихъ борьбѣ съ „терроризмомъ“ союзовъ, наконецъ, обнаружила явную тенденцію подвести послѣдніе подъ понятіе „политическихъ объединеній“, что должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ значительное стѣсненіе ихъ свободы дѣйствій. Съ первымъ выстрѣломъ, раздавшимся на границѣ, многое въ данной области сильно измѣнилось. Были пріостановлены всѣ судебныя дѣла, начатыя властями противъ отдѣльныхъ „свободныхъ“ организацій въ цѣляхъ признанія ихъ „политическими“. Въ началѣ данная мѣра была проведена въ порядкѣ управленія. Впослѣдствіи она была закрѣплена законодательнымъ путемъ. Далѣе, пала большая часть ограниченій, препятствовавшая цѣлымъ группамъ пролетаріата принимать участіе въ „с.-д. союзахъ“ Военныя власти перестали дѣлать различія между „благонамѣренными“ и „неблагонамѣренными“ рабочими при привлеченіи ихъ къ обслуживанію многочисленныхъ нуждъ арміи, и даже—horribile dictu! — желѣзнодорожникамъ было разрѣшено вступать въ до того запретныя для нихъ „красныя“ профессіональныя организаціи. Наконецъ, общій духъ отношенія правительства и господствующихъ классовъ къ экономическимъ объединеніямъ рабочихъ пережилъ глубокую эволюцію. Раньше ихъ боялись и гнали, теперь ихъ боялись и за ними ухаживали: апеллировали къ ихъ патріотизму, приглашали ихъ въ различныя комиссіи и совѣщанія, посѣщали ихъ бюро и учрежденія, вообще всячески старались дружески похлопать ихъ по плечу. Справедливость требуетъ сказать, что, то тамъ; то сямъ, искусственно придушенное

пламя борьбы упрямо прорывалось наружу сквозь идиллію „Burgfrieden“. Но все-таки сейчасъ правовое положеніе германскаго профессіональнаго движенія значительно лучше, чѣмъ оно было въ недавнее мирное время.

Другимъ факторомъ, имѣющимъ въ дѣлѣ сохраненія профессіональныхъ союзовъ еще большее значеніе, является огромная прочность „организаціонной идеи“ въ сердцахъ и умахъ нѣмецкихъ рабочихъ. Объ этомъ можно было догадываться и раньше. Но только война превратила болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе въ неоспоримый фактъ дѣйствительности. Я упоминалъ выше о томъ, что въ первыя минуты всеобщей растерянности извѣстная часть членовъ профессіональныхъ союзовъ малодушно обратилась въ бѣгство. Но такихъ было не очень много: тысячи, быть-можетъ, нѣсколько десятковъ тысячъ,—для движенія, охватывающаго цѣлые милліоны, пропорція въ высшей степени ничтожная. Зато вся остальная масса осталась непоколебимой, какъ скала. Отчасти инстинктомъ, отчасти сознаніемъ она поняла, что если организація въ мирное время оказывала ей неоцѣнимыя услуги, то еще большее значеніе она пріобрѣтаетъ сейчасъ, въ годину міровой катастрофы, и, пожалуй, самое большое значеніе она будетъ имѣть въ періодъ послѣ войны, когда всѣ разрушительныя экономическія вліянія должны будутъ сказаться съ особенной силой. И потому каждый рядовой членъ движенія,—не говоря уже объ его офицерскомъ корпусѣ и генеральномъ штабѣ,—считалъ своимъ священнымъ долгомъ поддержать его въ критическую минуту.

Быть-можетъ, ярче всего это общее настроеніе сказывалось въ той заботливости, которую обнаруживали призванные на службу рабочіе къ своимъ оставленнымъ дома организаціямъ. Сидя гдѣ-нибудь въ траншеяхъ, на западѣ или на востокѣ, подъ непрерывнымъ смертоноснымъ огнемъ непріятеля, они постоянно задавались вопросомъ: а что-то сейчасъ дѣлается тамъ, въ нашемъ городѣ? Какъ борется и живетъ нашъ союзъ? Продолжаетъ ли онъ попрежнему высоко держать свое знамя? Бывали примѣры, когда тутъ же, въ окопахъ, между солдатами разгорались оживленныя пренія по вопросу о значеніи рабочихъ организацій, когда открыто велась профессіональная пропаганда и вербовались новые сторонники профессіональнаго движенія. И по какимъ подчасъ поводамъ! Не такъ давно въ „Vorwärts“ѣ (отъ 14 августа 1915 г.) мнѣ попалось письмо одного „организованнаго горшечника“ съ французскаго фронта, письмо, въ которомъ разсказывается между прочимъ слѣ-

дующее. Авторъ письма получилъ по почтѣ весьма пріятную въ обстановкѣ траншейной жизни посылку—прекрасный, великолѣпно зажаренный окорокъ. Просительные взгляды товарищей по отдѣленію заставили его преодолѣть эгоистическія чувства и подѣлиться съ ними вкуснымъ подаркомъ. „Попробовали,—пишетъ онъ,—и пришли въ полное восхищеніе: „чудесно! замѣчательно!"—„Кто же это тебѣ прислалъ?"—Я спокойно отвѣтилъ: „Члены моего союза". Всеобщее изумленіе: „члены союза"? (въ нашемъ отдѣленіи, кромѣ меня, есть только еще одинъ „организованный"). Я воспользовался подходящимъ моментомъ и заговорилъ. И долженъ откровенно сознаться, что никогда еще мы не толковали такъ долго и оживленно о профессіональномъ движеніи, какъ въ тотъ вечеръ". И въ заключеніе авторъ прибавляетъ: „Я думаю, что сказанное тогда останется въ памяти у моихъ собесѣдниковъ, и по благополучномъ возвращеніи домой они сдѣлаются добрыми членами профессіональнаго союза".

„Организованный горшечникъ" подъ огнемъ непріятеля ведетъ пропаганду въ пользу союзнаго объединенія. А вотъ съ какимъ призывомъ „организованный каменщикъ", также находящійся въ походѣ, обращается къ оставшимся въ тылу товарищамъ:

„Почти двѣсти тысячъ членовъ нашего союза сейчасъ, жертвуя жизнью и здоровьемъ, борются за преобразованіе и возрожденіе Германіи и они имѣютъ полное право требовать отъ тѣхъ, кого миновала эта чаша, чтобы они не только удержали въ неприкосновенности всѣ наши прежнія завоеванія, но и подготовили также почву для новыхъ. Оставшіеся дома не должны возлагать слишкомъ большихъ надеждъ на возвращающихся съ поля битвы, ибо почти всѣ мы лишились—по крайней мѣрѣ, отчасти,—силъ и энергіи и нуждаемся прежде всего въ отдыхѣ и поправкѣ. Тѣмъ не менѣе возвращающіеся потребуютъ отъ остававшихся дома отчета и горе тому, кто при этомъ вынужденъ будетъ съ краской на лицѣ отвернуться въ сторону: онъ на долгое время долженъ будетъ отказаться отъ почетнаго имени „Verbandskollege" (товарищъ по союзу). Но зато товарищи, съ чистой совѣстью честно исполнявшіе свой долгъ, встрѣтятъ насъ гордыми кликами: „Все, что было нами вмѣстѣ создано, мы, оставшіеся здѣсь, сохранили въ цѣлости и еще больше пріумножили! Мы тѣ же, что и были: вѣрные борцы нашей организаціи, и мы шлемъ привѣтъ нашимъ возвращающимся братьямъ!" [1]).

[1]) „Grundstein" № 24 отъ 13 іюня 1915 г.

Не слѣдуетъ думать, что цитированныя письма представляютъ собой какое-либо исключеніе. За минувшій годъ я перечиталъ очень много этихъ человѣческихъ документовъ, наводняющихъ сейчасъ с.-д. и профессіональную прессу Германіи, и долженъ констатировать, что всѣ они повторяютъ приблизительно одно и то же: организація—наше драгоцѣннѣйшее благо, и организація должна быть охранена отъ разрушенія во что бы то ни стало! При такомъ господствующемъ, все и вся проникающемъ, настроеніи за будущее германскаго профессіональнаго движенія опасаться, конечно, не приходится.

III

Изъ предыдущаго ясно, что проблема, съ такой остротой обрисовавшаяся предъ германскимъ пролетаріатомъ въ первый періодъ войны, проблема поддержанія дѣеспособности профессіональныхъ организацій, была разрѣшена имъ болѣе чѣмъ удовлетворительно. Но этимъ не исчерпывались трудности положенія. Исключительное время выдвинуло и цѣлый рядъ исключительныхъ по сложности и размѣровъ задачъ, отъ которыхъ профессіональные союзы не могли уйти, если не хотѣли отказаться отъ самаго своего существа.

Изъ этихъ задачъ хронологически первой встала предъ ними борьба съ безработицей. Я уже упоминалъ объ этомъ явленіи выше. Остановимся на немъ сейчасъ нѣсколько внимательнѣе. Первая перепись безработныхъ, произведенная профессіональными союзами 29 августа 1914 г. и распространившаяся на 34 организаціи съ 1.502.000 членовъ, нарисовала чрезвычайно мрачную картину. Общее число членовъ, лишившихся занятія, составило 270.000 чел., или 21,3 % всѣхъ опрошенныхъ (въ анкетѣ участвовало 1.270.000 человѣкъ). Въ августѣ 1913 г. число безработныхъ въ тѣхъ же союзахъ равнялось 55.000, или 2% ихъ тогдашняго состава. Чрезвычайно неблагопріятно было положеніе организованныхъ женщинъ: количество безработныхъ среди нихъ достигало 31,9 %. По отдѣльнымъ отраслямъ труда безработица колебалась очень сильно: среди шляпочниковъ она подымалась до 62,2 %, наоборотъ, среди мѣдниковъ, пекарей и пивоваренныхъ рабочихъ спускалась ниже 10%, среди металлистовъ она составляла 21,5 %, среди табачниковъ —

32,5 %, среди печатниковъ—41,2 % и т. д.[1]). Еще никогда германскій пролетаріатъ не переживалъ ничего подобнаго и многимъ въ то время невольно вспоминались сильныя слова покойнаго Бебеля на іенскомъ партейтагѣ 1911 г., въ яркихъ краскахъ рисовавшаго массу нищеты, горя и страданія, которыми будетъ сопровождаться въ Германіи объявленіе войны. Всѣ были настроены очень пессимистически; всѣ съ тревогой и опасеніемъ заглядывали въ будущее.

Дѣйствительность однако — что такъ рѣдко съ ней бываетъ — готовила скептикамъ пріятное разочарованіе. Уже съ сентября мѣсяца положеніе на рынкѣ труда стало замѣтно улучшаться, а въ дальнѣйшемъ повышательная тенденція, почти не ослабѣвая, удержалась до самой весны. Число безработныхъ равнялось:

31 октября 1914 г.	175.000 = 10,7 %	всѣхъ членовъ
30 января 1915 г.	96.000 = 6,6 %	» »
30 апрѣля 1915 г.	36.000 = 2,8 %	» »
31 іюля 1915 г.	30.000 = 2,6 %	» » [2])

Поразительно было сокращеніе безработицы въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ союзахъ. Такъ, у металлистовъ 29 августа 1914 г. насчитывалось 74.000 (19,5%) безработныхъ, а 30 апрѣля 1915 г. уже только 4.600 (1,6%); у фабричныхъ чернорабочихъ число не имѣющихъ занятія за тотъ же періодъ упало съ 28.000 (12,9%) до 1.300 (1,1%), у деревообдѣлочниковъ — съ 49.000 (38,4%) до 5.200 (5,6%) и т. д.[3]).

Вопросъ о безработицѣ разрѣшился, какъ видимъ, самъ собой и данный эффектъ получился въ результатѣ комбинированнаго дѣйствія двухъ факторовъ: съ одной стороны, мобилизація громадной арміи въ высокой степени разрѣдила рынокъ труда; съ другой стороны, удовлетвореніе многообразныхъ потребностей этой арміи создало нездоровый, но очень пышный расцвѣтъ промышленности, поглотившій почти всѣ избыточныя рабочія руки. Въ металлургической, текстильной, конфекціонной и цѣломъ рядѣ другихъ отраслей индустріи минувшей зимой дѣлались прекрасныя „дѣла“. И это естественно приносило извѣстные плюсы и пролетаріату. Возможности подобной ситуаціи въ прежнія времена почти никто не предвидѣлъ. Тѣмъ неожиданнѣе казалось теперь столь внезапно свалившееся на страну относительное благополучіе.

---

[1]) „Vorwärts“ отъ 2 октября 1914 г.
[2]) „Vorwärts“ отъ 28 сентября 1915 г.
[3]) „Vorwärts“ отъ 26 мая 1915 г.

При такихъ условіяхъ задачи борьбы съ безработицей не представляли для профессіональныхъ союзовъ непреодолимыхъ трудностей. Тѣмъ болѣе, что и государство, и органы рабочаго страхованія, и въ особенности коммуны увидали себя вынужденными пойти навстрѣчу нуждѣ пролетаріата и въ той или иной формѣ оказать ему поддержку. Первой такой широко задуманной и организованной попыткой было привлеченіе ставшихъ избыточными индустріальныхъ рабочихъ рукъ къ сбору урожая. Война, какъ извѣстно, разразилась наканунѣ уборки хлѣбовъ. Благополучное выполненіе данной операціи имѣло колоссальное значеніе для всего дальнѣйшаго хода событій, и потому нисколько не удивительно, что на нее было обращено самое пристальное вниманіе страны. Правительство, общественныя биржи труда и профессіональные союзы въ тѣсномъ сотрудничествѣ принялись за дѣло и, надо сознаться, сумѣли очень удачно разрѣшить нелегкую задачу. По настояніямъ союзовъ для промышленныхъ рабочихъ, идущихъ въ деревню, были установлены минимальныя заработныя платы. Сверхъ того, имъ было гарантировано исключеніе изъ-подъ дѣйствія примѣняющагося еще понынѣ въ сельскихъ мѣстностяхъ реакціоннаго „устава о челяди“ 1810 г. Въ обмѣнъ за эту уступку профессіональныя организаціи поставили на службу государству весь свой могущественный аппаратъ и двинули „на землю“ сотни тысячъ своихъ безработныхъ членовъ, открывая для нихъ такимъ образомъ возможность раціональнаго приложенія ихъ труда.

Далѣе, подъ сильнымъ давленіемъ с.-д. партіи, сотни большихъ и малыхъ коммунъ ввели у себя на время войны страхованіе отъ безработицы и принялись за устройство общественныхъ работъ [1]). Центральныя учрежденія государственнаго страхованіи (напр., берлинскій Landesversicherungsanstalt и др.) ассигновали изъ накопленныхъ ими фондовъ крупныя суммы на выдачу пособій жертвамъ экономическаго кризиса. Правительственные органы рѣшили энергично продолжать постройку намѣченныхъ раньше зданій, дорогъ, мостовъ и т. д. Одновременно союзы рабочихъ и предпринимателей въ строительной, деревообдѣлочной и нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ промышленности совмѣстно образовали такъ называемыя Arbeitsgemeinschaften (дѣловыя объединенія), поставившія своей главной задачей отысканіе заказовъ и равномѣрное распредѣленіе ихъ

[1]) Съ 1 января 1915 г. установлены были еще государственныя приплаты къ пособіямъ отъ безработицы, выдаваемымъ коммунами.

между различными фирмами. Какъ однако ни была облегчена всѣми указанными обстоятельствами задача профессіональнаго движенія въ борьбѣ съ безработицей, борьба эта все-таки обошлась ему достаточно дорого. По 31 іюля 1915 г. „свободными союзами“ въ суммѣ было истрачено на данный предметъ $21\frac{1}{2}$ милліон. марокъ (въ томъ числѣ 17,8 милл. въ періодъ съ 1 августа 1914 по 30 января 1915 г.). Вспомнимъ, что въ зиму 1908—09 г.—въ періодъ жестокаго промышленнаго кризиса—расходы тѣхъ же союзовъ на безработицу не превышали 9 милл. марокъ.

Но если въ настоящее время безработица не безпокоитъ особенно германскій пролетаріатъ, то это не значитъ, что его вожди и его организаціи не интересуются данной проблемой. Совсѣмъ наоборотъ. Нѣмецъ по натурѣ и по воспитанію очень предусмотрителенъ. Онъ никогда не удовлетворяется лозунгомъ „довлѣетъ дневи злоба его“. Онъ всегда стремится все предвидѣть и заранѣе разсчитать и заранѣе же принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Этимъ національнымъ качествомъ далеко не въ послѣдней степени объясняются военные успѣхи Германіи. И это же національное качество побуждаетъ и руководящіе элементы нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ уже теперь готовиться къ ближайшему будущему и удѣлять большое вниманіе вопросамъ, которые встанутъ предъ рабочимъ классомъ послѣ заключенія мира. А среди этихъ предвидимыхъ вопросовъ самымъ грознымъ является вопросъ о массовой безработицѣ. „Такъ какъ послѣ войны,—говорилъ недавно на одномъ берлинскомъ собраніи видный членъ „Генеральной Комиссіи“ Бауэръ, — милліоны пролетаріевъ сразу вернутся къ своей прежней дѣятельности и такъ какъ нынѣ приспособившейся къ потребностямъ военнаго времени индустріи понадобится извѣстный періодъ для возвращенія къ условіямъ мирнаго существованія, то на первыхъ порахъ естественно ожидать экономическаго застоя и значительной безработицы. Именно въ этихъ видахъ мы уже обратились къ правительству съ опредѣленными требованіями. И мы будемъ настаивать на томъ, чтобы нынѣшнее пособіе, выдаваемое семьямъ ушедшихъ на войну, было сохранено, и чтобы государство и коммуны оказывали поддержку безработнымъ, вербующимся изъ вернувшихся съ поля битвы солдатъ, вплоть до установленія нормальныхъ отношеній въ промышленности[1]).

---

[1]) „Vorwärts“ отъ 12 сентября 1915 г.

Отдѣльные союзы идутъ еще дальше и уже теперь принимаютъ мѣры къ обезпеченію работы для своихъ членовъ послѣ минованія военной грозы. Таковъ, напр., союзъ строительныхъ рабочихъ. Черезъ сотни мѣстныхъ и областныхъ комитетовъ организованнаго въ данной отрасли промышленности „Arbeitsgemeinschaft“ онъ обратился къ муниципалитетамъ, банкамъ, правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ съ просьбой подготовить къ моменту заключенія мира по возможности больше работы, дабы облегчить устроеніе сотенъ тысячъ каменщиковъ, плотниковъ, маляровъ и т. д., имѣющихъ возвратиться съ поля битвы. Не вездѣ союзъ встрѣтилъ благосклонное отношеніе къ своей просьбѣ. Но все-таки въ цѣломъ рядѣ мѣстъ ему удалось добиться успѣха. Вотъ одинъ любопытный примѣръ изъ многихъ. Оберъ-бургомистръ Баденской столицы, Карлсруэ, въ отвѣтъ на ходатайство мѣстнаго комитета Arbeitsgemeinschaft сообщилъ, что муниципалитетъ во все время войны стремился и будетъ стремиться возможно шире развивать свою строительную дѣятельность и сверхъ того постарается настолько подготовить проектъ предполагаемаго расширенія канализаціи, чтобы работы по ней могли начаться немедленно же вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора[1]).

При такихъ условіяхъ едва ли можно сомнѣваться, что задача борьбы съ безработицей будетъ благополучно разрѣшена германскими союзами и послѣ войны, если, разумѣется, война не кончится полнымъ разгромомъ имперіи Гогенцоллерновъ.

IV

Одновременно съ проблемой о безработицѣ предъ нѣмецкими профессіональными организаціями стала и другая, не менѣе серьезная задача—забота о членахъ, призванныхъ подъ знамена, и объ ихъ оставшихся дома семьяхъ. Что касается первыхъ, то забота о нихъ вначалѣ носила больше характеръ чисто моральной поддержки. Такъ, нѣкоторые союзы (строительныхъ рабочихъ, металлистовъ и др.) постановили приравнять время, проведенное членами въ походѣ, къ времени активнаго участія въ организаціи,—что связано съ пріобрѣтеніемъ опредѣленныхъ правъ и привилегій. Однако

---

[1]) „Grundstein“ отъ 5 іюня 1915 г.

попытка провести этотъ принципъ во всѣхъ союзахъ не удалась въ виду связанныхъ съ подобнымъ шагомъ матеріальныхъ затрудненій. Далѣе, почти всѣ союзы сочли своимъ долгомъ отъ времени до времени (къ Рождеству, Пасхѣ и т. д.) посылать своимъ членамъ на фронтъ полезные подарки въ видѣ теплыхъ фуфаекъ, куртокъ, хорошо зажаренныхъ окороковъ и т. п., а также регулярно снабжать ихъ своими органами (съ началомъ войны доступъ с.-д. прессы въ войска былъ офиціально разрѣшенъ). Не довольствуясь отправкой газетъ, цѣлый рядъ центральныхъ и мѣстныхъ организацій сталъ періодически издавать особыя письма и циркуляры информаціоннаго характера для распространенія среди своихъ членовъ, находящихся на фронтѣ.

Предо мной лежитъ, напр., одинъ изъ многихъ документовъ подобнаго рода. Онъ выпущенъ мюнхенскимъ отдѣленіемъ союза металлистовъ и озаглавленъ: „An unsere im Felde stehenden Kollegen". (Къ нашимъ товарищамъ на полѣ битвы). Содержаніе документа весьма просто и непритязательно: авторы его задаются цѣлью познакомить ушедшихъ коллегъ съ тѣмъ, что въ ихъ отсутствіе происходитъ дома. И они съ истинно нѣмецкой аккуратностью и добросовѣстностью разсказываютъ, какъ живетъ Мюнхенъ въ эти грозные историческіе дни, какъ выглядятъ его улицы, какія цѣны стоятъ на пищевые продукты, какъ идутъ дѣла въ союзѣ, сколько у него насчитывается сейчасъ членовъ, какова наличность кассы, какія мѣры имъ приняты для поддержки семей призванныхъ подъ знамена членовъ и т. д. Не хитрое произведеніе! И тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что это нехитрое произведеніе въ дѣлѣ поддержанія связи между организаціей и ея бывшими участниками даетъ неизмѣримо больше, чѣмъ самыя прекрасныя рѣчи.

Я упомянулъ только что о поддержкѣ семей ушедшихъ на войну членовъ. Задача эта доставила не мало хлопотъ профессіональнымъ союзамъ, но полнаго единства въ ея разрѣшеніи между отдѣльными организаціями не было. Союзъ печатниковъ, напр., съ самаго начала принялъ постановленіе послѣдовать прецеденту, созданному имъ же самимъ въ 1870—71 г., и отказался выплачивать пособіе семьямъ призванныхъ подъ знамена, находя, что это дѣло государства и коммунъ.

Наоборотъ, союзъ деревообдѣлочниковъ постановилъ выдавать подобнымъ семьямъ по 3 марки въ недѣлю и за три мѣсяца — августъ-октябрь 1914 г. — истратилъ на эту поддержку до 900.000 марокъ. Послѣ 1 ноября она была отмѣнена. Въ свою очередь

союзъ строительныхъ рабочихъ три раза въ теченіе минувшей зимы выплачивалъ семьямъ ушедшихъ на войну единовременное пособіе въ размѣрѣ 9—13 марокъ на человѣка, что обошлось ему примѣрно въ 2 милл. марокъ. Всѣ же профессіональныя организаціи вмѣстѣ взятыя истратили по 31 іюля 1915 г. на данный предметъ 10 1/2 милл. марокъ.

Въ дальнѣйшемъ призванные подъ знамена члены союзовъ стали усиленно интересовать свои организаціи еще въ одномъ отношеніи. Извѣстно, что потери нѣмцевъ на фронтѣ огромны и исчисляются нынѣ уже милліонами. Большая часть этихъ милліоновъ—раненые, которые очень часто послѣ окончанія лѣченія становятся больше неспособными къ военной службѣ и остаются дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ нихъ сохраняютъ частичную трудоспособность и естественно начинаютъ искать для себя работы въ промышленности. Тутъ возникаетъ двоякая опасность: во-первыхъ, для самихъ инвалидовъ, ибо, пользуясь фактомъ полученія ими государственной ренты[1]), предприниматель можетъ довести ихъ заработную плату до скандально-низкаго уровня; во-вторыхъ, для всѣхъ рабочихъ вообще, ибо сверхкапиталистическая эксплуатація одной (и притомъ весьма многочисленной) группы пролетаріата неизбѣжно должна оказать отрицательное вліяніе на положеніе всего пролетаріата въ цѣломъ. Предупредить подобную возможность и вытекающія изъ нея вредныя послѣдствія лежитъ въ прямыхъ интересахъ профессіональныхъ союзовъ (о соображеніяхъ гуманности мы уже не говоримъ—они подразумѣваются сами собой) и потому не удивительно, что они удѣляютъ очень много вниманія этой принимающей все большіе размѣры проблемѣ. Ихъ усиліямъ главнымъ образомъ приходится приписать созданіе широкой, еще не вполнѣ сложившейся организаціи по призрѣнію „военныхъ инвалидовъ“, которая въ настоящее время покрываетъ уже почти всю страну.

Основныя черты этого очень полезнаго и многообѣщающаго начинанія сводятся къ слѣдующему. Въ городахъ и провинціяхъ обра-

---

[1]) На государственную ренту, по законамъ 31 мая 1906 г. и 3 іюня 1913 г., имѣетъ право всякій „военный“ инвалидъ, потерявшій не менѣе 10% своей трудоспособности. Инвалиду выплачивается 180 мк. въ годъ за участіе въ войнѣ, далѣе 324—648 мк. въ годъ за увѣчье и, наконецъ, 54—540 мк. въ годъ за потерю трудоспособности, а всего отъ 558 до 1366 мк. въ годъ. Это нормы вознагражденія рядового, для унтеръ-офицеровъ, сержантовъ и фельдфебелей онѣ значительно выше.

зуются особые мѣстные комитеты по устройству пострадавшихъ участниковъ войны. Составъ комитетовъ довольно различенъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ изъ нихъ имѣются представители муниципалитетовъ, врачи и делегаты предпринимательскихъ и рабочихъ организацій. Мѣстные комитеты объединяются въ областные, областные, въ свою очередь, группируются около единаго общеимперскаго центра. Дѣятельность комитетовъ начинается прямо у одра болѣзни. Раненымъ, лежащимъ въ лазаретѣ, раздаются для заполненія особые листки, въ которыхъ опрашиваемый долженъ указать свой возрастъ, профессію, характеръ пораненія и пр. Затѣмъ его посѣщаютъ представители комитета, очень часто входящіе въ составъ послѣдняго делегаты профессіональныхъ союзовъ, и стараются помочь ему совѣтомъ и указаніемъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго устроенія его судьбы. Основнымъ принципомъ считается, что рабочій-инвалидъ долженъ по возможности возвращаться въ свою же или родственную ей отрасль индустріи и только въ самомъ крайнемъ случаѣ принимается за изученіе новаго ремесла.

Что касается самаго способа доставленія работы нуждающимся, то образцовымъ въ этомъ отношеніи считается примѣръ берлинской металлической промышленности. Здѣсь союзъ предпринимателей единогласно обязался устроить у себя всѣхъ въ какой бы то ни было мѣрѣ трудоспособныхъ инвалидовъ, раньше служившихъ на фабрикахъ и заводахъ его членовъ. Посреднической и вмѣстѣ съ тѣмъ контрольной инстанціей является особый „военный комитетъ“ (Kriegsausschuss) этой индустріи, состоящій изъ представителей организацій труда и капитала. Комитетъ устраиваетъ инвалидовъ, улаживаетъ различныя возникающія осложненія и — что особенно важно — слѣдитъ за отсутствіемъ какихъ-либо злоупотребленій со стороны предпринимателей. По этому пути идутъ сейчасъ и другія отрасли промышленности какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Есть основанія однако полагать, что данной гарантіи въ будущемъ окажется не вполнѣ достаточно. И потому профессіональные союзы уже сейчасъ подымаютъ вопросъ объ изданіи правительствомъ законодательнаго акта, разъ навсегда обезпечивающаго положеніе инвалидовъ въ экономической жизни.

Наконецъ, для того, чтобы дорисовать развернутую на предыдущихъ страницахъ картину, необходимо упомянуть еще о дѣятельности профессіональныхъ организацій въ области повышенія заработной платы. Это повышеніе, являвшееся одной изъ ихъ важнѣйшихъ задачъ и въ мирное время, стало теперь вдвойнѣ необходи-

мымъ. Война принесла съ собой огромное вздорожаніе жизни. По официальнымъ даннымъ, цѣны пищевыхъ продуктовъ, въ іюлѣ 1915 г. поднялись въ среднемъ по сравненію съ іюлемъ 1914 г. на 70%, нѣкоторые отдѣльные продукты вздорожали на 100, 200 и даже 300%, такъ что, въ концѣ-концовъ, „Генеральная Комиссія“ и центральное правленіе с.-д. партіи вынуждены были издать особое воззваніе къ пролетаріату съ призывомъ къ энергичной борьбѣ противъ хлѣбныхъ, мясныхъ и всякихъ иныхъ „ростовщиковъ“, наживающихъ бѣшеныя деньги на народномъ несчастьѣ. Легко понять, какой эффектъ вздорожаніе жизни имѣло на положеніе пролетаріата; и не менѣе легко также понять, что трудящіяся массы и ихъ организаціи должны были быть крайне озабочены вопросомъ о повышеніи заработной платы.

Что было сдѣлано въ этомъ направленіи?

Начало войны, какъ уже выше было упомянуто, принесло съ собой длительную эру „Burgfrieden“. Въ области экономической борьбы это означало отказъ труда и капитала отъ примѣненія своего наиболѣе остраго оружія — стачекъ и локаутовъ. Дѣйствительно, одновременно съ приказомъ о мобилизаціи на всемъ пространствѣ Германіи были сразу оборваны всѣ происходившіе въ тотъ моментъ экономическіе конфликты (въ томъ числѣ большой локаутъ текстильщиковъ въ Лаузицѣ). Затѣмъ наступило „внутреннее перемиріе“, нарушавшееся сторонами лишь крайне рѣдко и притомъ въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, согласно даннымъ имперской статистики, за октябрь—декабрь 1914 г. въ странѣ имѣли мѣсто 24 стачки съ 4.074 участниками противъ 245 стачекъ съ 40.759 участниками за соотвѣтственный періодъ 1913 г. Точно также локаутовъ было 1 съ 24 затронутыми имъ лицами противъ 17 съ 5.298 затронутыми лицами въ предыдущемъ году[1]). Аналогичное положеніе сохранилось и въ 1915 г.

Профессіональные союзы лишены были такимъ образомъ возможности развернуть въ борьбѣ за повышеніе заработной платы всю свою энергію и обычно ихъ активность въ данномъ отношеніи выливалась въ форму того, что на языкѣ нѣмецкой рабочей статистики носитъ наименованіе: „Lohnbewegung ohne Arbeitseinstellung“ (движеніе заработной платы безъ прекращенія работъ). Въ самомъ дѣлѣ, подъ эгидой „Burgfrieden“ и военнаго положенія внезапно осуществилась завѣтная мечта апостоловъ соціальной гармоніи: кон-

[1]) Statistik des Deutschen Reiches, 1915, Heft 1, Berlin.

фликты труда и капитала стали рѣшаться не путемъ открытаго поединка, а путемъ соглашенія. Профессіональные союзы обращались къ предпринимателямъ съ просьбой о назначеніи прибавокъ. Предприниматели иногда соглашались, а иногда отказывались. На томъ дѣло и кончалось.

Что сказать о практическихъ результатахъ этой вынужденной политики экономическаго перемирія?

Нельзя отрицать, что внѣшняя обстановка до сихъ поръ очень благопріятствовала пролетаріату: на его сторонѣ былъ патріотическій подъемъ, давленіе общественнаго мнѣнія, содѣйствіе правительственныхъ и муниципальныхъ органовъ (замѣчательно, что охотнѣе всего навстрѣчу экономическимъ требованіямъ рабочихъ шло военное министерство), наконецъ, моральный авторитетъ могущественнаго профессіональнаго движенія. Условія складывались удачно, какъ никогда, и тѣмъ не менѣе реальныя пріобрѣтенія трудящихся массъ за минувшій годъ были въ общемъ чрезвычайно незначительны. Правда, рядъ фирмъ и предпринимателей въ различныхъ отрасляхъ промышленности добровольно повысилъ заработную плату. Правда, одинъ предпринимательскій союзъ (въ транспортномъ дѣлѣ) нашелъ въ себѣ смѣлость рекомендовать своимъ членамъ дарованіе повсемѣстной „военной прибавки“ къ жалованью занятыхъ у нихъ рабочихъ, что отчасти и было исполнено. Правда, наконецъ, что 65.000 текстильщиковъ въ 57 различныхъ мѣстахъ добились увеличенія своего заработка на 5—10 %. А нѣсколько десятковъ тысячъ деревообдѣлочниковъ въ Берлинѣ, Кёнигсбергѣ, Штеттинѣ, Кёльнѣ, Маннгеймѣ и др. городахъ повысили свою недѣльную плату на $1^1/_2$—3 марки. Но зато, напр., въ такихъ важныхъ отрасляхъ индустріи, какъ горное [1]) и строительное дѣло, работодатели отказались отъ сколько-нибудь существенныхъ уступокъ пролетаріату. И,

---

[1]) Вотъ любопытныя цифровыя данныя. Заработная плата углекопа, по офиціальной статистикѣ, составляла въ день:

	Вторая четверть 1914 г.	1915 г.	
Въ Верхн. Силезіи	3,65 мк.	3,79 мк.	+ 3,8 %
„ Нижней „	3,48 „	3,60 „	+ 3,4 „
„ Рурскомъ бассейнѣ	5,22 „	5,39 „	+ 3,2 „
„ Саарскомъ „	4,42 „	4,31 „	— 2,5 „
„ Аахенскомъ районѣ	4,80 „	4,78 „	— 0,4 „

(„Vorwärts“ отъ 21 окт. 1915).

наконецъ, что значитъ 5—10% прибавка заработной платы въ виду вздорожанія пищевыхъ продуктовъ на 70%.

Какъ видимъ, итоги дѣятельности профессіональныхъ союзовъ въ данной области очень скромны, скромнѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ другихъ сферъ ихъ работы. И мораль, которая естественно вытекаетъ изъ ихъ годового опыта, гласитъ приблизительно слѣдующее: можно допускать, что при наличности извѣстныхъ условій стоитъ пожертвовать экономическими интересами пролетаріата во имя общихъ интересовъ націи, но не слѣдуетъ дѣлать себѣ иллюзій, будто бы при помощи методовъ „соціальной гармоніи“ можно добиться сколько-нибудь существеннаго улучшенія въ положеніи рабочихъ массъ.

2. Кооперативное движеніе.

Кому радость, кому горе... Не въ примѣръ профессіональному кооперативное движеніе не только не пострадало въ періодъ войны, но еще довольно значительно выиграло. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи суммарныя данныя кончаются 1 января 1915 г., т.-е. захватываютъ лишь пять начальныхъ мѣсяцевъ европейской борьбы. Однако, какъ мы видѣли выше, именно эта эпоха была наиболѣе критической въ жизни рабочихъ организацій, а потому и наличныя цифровыя свѣдѣнія представляютъ большой интересъ. Согласно послѣднему отчету „Центральнаго Союза“ потребительныхъ обществъ, число входящихъ въ его составъ кооперативовъ за періодъ съ 1 января 1914 по 1 января 1915 г. сократилось съ 1.157 до 1.109 (это сокращеніе объясняется растущей централизаціей движенія); число ихъ членовъ, наоборотъ, возросло съ 1.663.000 до 1.737.000 или на 74.000; размѣры оборота увеличились съ 493 до 502 милл., или на 5 милл. марокъ[1]). Въ дальнѣйшемъ этотъ повышательный процессъ не пріостановился, а, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя сообщенія съ мѣстъ, продолжалъ итти еще болѣе ускореннымъ темпомъ. Для примѣра приведу хотя бы берлинскій кооперативъ, операціонный годъ котораго кончается 30 іюня. За періодъ съ 30 іюня 1914 по 30 іюня 1915 г. число членовъ его возросло съ 86.000 до 94.000, а сумма оборота—съ 17.356.000 до

[1]) Jahresbericht des Zentralverbandes deutscher Konsumvereine für 1914; Hamburg, 1915.

17.821.000 марокъ. Особенно увеличилось его производство хлѣба: съ 3.907.000 до 4.507.000, или на 1.600.000 марокъ [1]).

Не менѣе успѣшна была дѣятельность „Центральнаго закупочнаго товарищества“ въ Гамбургѣ. Первоначально война довольно чувствительно отразилась на его операціяхъ, — тѣмъ болѣе, что одной изъ его важнѣйшихъ функцій было снабженіе кооперативовъ продуктами, привозимыми изъ-за океана. Оборотъ товарищества за первые 7 мѣсяцевъ 1914 г. далъ 7 милл. марокъ превышенія по сравненію съ оборотомъ соотвѣтственнаго періода предыдущаго года, наоборотъ, послѣдніе 5 мѣсяцевъ дали пониженіе на 4 милл. марокъ, такъ что общій годовой балансъ былъ сведенъ съ увеличеніемъ только на 3 милл. марокъ. Табачную фабрику товарищества пришлось на нѣкоторое время закрыть, банковскую дѣятельность сильно ограничить, постройку жилищъ для рабочихъ собственнаго мыловареннаго завода отложить до болѣе благопріятнаго момента. Постепенно однако положеніе начало поправляться, чему отчасти способствовали полученные отъ правительства заказы. Оборотъ за январь—май 1915 г. показываетъ, что наиболѣе трудный періодъ уже миновалъ и что въ текущемъ году можно ожидать нѣкотораго прогресса по сравненію съ 1914 г. Товарищество настолько опять почувствовало почву подъ ногами, что рѣшило закончить работы по возведенію новаго мыловареннаго завода и начать постройку еще одного элеватора въ Гамбургѣ.

Что нормальная жизнь германскаго кооперативнаго движенія вообще почти не затронута войной, свидѣтельствуетъ также фактъ созыва въ іюнѣ нынѣшняго года обычнаго ежегоднаго конгресса „Центральнаго Союза“ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Правда, на конгрессѣ — и это особенно бросалось въ глаза — едва ли не впервые совершенно отсутствовали гости-друзья изъ другихъ странъ, но зато Германія была представлена 800 делегатами. Съѣздъ, какъ и всегда, выслушалъ отчетъ центральныхъ инстанцій, обсудивъ рядъ текущихъ вопросовъ кооперативной жизни, и въ заключеніе принялъ длинную резолюцію, заявляющую, что сейчасъ „потребительныя общества усматриваютъ свою главную задачу въ обезпеченіи всѣми доступными имъ средствами народнаго питанія въ періодъ войны, а также въ оказаніи поддержки различнымъ мѣропріятіямъ по приспособленію всей экономической жизни страны къ условіямъ исключительнаго времени“. Въ резолюціи, между прочимъ, требуется,

[1]) „Vorwärts“ отъ 24 іюля 1915 г.

чтобы правительство больше, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, привлекало практиковъ кооперації къ разрѣшенію сложныхъ проблемъ „военнаго народнаго хозяйства“ и чтобы установленіе максимальныхъ цѣнъ на продукты питанія производилось болѣе раціонально, чѣмъ это имѣло мѣсто въ теченіе минувшей зимы. Данная резолюція вызвала на конгрессѣ протесты меньшинства (его ораторами выступили Флейснеръ изъ Дрездена и Штейнебахъ изъ Гамбурга), предлагавшаго выбросить изъ ея мотивировочной части нѣсколько черезчуръ „національно-патріотическихъ“ фразъ, однако рѣчи оппонентовъ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и вся резолюція въ цѣломъ была принята всѣми противъ 5 голосовъ[1]).

Любопытно тутъ же отмѣтить, что войну пока сравнительно благополучно пережило еще одно—наиболѣе юное—учрежденіе кооперативнаго (или точнѣе кооперативно-профессіональнаго) движенія: страховое общество „Volksfürsorge“. Основанное въ началѣ 1913 г. обѣими вѣтвями экономическихъ организацій пролетаріата въ цѣляхъ освобожденія рабочихъ массъ отъ безсовѣстной эксплуатаціи частныхъ страховыхъ компаній въ родѣ „Victoria“, „Friedrich-Wilhelm“ и т. д., оно сразу же обнаружило быстрое развитіе. На 31 декабря 1913 г. „Volksfürsorge“ насчитывала уже свыше 70.000 заключенныхъ полисовъ на сумму 12,9 милл. марокъ. За первые 7 мѣсяцевъ 1914 г. къ нимъ прибавилось еще 94.000 полисовъ на сумму 18,6 милл. марокъ, такъ что къ моменту объявленія войны итогъ дѣятельности новаго общества выражался цифрой въ 164.000 полисовъ на сумму 31,5 милл. марокъ. Затѣмъ наступило рѣзкое паденіе. Въ сентябрѣ—октябрѣ 1914 г. новыхъ полисовъ было заключено не больше 800, въ ноябрѣ—декабрѣ — около 1.300. Кромѣ того масса кліентовъ прекратила платежи, такъ что 24.000 полисовъ потеряли свою силу и сдѣланные на нихъ раньше взносы были превращены въ „сберегательные вклады“ застрахованныхъ (въ этой системѣ превращенія и лежитъ главное преимущество „Volksfürsorge“ предъ частными компаніями, присваивающими себѣ въ случаѣ пріостановки платежей всѣ внесенныя раньше деньги). Въ итогѣ на 31 декабря 1914 г. общество имѣло 163.000 полисовъ на сумму 25,6 милл. марокъ, а его чистая прибыль равнялась 172.000 марокъ. Въ концѣ сентября 1914 года при „Volksfürsorge“ была основана „касса военнаго страхованія“, постро-

[1]) „Vorwärts“ отъ 15 іюня 1915 г.

енная на слѣдующемъ принципѣ: участники кассы покупаютъ 5-марковыя акціи (не свыше 20 на человѣка) и затѣмъ, по окончаніи войны, вся полученная такимъ образомъ сумма будетъ безъ остатка раздѣлена между наслѣдниками убитыхъ членовъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ купленныхъ ими акцій. До конца 1914 г. такихъ акцій было продано на 140.000 [1]).

Эта стойкость, обнаруженная нѣмецкимъ кооперативнымъ движеніемъ въ трудную годину европейской войны, впрочемъ, не представляетъ собой ничего особенно удивительнаго. Въ Германіи, какъ и повсюду, фактическими членами потребительныхъ обществъ являются не индивидуумы, а семьи. Поэтому призывъ мужского населенія подъ знамена не могъ здѣсь имѣть такого разрушительнаго эффекта, какъ въ профессіональныхъ организаціяхъ: мужъ уходилъ, но жена и дѣти оставались и продолжали дѣлать покупки въ кооперативной лавкѣ. Кромѣ того — и это необходимо особенно подчеркнуть — десятки тысячъ новыхъ членовъ были приведены къ потребительскому движенію страшнымъ вздорожаніемъ жизни. Въ моментъ, когда страну охватилъ духъ безудержной спекуляціи и каждый производитель и торговецъ превратились въ кровожадныхъ эксплуататоровъ, готовыхъ драть съ покупателя десять шкуръ, — гдѣ было „маленькому человѣку“ искать спасенія и защиты, какъ не у кооперації? И онъ массами повалилъ туда, заполняя прорѣхи, вызванныя мобилизаціей, и даже доставляя движенію значительный плюсъ въ количествѣ членовъ и размѣрахъ оборота.

Положительная роль потребительской организаціи въ періодъ войны не подлежитъ сомнѣнію. Она настолько очевидна, что даже правительство, раньше относившееся подозрительно къ „соціалъ-демократическому“ кооперативному движенію, теперь должно было устами своихъ виднѣйшихъ представителей признать его несомнѣнныя заслуги. Муниципалитеты многихъ крупныхъ городовъ — Берлина, Кёнигсберга, Висбадена, Мюнхена и др. — также неоднократно выражали свое сочувствіе и свою глубокую благодарность потребительскимъ объединеніямъ пролетаріата (германскія кооперації на $^4/_5$ состоятъ изъ рабочихъ) за ихъ разумную и безкорыстную дѣятельность на благо населенія въ наиболѣе критическія для страны минуты. Привѣтствуя отъ имени мѣстнаго коммунальнаго управленія послѣдній (1915 г.) конгрессъ кооперативовъ, франкфуртскій бургомистръ Луппе, между прочимъ, сказалъ: „Конечно, намъ при-

[1]) „Volksfürsorge“ № 6 (іюнь) 1915 г.

ходится сейчасъ въ области народнаго потребленія по одежкѣ протягивать ножки, но все-таки нельзя не признать, что мы справились со всѣми затрудненіями гораздо лучше, чѣмъ ожидали. Мы обязаны этимъ принципу организаціи, яркимъ воплощеніемъ котораго является ваше движеніе. Сложная задача, выпавшая на долю государства и муниципалитетовъ, — обезпечить населеніе доброкачественными продуктами продовольствія,—была въ сильной степени облегчена примѣромъ вашей дѣятельности". А профессоръ франкфуртскаго университета Штейнъ на томъ же конгрессѣ въ своей рѣчи замѣтилъ: „Если въ настоящее время наше народное хозяйство такъ хорошо функціонируетъ, то это въ немалой степени заслуга кооперативовъ. Они являются необходимымъ дополненіемъ къ организаціямъ крупной торговли и промышленности. Что было бы съ нами, если бы мы въ этой осажденной крѣпости, каковой сейчасъ уподобляется Германія, не имѣли потребительскихъ союзовъ"?[1])

Приведенныя цитаты достаточно краснорѣчивы. Онѣ суммируютъ нынѣшнее отношеніе къ кооперативамъ господствующихъ классовъ, еще вчера насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ сотни тысячъ ихъ злѣйшихъ противниковъ.

---

[1]) „Vorwärts" отъ 15 іюля 1915 г.

Народное хозяйство во время войны

I

„Пять дней спустя послѣ вступленія Великобританіи въ войну,—писалъ недавно американскій журналистъ Раймондъ Свингъ въ „Chicago Daily News“ [1]),—когда стало ясно, что Германія подвергнется блокадѣ, одинъ крупный предприниматель явился къ военному министру фонъ-Фальгенгайну и развилъ предъ нимъ планъ экономической битвы противъ торговой изоляціи страны. Этотъ планъ заключалъ въ себѣ коренную реорганизацію исполинской промышленности Германіи и образованіе новаго „концерна“, величайшаго изъ когда-либо существовавшихъ на землѣ. Этотъ планъ обѣщалъ также сдѣлать Германію способной вести войну неопредѣленно долгое время, хотя бы она была даже совершенно отрѣзана отъ всего остальнаго міра. Генералъ фонъ-Фалькенгайнъ разсмотрѣлъ планъ и заявилъ предпринимателю:

— Вотъ вамъ четыре комнаты въ зданіи военнаго министерства. Вамъ будетъ оказано всяческое содѣйствіе. Принимайтесь же немедленно за дѣло!

И вслѣдъ затѣмъ началась кампанія, которой Германія обязана половиной своихъ успѣховъ. Экономическій генералъ, нѣмецкій крупный предприниматель, о которомъ идетъ рѣчь, былъ докторъ Вальтеръ Ратенау, президентъ „Всеобщей Электрической Компаніи“ въ Берлинѣ.

„Нынѣшняя война въ большей степени, чѣмъ всякая предыдущая, является войной матеріаловъ. Человѣческій факторъ образуетъ лишь одну половину, матеріальный—другую половину войны. Германія не богата сырыми матеріалами. Она имѣетъ желѣзо, уголь,

[1]) Цитирую по перепечаткѣ въ „Times“ отъ 11 окт. 1915 г.

цинкъ и петроль, быть-можетъ, кое-что еще. А между тѣмъ для веденія войны необходимо до 200 различныхъ продуктовъ, относящихся къ категоріи сырья. Докторъ Ратенау съ самаго начала считался съ возможностью, что борьба затянется на нѣсколько лѣтъ, и мысль, положенная въ основу его плана, должна быть причислена къ величайшимъ идеямъ нашего времени. Онъ полагалъ, что при должномъ использованіи нѣмецкаго таланта къ организаціи, Германія можетъ быть превращена въ самодовлѣющее государство не зависящее отъ импорта. И если бы данный проектъ былъ осуществленъ на практикѣ, то Германія, блокируемая страна, закончила бы войну безъ долговъ за границей въ то время, какъ Англія, блокирующая страна, вынуждена была бы систематически покупать необходимые ей продукты за рубежомъ и за все расплачиваться наличными. Въ результатѣ получился бы почти невѣроятный фантастическій парадоксъ: блокирующая страна на исходѣ борьбы оказалась бы бѣдна, наоборотъ, блокируемая—экономически сильна и независима.

„Организація началась безъ всякихъ промедленій,—какъ она была проведена на практикѣ, точно, вѣроятно, никто изъ постороннихъ не узнаетъ, ибо это, разумѣется, важный государственный секретъ. Итогъ ея получился, однако, слѣдующій: 80% германской индустріи превратились въ военную индустрію, цѣликомъ или частично, и нынѣ не менѣе $^1/_3$ всѣхъ нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ обслуживаютъ исключительно лишь военное министерство. Была создана совершенно новая организація, для которой не имѣлось на первыхъ порахъ ни соотвѣтственныхъ законодательныхъ рамокъ, ни испытанныхъ методовъ управленія, ни спеціально тренированныхъ людей. И все-таки нынѣ эта организація, вмѣстѣ съ 36 подчиненными ей и также абсолютно новыми „концернами“, снабжаетъ Германію всѣми необходимыми ей военными припасами.

„Вопросъ о сырьѣ отличался крайней сложностью. Три пути были открыты для разрѣшенія трудной проблемы: во-первыхъ, конфискація нужныхъ странѣ матеріаловъ въ занятыхъ германскими войсками вражескихъ областяхъ, во-вторыхъ, импортъ нѣкоторыхъ важныхъ продуктовъ черезъ немногія еще остававшіяся свободными двери, въ третьихъ, либо отысканіе для полученія цѣлаго ряда иныхъ продуктовъ собственныхъ нѣмецкихъ источниковъ, либо замѣна ихъ суррогатами. Германія сразу пошла всѣми тремя путями.

„Въ оккупированныхъ территоріяхъ было немедленно же начато собираніе металловъ, хлопка, минераловъ и т. д. Были произведены

переписи имѣющихся продуктовъ, устроены склады, организованы транспортъ и распредѣленіе матеріаловъ между потребителями. Уже эта одна операція развилась мало-по-малу въ гигантскую индустрію. Одновременно приступлено было къ тщательному изученію странъ, сношенія съ которыми не были прерваны, ихъ естественныхъ богатствъ и экспортныхъ возможностей. Наконецъ, было обращено самое пристальное вниманіе на отысканіе собственныхъ источниковъ и изобрѣтеніе суррогатовъ. Всѣ металлы, химическіе и текстильные продукты въ странѣ были подсчитаны и описаны. При этомъ оказалось, что Германія чрезвычайно богата различными матеріалами, необходимыми для веденія войны. Они были скрыты до сихъ поръ въ темныхъ закоулкахъ, теперь ихъ извлекли на свѣтъ Божій и пустили въ оборотъ. Между прочимъ, выяснилось, что въ крышахъ и другихъ частяхъ домовъ и фабричныхъ зданій имѣются огромные запасы металла, которые въ случаѣ нужды могутъ быть превращены въ амуницію. До сихъ поръ было использовано лишь около 2% этихъ запасовъ, остатокъ же „мобилизованъ“. Онъ будетъ употребленъ, когда придетъ время, и его хватитъ на годы и годы.

„Взамѣнъ продуктовъ, которыхъ у Германіи не было, или которыхъ она не могла достать, были изобрѣтены суррогаты. Тамъ, гдѣ всегда донынѣ употребляли мѣдь или жесть, теперь стали употреблять сталь и цинкъ. Мѣсто опредѣленныхъ текстильныхъ продуктовъ заняли иные вновь изготовленные составы. Азотъ, добывавшійся до сихъ поръ изъ чилійской селитры, сталъ теперь добываться изъ воздуха путемъ химическаго процесса. Необходимость— эта мать изобрѣтательности воспламенила и оплодотворила воображеніе нѣмецкихъ техниковъ и ученыхъ. И что замѣчательнѣе всего, эта суррогаты нерѣдко оказывались лучше оригиналовъ. Многіе продукты, изготовлявшіеся до сихъ поръ изъ дорогихъ привозныхъ матеріаловъ, изготовляются нынѣ изъ дешевыхъ домашнихъ, которыхъ Германія имѣетъ въ изобиліи. Нѣмецкая индустрія получила чрезвычайно цѣнный и наглядный урокъ: она безконечно много выиграетъ отъ „тягостей“ войны. Настанетъ, надо надѣяться, день, когда германское правительство сообщитъ конкретныя данныя о промышленной трансформаціи страны. Сейчасъ можно сказать только одно, что эта трансформація является совершившимся фактомъ. Она краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о юношеской гибкости и необыкновенной приспособляемости нѣмецкаго индустріальнаго аппарата. Превратить на протяженіи 24 час. электрическій заводъ въ

фабрику, производящую амуницію, далеко не легкая задача. А между тѣмъ это было сдѣлано въ Германіи. Аналогичный процессъ былъ пережитъ и тысячами другихъ промышленныхъ предпріятій и повсюду безъ особыхъ затрудненій.

„Докторъ Ратенау оставался 8 мѣс. въ военномъ министерствѣ, и нынѣ созданная имъ машина функціонируетъ уже сама собой, подобно всѣмъ другимъ руководимымъ государствомъ машинамъ,— почтѣ, телеграфу, желѣзнымъ дорогамъ. Новые законы, созданные для облегченія дѣятельности исполинскаго промышленнаго аппарата, не были ни разу измѣнены съ момента своего опубликованія. Новые принципы экономическаго руководства не вызвали никакихъ треній и осложненій. Величайшая индустріальная организація въ исторіи человѣчества выполняетъ свою работу безъ сучка, безъ задоринки. Снабженная сырьемъ для неопредѣленно-долгаго веденія войны, Германія чувствуетъ, что она не можетъ быть уничтожена, борьба для нея теперь не вопросъ людей и матеріаловъ, а только вопросъ людей.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенный парадоксъ д-ра Ратенау превратился въ истину: Германія удерживаетъ все свое богатство въ собственныхъ предѣлахъ. Блокада имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что это богатство оказалось сконцентрированнымъ въ самой странѣ, гдѣ оно отъ правительства притекаетъ къ индустріи, отъ индустріи идетъ къ народу и отъ народа снова возвращается къ правительству. При окончаніи войны Германія не будетъ имѣть ни копейки иностраннаго долга, экономически она будетъ непоколеблена.

„Наоборотъ, Великобританія на всемъ протяженіи борьбы имѣла и имѣетъ къ своимъ услугамъ открытый внѣшній рынокъ и благодаря этому не въ состояніи предупредить своего неизбѣжнаго ослабленія, ибо она покупаетъ на внѣшнемъ рынкѣ на милліоны и сотни милліоновъ фунтовъ. Платить за пріобрѣтаемые ею товары Англія можетъ либо золотомъ, либо продуктами. Всего наличнаго золотого запаса Англіи едва ли хватило бы для покрытія ея 3-мѣс. счетовъ. Платить продуктами, какъ въ нормальное время, она могла бы только переведя всѣ свои фабрики и заводы на сверхурочныя работы спеціально для производства предметовъ мирнаго экспорта. Вмѣсто этого ея промышленныя предпріятія одно за другимъ отвлекаются отъ экспортнаго производства и превращаются въ военныя мастерскія, въ результатѣ чего торговый балансъ Великобританіи становится все болѣе неблагопріятнымъ. Соед. королевство выйдетъ изъ войны, отягощенное бременемъ огромныхъ долговъ за границей.

„Править морями“ оказывается, такимъ образомъ, весьма дорого стоящимъ преимуществомъ.

„Конечно и Германія надѣлаетъ массу долговъ за время борьбы. Но ея долги внутренніе, а это имѣетъ ту выгоду, что проценты по долгамъ будутъ тратиться въ самой странѣ: нѣмецкія деньги будутъ итти въ нѣмецкіе же карманы. И когда война закончится и возобновится мирная торговля, многіе уроки военнаго періода въ смыслѣ установленія независимости Германіи отъ иностраннаго сырья дадутъ несомнѣнно ея торговому балансу уклонъ въ благопріятную для нея сторону.

„Такова эта поистинѣ безпримѣрная исторія, это индустріальное чудо, эта изобрѣтательность, этотъ геній организаціи. Эта исторія объясняетъ паденіе Варшавы, наступленіе на востокѣ, непоколебимость на западѣ. И когда публика думаетъ въ настоящее время о Фалькенгайнѣ, Гинденбургѣ и Маккензенѣ, какъ о великихъ германскихъ воинахъ, она должна по праву ставить рядомъ съ этими именами еще одно имя, имя германскаго предпринимателя доктора Вальтера Ратенау“.

Я не знаю, всѣ ли факты, сообщаемые въ приведенной корреспонденціи американскимъ журналистомъ, соотвѣтствуютъ истинѣ. Слишкомъ явно проглядывающій германофильскій тонъ ея заставляетъ относиться къ излагаемымъ въ ней деталямъ и подробностямъ съ извѣстной осторожностью. Одно во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: американскій журналистъ совершенно правильно отмѣтилъ основной фактъ современной народнохозяйственной жизни Германіи—послѣдовательное внесеніе сознательно-организующаго начала въ стихійные процессы экономической дѣйствительности. Только такимъ путемъ нѣмецкой финансовой системѣ, нѣмецкой промышленности и нѣмецкой торговлѣ удалось избѣжать иначе неотвратимой катастрофы, только такимъ путемъ имъ удалось приспособиться къ исключительно-труднымъ условіямъ, въ которыхъ онѣ очутились почти съ перваго же момента войны.

II

Впрочемъ, это приспособленіе совершилось не сразу. Въ началѣ европейскій кризисъ вызвалъ страшное потрясеніе всей финансовой и экономической системы Германіи. Чего стоилъ одинъ перерывъ

почтовыхъ сношеній и закупорка желѣзнодорожнаго движенія! А вѣдь къ этому необходимо еще прибавить вліяніе цѣлаго ряда иныхъ, болѣе важныхъ факторовъ, рѣчь о которыхъ будетъ впереди. Внѣшнія проявленія хозяйственнаго потрясенія были въ Германіи тѣ же самыя, что и въ другихъ странахъ. Прежде всего вспрыгнулъ дисконтъ имперскаго банка съ 4 до $6^1/_2$% и начался штурмъ публикой банковъ и сберегательныхъ кассъ. Дѣйствительно, въ послѣднюю недѣлю іюля 1914 г. размѣръ вынутыхъ вкладовъ изъ имперскаго банка на 104 милліона марокъ превысилъ этотъ размѣръ за соотвѣтственный періодъ предыдущаго года. Одновременно сумма циркулирующихъ въ обращеніи бумажныхъ денегъ поднялась съ 1020 до 2910 милліоновъ марокъ, наличность вексельнаго портфеля имперскаго банка увеличилась на 133 милліона и сумма его залоговъ возросла на 152 милліона марокъ. Биржи были закрыты и начался рядъ банковскихъ и торговыхъ краховъ (напр., Pforzheimer Bankverein и др.), еще больше увеличившихъ всеобщую панику и смятеніе.

Въ сферѣ промышленности уже одна мобилизація, поставившая на ноги около 5 милліоновъ мужчинъ рабочаго возраста, означала собой глубокій параличъ. Такъ, по сообщенію „Reinisch-Westfälische-Zeitung", въ Рурскомъ районѣ было призвано около трети всего персонала мѣстныхъ шахтъ и чугуно-литейныхъ заводовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и размѣры производства угля сократились почти на 40%. По даннымъ „Frankfurter Zeitung", въ металлургической промышленности было взято на войну 40—50% рабочихъ, и притомъ по большей части лучшихъ рабочихъ. Аналогичная картина наблюдалась и въ другихъ отрасляхъ индустріи. Къ потерямъ, вызываемымъ мобилизаціей, прибавились вскорѣ еще горшія потери, обусловленныя британскимъ господствомъ на морѣ. Съ началомъ войны германскій флагъ совершенно исчезъ съ поверхности океановъ и весь торговый флотъ Германіи съ его быстроходными исполинами вродѣ „Imperator"'а, „Vaterland"'а и др. сразу разсѣялся, какъ дымъ: часть судовъ (до конца сентября около 400) съ общей водоизмѣстимостью до 900 тыс. тоннъ была переловлена англійскими крейсерами; другая, и притомъ большая, часть нашла свое убѣжище въ родныхъ или нейтральныхъ гаваняхъ. Экспортъ и импортъ по береговой линіи почти совершенно прекратился и, такъ какъ одновременно оказались закупоренными сухопутныя русская, французская и бельгійская границы, то мало-по-малу пріостановилась чуть не вся иностранная торговля Германіи, общій оборотъ

которой за 1913 г. достигъ громадной суммы въ 21 милліардъ марокъ. Особенно пострадали при этомъ отрасли промышленности, либо зависящія отъ импорта сырыхъ матеріаловъ, либо разсчитанныя на сбытъ своихъ продуктовъ за границей. Такова прежде всего была текстильная промышленность, живущая переработкой американскаго, египетскаго и индійскаго хлопка (въ 1913 г. ввезено сырья для нуждъ текстильнаго производства на 1500 м. мк.) и вывозящая свои продукты во всѣ концы земного шара (въ 1913 г. вывезено на 1100 мил. мк.). Далѣе чрезвычайно сильно затронуты были машиностроительная и игрушечная индустріи, производство музыкальныхъ инструментовъ, особенно роялей и піанино, производства электрическихъ аппаратовъ, химическихъ продуктовъ, и т. д. Всѣ эти отрасли были въ очень значительной степени разсчитаны на экспортъ и теперь естественно должно было тяжело расплачиваться за международныя осложненія. Дѣло не ограничилось, впрочемъ, однѣми экспортными индустріями. Въ строительной и деревообдѣлочной промышленностяхъ также разразился тяжелый кризисъ, въ книготорговлѣ наступилъ полный застой, знаменитая лейпцигская ярмарка была отмѣнена, той же участи подверглась и назначенная одновременно съ ней ярмарка обуви и кожаныхъ издѣлій. Мѣсяцы августъ и отчасти сентябрь 1914 г. останутся несомнѣнно навсегда глубоко памятными германской промышленности и торговлѣ: въ эти немногія недѣли онѣ подошли къ самому краю экономической пропасти и холодное дыханіе смерти пахнуло имъ оттуда въ лицо.

Катастрофы, однако, не произошло. Не произошло потому, что „капитаны" индустріи и банковъ не растерялись въ критическій моментъ, а наоборотъ, проявили много присутствія духа, дальновидности, иниціативы и поистинѣ желѣзной энергіи. Ихъ главнымъ и наиболѣе цѣннымъ созданіемъ явился такъ наз. Kriegsindustrieausschuss (Военно-промышленный комитетъ), мало-по-малу превратившійся въ тотъ всемогущій экономическій центръ, о которомъ съ такимъ восторгомъ повѣствуетъ выше цитированный американскій журналистъ. Остановимся на его организаціи и дѣятельности нѣсколько внимательнѣе.

Kriegsindustrieausschuss былъ образованъ 8 августа 1914 г., т.-е. спустя недѣлю послѣ начала войны, на особомъ собраніи верховныхъ представителей политической и экономической власти современной Германіи. На этомъ собраніи присутствовали члены Bundesrat'a (Союзнаго совѣта), имперскій министръ внутреннихъ

дѣлъ, главнѣйшіе заправилы банковскаго міра и делегаты обоихъ центральныхъ объединеній нѣмецкихъ предпринимателей „Zentralverband deutscher Industrieller“ (такъ наз. „тяжелая“ индустрія) и „Bund der Industriellen“ (по преимуществу производство готовыхъ товаровъ). Здѣсь былъ избранъ 24-членный комитетъ, въ составъ котораго вошли виднѣйшіе финансовые и индустріальные дѣятели, а также уполномоченные правительства. Какъ явствуетъ изъ выпущеннаго одновременно Kriegsausschuss'омъ воззванія, онъ ставилъ своей основной задачей „наиболѣе раціональнымъ образомъ собрать и организовать наличныя хозяйственныя силы“ въ цѣляхъ предупрежденія ихъ раздробленія и безполезной траты. Конкретизируя далѣе свои намѣренія, Комитетъ говорилъ: „Мы хотимъ обезпечить систематическое распредѣленіе рабочихъ и служащихъ какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Мы будемъ содѣйствовать доставкѣ занятія тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя пострадали отъ войны, передавая имъ заказы или части производительныхъ процессовъ отъ другихъ отраслей, заваленныхъ работой, и т. д.“ Уже 14 августа вышелъ первый номеръ офиціальнаго изданія комитета „Mitteilungen des Kriegsausschusses der deutschen Industrie, и вслѣдъ затѣмъ закипѣла лихорадочная работа.

Прежде всего, началось налаживаніе потрясенной военной бурей кредитной системы. Въ 99 мѣстахъ Германіи, вездѣ, гдѣ Reichsbank имѣетъ свои отдѣленія, были образованы особыя ссудныя кассы, получившія право выпускать 5 и 20 марковыя кредитки и выдавать ссуды въ размѣрѣ не ниже 100 марокъ подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ. Кассы эти разсчитаны были почти исключительно на помощь коммерсантамъ и индустріальнымъ предпринимателямъ. Далѣе, центральная прусская кооперативная касса, оперирующая обычно въ области сельскаго хозяйства, открыла теперь свои двери нуждающемуся въ кредитѣ ремесленному сословію, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Мюнхенѣ) возникли спеціальные „военно-кредитные банки“; сразу начавшіе въ широкихъ размѣрахъ операціи по поддержанію торговли и промышленности въ переживаемое трудное время.

Здѣсь нелишне будетъ, пожалуй, замѣтить, что успѣшность дѣятельности Военно-промышленнаго комитета въ финансовой области была въ немалой степени обусловлена наличностью въ рукахъ имперскаго банка большого металлическаго запаса, на созданіе котораго въ теченіе многихъ лѣтъ были направлены усилія его руково-

дителей. Въ самомъ дѣлѣ, въ іюлѣ 1914 г. имперскій банкъ имѣлъ въ своихъ кассахъ 1.253 милл. мк. золота. Такъ какъ сумма бумажныхъ денегъ, въ тотъ моментъ находившихся въ обращеніи, равнялась 2.910 милл. мк. и такъ какъ, по нѣмецкому закону, выпускъ банкнотовъ долженъ быть лишь на $^1/_3$ обезпеченъ золотой наличностью, то оказывается, такимъ образомъ, что имперскій банкъ къ началу войны далеко еще не использовалъ цѣликомъ своего права на выпускъ кредитныхъ билетовъ. Далѣе необходимо замѣтить, что въ послѣдующій періодъ золотой запасъ банка не только не уменьшился, но, наоборотъ, еще увеличился и 23 сентября достигалъ 1.717 милл. мк. Сверхъ того нелишне прибавить, что, кромѣ указанныхъ металлическихъ резервовъ, германское правительство имѣло въ своемъ распоряженіи еще около 400 милліоновъ марокъ золотомъ и серебромъ („военное сокровище“ башни въ Шпандау и др.), такъ что въ окончательномъ итогѣ его металлическій финансовый базисъ достигалъ примѣрно $2^1/_2$ милліардовъ марокъ, могущихъ служить покрытіемъ для $7^1/_2$ милліардовъ кредитныхъ бумажекъ. Принятыя мѣры оказались въ общемъ настолько удачными, что дисконтъ очень быстро упалъ до 5% и даже не было объявлено мораторіума. Германія была единственной изъ воюющихъ странъ, обошедшихся безъ этой легальной пріостановки платежей.

Далѣе наступила очередь промышленности. Прежде всего необходимо было позаботиться о сырыхъ матеріалахъ. Германія ввезла въ 1913 г. на 4 съ лишнимъ милліарда мк. различнаго сырья изъ-за границы, въ томъ числѣ на 607 милл. мк. хлопка, на 473 милл. шерсти, на 335 милл. мѣди, на 322 милл. необдѣланной кожи и т. д. Теперь большая часть этихъ продуктовъ оказывалась внѣ предѣловъ досягаемости (говорю большая часть, такъ какъ кое-что все-таки можно было получать изъ нейтральныхъ странъ). Необходимо было въ виду этого точно установить наличные запасы сырья и организовать ихъ экономное и раціональное потребленіе. Въ этихъ видахъ въ тѣхъ отрасляхъ индустріи, которымъ грозила опасность остаться безъ сырыхъ матеріаловъ, были созданы спеціальныя военно-акціонерныя общества (Kriegs-Aktiengesellschaften), — обычно бездивидендныя компаніи, составленныя ихъ крупнѣйшихъ предпріятій данной вѣтви производства. Эти военно-акціонерныя общества, работавшія, конечно, въ тѣсномъ контактѣ съ Kriegsindustrie-Ausschuss'омъ, получали право производить принудительныя переписи относящихся къ ихъ компетенціи продуктовъ, монопольно скупать и равномѣрно распредѣлять ихъ между отдѣльными фабри-

ками и заводами. Въ дальнѣйшемъ тѣ же военно-акціонерныя общества стали центрами для пріема заказовъ отъ правительства, которые они опять-таки стремились болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлить между своими членами. Сношенія индивидуальнаго предпринимателя съ заказчикомъ такимъ образомъ были прерваны. Число подобныхъ обществъ къ концу перваго года войны перевалило за 30, изъ ихъ числа назову нѣсколько наиболѣе важныхъ: „Kriegs-Metall-A.-G.“, „Kriegleder-A.-G.“, „Kriegswollbedarf-A.-G.“, „Rohbaumwoll-Abrechnungsstelle“, „Kautschuck-Abrechnungsstelle“, „Deutsche Rohhaut-A.-G.“ и др. По иниціативѣ этихъ компаній правительствомъ издавались различныя распоряженія, касающіяся регулированія потребленія сырья. Въ отрасляхъ индустріи, для которыхъ вопросъ о сырыхъ матеріалахъ не играетъ особенной роли, возникли иного рода учрежденія, служащія все той же цѣли организаціи производства, — такъ наз. Arbeitsgemeinschaften. Суть ихъ сводится къ слѣдующему: профессіональные союзы и объединенія работодателей въ соотвѣтственныхъ областяхъ промышленности образуютъ на основѣ равнаго представительства мѣстные, областные и центральный комитеты, главной задачей которыхъ является отысканіе заказовъ для интересующихъ ихъ предпріятій, распредѣленіе наличной работы между отдѣльными фабриками и заводами, наблюденіе за точнымъ соблюденіемъ во все время войны заключенныхъ раньше тарифныхъ договоровъ и т. д. Особенно широко распространены подобныя учрежденія въ деревообдѣлочной, портняжной, типографской и строительной промышленностяхъ. Въ послѣдней, напримѣръ, къ концу января 1915 г. насчитывалось свыше 200 мѣстныхъ комитетовъ, которые на ряду съ областными и центральнымъ успѣшно воздѣйствовали на муниципальныя и административныя власти въ цѣляхъ неукоснительнаго продолженія работъ, рѣшенныхъ еще въ мирное время общественными и государственными учрежденіями, добивались у банковъ льготныхъ условій кредита для лицъ, желающихъ строить дома и т. д. Въ результатѣ почти вся германская промышленность оказалась скованной стальной цѣпью организаціи, напоминающей по своему строенію пирамидальнообразное зданіе: военно-акціонерныя общества являлись массивными колоннами, увѣнчанными остроконечной верхушкой — центральнымъ военно-промышленнымъ комитетомъ. Поразительно, съ какой быстротой создалась эта грандіозная индустріальная машина, — всего въ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ. И если тѣмъ не менѣе она стала непреложнымъ фактомъ дѣйствительности, то это объ-

ясняется всей предыдущей подготовкой германской промышленности: ея навыками и традиціями (картели, тресты, предпринимательскіе союзы здѣсь еще до войны достигли колоссальнаго развитія), ея десятилѣтіями выработанной дисциплиной, ея профессіональной сплоченностью, ея глубоко вкоренившимся сознаніемъ цѣнности принципа объединенія [1]).

III

Однако даже самая совершенная организація индустріи не въ состояніи все-таки превратить наличные запасы сырья въ какой-то неразмѣнный рубль. Сырье тратится (а въ обстановкѣ военнаго времени тратится въ исключительно громадныхъ размѣрахъ) и, въ концѣ-концовъ, его приходится возобновлять. Какъ я уже указывалъ выше, кое-что можно было, несмотря на англійскую блокаду, получать изъ-за границы, напр., лѣсъ и желѣзную руду изъ Швеціи, хлопокъ изъ Америки (черезъ нейтральныя страны), масла изъ Италіи и т. д. Съ очищеніемъ русскими Галиціи къ тевтонскимъ монархіямъ снова вернулись нефтяные источники восточной Австріи, что разрѣшило сильно обострившійся зимой 1914/15 гг. „петрольный кризисъ". Послѣ разгрома Сербіи и установленія прямого пути Берлинъ—Константинополь желѣзное кольцо блокады было прорвано, и Германія получила возможность импортировать съ Ближняго Вос-

---

[1]) Конечно, было бы наивно воображать, будто бы нѣмецкіе предприниматели люди совсѣмъ особенной породы, среди которыхъ вмѣсто взаимной истребительной конкуренціи господствуетъ одно лишь дружеское взаимное сотрудничество. О нѣтъ, нѣмецкіе предприниматели — типичные предприниматели со всѣми характерными чертами, свойственными этой разновидности homo sapiens. Война не помѣшала углепромышленникамъ объявить о прекращеніи знаменитаго „Reinisch-Westfalisches Kohlensyndikat" съ 1 января 1916 г., и только угроза правительства ввести синдикатъ принудительнымъ путемъ заставила шахтовладѣльцевъ пойти на уступки и временно продолжить существованіе своего объединенія. Точно также стальной синдикатъ (Stahlwerkverband) сейчасъ стоитъ наканунѣ своего распада или... трансформаціи въ организацію, ближе подходящую по своему типу къ американскимъ трестамъ. Въ общемъ и цѣломъ однако всѣ выгоды принципа объединенія прекрасно сознаются германскими капиталистическими кругами, и это обстоятельство несомнѣнно обезпечиваетъ возможность успѣшнаго функціонированія описаннаго военно-индустріальнаго аппарата.

тока значительныя количества шерсти, хлопка, конопли и т. п.[1]), отчего естественно выиграла текстильная промышленность. Но какъ бы то ни было, всѣ эти и еще нѣкоторые иные источники добыванія сырыхъ матеріаловъ, которые нѣмецкая индустрія, конечно, постаралась использовать въ максимальныхъ размѣрахъ, имѣли одинъ крупный недостатокъ: они были очень ненадежны. Какой-нибудь поворотъ военной фортуны, какая-нибудь дипломатическая или политическая неудача, — и положеніе дѣлъ сразу мѣнялось до неузнаваемости; ожидаемые продукты не могли притти, еще вчера, казалось, близкіе источники становились внезапно далекими и недоступными. Для того, чтобы поставить снабженіе германской промышленности сырьемъ на твердую почву, необходимо было, очевидно, ограничиться въ своихъ расчетахъ и построеніяхъ только тѣмъ, что имѣлось дома, т.-е. въ предѣлахъ союзныхъ тевтонскихъ монархій. И такъ какъ многаго безусловно нужнаго дома все-таки не оказывалось, то вмѣсто недостающаго приходилось выдумывать какіе-либо суррогаты. Были „мобилизованы“ техника и наука, и результаты ихъ активности на протяженіи войны составятъ несомнѣнно одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ исторіи прикладного знанія. Приведу нѣсколько любопытныхъ примѣровъ.

Недостатокъ керосина повелъ къ переходу многихъ небольшихъ городовъ и особенно селъ и деревень на электрическое освѣщеніе. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ увеличеніе спроса на провода. А такъ какъ мѣдь въ настоящее время въ Германіи цѣнится если не на вѣсъ золота, то во всякомъ случаѣ на вѣсъ серебра, то нѣмецкіе электро-техники предприняли цѣлый рядъ опытовъ для отысканія какого-либо подходящаго суррогата[2]). Таковой, въ концѣ-концовъ, и нашелся въ лицѣ никкелированнаго мягкаго желѣза, успѣшно выполняющаго функцію проводника электрическаго тока. Но такъ какъ каучукъ нынѣ въ Германіи представляетъ тоже большую рѣдкость, то резиновые изоляторы теперь повсюду (и съ неменьшимъ успѣхомъ) замѣняются изоляторами изъ бумаги. Разсказанный случай не единственный. Недостатокъ кожи повелъ къ замѣнѣ кожаныхъ приводовъ на фабрикахъ приводами изъ очень

---

[1]) См. H. Cunow, Die durchlöcherte Blockade. „Neue Zeit“, № 11 отъ 10 дек. 1915.

[2]) Въ виду недостатка мѣди въ странѣ и крайней важности ея для военныхъ цѣлей всѣ наличные запасы даннаго металла въ январѣ 1915 г. были секвестрованы государствомъ.

гибкой стали, которые, какъ показалъ опытъ, служатъ лучше и продолжительнѣе, чѣмъ раньше употреблявшіеся. Техническія масла стали приготовляться изъ касторки, изъ нея же химическимъ путемъ начали добываться твердые жиры. Въ свою очередь для полученія касторки стали разводить въ широкихъ размѣрахъ соотвѣтственное растеніе, которое можетъ легко произрастать въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ Германіи. Машинное масло получали изъ рыбьяго жира. Истощеніе запасовъ бензина повело къ замѣнѣ его въ автомобиляхъ, моторахъ и т. д. спиртомъ, и такъ какъ картофель, изъ котораго обычно добывается спиртъ, приходилось также беречь для ѣды, то спиртъ начали получать путемъ перегонки сахара, котораго въ странѣ имѣется въ изобиліи. Въ виду прекращенія подвоза чилійской селитры (въ 1913 г. было импортировано на 172 милл. мк.) были открыты новые фабричные способы полученія азота, столь необходимаго для земледѣлія и приготовленія взрывчатыхъ веществъ, изъ воздуха. Государство выстроило для этой цѣли нѣсколько большихъ заводовъ и взяло монополію на 7 лѣтъ на добываніе этого важного продукта. Очень много хлопотъ германскимъ техникамъ доставила текстильная промышленность. За недостаткомъ шерсти и хлопка они ухитрились найти способы производства такихъ предметовъ, какъ теплое платье, чулки, постельное бѣлье, вата и т. д. изъ... самой обыкновенной бумаги (напр., старыхъ газетъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ были произведены довольно удачные опыты въ области замѣны индійскаго джута нѣкоторыми домашними растеніями (хмелемъ, дрокомъ и др.). Я могъ бы еще очень долго продолжать свое перечисленіе, ибо, повторяю, время войны явилось въ Германіи эпохой поразительныхъ завоеваній прикладной науки почти во всѣхъ отрасляхъ производства, завоеваній, многія изъ которыхъ несомнѣнно останутся жить и съ наступленіемъ мирнаго періода,—думаю однако, что и вышеприведеннаго совершенно достаточно. И если все это стало возможнымъ, то и тутъ опять-таки лишь благодаря тщательной подготовкѣ на протяженіи многолѣтняго прошлаго. Вотъ когда Германія вполнѣ ощутила неизмѣримое значеніе ея планомѣрно проведенной системы широкаго народнаго образованія, вотъ когда она конкретно поняла цѣнность сотенъ милліоновъ, пошедшихъ на развитіе высшихъ учебныхъ заведеній, на созданіе науки, на формированіе огромныхъ кадровъ знающихъ химиковъ, инженеровъ, архитекторовъ и другихъ спеціалистовъ всякаго рода! Въ трудную годину войны эти сотни милліоновъ сторицей окупились.

На ряду съ „мобилизаціей“ техники и науки шла энергичная „мобилизація“ фабрикъ и заводовъ. Съ началомъ блокады германская промышленность потеряла свыше $^2/_3$ своего экспорта, и оставшіяся такимъ образомъ безъ дѣла предпріятія и машины стали искать себѣ компенсаціи въ другихъ областяхъ: отчасти въ производствѣ продуктовъ, которые до сихъ поръ ввозились изъ-за границы и теперь естественно исчезли съ нѣмецкаго рынка,—главнымъ же образомъ однако въ обслуживаніи многоразличныхъ потребностей, созданныхъ войной. Но это требовало значительныхъ, подчасъ даже очень крупныхъ техническихъ перестроекъ и нововведеній. И, быть-можетъ, ничто не свидѣтельствуетъ о необыкновенной жизнеспособности нѣмецкой индустріи такъ ярко, какъ та поразительная легкость, съ какой различные фабрики и заводы, порой цѣлыя отрасли промышленности переходили подъ вліяніемъ войны отъ своего привычнаго „мирнаго дѣла“ къ совершенно новымъ работамъ и занятіямъ, вызваннымъ исключительностью переживаемаго момента. Вотъ, напримѣръ, металлическая индустрія Берлина. Какъ рѣзко измѣнилась ея физіономія за время войны! Въ самомъ дѣлѣ, одинъ крупный заводъ с.-х. орудій сейчасъ строитъ вагоны Краснаго Креста, а нѣсколько фабрикъ, изготовлявшихъ раньше подъемныя машины, дѣлаютъ полевыя кухни для солдатъ. Знаменитая компанія „A. E. G.“ вмѣсто динамо-машинъ фабрикуетъ снаряды, металлическія пуговицы и т. п. „Сименсъ-Шуккертъ“ производитъ телеграфные и телефонные аппараты для фронта. Предпріятія, поставлявшія до войны пишущія машины, велосипеды и металлическую мебель, теперь перешли къ производству пуговицъ, металлическихъ бутылокъ, замковъ и т. д. Одна фабрика швейныхъ машинъ изготовляетъ шрапнель, другая фабрика фотографическихъ аппаратовъ точитъ гранаты. Крупныя фабрики лампъ дѣлаютъ шлемы, снаряды и полевыя фляги. Мастерскія ваннъ занимаются изготовленіемъ ящиковъ для перевязочныхъ матеріаловъ и клозетовъ для лагерей плѣнныхъ. Одна фабрика фонографовъ производитъ сейчасъ коробки для консервовъ, многіе машиностроительные заводы, — аэропланы, фабрики кассъ и денежныхъ шкаповъ—разрывныя ядра и т. п.

Этотъ своеобразный процессъ профессіональнаго перерожденія не ограничивается, однако, одной лишь металлической индустріей. То же самое наблюдается и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Такъ, мастерскія портфелей теперь фабрикуютъ патронташи, сѣдла, водонепроницаемые мѣшки для поенія лошадей и т. д. Мебельныя фабрики изготовляютъ ранцы, фабрики роялей — ящики для патро-

новъ, фабрики ковровъ — шерстяныя одѣяла, шелковыя фабрики Крефельда матеріи для палатокъ, плюшевыя фабрики Хемница — грубое, парусное „полотно“, фабрики электрическихъ лампочекъ — патронныя гильзы, химическія фабрики — кофейные препараты и прессованные консервы и т. д. Перемѣна декорацій поистинѣ безпримѣрная, совершившаяся притомъ въ кратчайшій срокъ (нѣсколько мѣсяцевъ) и въ самый разгаръ кровопролитной борьбы на западѣ и на востокѣ. Кто знакомъ съ областью техники, тотъ понимаетъ, что подобная перестройка фронта дѣло далеко не простое и требуетъ отъ „капитановъ“ индустріи совершенно незаурядной ловкости и умѣнья. И если данныя качества у нихъ дѣйствительно оказались, то это объяснялось прежде всего молодостью и энергіей германской промышленности, привыкшей всегда до сихъ поръ отвоевывать себѣ каждый шагъ впередъ въ борьбѣ съ иностраннымъ, особенно англійскимъ капиталомъ. Эта въ послѣдніе годы все растущая конкуренція развила въ нѣмецкой индустріи сильный духъ предпріимчивости, гибкость и приспособляемость ко всякимъ условіямъ. У нея нынѣ не стояли, такимъ образомъ, на пути ни окостенѣвшія традиціи прошлаго, ни недостатокъ опыта, ни внѣшнія „независящія“ препятствія.

Наконецъ, при перечисленіи тѣхъ многочисленныхъ „мобилизацій“, которыя за время войны пережила область германской промышленности, необходимо упомянуть еще о „мобилизаціи“ труда. Призывъ подъ знамена оторвалъ отъ станка милліоны пролетаріевъ — судя по даннымъ профессіональныхъ союзовъ, къ серединѣ 1915 г. до половины всего наличнаго числа рабочихъ [1]). И, хотя въ силу прекращенія экспорта, размѣры производства по сравненію съ мирнымъ временемъ значительно сократились, однако все-таки столь громадный отливъ рабочихъ рукъ, особенно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ индустріи (напр., кожаной, металлической и др.), далъ себя очень болѣзненно почувствовать. Вѣдѣ пытались помочь прежде всего путемъ широкаго привлеченія женщинъ къ промышленности, а затѣмъ при помощи болѣе раціональнаго распредѣленія остающихся мужчинъ между различными предпріятіями [2]). Въ этихъ

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. главу „Профессіональное и кооперативное движеніе во время войны“.

[2]) Послѣ оккупированія Варшавы нѣмецкія власти пытались двинуть въ Германію потокъ польскихъ безработныхъ рабочихъ, для чего ими выпускались даже спеціальныя воззванія, однако всѣ эти усилія, повидимому, не имѣли большого успѣха.

видахъ между прочимъ Bundesrat уже въ августѣ 1914 г. издалъ постановленіе объ учрежденіи общеимперскаго центра, объединяющаго всѣ существующія въ странѣ биржи труда и посредническія конторы и вносящаго въ ихъ дѣятельность извѣстныя планомѣрность и порядокъ,—мѣра, на которую правительство не могла подвинуть многолѣтняя агитація с.-д. и которая теперь была проведена однимъ росчеркомъ пера. Распредѣленіе рабочихъ рукъ включало въ себя и приспособленіе ихъ къ новымъ условіямъ производства, созданнымъ трансформаціей германской промышленности. Десяткамъ и сотнямъ тысячамъ пролетаріевъ, привыкшихъ къ опредѣленной работѣ, пришлось теперь внезапно переучиваться, такъ какъ ихъ фабрики и заводы подъ вліяніемъ обстоятельствъ военнаго времени перешли къ изготовленію совершенно новыхъ товаровъ, о которыхъ раньше они никогда не думали. Токари по дереву должны были стать токарями по металлу, каменщики—малярами, столяры—плотниками и т. д. Это тоже очень нелегкая задача даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, но и она была все-таки благополучно разрѣшена. Профессіональные союзы, союзы предпринимателей, муниципалитеты, техническія школы, всевозможныя культурныя учрежденія спѣшно открывали повсюду вечерніе курсы для облегченія выучки, необходимой при переходѣ ихъ изъ одной профессіи въ другую. Но не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что всѣ эти усилія не принесли бы и половины своихъ результатовъ, если бы они не встрѣтили чрезвычайно подходящей почвы въ самомъ человѣческомъ матеріалѣ, на который они стремились воздѣйствовать. Только высокая интеллигентность германскаго рабочаго, интеллигентность, воспитанная школой, участіемъ въ широкой политической жизни, дѣятельностью въ с.-д. партіи, профессіональныхъ, кооперативныхъ, страховыхъ и всякихъ иныхъ организаціяхъ, сдѣлала мыслимой его столь быстрое и легкое приспособленіе къ рѣзко измѣнившимся условіямъ труда и тѣмъ самымъ обезпечила имперіи Гогенцоллерновъ возможность могущественнаго экономическаго и военнаго сопротивленія.

Всѣ описанныя мѣры не замедлили оказать свое вліяніе. Острый кризисъ, вызванный военной грозой, продолжался лишь около мѣсяца—въ августѣ 1914 г. (вспомнимъ, что число безработныхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ въ этотъ періодъ доходило до 21,3%). Съ сентября началось улучшеніе, которое въ дальнѣйшемъ перешло въ удовлетворительный, а затѣмъ и очень бойкій ходъ дѣлъ—правда, не во всѣхъ отрасляхъ промышленности, но все-таки

въ цѣломъ рядѣ и притомъ въ цѣломъ рядѣ достаточно важныхъ. Здѣсь сказывалось уже несомнѣнно вліяніе организующей дѣятельности военно-промышленнаго комитета и связанныхъ съ нимъ учрежденій. Мало-по-малу положеніе настолько поправилось, что руководящіе круги буржуазіи стали даже подумывать о возобновленіи своихъ торговыхъ сношеній съ другими странами. Что именно дѣлалось и дѣлается въ данной области, мы, вѣроятно, узнаемъ только послѣ войны, ибо сейчасъ все здѣсь окутано покрываломъ глубокой таинственности: официальная статистика внѣшней торговли съ августа 1914 г. правительствомъ не публикуется, а непосредственно заинтересованныя лица и фирмы по вполнѣ понятнымъ причинамъ стараются держать языкъ за зубами. Есть однако много основаній полагать, что коммерческія сношенія Германіи съ за границей даже въ настоящее время значительно оживленнѣе, чѣмъ это обычно себѣ представляютъ. Во-первыхъ, для нея остаются открытыми многія союзныя и нейтральныя страны, какъ Австро-Венгрія, Голландія, Бельгія, Швейцарія, Данія, Швеція, Норвегія, Балканскія государства и Турція. Въ особенности съ прорывомъ къ Константинополю въ сферу нѣмецкой торговли попадаетъ весь ближне-восточный рынокъ. Въ 1913 г. германскій экспортъ въ названныя страны составлялъ—38,4% (3.873 м. мк.), германскій импортъ оттуда—22,4% (2.415 м. мк.) всего импорта. Это достаточно серьезныя величины. Но кромѣ того не подлежитъ сомнѣнію, что Германія ведетъ торговлю и съ различными заокеанскими странами, прежде всего съ Соед. Штатами. На это указываютъ нѣкоторыя любопытныя данныя американской торговой статистики [1]), на это указываетъ фактъ образованія въ августѣ 1915 г. въ Бременѣ спеціальной компаніи по контрабандному импорту

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя любопытныя цифры, подтверждающія это мнѣніе. За первые десять мѣсяцевъ 1913 и 1915 гг. было экспортировано изъ Соед. Штатовъ (сводка „Morning. Post“ отъ 18 янв. 1916 г).

	1913 г.	1915 г.	
Пшеницы.			
Въ Германію	12.000.000	15.000	бушелей.
„ нейтральн. европ. страны	19.000.000	50.000.000	„
Маиса.			
Въ Германію	6.000.000	15.000	„
„ Данію	4.750.000	10.950.000	„
„ Голландію	6.900.000	11.600.000	„
„ др. нейтр. страны	2.100.000	6.400.000	„
Всего въ нейтральн. страны	13.750.000	28.950.000	„

хлопка съ капиталомъ въ 4 мил. мк., объ этомъ, повидимому, уже неоднократно шли разговоры на засѣданіяхъ Kriegs Industrieausschuss'a По крайней мѣрѣ, въ № „Frankfurter-Zeitung“ отъ 22 сентября 1915 г. я нашелъ отчетъ о докладѣ руководителя „отдѣленія внѣшней торговли“ при этомъ комитетѣ, послѣ котораго комитетомъ была принята резолюція, выражающая полное удовлетвореніе достигнутыми результатами.

IV

Катастрофы не произошло, но это не значитъ, конечно, что экономическій механизмъ Германіи не почувствовалъ на себѣ тяжелыхъ ударовъ войны. Всей энергіи, умѣлости и организованности націи хватило на то, чтобы въ критической обстановкѣ мірового конфликта предупредить крушеніе хозяйственной машины страны (не будь этого, крушеніе несомнѣнно произошло бы), но чудесъ не умѣютъ дѣлать, конечно, и нѣмцы. И потому нисколько неудиви-

---

Муки.			
Въ Германію	140.000	—	боченк.
„ нейтр. страны	1.417.000	5.100.000	„
Ветчины.			
„ Германію	1.100.000	273.000	фунтовъ.
„ нейтр. страны	30.900.000	91.500.000	„
Башмаковъ.			
Въ Германію	471.000	—	паръ.
„ нейтр. страны	462.000	4.800.000	„
Хлопка.			
Въ Германію	1.700.000	194.000	балловъ.
„ нейтр. страны	53.000	1.100.000	„
Автомобилей.			
Въ Германію на	775.000	2.800	доллар.
„ нейтр. страны на	1.300.000	20.000.000	„

Колоссальный ростъ экспорта въ маленькія нейтральныя страны, окружающія Германію (Голландію, Данію, Швецію, Норвегію), не подлежитъ, такимъ образомъ, оспариванію, притомъ экспорта продуктовъ, въ которыхъ какъ разъ особенно нуждается имперія Гогенцоллерновъ. Если даже допустить, что въ силу нарушенія прежде сложившихся коммерческихъ отношеній сами нейтральныя государства для своихъ потребностей вынуждены были нынче увеличить свой импортъ изъ Америки, все-таки едва ли можно сомнѣваться, что большая часть полученныхъ ими изъ Соед. Штатовъ товаровъ была транспортирована затѣмъ въ Германію.

тельно, что, знакомясь съ конкретнымъ положеніемъ нѣмецкихъ банковъ и германской промышленности, мы то-и-дѣло натыкаемся на явственные слѣды переживаемаго нами исключительнаго времени.

Возьмемъ, напр., финансовую область. Вотъ данныя отчета Имперскаго банка (Reichsbank) за 1914 г. Общій оборотъ его за этотъ годъ составилъ 522 милліарда марокъ противъ 423 милліардовъ въ 1913 г., чистая прибыль 67 милліоновъ противъ 50, дивидендъ 10,24% противъ 8,43%. Металлическіе резервы банка въ 1914 г. равнялись въ среднемъ 1.716 милліонамъ марокъ противъ 1.350 милліоновъ въ 1913 г. Замѣчателенъ быстрый ростъ золотыхъ запасовъ уже въ періодъ войны: 31 іюля (по новому стилю) 1914 г. они достигали 1.253 мил. марокъ, 31 декабря—2.092[1]). Правда, одновременно сильно увеличилось число выпущенныхъ государствомъ кредитныхъ билетовъ. Однако законъ о покрытіи суммы находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ на $^1/_3$ золотой наличности продолжаетъ строго соблюдаться. Средняя высота дисконта Имперскаго банка въ 1914 г. равнялась 4,9% для векселей и 5,9% для ломбардныхъ ссудъ противъ 5,9% и 6,9% въ 1913 г.

Если отъ Имперскаго банка мы обратимся къ крупнѣйшимъ частнымъ банкамъ, то увидимъ слѣд. картину. Балансъ за 1914 г. равнялся:

	Акціонер. капиталъ.	Чистая прибыль.		Дивидендъ въ %.	
	(милліоны марокъ).				
		1914 г.	1913 г.	1914 г.	1913 г.
Disconto-Gesellschaft	300	20,9	24,5	8	10
Deutsche Bank	250	37,4	32,7	10	12
Dresdener Bank	200	23,8	26,0	6	8,5
Darmstädter Bank	160	6,9	10,7	4	6,5
Brl. Handelsgesellschaft	110	10,1	11,5	5	8,5
Nationalbank	90	8,0	7,0	—	6,5
Kommerz und Discontobank	85	5,7	6,6	4,5	6,0
Mitteldeutsche Kreditbank	60	8,8	8,9	5,5	6,5 [2])

---

[1]) Золотой запасъ Имперскаго банка въ дальнѣйшемъ измѣнялся слѣд. образомъ: январь 1915 г.—2.164, февраль—2.270, мартъ—2.337, апрѣль—2.369, май—2.379, іюнь—2.388, іюль—2.394 милл. мк. Къ концу перваго года войны было въ обращеніи около $5^1/_2$ милліардовъ бумажекъ.

[2]) „Vorwärts“ отъ 31 марта 1915 г. Судя по предварительнымъ свѣдѣніямъ „Frankfurter Ztg“, перечисленные банки въ 1915 г. выдадутъ приблизительно тѣ же дивиденды, что и въ 1914 г. Только „Brl. Handelsgesellschaft“ предполагаетъ на этотъ разъ повысить процентъ съ 5 до 6, да „Nationalbank“ разсчитываетъ оказаться въ состояніи выплатить хоть какой-нибудь дивидендъ (въ 1914 г.—0).

Изъ приведенной таблицы ясно, что всѣ перечисленные банки за исключеніемъ „Deutsche Bank“, понесли въ минувшемъ году извѣстныя потери и въ соотвѣтствіи съ этимъ понизили свои дивиденды („Nationalbank“ оказался не въ состояніи уплатить акціонерамъ даже ни. копейки, что, впрочемъ, объясняется не столько вліяніемъ войны, сколько господствовавшими въ немъ еще раньше непорядками управленія). Однако, принимая во вниманіе ненормальныя условія времени, а также крупныя „списыванія“ въ резервный и всякіе иные фонды можно утверждать, что подобно „Reichsbank“'у и крупнѣйшія частныя кредитныя учрежденія въ общемъ благополучно справились съ грозившими имъ опасностями. Очень многозначительно, что, несмотря на войну, довѣріе публики къ нимъ нисколько не уменьшилось: сумма вкладовъ въ восьми перечисленныхъ банкахъ въ концѣ 1914 г. достигала 2.024 милліоновъ марокъ противъ 1.955 милліоновъ въ концѣ 1913 г.

Перейдемъ къ сферѣ промышленности. Вотъ, напр., угольное дѣло. Въ первыя недѣли войны добываніе чернаго топлива въ важнѣйшемъ горнопромышленномъ районѣ имперіи—Рурскомъ бассейнѣ, сократилось болѣе чѣмъ на половину. Въ дальнѣйшемъ однако ситуація начала постепенно улучшаться. Въ самомъ дѣлѣ, вплоть до іюля 1914 года мѣсячная добыча угля въ названномъ районѣ колебалась между 7.911 и 8.855 тысячъ тоннъ, въ августѣ она сразу упала до 3.263 тысячъ, послѣдующія же колебанія добычи представляли слѣдующую картину: сентябрь—5.510, октябрь—6.642, ноябрь—5.753, декабрь—5.661 тысячъ тоннъ. Общая добыча угля за 1914 г. упала до 85 милліоновъ тоннъ противъ 102 милліоновъ въ 1913 г., или на 17%. Впрочемъ, для того, чтобы точнѣе судить о вліяніи войны на данную отрасль промышленности, необходимо брать цифры производства не en bloc за весь годъ, а по періодамъ: за первые 7 мѣсяцевъ (до войны) и за послѣдніе 5 мѣсяцевъ (время войны). Тогда получимъ:

	1913 г.	1914 г.	
Январь—іюль	60,2 мил. т.	56,8 мил. т.	— 5%
Августъ—декабрь	41,8 „ „	28,2 „ „	— 32%

Какъ видимъ, въ первый періодъ размѣръ добыванія угля въ Рурскомъ районѣ въ 1914 г. сократился по сравненію съ предыдущимъ годомъ всего лишь на 5%, что объяснялось главнымъ образомъ приближеніемъ эпохи экономическаго кризиса. Наоборотъ, во второмъ періодѣ добываніе сразу упало почти на цѣлую треть.

Если брать не одинъ только Рурскій районъ, а всю Германію въ цѣломъ, то окажется, что общая добыча каменнаго угля въ 1914 г. достигла 162 милл. тоннъ противъ 192 милл. тоннъ въ 1913 г., или на 16% меньше. Бураго угля было добыто въ 1914 г. 84 милл. т. противъ 87 милл. т. въ 1913 г.—сокращеніе на 3,6%.

Производство кокса также упало съ 32,2 милліоновъ тоннъ въ 1913 г. до 27,3 милл. въ 1914 г., наоборотъ производство брикетовъ увеличилось съ 27,2 до 27,4 милліоновъ тоннъ[1]). Главными причинами ослабленія дѣятельности въ угольной промышленности являлись, съ одной стороны, почти полная пріостановка экспорта чернаго топлива за границу, а съ другой, недостатокъ рабочихъ рукъ и, въ особенности, недостатокъ средствъ перевозки. Обычно въ Рурской области ежедневно грузятся углемъ 30—32 тыс. вагоновъ. Между тѣмъ, напр., въ августѣ 1914 г. желѣзныя дороги могли предоставить въ распоряженіе шахтъ всего лишь 14 тыс., въ сентябрѣ 21—22 и даже въ ноябрѣ только 24—25 тыс. вагоновъ въ день.

Приблизительно та же картина наблюдалась и въ 1915 г. Дѣйствительно, добываніе каменнаго угля въ Рурской области, по мѣсячнымъ отчетамъ „Рейнско-Вестфальскаго угольнаго синдиката“ составляло (въ тыс. тоннъ):

	1915	1914
Январь	5.934	8.317
Февраль	5.829	7.621
Мартъ	6.368	8.123
Апрѣль	5.751	7.913
Май	5.827	8.404
Іюнь	6.038	7.911
	35.747	48.289

Какъ видимъ, за первые 6 мѣс. 1915 г. паденіе производительности достигаетъ 26%, и въ общемъ это положеніе остается въ силѣ и въ дальнѣйшемъ[2]).

Не иначе и въ сферѣ металлургической промышленности. Производство чугуна въ 1914 г. составило 14,4 мил. тоннъ противъ 19,3 мил. въ 1913 г., или на 25%, а если брать для сравненія

---

[1]) „Die Konjunktur“, № 32—33 отъ 13 мая 1915 г.

[2]) Дѣйствительно, размѣръ добычи равнялся:

въ іюлѣ 1915 г. — 6.567 тыс. т. въ сентябрѣ—6.332 т. т.
„ августѣ „ — 6.331 „ „ „ октябрѣ —6.467 „ „

только послѣдній 5-мѣсячный періодъ обоихъ годовъ, то и на цѣлыхъ 56% (3,5 милл. т. вмѣсто 8) меньше.

Въ 1915 г. ситуація нѣсколько поправилась, но не очень значительно. Выплавка чугуна равнялась (въ тыс. тоннъ):

	1915	1914
въ январѣ	874	1566
„ февралѣ	804	1446
„ мартѣ	938	1808
„ апрѣлѣ	939	1534
„ маѣ	986	1607
„ іюнѣ	993	1531
	5.534	9.287

Уменьшеніе за указанный періодъ на 40%, не выравнявшееся до самаго конца 1915 года (іюль—1.048, августъ—1051, сентябрь—1034, октябрь—1076, ноябрь—1019 тыс. т.).

Аналогичный процессъ наблюдается и въ сферѣ производства стали. Въ 1914 г. ежедневная отправка стали Stahlwerkverband'омъ колебалась въ среднемъ слѣд. образомъ:

январь	17.507 тоннъ	іюль	17.423 тоннъ
февраль	20.122 „	августъ	3.653 „
мартъ	21.599 „	сентябрь	9.431 „
апрѣль	21.352 „	октябрь	10.391 „
май	22.115 „	ноябрь	10.254 „
іюнь	22.606 „	декабрь	10.728 „

Въ 1915 г. ежедневная отправка колебалась между 10.201 тоннами въ январѣ и 12.305 въ іюнѣ, достигнувъ максимума въ мартѣ—13.021 т. Въ общемъ за первую половину 1915 г. размѣры средней ежедневной отправки упали на 43% по сравненію съ соотвѣтственнымъ періодомъ предыдущаго года [1]).

---

[1]) Различныя отрасли стального производства пострадали, конечно, неодинаково, какъ видно изъ слѣд. цифръ. Мѣсячная отправка (въ тыс. тоннъ) равнялась:

	Полуфабрикаты.		Жел.-дор. матеріалы.		Формовое желѣзо.		Вмѣстѣ.	
	1915	1914	1915	1914	1915	1914	1915	1914
въ январѣ	52	143	152	211	51	101	255	455
„ февралѣ	66	134	140	215	60	134	266	483
„ мартѣ	87	153	160	206	104	201	351	562
„ апрѣлѣ	80	134	132	199	94	179	306	512
„ маѣ	62	131	142	231	84	190	288	553
„ іюнѣ	78	131	155	252	86	182	319	565
	425 (—48%)	826	881 (—33%)	1314	479 (—51%)	987	1.785 (—43%)	3.130

Угольная и желѣзодѣлательная индустріи являются основными отраслями промышленности, по состоянію которыхъ можно судить и обо всѣхъ остальныхъ. Однако въ интересахъ большей полноты картины остановимся еще нѣсколько внимательнѣе на текстильномъ производствѣ, занимавшемъ передъ войной громадную армію въ 950.000 человѣкъ. Существованіе этой индустріи зависитъ почти цѣликомъ отъ за границы, такъ какъ, съ одной стороны, она получаетъ оттуда чуть не весь необходимый ей сырой матеріалъ (хлопокъ, шерсть, джутъ и пр.), съ другой—очень значительная часть изготовляемыхъ ею продуктовъ предназначается для вывоза въ Россію, Англію, Южную Америку и различныя иныя страны. Война на первыхъ порахъ вызвала въ текстильной промышленности настоящую панику и повела къ закрытію въ теченіе августа 1914 г., по меньшей мѣрѣ, 2.000 предпріятій изъ общаго количества 11.243. Десятки тысячъ рабочихъ были выброшены на улицу („Союзъ текстильныхъ рабочихъ" насчитывалъ въ это время 30.000 безработныхъ, т.-е. около одной трети всего своего состава). Ближайшее будущее индустріи рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Дѣйствительность, однако, готовила неожиданный сюрпризъ для пессимистовъ. Во-первыхъ, очень скоро выяснилось, что въ Германіи имѣется въ наличности около 700 тысячъ „балловъ" (тюковъ по 450 ф. вѣсомъ каждый) хлопка, т.-е. нѣсколько больше трети ея нормальнаго годового потребленія; далѣе, громадные запасы хлопка были найдены въ Антверпенѣ и отчасти Лиллѣ; значительные запасы доставлены изъ Америки уже во время войны. Точно такъ же импортъ шерсти изъ нейтральныхъ и отчасти даже враждебныхъ странъ въ Германію въ теченіе всей зимы не прекращался, въ общемъ покрывая нужды производства. Вопросъ о сырыхъ матеріалахъ былъ разрѣшенъ такимъ образомъ болѣе благополучно, чѣмъ это можно было ожидать. Не менѣе благопріятно сложились обстоятельства и въ области сбыта. Иностранный рынокъ текстильной промышленностью, правда, былъ въ большей части своей потерянъ, но зато въ видѣ компенсаціи открылся новый гигантскій рынокъ—армія. Съ середины сентября заказы военнаго министерства и посылка частными лицами „на фронтъ" различнаго рода теплыхъ вещей приняли такіе гигантскіе размѣры, что въ производствѣ тканей, особенно шерстяныхъ, наступилъ періодъ лихорадочной работы. Всѣ фабрики были сразу завалены заказами, такъ что во многихъ мѣстахъ въ конторахъ текстильныхъ предпріятій были даже вывѣшены

плакаты: „Покупатели за недостаткомъ времени не принимаются. Всѣ запасы распроданы".

Этотъ бурный расцвѣтъ продолжался до начала 1915 г. и затѣмъ сталъ понемногу спадать. Вплоть до августа, однако, дѣла шли удовлетворительно, но тутъ снова наступилъ довольно рѣзкій скачокъ внизъ: благодаря обнаружившемуся недостатку сырья размѣры „мирнаго" хлопчатобумажнаго и шерстяного производства рядомъ распоряженій Bundesrat'a были сокращены на $^2/_3$ [1]), и это естественно не могло не отразиться на общемъ положеніи промышленности. Прекраснымъ зеркаломъ всѣхъ описанныхъ колебательныхъ движеній въ сферѣ текстильной индустріи могутъ служить цифры безработицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ августѣ 1914 г. въ союзѣ текстильщиковъ насчитывалось до 28,2% лишившихся занятія членовъ, въ январѣ 1915 г. это число опустилось до 5,3%, на данномъ уровнѣ оно продержалось до середины лѣта, въ августѣ поднялось до 8,1%, въ октябрѣ дошло до 11,4%. Съ открытіемъ пути на Ближній Востокъ ситуація въ разсматриваемой индустріи стала снова нѣсколько улучшаться.

Приблизительно такое же волнообразное развитіе можно наблюдать и въ цѣломъ рядѣ иныхъ отраслей производства. Впрочемъ, есть и сильно пострадавшія—таковы, напр., строительная и деревообдѣлочная промышленности, ювелирная промышленность, производство игрушекъ, шелка, кружевъ, бронзовыхъ вещей и т. д. Все, что не могло приспособиться къ обслуживанію войны, все, что работало на экспортъ или удовлетворяло запросамъ роскоши, попало въ очень трудное положеніе и влачитъ сейчасъ чрезвычайно жалкое существованіе.

О томъ же далекомъ отъ нормальнаго состояніи германской индустріи свидѣтельствуетъ также количество занятыхъ ею рабочихъ рукъ и размѣры вновь вкладываемыхъ въ нее капиталовъ. Офиціальные представители имперіи любятъ обыкновенно въ доказательство ея несомнѣннаго экономическаго благополучія ссылаться на низкія цифры безработицы. Дѣйствительно, безработица, достигшая въ августѣ 1914 г. 22,4%, постепенно опускаясь, дошла въ январѣ 1915 г. до 6,5% и затѣмъ упала къ іюлю до 2,6%. На этомъ уровнѣ она продолжала держаться и въ дальнѣйшемъ. Словъ нѣтъ, незначительность безработицы явленіе съ соціальной и политической точекъ зрѣнія чрезвычайно важное и многозначительное, но въ

[1]) Кромѣ того вовсе было воспрещено изготовленіе тонкихъ дорогихъ матерій для платья и бѣлья и предписано производить только дешевые сорта, потребляемые малоимущими слоями населенія.

народно-хозяйственномъ смыслѣ оно еще очень мало доказываетъ. Ибо столь низкая цифра не имѣющихъ занятія совпадаетъ съ временемъ, когда отъ 40—50% мужской части пролетаріата находится на фронтѣ. Если данный фактъ о чемъ-либо свидѣтельствуетъ, такъ развѣ только о томъ, что реальные размѣры общаго производства германской промышленности сократились минимумъ на 30, а то и на всѣ 40% противъ нормъ мирнаго времени. (Необходимо помнить, что часть ушедшихъ мужчинъ была замѣщена женщинами). Иначе промышленность не могла бы обходиться наличнымъ количествомъ рабочихъ силъ, да еще сверхъ того оставлять извѣстный, хотя бы и незначительный избытокъ.

Что касается вклада капиталовъ въ индустріальныя предпріятія, то здѣсь мы видимъ слѣд. картину. Всего въ акціонерныя общества и общества съ ограниченной отвѣтственностью было вложено вновь:

	Общая сумма	Въ томъ числѣ въ существующія уже предпріятія	новыя предпріятія
Въ I полугодіе 1914 г.	628,3 мил. мк.	432,4 м. мк.	195,9 м. мк.
„ II „ „ „	325,3 „ „	113,6 „ „	211,7 „ „
„ I „ 1915 „	208,3 „ „	100,1 „ „	108,2 „ „ [1]

Итакъ, во вторую половину 1914 г., пришедшуюся почти цѣликомъ на время войны, притокъ капитала въ промышленность упалъ приблизительно вдвое, а въ первую половину 1915 г. даже втрое противъ нормы (въ началѣ войны возникъ цѣлый рядъ новыхъ предпріятій, вызванныхъ потребностями момента — этимъ объясняется болѣе высокая цифра вкладовъ въ тотъ періодъ по сравненію съ дальнѣйшимъ полугодіемъ). Чрезвычайно любопытно распредѣленіе вкладовъ по отраслямъ производства. Вотъ что говорятъ тѣ же цифровыя данныя:

	Вложено въ I полугодіе 1914 г.	II полуг. 1914 г.	I полуг. 1915 г.
	(въ милліонахъ марокъ).		
Горное и металлург. дѣло	47,52	5,76	72,05
Обработка металловъ, машины	95,71	18,22	17,49
Пищевые продукты	21,36	8,88	6,29
Текстильное производство	6,03	1,19	2,55
Кожаная промышленность	4,68	1,13	8,53
Торговля (кромѣ банковъ)	30,11	92,27	68,16
Банки	113,65	101,75	7,31
Пути сообщенія, транспортъ	93,90	23,65	4,16

[1] „Die Konjunktur“ отъ 8 іюля 1915 г.

Приведенная таблица во многихъ отношеніяхъ поучительна. Мы ограничимся здѣсь однако лишь указаніемъ, что пунктами особеннаго притяженія для капитала во время войны явились горное и металлургическое дѣло, кожаная промышленность и торговля.

Заканчивая обзоръ современнаго экономическаго положенія Германіи, будетъ небезынтересно познакомить читателя съ тѣми индустріальными „пріобрѣтеніями“, которыя имперія Гогенцоллерновъ сдѣлала пока въ Бельгіи и Франціи.

Въ Бельгіи мѣстная промышленность въ настоящее время находится въ большомъ застоѣ, такъ какъ обычно она занималась переработкой получаемаго изъ-за границы сырого матеріала для надобностей опять-таки заграничнаго экспорта. Теперь какъ ввозъ, такъ и вывозъ естественно пріостановлены, и это обрекаетъ бельгійскіе фабрики и заводы на бездѣйствіе. Впрочемъ, кое-гдѣ индустрія понемногу начинаетъ оживать. Съ ноября 1914 г. возобновилась работа въ каменоугольныхъ копяхъ провинціи Льежъ и къ февралю 1915 г. число занятыхъ въ нихъ рабочихъ достигло 22.000 (противъ 39.000 въ нормальное время). Въ дальнѣйшемъ каменоугольная промышленность обнаружила сравнительно успѣшное развитіе. Къ концу 1915 г. производство шло полнымъ ходомъ въ нормальныхъ размѣрахъ въ Hainoult, нѣсколько слабѣе въ Charleroi, Anderlues и Courcelles-Nord. Новыя шахты были открыты въ Campine. Бельгійскій уголъ находитъ сейчасъ сбытъ главнымъ образомъ въ Швеціи, Голландіи и Швейцаріи. Съ мая 1915 г. по иниціативѣ нѣмецкаго генералъ-губернатора въ Бельгіи образованъ принудительный синдикатъ шахтовладѣльцевъ по продажѣ угля. Хуже положеніе желѣзодѣлательной промышленности главнымъ образомъ изъ-за недостатка желѣзной руды. Впрочемъ, большіе заводы Coquerell, Angleur, Ougrie Marihaye и др. возобновили работу, хотя ихъ производство не превышаетъ 60—70% обычнаго, а балансъ обнаруживаетъ крупные убытки. Такъ, „Societé des Hauts-Fourneaux d'Atus“ свело свой бюджетъ за 1914/15 г. съ дефицитомъ въ 1,6 милл. фр., „Societé Metallurgique de Sombres et Moselles“—съ дефицитомъ въ 1,8 милл. фр. и т. д. Зато нѣкоторыя другія предпріятія металлургической промышленности, связанныя съ различными нѣмецкими фирмами, дѣлаютъ прекрасныя дѣла. Для примѣра приведу хотя бы „Compagnie des Metaux Overpelt-Lomel“ (связана съ „Beer, Sundheimer und C°“ во Франкфуртѣ на М.), которая за 1914/15 г. получила 2,3 мил. фр. чистой прибыли и выдала 12% дивиденда, или на „Fabrique Nationale d'Armes de Guerre“ (связана

съ „Deutsche Waffen-und Munitionsfabrik"), реализовавшую нынче 1,3 милл. фр. прибыли. Прочія отрасли бельгійской индустріи находятся пока въ состояніи полнаго разстройства.

Много существеннѣе промышленныя завоеванія нѣмцевъ во Франціи. Здѣсь ими захвачены 10 лучшихъ и наиболѣе цѣнныхъ въ индустріальномъ отношеніи департаментовъ республики, съ населеніемъ въ $3^1/_4$ милл. человѣкъ. По вычисленіямъ журнала „Stahl und Eisen", въ рукахъ нѣмцевъ сейчасъ находятся отъ одной четверти до одной трети всей промышленности Франціи, въ томъ числѣ 69% всего текстильнаго производства, 60% угольнаго, 54% металлургическаго, 47% производства пищевыхъ продуктовъ, 31% химическаго производства и т. д. (при этомъ исчисленіи въ основу клалось количество паровыхъ котловъ и лошадиныхъ силъ, употребляемыхъ во французской индустріи). Всѣ локомотиво-вагонные заводы, за исключеніемъ одного (въ Бельфорѣ), всѣ наиболѣе совершенные трубочные заводы, масса электрическихъ станцій, крупнѣйшія текстильныя фабрики, копи, доменныя печи и пр. — все досталось въ качествѣ добычи августовскимъ побѣдителямъ. Они пустили всѣ предпріятія въ ходъ и теперь снабжаютъ свою армію на западномъ фронтѣ разнообразными продуктами (инструментами, колючей проволокой, защитными листами, бомбометателями и т. д.), производимыми тутъ же на мѣстѣ.

Суммируя данныя, собранныя въ настоящей главѣ, мы можемъ, такимъ образомъ, смѣло утверждать, что хозяйственная система Германіи вынесла сравнительно благополучно страшное испытаніе войны. Та великая экономическая катастрофа, которая раньше признавалась совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общеевропейскаго вооруженнаго конфликта, не наступила. Капиталистическій механизмъ обнаружилъ гораздо большія стойкость и упругость, чѣмъ это обычно предполагалось, и, какъ свидѣтельствуетъ примѣръ Германіи, оказался въ состояніи приспособиться даже къ столь исключительно-труднымъ условіямъ, какъ тѣ, въ которыхъ сейчасъ живетъ имперія Гогенцоллерновъ. Однако тѣ же приведенныя выше данныя неопровержимо доказываютъ, что, несмотря на всѣ чудеса организаціоннаго строительства, экономическая машина тевтонской монархіи понесла рядъ серьезныхъ ударовъ и нынѣ работаетъ съ значительно меньшимъ размахомъ, чѣмъ въ обычное время. Однако на своемъ суженномъ базисѣ она стоитъ достаточно прочно и можетъ успѣшно функціонировать еще въ теченіе очень долгаго періода.

V

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ народно-хозяйственной жизни военнаго времени, вопросовъ, возбуждающихъ около себя ожесточенную борьбу мнѣній и страстей, является несомнѣнно вопросъ о прибыляхъ, получаемыхъ капиталистическими предпріятіями въ годину всеобщаго несчастья. „Капитаны промышленности и торговли", всегда любящіе разыгрывать изъ себя казанскую сироту, когда дѣло касается ихъ доходовъ, усиленно доказываютъ, что война имъ принесла чуть ли не одни убытки, потребители и вообще всѣ лица и учрежденія, страдающіе отъ высокихъ цѣнъ на различные продукты, толкуютъ о баснословныхъ барышахъ финансовыхъ и индустріальныхъ магнатовъ и, не стѣсняясь, называютъ ихъ ростовщиками и кровопійцами. И такъ какъ точное установленіе истинной предпринимательской прибыли, благодаря отсутствію полной и надежной статистики въ данной области, совершенно невозможно, то споры и дебаты не прекращаются, не приводя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Широкая масса населенія чувствуетъ, что что-то здѣсь неладно, что короли банковъ и заводовъ обманываютъ ее и наживаются на ней свыше дозволеннаго обычаями мирнаго времени уровня, но доказать ничего или почти ничего не можетъ.

Германія не составляетъ, конечно, исключенія ихъ общаго правила. Глубокое убѣжденіе въ томъ, что магнаты капитала сейчасъ дѣлаютъ прекрасный гешефтъ на великомъ національномъ бѣдствіи, такъ глубоко вкоренилось въ душу нѣмецкаго народа, что онъ создалъ даже особый теперь уже общепризнанный терминъ „Kriegsgewinn" (военная прибыль), который находитъ себѣ широкое употребленіе въ прессѣ, въ парламентѣ, въ офиціальныхъ выступленіяхъ и сообщеніяхъ правительства. Бьющая ненормальность даннаго факта такъ несомнѣнна и ярка, что кормчіе государственнаго корабля увидали себя, въ концѣ концовъ, вынужденными предложить рейхстагу проектъ спеціальнаго обложенія военной прибыли, — однако добрыя намѣренія центральной власти наткнулись гдѣ-то за кулисами на очень серьезныя препятствія, и чѣмъ кончится вся эта контроверза пока еще трудно сказать. Есть свѣдѣнія, что въ интересахъ поддержанія „гражданскаго мира" правительство хочетъ отложить введеніе налога на военную прибылъ на время послѣ окончанія войны...

Пока же постараемся выяснить фактическое положеніе дѣлъ. Въ Германіи очень значительная часть капиталистическихъ предпріятій носитъ юридическую форму акціонерныхъ обществъ, обязанныхъ ежегодно публиковать свои отчеты. Вотъ эти-то отчеты и даютъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о вліяніи войны на предпринимательскій барышъ. Пользуясь имъ однако никогда не слѣдуетъ забывать, что онъ даетъ далеко не полную картину (вѣдь кромѣ акціонерныхъ обществъ существуетъ еще громадное количество индивидуальныхъ предпріятій и особенно „товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью", необязанныхъ публичной отчетностью), и что поэтому выводы, основываемые на немъ, должны приниматься съ извѣстной осторожностью: они несомнѣнно намѣчаютъ характеръ происходящихъ процессовъ, но не даютъ исчерпывающихъ свѣдѣній о фактическихъ размѣрахъ послѣднихъ. Съ этими необходимыми оговорками обратимся непосредственно къ цифрамъ.

За первые 9 мѣсяцевъ 1915 года были опубликованы отчеты 3997 акціонерныхъ обществъ съ общей суммой акціонернаго капитала 12,35 милліарда марокъ. Для цѣлей сравненія съ предыдущимъ годомъ годятся однако только отчеты 3337 обществъ съ капиталомъ въ 11,88 мд. мк. Такъ какъ въ Германіи въ 1913 г. насчитывалось всего около $5^1/_2$ тыс. акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 17 слишкомъ милліардовъ мк., то, стало быть, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя захватываютъ свыше $^2/_3$ этого рода капиталистическихъ объединеній. Что же они говорятъ?

Вотъ общіе суммарные результаты:

	Акц. капиталъ. (милліарды мк.).	Дивидендъ. (мил. мк.)	Дивидендъ. въ %
1913/14.	11,57	968.4	8,37
1914/15.	11,88	769,5	6,48 [1])

Какъ видимъ, размѣръ дивиденда за 1914/15 г. нѣсколько понизился, однако и теперь доходъ получается весьма солидный— $6^1/_2\%$, при которомъ можетъ прекрасно жить да поживать любое промышленное предпріятіе. Въ дѣйствительности потери индустріальныхъ магнатовъ еще меньше: дивидендъ далеко не представляетъ собой всей чистой прибыли фабрики или завода, извѣстная часть послѣдней идетъ на „списыванія" въ различные фонды—ре-

[1]) „Die Konjunktur" отъ 9 декабря 1915 г.

зервные, по амортизаціи машинъ, зданій и т. д.; размѣръ „списываній“ колеблется изъ года въ годъ и на этотъ разъ почти всѣ фирмы изъ предосторожности „списали“ экстраординарно-крупныя суммы, уменьшая естественно тѣмъ самымъ норму дивиденда. Вотъ почему есть всѣ основанія полагать, что подлинные барыши промышленности значительно выше, чѣмъ о томъ свидѣтельствуетъ вышеприведенная цифра дивиденда, т.-е. что фактически она не понесла совсѣмъ или понесла лишь совершенно ничтожныя потери. Таковъ основной фонъ, перейдемъ теперь къ деталямъ.

Уровень прибыли, смотря по отрасли промышленности, конечно, сильно колеблется. Такъ какъ главнымъ источникомъ питанія индустріи въ настоящее время является война, то большая или меньшая доходность производства зависитъ въ общемъ отъ большей или меньшей необходимости его для веденія борьбы. При такихъ условіяхъ нисколько неудивительно, что самыя лучшія дѣла сейчасъ дѣлаютъ всѣ предпріятія, изготовляющія амуницію. Извѣстно, какія совершенно баснословныя суммы въ 1914/15 г. „заработалъ“ знаменитый Круппъ: чистая прибыль этого оружейнаго Левіаѳана составила нынче 86,5 милл. мк., т.-е. 58% акціонернаго капитала, а еще въ 1913/14 году она равнялась только (хорошо это „только“!) 33,9 милл. мк.! [1]).

Но Круппъ не одинъ. Приведу еще нѣсколько любопытныхъ примѣровъ:

	Дивидендъ.	
	1913/14	1914/15
Die Sprengstoffwerke „Glückauf“	0	40%
Die Köln-Rottweiler Pulverfabriken	20	25%
Die Deutsche Sprengstoff A.-G.	20	24%
Die Österr. Waffenfabrik. A.-G.	19	25%
Die Munitionsmaterial-und Metallwerke in Beyenburg	15	30%

Всѣ перечисленныя предпріятія въ 1914/15 г. сильно увеличили процентъ выданнаго ими дивиденда, но для того, чтобы нагляднѣе представить реальное значеніе этихъ, подчасъ не слишкомъ рѣзко бьющихъ въ глаза повышеній, приведу нѣкоторыя подробности относительно баланса одного изъ нихъ — именно „Köln-Rottweiler Pulverfabriken“. Оказывается, заводъ произвелъ на этотъ разъ такія

---

[1]) Изъ прибыли нынѣшняго года фирма отдала 23,7 милл. мк. въ фондъ помощи жертвамъ войны,—она можетъ разрѣшить себѣ подобный красивый жестъ!

обширныя „списыванія“, что его машины, оцѣненныя въ 1913 г. въ 1.207 тыс. мк., теперь стоятъ только 18 мк., а вся его движимая собственность оцѣнивается въ 24 мк. И, несмотря на это, правленіе все-таки выдало 25% дивиденда!

Не плохо обстоятъ дѣла и въ области производства чугуна и стали. Правда, если взять всѣ 36 смѣшанныхъ Eisenwerke, опубликовавшихъ свои отчеты по сентябрь 1915 г., то окажется, что средняя высота дивиденда у нихъ понизилась съ 8,8 до 6,3%. Однако въ данной отрасли промышленности есть длинный рядъ предпріятій, получившихъ огромные барыши.

Вотъ соотвѣтственныя данныя:

	Прибыль въ тыс. мк.		Дивидендъ.	
	1913/14	1914/15	1913/14	1914/15
Bochumer Verein	4,360	7,400	10%	14%
Becker Stahlwerke (Willich)	1,280	4,260	12%	25%
Annen Gussstahlwerke	500	680	8%	12%
Zypen u. Wisssner Stahlwerke (Köln-Deutz)	2,140	3,400	8%	12%
Bismarck Eisenwerke	1,960	3,900	9%	15%
Sächsische Gussstahlwerke	1,440	2,800	9½%	16⅔%
Lotringische Eisenwerke	2,200	8,000	6%	?%
Gelsenkirchener Gussstahl-und Eisenwerke	730	1,980	6%	12%
Witteuer Gussstahlwerke	2,827	4,120	10%	18%

Это далеко не все—въ моемъ распоряженіи имѣется еще достаточное количество подобныхъ отчетовъ,—но для иллюстраціи и приведеннаго довольно. Неудивительно, что въ „Schlesische Zeitung“ лѣтомъ 1915 г. могло появиться слѣд. характерное объявленіе:

„Желѣзная руда.

Спеціалистъ ищетъ капиталъ для расширенія существующаго предпріятія. Допустима частичная уплата. Крупное производство. На поверхности земли. Полная обезпеченность. Гарантія полученія 33½% въ годъ“ [1]).

Точно такъ же хорошая конъюнктура наступила и въ машиностроительной и родственныхъ съ ней отрасляхъ индустріи. Такъ, напр., „Hannoversche Maschinenbau A.-G.“ повысило свою прибыль съ 6,3 до 8,1 милл. мк. и дивидендъ съ 20 до 30%, „Hannoversche

[1]). „Vorwärts“ отъ 6 іюля 1915 г.

Wagonfabrik"—прибыль съ 280 до 1.120 тыс. и дивидендъ—съ 10 до 25%, „Westfälische Drahtindustrie A.-G." въ Гаммѣ—прибыль съ 1.060 до 1.720 тыс. и дивидендъ съ $9^1/_2$ до 15%, „Maschinenbaufabrik Hermann und Escher"—прибыль съ 220 до 540 тыс. и дивидендъ—съ 5 до 12% и т. д.

Аналогичное положеніе создалось и въ электрической промышленности, свидѣтельствомъ чего могутъ служить отчеты двухъ столь могущественныхъ компаній, какъ „Simens und Halske A.-G." и „Siemens-Schuckertwerke": прибыль первой фирмы возросла съ 11,15 до 12,54 милл. мк. и дивидендъ съ 10 до 12%, прибыль второй—съ 11,49 до 17,77 милл. мк. и дивидендъ съ $7^1/_2$ до 10% [1]).

Чрезвычайныя выгоды война принесла предпринимателямъ кожаной индустріи. Дѣйствительно, средній уровень дивиденда 19 опубликовавшихъ по сентябрь 1915 г. свои отчеты компаній даннаго рода повысился съ 6,6 до 9,9% [2]). А вотъ нѣсколько поучительныхъ конкретныхъ иллюстрацій: „Die A.-G. für Leder-Maschinenriemen-und Militäreffektenfabrikation" въ Дрезденѣ увеличило свою чистую прибыль съ 108 до 290 тыс. мк. и дивидендъ—съ 8 до 18%, „Die Lothringer Lederwerke A.-G."—прибыль съ 30 до 191 тыс. мк. и дивидендъ — съ 3 до 10%, „Die Schuhfabrik August Wessels"—прибыль съ 555 до 1.063 тыс. мк. и дивидендъ съ 10 до 18% (при этомъ на амортизацію и пр. списано такъ много, что все предпріятіе оцѣнивается сейчасъ въ 1—одну марку) и т. д.

Не менѣе выгодно оказалось и производство жировъ и маслъ. Средній размѣръ дивиденда 17 фирмъ, опубликовавшихъ свои отчеты за первые 9 мѣс. 1915 г., поднялся съ 8,7 до 11,8%, изъ отдѣльныхъ яркихъ примѣровъ можно привести: „Die deutsche Vacuum-Oel—A.-G." въ Гамбургѣ — дивидендъ возросъ съ 6 до 12%, „Die Oelwerke Stern"—дивидендъ возросъ съ 15 до 17%, „Verein deutscher Oelfabriken"—дивидендъ возросъ съ 5 до 12%, „Deutsche Mineral-Oel-Industrie" — дивидендъ возросъ съ 0 до 6%, „Deutsche Erdöl-A.-G." — выплачено дивиденда 12%, „Deutsch-amerikanische Petroleum-Gesellschaft"—выплачено дивиденда—$22^1/_2$%. Сверхъ того, конечно, вездѣ сдѣланы громадныя „списыванія".

Огромныя прибыли получили и получаютъ производители пищевыхъ продуктовъ,—не даромъ широкія массы населенія такъ жалу-

---

[1]) „Vorwärts" отъ 16 декабря 1915.
[2]) „Die Konjunktur" отъ 9 декабря 1915.

ются на страшное вздорожаніе жизни [1]). Такъ, средній дивидендъ 38 мельницъ, опубликовавшихъ свои отчеты въ теченіе января—августа 1915 г., поднялся съ 7,1 до 10,6%, средній дивидендъ 55 сахарныхъ заводовъ — съ 5,9 до 8,7% [2]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ барыши рафинеровъ достигаютъ прямо баснословныхъ размѣровъ. „Zuckerfabrik Schroda“ увеличила свою чистую прибыль съ 306 до 509 тыс. мк. и дивидендъ съ 24 до 40%, „Zuckerfabrik Tuczno“—увеличила дивидендъ съ 15 до 30%, „Badische Gesellschaft für Zuckerfabrikation“—съ 12,83 до 21%, „Zuckerraffinerie Halle“—съ 10 до 25%, Zuckerfabrik in Nimburg“ выплатила 50% дивиденда, „Zuckerfabrik Unislaw“ получила чистую прибыль въ размѣрѣ 83% и т. д. И это въ Германіи, классической странѣ сахара, вывозившей всегда громадныя количества его за границу! Казалось бы теперь, когда нѣмецкій экспортъ такъ сильно пострадалъ, слѣдовало ожидать если не прямыхъ убытковъ, то во всякомъ случаѣ сильнаго сокращенія барышей, а вмѣсто этого — истинное процвѣтаніе: нѣмецкій потребитель за все платитъ.

Крупныя прибыли находимъ также въ отчетахъ шоколадныхъ фабрикъ (напр., Hartwig und Vogel въ Дрезденѣ, „Sarotti“—въ Берлинѣ), бисквитныхъ фабрикъ (напр., F. Krietsch in Wurzen—повышеніе дивиденда съ 7 до 18%), консервныхъ и мясныхъ фабрикъ (напр., Vogt u. Wolf in Gütersloh—дивидендъ 30%) и иныхъ предпріятіяхъ подобнаго рода.

Менѣе благопріятно положеніе текстильныхъ фабрикантовъ. Чистая прибыль 193 фабрикъ, опубликовавшихъ свои отчеты за январь—май 1915 г., опредѣляется въ среднемъ въ размѣрѣ 21,7% противъ 20,7% въ 1913 г. Однако высота дивиденда достигла въ 1914 г. только 7,6% противъ 8,5% въ предыдущемъ году. По отдѣльнымъ отраслямъ производства ситуація сильно варьируетъ: лучше всего она въ шерстяномъ (чистая прибыль поднялась съ 1,3 до 2 милл. мк., дивидендъ—съ 9,2 до 9,9%), полотняномъ и джутовомъ (чистая прибыль поднялась съ 1,8 до 2 милл. мк., дивидендъ — съ 10,1 до 10,2%) и ткацкомъ, хуже всего—въ красильномъ, прядильномъ и аппретурномъ [3]). Впрочемъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, особенно безпокоиться о судьбѣ текстильныхъ бароновъ не

---

[1]) По официальнымъ даннымъ, цѣны пищевыхъ продуктовъ въ Берлинѣ въ сентябрѣ 1915 были въ среднемъ выше цѣнъ іюля 1914 г. на 93,2%.

[2]) „Die Konjunktur“ отъ 11 ноября 1915 г.

[3]) „Die Konjunktur“ отъ 22 іюля 1915 г.

приходится: ихъ доходы болѣе чѣмъ удовлетворительны. Они не „зарабатываютъ“ баснословно—только всего!

Чрезвычайно громко жалуются на свое положеніе угольные магнаты. Дѣйствительно, если взять отчеты тѣхъ компаній, которыя занимаются исключительно лишь добываніемъ угля (очень многія изъ нихъ одновременно являются крупными желѣзодѣлательными фирмами), то можно замѣтить несомнѣнное паденіе ихъ прибылей и дивидендовъ подъ вліяніемъ войны. Вотъ данныя, касающіяся 13 чисто „угольныхъ“ предпріятій, входящихъ въ составъ „Reinisch-Westfälischer Kohlensyndikat:

	Прибыль въ милл. мк.		Дивидендъ.	
	1913	1914	1913	1914
Harpen	10,3	9,5	11%	8%
Hibernia	10,8	6,1	15%	8%
Essen-Steinkohlen-B.-G.	3.2	2,8	10%	10%
Arenberg	4,2	2,6	25%	17%
Consolidation	5,1	3,6	23%	15%
Mühlheim-Bergwerke	1,9	1,4	11%	7½%
Dahlbusch	1,9	0,9	14⅔%	5%
Königsborn	3,4	2,1	18%	10%
König Wilhelm	2,6	1,4	18%	7%
Köln Neuessen	5,0	4,0	18%	10%
Magdeburg	1,2	0,7	38%	22%
Bochum. Bergwerke	0,8	0,2	10%	—
Applerbeck	0,3	0,02	10%	—
	50,7	35,42	—	—

Если принять во вниманіе, что сумма акціонернаго капитала 13 перечисленныхъ компаній равняется 275,8 мил. мк., то придется притти къ выводу, что чистая прибыль въ 1913 г. составляла 18, а въ 1914 г.—13%. Конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что 13 меньше 18, однако изъ этого отнюдь не вытекаетъ, что угольные бароны войной поставлены въ отчаянное положеніе. При томъ данныя 13 фирмъ находятся относительно въ наихудшихъ условіяхъ, такъ какъ занимаются добычей одного лишь угля; другіе члены „Рейнско-Вестфальскаго Синдиката“ представляютъ собой комбинированныя предпріятія, сочетающія добываніе угля съ выплавкой чугуна и производствомъ желѣза и стали,—ихъ ситуація нынѣ, конечно, гораздо благопріятнѣе (выше мы видѣли, что въ желѣзодѣлательной промышленности война создала необыкновенное дивидендное процвѣтаніе).

Кто дѣйствительно серьезно страдаетъ, по крайней мѣрѣ, съ капиталистической точки зрѣнія, такъ это предприниматели строитель-

ной промышленности, въ которой съ началомъ войны воцарился неизбѣжный застой. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и ихъ „страданіе“ необходимо принимать cum grano salis. И вотъ доказательство. За январь—августъ 1915 г. опубликовали свои отчеты 472 акціонерныхъ общества, связанныхъ съ данной отраслью производства,—финансовые результаты ихъ таковы:

	Число обществъ.	Дивидендъ въ %.	
		1913/14	1914/15
Земельныя общества	168	1,2	0.5
Строительныя „	100	5,3	2,8
Каменоломни	24	5,7	4,0
Известковые заводы	13	2,4	1,5
Кирпичные „	46	2,8	1,3
Цементные „	71	8,6	4,1
Глиняное производство	30	6,9	2.2
Прочіе строит. матеріалы	20	7,3	3,5 [1])

Въ этой таблицѣ ясно видны рѣзкое паденіе дивидендовъ въ 1914/15 г. и сверхъ того, что особенно важно,—несомнѣнная скромность ихъ абсолютныхъ размѣровъ въ настоящій моментъ. Однако даже и здѣсь, даже и въ этой наиболѣе пострадавшей отъ войны отрасли индустріи, ни одна ея вѣтвь не работаетъ себѣ въ убытокъ, всѣ имѣютъ большую или меньшую прибыль...

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и цифръ?

Выводъ этотъ можетъ быть формулированъ примѣрно такъ: несмотря на значительное сокращеніе абсолютныхъ размѣровъ германской индустріи, вызванное переживаемыми событіями, ея капиталистическая доходность въ общемъ осталась на прежнемъ „довоенномъ“ уровнѣ; минусамъ противъ нормы въ однѣхъ отрасляхъ соотвѣтствуютъ плюсы въ другихъ отрасляхъ, происходитъ извѣстное выравниваніе, приближающее размѣры прибыли къ среднимъ ставкамъ мирнаго времени. Таково положеніе промышленности, какъ цѣлаго. На этомъ основномъ фонѣ вырисовывается однако нѣсколько отраслей производства, сильнѣе пострадавшихъ отъ войны,—строительная, деревообдѣлочная, хлопчатобумажная—и, съ другой стороны, рядъ „привилегированныхъ“ отраслей, которыя дѣлаютъ на войнѣ хорошій, очень хорошій и превосходный гешефты,—оружейная, желѣзодѣлательная, машиностроительная, электро-техническая, кожаная, химическая, шерстяная, по изготовленію пищевыхъ про-

[1]) «Die Konjunktur» отъ 11 ноября 1915 г.

дуктовъ, а въ средѣ послѣдней въ особенности сахарная и мукомольная. Нельзя отрицать, конечно, что отдѣльныя лица и предпріятія въ различныхъ областяхъ индустріи понесли крупныя потери подъ вліяніемъ международныхъ потрясеній,—однако ни одна крупная промышленность, взятая en masse (включая сюда и наиболѣе пострадавшія), не работала и не работаетъ въ убытокъ. Капиталистическимъ магнатамъ нѣтъ, такимъ образомъ, ни малѣйшихъ основаній жаловаться на тяжелыя времена, и если они тѣмъ не менѣе это дѣлаютъ, то ихъ вопли и сокрушенія не приходится принимать слишкомъ трагично.

Жестокій опытъ міровой войны заставилъ и друзей и враговъ Германіи (на факты смѣшно закрывать глаза) высоко цѣнить техническое совершенство ея исполинской милитаристской машины. Не доблесть индивидуальнаго солдата давала до сихъ поръ Германіи возможность одерживать свои побѣды на полѣ битвы—эта доблесть, въ сущности, ничѣмъ не выше доблести солдатъ другихъ воюющихъ странъ, а именно необыкновенная прочность, прилаженность и продуманность всего сложнаго армейскаго механизма отъ главнокомандующаго до рядового. Но за спиной военной машины стоитъ другая гигантская машина—индустріально-капиталистическая. И, мнѣ думается, изъ этихъ двухъ машинъ вторая является болѣе замѣчательной и способной вызывать невольное удивленіе. Нынѣшняя германская армія является продуктомъ 200-лѣтняго развитія, плодомъ неусыпныхъ заботъ и попеченій господствующихъ классовъ страны, начиная съ перваго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I. Было время ей и вырасти, и окрѣпнуть, и набраться опыта, и отточить свое оружіе. Иное дѣло германская промышленность, германскій капитализмъ. Они—всецѣло созданіе послѣдняго полустолѣтія, дѣтище бурнаго экономическаго расцвѣта націи, наступившаго послѣ 1870—71 гг. Они молоды и неопытны, за ними нѣтъ вѣкового прошлаго, имъ никогда до сихъ поръ не приходилось переживать потрясеній не только міровой, но и вообще никакой войны. Тѣмъ знаменательнѣе рѣдкія гибкость, приспособляемость, присутствіе духа и организаторскій талантъ, которые въ тяжелую годину безпримѣрнаго историческаго кризиса проявили ихъ руководители. Тѣмъ поразительнѣе строгая законченность того сложнаго, но успѣшно работающаго военно-индустріальнаго аппарата, который я пытался изобразить на предыдущихъ страницахъ.

Но есть и другая причина, заставляющая отдавать первенство капиталистической, а не военной машинѣ Германіи. Сведенная къ своимъ послѣднимъ основнымъ корнямъ нынѣшняя война является по существу лишь борьбой молодого германскаго капитализма за міровое господство съ болѣе старымъ капитализмомъ—англійскимъ. И если имперіи Гогенцоллерновъ удалось пока добиться довольно значительныхъ успѣховъ, то это объясняется въ послѣднемъ счетѣ большимъ техническимъ, организаціоннымъ и экономическимъ совершенствомъ ея капитализма по сравненію съ капитализмомъ ея противниковъ. Теперь считается общепризнаннымъ, что сила нѣмецкой арміи лежитъ въ ея артиллеріи и неограниченномъ количествѣ снарядовъ,—но развѣ это не означаетъ, что сила ея въ сущности лежитъ въ нѣмецкой индустріи? Что сталось бы съ Гинденбургомъ и Маккензеномъ, что сталось бы съ милліонными германскими легіонами на западѣ и на востокѣ, если бы въ Саксоніи, Вестфаліи и на Рейнѣ не существовало бы тысячъ вѣчно дымящихся фабрикъ и заводовъ, такъ быстро и легко приспособившихся къ колоссальному производству амуниціи? Въ каждомъ успѣхѣ нѣмецкаго оружія, въ каждой неудачѣ тройственнаго согласія, въ каждомъ новомъ расширеніи театра борьбы, въ каждой новой оттяжкѣ финала исполинскаго конфликта одерживаетъ побѣду не германская армія или дипломатія, а болѣе молодой и совершенный германскій капитализмъ. Это не значитъ, конечно, что такъ непремѣнно должно продолжаться до самаго конца,—нѣтъ, исходъ войны опредѣляется не однимъ, а совокупностью нѣсколькихъ факторовъ,—но это значитъ, во всякомъ случаѣ, что основной проблемой странъ антинѣмецкой коалиціи и прежде всего Англіи въ борьбѣ съ могущественнымъ противникомъ является возможно бо́льшее приближеніе своей экономической машины къ уровню, достигнутому уже врагомъ, возможно бо́льшее усовершенствованіе и развитіе всего своего хозяйственнаго аппарата. Здѣсь лежитъ ключъ къ благополучному завершенію нынѣшняго конфликта, здѣсь лежитъ также оружіе, при помощи котораго старый Альбіонъ долженъ будетъ отстаивать свои позиціи отъ атакъ германской коммерческой конкуренціи въ послѣдующій періодъ. Ибо не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣмецкая индустрія удержитъ и послѣ войны многія изъ своихъ организаціонныхъ, техническихъ и научныхъ нововведеній, вызванныхъ исключительностью переживаемыхъ событій, и попытается ими бить на міровомъ рынкѣ своихъ многочисленныхъ недруговъ и соперниковъ.

Проблемы государственныхъ монополій

I

Впервые проблемы государственныхъ монополій на протяженіи нынѣшней войны встали въ яркой и конкретной формѣ предъ Германіей въ связи съ обезпеченіемъ народнаго продовольствія. Жизнь—большая затѣйница, и разыгрывающаяся на нашихъ глазахъ всемірно-историческая борьба своимъ жестокимъ опытомъ опрокинула немало сложившихся представленій, обманула немало надеждъ, подарила немало неожиданностей. Къ числу послѣднихъ, между прочимъ, относится, крайнее обостреніе къ концу перваго года войны проблемы массоваго питанія въ имперіи Гогенцоллерновъ. Когда въ столь недавнее и вмѣстѣ съ тѣмъ столь далекое мирное время нѣмецкіе политики и экономисты задумывались надъ перспективами будущей войны, они всегда останавливались передъ вопросомъ: что случится въ такомъ случаѣ съ германской промышленностью, съ германской торговлей? Эта проблема казалась имъ наиболѣе важной и чреватой послѣдствіями. Она привлекала къ себѣ ихъ наибольшее вниманіе. Но, чтобы громадная 70-тимилліонная страна оказалась почти въ положеніи осажденной крѣпости, чтобы передъ ней стала во весь свой пугающій ростъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова забота о хлѣбѣ насущномъ и призракъ массоваго голода въ ея предѣлахъ изъ сферы трагическихъ фантазій внезапно вдвинулся въ кругъ вполнѣ реальныхъ возможностей, объ этомъ никто никогда серьезно не думалъ, этого никто себѣ не представлялъ. Еще не далѣе, какъ въ 1908 г. одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ германскихъ ученыхъ, хорошо извѣстный и въ Россіи Шульце-Геверницъ въ своей работѣ „Deutschland und England“, обсуждая возможность вооруженнаго столкновенія между

обѣими державами, отбрасывалъ, какъ совершенно фантастическую, мысль о „голодной“ опасности для Германіи. Ибо для этого,—вполнѣ справедливо разсуждалъ талантливый профессоръ-экономистъ,—необходимо, чтобы Великобританія, Франція и Россія одновременно ополчились на серединную монархію, подобная же перспектива казалась ему 8 лѣтъ назадъ абсолютно немыслимой.

И однако немыслимое стало совершившимся фактомъ дѣйствительности. Тѣмъ самымъ предъ имперіей Гогенцоллерновъ выдвинулась грандіозная, еще не имѣющая себѣ прецедента въ исторіи задача строгой организаціи народнаго питанія, ибо только такимъ путемъ можно было парировать губительныя послѣдствія англійской блокады или точнѣе англійской политики „вымариванія голодомъ“. Организація же народнаго питанія естественно и неизбѣжно привела к націю и правительство къ проблемамъ государственныхъ монополій. Для того, чтобы читателю стало яснѣе, какъ это случилось, я постараюсь вкратцѣ ввести его въ курсъ актуальнаго вопроса.

Германія, вообще говоря, при нормальныхъ условіяхъ, хорошо обезпечена мясомъ, сахаромъ, солью, овощами, картофелемъ, ибо всѣ эти продукты въ изобиліи производятся на ея собственной территоріи. Единственнымъ темнымъ пунктомъ является хлѣбъ, и прежде всего пшеница. Правда, и въ данномъ отношеніи страна далеко не безпомощна: обычно въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ году она питается хлѣбомъ отечественнаго производства и только въ теченіе двухъ остающихся—иностраннымъ (главнымъ образомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Аргентины). Но все-таки на эти шестьдесятъ дней Германія зависитъ отъ за границы и, въ періодъ войны, когда большая часть импорта въ страну прекращена, она поставлена въ довольно затруднительное положеніе: ей нужно во что бы то ни стало пережить критическія восемь недѣль для того, чтобы дождаться новаго урожая[1]).

---

[1]) Въ началѣ войны въ Россіи были широко распространены крайне фантастическіе взгляды на продовольственное положеніе Германіи. Подавляющее большинство писавшихъ на эту тему, въ томъ числѣ нѣкоторые чрезвычайно ученые авторы, математически точно вычисляли наступленіе въ самомъ близкомъ будущемъ такого момента, когда нѣмцы съѣдятъ послѣдній фунтъ хлѣба. Предъ нами несомнѣнно чистый образчикъ той своеобразной психологіи, которая хорошо опредѣляется извѣстной нѣмецкой поговоркой; „Der Wunsch ist der Vater des Gedankens“ (желаніе—отецъ мысли). Массовое возбужденіе исключительнаго момента создало благопріятную почву для широкаго развитія подобнаго умонастроенія. Тогда же на страницахъ „Русскихъ Записокъ“ я предостерегалъ русскую публику отъ излишняго легковѣрія и оптимизма (см., напр., мою статью въ ноябрьской книжкѣ журнала за 1914 г.) и, какъ показало дальнѣйшее, я былъ безусловно правъ въ своей осторожности.

При такихъ обстоятельствахъ программа дѣйствій намѣчалась сама собой. Государство должно было бы тотчасъ же послѣ уборки урожая 1914 г. произвести отчужденіе всѣхъ запасовъ хлѣба, находящихся въ странѣ, и, точно установивши количества послѣдняго, такимъ образомъ регулировать его потребленіе, чтобы вмѣсто 10 мѣсяцевъ зерна хватило на 12. Это былъ крайній минимумъ, котораго требовало положеніе, и именно на этомъ настаивали с.-д. партія и профессіональные союзы еще въ самомъ началѣ войны. Однако имперское правительство есть буржуазное, вдобавокъ еще юнкерское правительство. Неудивительно поэтому, что широкія мѣры „соціалистическаго характера“, да еще близко затрагивающія интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, ему меньше всего улыбались. Записка представителей рабочей демократіи была представлена на разсмотрѣніе совѣта министровъ, подверглась тщательному обсужденію и въ результатѣ... оставлена безъ послѣдствій, въ виду полной обезпеченности Германіи, какъ заявляли власти, хлѣбными запасами.

Первымъ результатомъ правительственной бездѣятельности была потеря огромныхъ количествъ хлѣба, ушедшихъ на кормъ скоту и тѣмъ самымъ безъ нужды сократившихъ запасы, необходимые для человѣческаго питанія. Вторымъ и, пожалуй, не менѣе важнымъ—явился стремительный ростъ цѣнъ на зерно и муку.

Вотъ соотвѣтственныя официальныя цифры (стоимость тонны):

	Пшеница.		Рожь.	
	Зерно.	Мука.	Зерно.	Мука.
1914 г.				
Апрѣль-іюль	201 м.	258 м.	164 м.	229 м.
Августъ	224 „	359 „	104 „	294 „
Сентябрь	258 „	350 „	212 „	214 „
Октябрь	250 „	360 „	227 „	309 „
Ноябрь	260 „	366 „	220 „	301 „
Декабрь	260 „	393 „	220 „	316 „
1915 г.				
Январь	262 „	419 „	222 „	352 „
Увеличеніе за 6 мѣсяцевъ на	30%	62%	35%	54% [1]).

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что вздорожаніе хлѣба въ Германіи не превосходитъ вздорожанія его въ другихъ воюющихъ странахъ, даже не испытывающихъ никакихъ затрудненій въ подвозѣ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ въ январѣ—февралѣ 1915 г. тонна американской пшеницы стоила въ переводѣ на нѣмецкія деньги 268—270 марокъ, т.-е. была нѣсколько дороже, чѣмъ въ Берлинѣ (262—263 м.).

Власти пытались противодѣйствовать этому повышательному движенію путемъ установленія максимальныхъ таксъ на зерно (но не на муку), и это несомнѣнно сказалось въ относительной прочности цѣнъ на послѣднее, начиная съ ноября. Но онѣ выступили на сцену слишкомъ поздно, когда цѣны уже были достаточно вздуты спекулянтами, и кромѣ того не проявили достаточной рѣшительности. Въ итогѣ правительству пришлось, въ концѣ-концовъ, прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, отъ принятія которыхъ оно больше всего хотѣло бы уклониться,—пришлось вступить на путь серьезнаго ограниченія „свободной игры хозяйственныхъ силъ".

6 января 1915 г. Союзный Совѣтъ издалъ предписаніе, устанавливавшее болѣе тщательный вымолотъ зерна, чѣмъ это практиковалось до того (до 82% у ржи, до 80% у пшеницы), и печеніе хлѣба не изъ чистой пшеничной муки, а изъ смѣси ея съ ржаной, и не изъ чистой ржаной, а изъ смѣси ея съ картофельной мукой. Далѣе рѣшеніемъ того же Союзнаго Совѣта отъ 25 января было установлено то, что повсюду за границей, да отчасти и въ самой Германіи, не совсѣмъ правильно называется „государственной монополіей" на хлѣбъ [1]). Особому обществу „Kriegsgetreide-Gesellschaft", имѣющему 50 милліоновъ марокъ основного капитала и насчитывающему въ составѣ своихъ участниковъ всѣ нѣмецкія союзныя государства (Пруссію, Саксонію, Баварію и пр.) и цѣлый рядъ крупныхъ городскихъ самоуправленій, правительствомъ было поручено скупить три милліона тоннъ зерна, примѣняя для этой цѣли въ случаѣ необходимости право реквизиціи. Въ то же время муниципальнымъ учрежденіямъ было предписано произвести отчужденіе большей части муки, находящейся въ районѣ ихъ дѣятельности, и озаботиться заготовленіемъ достаточнаго количества долго сохраняющихся мясныхъ товаровъ. Всѣ полученные такимъ образомъ хлѣбные запасы должны были быть распредѣлены пропорціонально количеству населенія между отдѣльными коммунами и союзами

---

[1]) Не совсѣмъ правильно потому, что хлѣбные запасы далеко не цѣликомъ переходили въ руки государства, хотя бы въ лицѣ полуофиціальнаго Kriegsgetreide-Gesellschaft. Внѣ сферы полномочій послѣдняго оставалось, во-первыхъ, дѣло снабженія хлѣбомъ арміи; далѣе, въ частномъ владѣніи сохранялись запасы зерна, необходимые для обсѣмененія полей и собственныхъ нуждъ землевладѣльческихъ хозяйствъ; зерновой хлѣбъ, ввезенный послѣ указа 25 января изъ-за границы, также продолжалъ составлять собственность импортеровъ; наконецъ, продажа муки мельницами и торговцами не уничтожалась совсѣмъ, а только сильно ограничивалась.

коммунъ, считая по 225 (позднѣе по 200) гр. муки въ день на человѣка [1]).

Это была несомнѣнно безпримѣрная по колоссальности „государственно-соціалистическая“ схема. Но такъ какъ ея проведеніе волею судебъ было вложено въ руки юнкерскаго правительства, то осуществленіе реформы сильно страдало отъ отсутствія стройности и послѣдовательности. Такъ, радикально ограничивъ торговлю зерномъ, правительство первоначально не приняло однако достаточныхъ мѣръ къ нормировкѣ цѣнъ на муку и печеный хлѣбъ, и въ результатѣ населеніе, посаженное на „военные“ раціоны, вынуждено было платить бѣшеныя деньги за самый необходимый продуктъ питанія. Только постепенно подъ давленіемъ растущаго недовольства низовъ фиксація цѣнъ на хлѣбъ и хлѣбные продукты была проведена послѣдовательно во всѣхъ стадіяхъ производственнаго процесса, вырвавъ такимъ образомъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ народнаго продовольствія изъ сферы частно-капиталистической спекуляціи. Одновременно сфера дѣйствія „монополіи“ была расширена включеніями въ нее, кромѣ ржи и пшеницы, еще ячменя и овса. Описанная организація помогла германскому народу благополучно дождаться новаго урожая и даже еще съэкономить „про запасъ“ количество зерна, достаточное для мѣсячнаго существованія страны. 28 іюня 1915 г. Союзнымъ Совѣтомъ былъ изданъ цѣлый рядъ новыхъ указовъ, долженствующихъ нормировать дѣятельность хлѣбной монополіи въ 1915/16 продовольственномъ году. Въ виду большого интереса этихъ послѣднихъ я остановлюсь здѣсь на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Согласно іюньскимъ постановленіямъ Bundesrat'a прежнее Kriegsgetreide Gesellschaft, сохраняя въ общемъ старыя основы организаціи, превращается въ Reichsgetreidestelle, находящееся подъ непосредственнымъ надзоромъ имперскаго канцлера. Оно состоитъ изъ двухъ

---

[1]) Что установленные союзнымъ совѣтомъ мучные раціоны представляютъ собой весьма суровое ограниченіе, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, любопытное изслѣдованіе статистическаго отдѣленія города Маннгейма о размѣрахъ нормальнаго потребленія хлѣба, произведенное въ январѣ 1915 года. Изслѣдованіе распространялось на 416 типичныхъ семей изъ всѣхъ слоевъ и классовъ населенія, насчитывающихъ въ суммѣ 2.164 членовъ, и окончательный итогъ его былъ такой: потребленіе муки на ѣдока составляетъ въ среднемъ 1.821 граммъ въ недѣлю, или 260 граммъ въ день. Между тѣмъ германское мирное населеніе въ настоящее время должно довольствоваться только 200—225 граммами.

отдѣленій: административнаго и коммерческаго. Административное вѣдаетъ всѣ многочисленныя и очень сложныя отношенія съ властями всякаго рода (государственными, коммунальными, военными и т. д.), а также выполняетъ всю громадную статистическую работу и руководится директоріумомъ и кураторіумомъ. Директоріумъ включаетъ предсѣдателя, его замѣстителя и извѣстное число постоянныхъ и непостоянныхъ членовъ. Въ составъ кураторіума входятъ 16 членовъ Союзнаго Совѣта, по одному представителю отъ „Германскаго с.-х. совѣта“ и „Германскаго съѣзда городовъ“ и по два представителя отъ сельскаго хозяйства, торговли и промышленности и потребителей. Всѣ—по назначенію имперскаго канцлера. Коммерческое отдѣленіе, носящее юридическую форму „общества съ ограниченной отвѣтственностью“, выполняетъ функціи закупки, продажи, транспорта и т. п. хлѣбныхъ продуктовъ и управляется наблюдательнымъ совѣтомъ въ составѣ предсѣдателя административнаго отдѣленія и 24 членовъ, изъ которыхъ 7 являются представителями имперскаго и союзныхъ правительствъ (т.-е. правительствъ, входящихъ въ германскую федерацію государствъ), 7—представителями сельскаго хозяйства, 7—представителями городовъ и 3—представителями крупной индустріи. Reichsgetreidestelle работаетъ въ тѣсномъ контактѣ съ коммунальными союзами, которымъ предоставлено право конфискаціи урожая въ предѣлахъ ихъ участковъ и наблюденія за точнымъ выполненіемъ всѣхъ установленныхъ для регулированія потребленія правилъ. Коммунальные союзы могутъ быть либо простыми передаточными инстанціями по отношенію къ центральному учрежденію, либо же вести „собственное хозяйство“, т.-е. самостоятельно покрывать свои потребности изъ реквизованныхъ ими у себя дома запасовъ и лишь остатки отсылать въ центръ Само же Reichsgetreidestelle регулируетъ равномѣрное распредѣленіе наличнаго количества зерна между всѣми общинами Германіи, беретъ излишки у однихъ, покрываетъ недохватки у другихъ, организуетъ транспортъ, заботится о храненіи запасовъ и т. д. Для того, чтобы читатель могъ яснѣе представить себѣ, о какихъ громадныхъ величинахъ здѣсь идетъ дѣло, достаточно будетъ сказать, что за вычетомъ арміи и 15,4 милл. лицъ, пользующихся хлѣбомъ собственнаго производства, остается еще около 48 милл. человѣкъ, которыхъ долженъ обслуживать аппаратъ государственной монополіи (изъ этихъ 48 милл. — 30 милл. живутъ въ предѣлахъ коммунальныхъ союзовъ, ведущихъ „собственное хозяйство“, и 18 милл. зависятъ непосредственно отъ центра). Количество же хлѣба, прошедшаго

черезъ винтики и колеса монопольнаго аппарата, достигаетъ 11—14 милл тоннъ. И тѣмъ не менѣе весь исполинскій сложный механизмъ, созданный въ теченіе какого-нибудь полугода, работаетъ необыкновенно точно, гладко и увѣренно!

Что касается самаго потребленія хлѣбныхъ злаковъ, то оно регулир. слѣд. нормами. Пшеница и рожь конфискуются на корню цѣликомъ за вычетомъ количества, необходимаго для посѣвовъ и для собственнаго потребленія сельскихъ хозяевъ. Размолъ и смѣшеніе муки различныхъ сортовъ производится, какъ указано выше. Муниципальныя власти распредѣляютъ муку между кондитерскими и хлѣбопекарнями, устанавливаютъ размѣры, вѣсъ, характеръ, цѣны, и т. п. выпекаемаго хлѣба и снабжаютъ населеніе особыми „карточками", дающими право на покупку опредѣленнаго закономъ количества хлѣба въ день. Употребленіе ржи и пшеницы на кормъ скоту строго воспрещено. Ячмень и овесъ конфискуются также на корню, но на болѣе льготныхъ основаніяхъ. Производитель при извѣстныхъ условіяхъ можетъ удержать до 50% своего сбора ячменя для посѣва или для иного употребленія въ собственномъ хозяйствѣ. Съ овсомъ нѣсколько строже: правила точно опредѣляютъ количество зерна, которое производитель можетъ давать ежедневно своему скоту, а также удерживать для обсѣмененія (не свыше 3—4 центнеровъ на гектаръ). Регулируется потребленіе этихъ послѣднихъ продуктовъ особымъ Reichsfuttermittelstelle по тому же образцу, что и потребленіе ржи и пшеницы. Конфискаціи подлежатъ также многіе виды кормовыхъ средствъ для скота, какъ маисъ, лупинъ, жмыхи, отбросы при производствѣ крахмала, сахара, муки и т. п.—центральной инстанціей, вѣдающей ихъ реквизиціей и распредѣленіемъ, является „Bezugsvereinigung der deutchen Landwirte" въ Берлинѣ, которое фиксируетъ цѣны при покупкѣ продукта у производителя и имѣетъ право при продажѣ его потребителю накидывать не свыше 7% увеличенія съ такимъ расчетомъ, чтобы 4% шли самому закупочному товариществу, а 3% дальнѣйшему посреднику.

II

Я только что упомянулъ о фиксаціи цѣнъ при конфискаціи продуктовъ, подлежащихъ вѣдѣнію монополіи,—и это меня естественно приводитъ къ слабому пункту всей той грандіозной продоволь-

ственной машины, которая описана на предыдущихъ страницахъ. Даже самая геніальная организація распредѣленія не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить проблему народнаго питанія, если важнѣйшіе предметы потребленія недоступны массамъ по причинѣ исключительно высокихъ цѣнъ. Надо откровенно сказать, центральныя учрежденія хлѣбной монополіи въ этомъ отношеніи далеко не безъ грѣха. Связанныя черезчуръ тѣсными узами съ аграрно-капиталистическими кругами они съ совершенно неоправдываемой обстоятельствами легкостью сплошь да рядомъ назначали слишкомъ высокія цѣны производителямъ продуктовъ (сельскимъ хозяевамъ), устанавливали слишкомъ высокій процентъ для посредниковъ (мукомоловъ, булочниковъ, и т. д.) и тѣмъ самымъ безъ нужды удорожали стоимость необходимѣйшихъ продуктовъ питанія. Даже тамъ, гдѣ послѣднія рыночныя цѣны фиксировали болѣе народолюбиво настроенныя коммуны, невозможно было ничего сдѣлать, такъ какъ на товарѣ тяготѣла, подобно свинцовой гирѣ, высокая исходная цѣна, заплаченная производителю. Вотъ чѣмъ объясняется, что, напр., въ ноябрѣ 1915 г. въ Берлинѣ розничная цѣна пшеничнаго хлѣба по сравненію съ іюлемъ 1914 г. стояла выше на 27,7%, а розничная цѣна ржаного хлѣба—выше на 42,9%. Пусть даже извѣстная доля этого повышенія вызывается увеличеніемъ дѣйствительныхъ издержекъ производства въ обстановкѣ военнаго времени,—не подлежитъ все-жъ-таки ни малѣйшему сомнѣнію, что благодаря недостаточному демократизму своей центральной власти нѣмецкій народъ въ годину величайшаго испытанія переплатилъ безъ всякаго основанія многія сотни милліоновъ алчному племени прусскихъ аграріевъ.

Хлѣбъ и кормовыя средства для скота являются основными ингредіентами народнаго продовольствія,—поэтому здѣсь даже юнкерское правительство Германіи вынуждено было ходомъ вещей принять рѣшительныя мѣры и произвести величайшій въ исторіи „государственно-соціалистическій“ опытъ. Но именно вынуждено, такъ какъ въ глубинѣ своей аграрно-консервативной души и Бетманъ-Гольвегъ и всѣ его коллеги, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ (позднѣе ихъ настроеніе стало, видимо, мѣняться,—впрочемъ, объ этомъ ниже) несомнѣнно относились крайне отрицательно къ столь энергичному стѣсненію „свободной игры“ хозяйственныхъ силъ. Они осуществляли монополію противъ воли, подъ давленіемъ горькой необходимости и потому естественно старались ограничить сферу ея примѣненія возможнымъ минимумомъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что, изъявъ изъ области спекуляціи

пшеницу, рожь, ячмень и овесъ, правительство отказалось сдѣлать то же самое съ картофелемъ, хотя въ настоящее время именно картофель является главнымъ продуктомъ питанія народныхъ массъ (потребленіе его—всегда очень большое въ Германіи—теперь подъ вліяніемъ дороговизны увеличилось въ рабочихъ кругахъ въ 3—4 раза противъ нормы). Только 29 ноября 1915 г. Союзный Совѣтъ издалъ, наконецъ, указъ, дѣлающій первый робкій шагъ въ сторону введенія картофельной монополіи. Указомъ этимъ создается центральное Reichskartoffelstelle, получающее право по извѣстному уже читателю образцу конфисковывать 20% сбора картофеля. Нечего и говорить, что данная, чрезчуръ робкая, мѣра совершенно не въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшить „картофельный кризисъ“.

Еще менѣе рѣшительна политика правительства по отношенію къ другимъ важнымъ продуктамъ питанія—мясу, рыбѣ, овощамъ, сахару, молоку и т. д. О государственной монополіи оно пока тутъ и слышать не хочетъ и ограничивается лишь полумѣрами въ видѣ административнаго давленія на производителей и посредниковъ, частичной фиксаціи цѣнъ и т. п. Главнымъ доводомъ противъ примѣненія монополіи и въ данной области люди власти выдвигаютъ то соображеніе, что всѣхъ или почти всѣхъ вышеперечисленныхъ продуктовъ въ странѣ имѣется совершенно достаточно, и что продовольственныя затрудненія съ ними вытекаютъ не изъ ихъ количественнаго недостатка, а изъ нѣкоторыхъ несовершенствъ существующаго распредѣлительнаго аппарата. Нельзя отрицать, что въ приведенномъ доводѣ есть своя доля правды. Дѣйствительно, недостатка большинства продуктовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, въ Германіи не ощущается, но зато „несовершенства“ распредѣлительнаго аппарата, т.-е. проще говоря, спекуляція, такъ велики, что дѣлаютъ эти продукты почти недоступными для массъ въ силу ихъ крайней дороговизны. Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя, иллюстрирующія это утвержденіе. Берлинскія цѣны въ октябрѣ 1915 г. по сравненію съ іюлемъ 1914 г. возросли (въ%):

Сало	272,1%	Говядина	59,4%
Рисъ	240,0 „	Баранина	51,5 „
Ветчина	203,6 „	Молоко	36,4 „
Яйца	200,0 „	Картофель	25,0 „
Свинина	145,7 „	Кофе	22,6 „
Масло	113,5 „	Сахаръ	20,0 „

Средняя цѣна 19 важнѣйшихъ продуктовъ питанія, регистрируемыхъ офиціальной „Statistische Korrespondenz“, за первые 15 мѣс.

войны поднялась на 93,2%. Средняя стоимость нормальнаго продовольствія для четырехчленной рабочей семьи за тотъ же періодъ увеличилась съ 25,12 до 41,90 мк. въ недѣлю, т.-е. на 67%. Положеніе, какъ видимъ, становилось все болѣе серьезнымъ. Массы явно голодали. Правленіе с.-д. партіи осенью 1915 г. выпустило рѣзкое воззваніе, начинавшееся словами: „Вздорожаніе пищевыхъ продуктовъ сдѣлалось совершенно нестерпимымъ". Берлинская городская дума въ демонстративномъ засѣданіи при полномъ единодушіи всѣхъ партій требовала отъ правительства немедленныхъ и энергичныхъ мѣръ. Аналогичныя требованія поступали и отъ безчисленнаго количества муниципалитетовъ въ провинціи. Кое-гдѣ произошли уличныя манифестаціи и шумные безпорядки около съѣстныхъ лавокъ, въ которыхъ участвовали главнымъ образомъ женщины. И государственная власть увидала себя вынужденной дѣйствовать. Съ конца октября по начало декабря 1915 г. Союзнымъ Совѣтомъ былъ изданъ длинный рядъ распоряженій, регулирующихъ потребленіе различныхъ продуктовъ питанія. Распоряженія эти охватили: масло, картофель, свиное мясо, молоко, кофе, какао, чай, овощи, фрукты, гречиху, просо, медъ, варенье, сиропъ, дичь, рыбу, жиры, суррогаты жировъ и пр. Союзный Совѣтъ не ввелъ, однако, на этотъ разъ „монополій", а ограничился лишь установленіемъ карточной системы для молока, масла и нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ и сверхъ того, что особенно важно, фиксировалъ максимальныя цѣны для большинства изъ нихъ какъ въ оптовой, такъ и въ мелочной торговлѣ. При этомъ фиксація цѣнъ во многихъ случаяхъ была примѣнена въ широкихъ размѣрахъ—для всей страны,—ибо, какъ показалъ опытъ, установленіе цѣнъ отдѣльными коммунами не достигаетъ цѣли: производители отказываются доставлять продукты на рынки съ низко-фиксированными цѣнами и предпочитаютъ продавать ихъ на другихъ рынкахъ съ выше-фиксированными или совсѣмъ не фиксированными цѣнами. Образчикомъ новыхъ указовъ Союзнаго Совѣта можетъ служить распоряженіе, касающееся свиного мяса. Оно дѣлитъ Германію на 37 районовъ, нормируетъ въ каждомъ изъ нихъ цѣны на живыхъ свиней, на свиное мясо и свиное сало какъ при покупкѣ оптомъ, такъ и въ розницу. Особенно многознаменательно, что на этотъ разъ правительство рѣшилось установить свои максимальныя цѣны значительно ниже существовавшихъ въ тотъ моментъ, сильно вздутыхъ спекуляціей рыночныхъ цѣнъ. Въ результатѣ, напр., въ Берлинѣ цѣна свинины въ ноябрѣ по сравненію съ октябремъ сразу упала на 29,6%, цѣна картофеля—на 20%,

цѣна бобовъ—на 18%, цѣна масла—на 8,1%, сала—на 7,3% и т. д. Средняя выше упоминавшихся 19 продуктовъ естественно тоже понизилась и превышала теперь среднюю іюля 1914 г. уже только на 82% вмѣсто 93,2% въ октябрѣ. Точно также стоимость продовольствія четырехчленной рабочей семьи въ ноябрѣ опредѣлялась лишь въ 38,86 мк. противъ 41,90 мк. въ октябрѣ или на 55% (вмѣсто 67%) выше нормы. Несомнѣнно за всѣ первые 16 мѣсяцевъ войны это единственный въ Германіи (да и не въ одной Германіи) случай, когда цѣны на продукты массоваго потребленія не поднялись еще больше, а понизились. Замѣчательно, что столь благопріятный результатъ былъ достигнутъ лишь путемъ вмѣшательства государства, путемъ установленія максимальныхъ цѣнъ. Недаромъ извѣстный берлинскій экономистъ профессоръ Адольфъ Вагнеръ, излагая въ своей прощальной лекціи въ началѣ 1916 г. какъ бы свое научное завѣщаніе (А. Вагнеру 81 годъ, и онъ вышелъ недавно въ отставку), счелъ между прочимъ своимъ долгомъ заявить, что, по его мнѣнію, принципъ фиксаціи цѣнъ при провѣркѣ опытомъ вполнѣ оправдалъ себя. Конечно, всѣ послѣднія мѣропріятія Союзнаго Совѣта не могутъ быть причислены къ разряду монополій, но они являются все-таки актами очень далеко идущаго вмѣшательства политической власти въ стихійную борьбу экономическихъ силъ и потому по существу относятся къ области тѣхъ любопытныхъ „государственно-соціалистическихъ“ экспериментовъ, которые сейчасъ въ небывало широкихъ размѣрахъ осуществляетъ Германія. Въ итогѣ, если переводить дѣло на количество калорій, около 90% всего нѣмецкаго потребленія въ той или иной формѣ регулировано указами Союзнаго Совѣта и поставлено подъ контроль государства или коммунъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время, а дальше? Исчезнетъ ли вся построенная нынѣ грандіозная продовольственная машина по окончаніи войны, не оставивъ по себѣ слѣда? Уцѣлѣетъ ли полностью или хотя бы частично въ качествѣ постояннаго института съ наступленіемъ будущаго мирнаго періода?

Пока трудно отвѣтить съ полной опредѣленностью на эти вопросы. Надо думать, однако, что опытъ войны не пройдетъ совсѣмъ безслѣдно какъ для государственной, такъ и для экономической жизни Германіи. Въ газетѣ „Tag“ отъ 21 и 23 іюля 1915 г. президентъ извѣстнаго „Hansa-Bund“ проф. Я. Риссеръ выступилъ съ проектомъ созданія постояннаго „Экономическаго генеральнаго штаба“ въ составѣ представителей имперскаго и союзныхъ прави-

тельствъ, а также делегатовъ отъ с.-х., торговли, промышленности и потребительскихъ круговъ, который уже въ мирное время подготовлялъ бы точный планъ экономической организаціи страны на случай новой войны и заранѣе принималъ бы необходимыя предупредительныя мѣры (напр., накопленіе въ предѣлахъ Германіи достаточныхъ запасовъ хлѣба и сырья, поддержаніе въ равновѣсіи рабочаго рынка и т. д.). Профессоръ Я. Риссеръ—очень вліятельный человѣкъ, онъ одновременно крупный практикъ и крупный теоретикъ финансоваго дѣла [1]), и его статьи, встрѣченныя хоромъ сочувственныхъ голосовъ, имѣютъ весьма симптоматическое значеніе. И кто знаетъ, не войдутъ ли хлѣбная монополія или фиксація цѣнъ на наиболѣе важные продукты потребленія въ качествѣ составныхъ частей въ планъ будущей подготовки къ новой войнѣ? Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ самое послѣднее время первоначальная оппозиція аграріевъ хлѣбной монополіи начинаетъ явно слабѣть. Восточно-прусскіе помѣщики, въ концѣ-концовъ, сообразили, что и изъ монополіи они могутъ сдѣлать прекрасный гешефтъ: пусть государство покупаетъ у нихъ зерно по твердо установленнымъ, но высокимъ цѣнамъ (въ этомъ, конечно, центръ тяжести),—въ этомъ случаѣ они охотно готовы примириться съ „государственно-соціалистической“ системой его распредѣленія и даже больше того—пожертвовать столь ненавистными народу хлѣбными пошлинами. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, къ чему онѣ, эти пошлины, теперь, разъ правительство согласно гарантировать помѣщику разъ навсегда, внѣ зависимости отъ иностранной конкуренціи, вѣрный и высокій „процентъ“ на вложенный капиталъ?..

III

Но не только событія въ области народнаго продовольствія выдвинули предъ Германіей во всей настоятельности проблемы государственныхъ монополій. Обстоятельства совсѣмъ иного порядка уже сравнительно давно толкнули общественную мысль въ томъ же направленіи, заставивъ ее пристально вдумываться и вглядываться уже сейчасъ въ перспективы, видимо, неизбѣжнаго расширенія пол-

[1]) Наиболѣе важной научной работой проф. Я. Риссера является большой трудъ „Die deutschen Grossbanken“, появившійся въ 1910 г.

номочій центральной политической власти въ экономической сферѣ. Надо ли особо подчеркивать, что эти иныя обстоятельства сводятся по существу къ сложнымъ и труднымъ вопросамъ финансированія исполинской войны?

Война стоитъ страшно дорого. Въ среднемъ, по расчетамъ имперскаго министра финансовъ д-ра Гельфериха, нація тратитъ отъ $1^1/_2$—2 милліардовъ (ближе къ 2 милліардамъ) марокъ въ мѣсяцъ на борьбу, что составляетъ 18—24 милліардовъ марокъ въ годъ. При двухлѣтней длительности войны это составитъ 36—48 милліардовъ или, скажемъ, минимально 40 милліардовъ марокъ, при трехлѣтней длительности—60 милліардовъ. Протянется ли война, дѣйствительно, до августа 1917 г., мы сейчасъ не можемъ сказать опредѣленно, но что она протянется до августа 1916 г., едва ли кто-нибудь больше сомнѣвается. Вотъ почему при дальнѣйшихъ расчетахъ я буду принимать за основу стоимость двухлѣтней въ ея нынѣшнемъ объемѣ борьбы.

Непосредственнымъ финансовымъ результатомъ великой международно-политической бури будетъ несомнѣнно безпримѣрное возрастаніе государственнаго долга всѣхъ участвующихъ въ войнѣ націй, въ томъ числѣ, разумѣется, и Германіи. Въ 1913 г. задолженность послѣдней выражалась слѣд. цифрами:

	Сумма долга: (въ милл. мк.).
Имперія	4.897,2
Союзныя государства	16.196,6
	21.093,8

За первые $1^1/_2$ года войны Германія выпустила три имперскихъ и одинъ прусскій заемъ на общую сумму 27 милліардовъ марокъ. По отдѣльнымъ „кредитнымъ операціямъ“ эта сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

I	имперскій заемъ	(сентябрь 1914 г.)	4.460 милл. мк.
II	» »	(мартъ 1915 г.)	9.060 » »
III	» »	(сентябрь 1915 г.)	12.101 » »
			25.621 милл. мк.

Прусскій заемъ, выпущенный на сумму $1^1/_2$ милліарда марокъ главнымъ образомъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ русскаго нашествія восточнымъ провинціямъ страны, а также для покрытія нѣкоторыхъ другихъ вызванныхъ войной расходовъ, въ

силу его относительно скромныхъ размѣровъ мы можемъ для простоты оставить въ сторонѣ. Что касается имперскихъ займовъ, то наиболѣе характерными чертами ихъ являются, съ одной стороны, быстрое увеличеніе ихъ размѣровъ (это ясно изъ приведенной таблицы), а съ другой, привлеченіе къ ихъ покрытію все болѣе широкихъ круговъ населенія. Дѣйствительно, число подписчиковъ на первый заемъ составило 1,177.235, на второй заемъ—2.691.060 и на третій заемъ—3.551.746. Чрезвычайно интересны данныя, если можно такъ выразиться, о соціальномъ строеніи займовъ. Офиціозная „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ сообщаетъ по этому поводу слѣд. цифры:

Размѣръ индивидуальной подписки.		Число подписчиковъ.			Сумма подписки. (Въ милл. мар.).		
		I заемъ.	II заемъ.	III заемъ.	I заемъ.	II заемъ.	III заемъ.
до	200 мк.	231.112	452.113	689.289	36 (0,8%)	71 (0,8%)	107 (0,9%)
отъ 300	— 500 „	241.804	581.470	812.011	111 (2,5%)	254 (2,8%)	348 (2,9%)
„ 600	— 1.000 „	453.143	660.776	881.923	587 (13,0%)	604 (6,7%)	831 (6,7%)
„ 1.100	— 2.000 „		418.861	503.576		733 (8,0%)	899 (7,4%)
„ 2.100	— 5.000 „	157.591	361.459	415.576	579 (13,0%)	1.354 (15,0%)	1.536 (12,7%)
„ 5.100	— 10.000 „	56 438	130.903	145.286	450 (10,0%)	1.057 (12,0%)	1.184 (9,8%)
„ 10.100	— 20.000 „	19.313	46.105	54.513	307 (7,5%)	745 (8,0%)	868 (7,2%)
„ 20.100	— 50.000 „	11.584	26 407	33.392	410 (9,0%)	926 (10,0%)	1.188 (9,2%)
„ 50.100	— 100.000 „	3.629	7.742	10.512	315 (7,0%)	648 (7,0%)	876 (7,3%)
„ 100.100	— 500.000 „	2.050	4.361	7,274	509 (11.0%)	1.066 (11.0%)	1.801 (15,0%)
„ 500.100	—1.000.000 „	361	538	849	287 (6,0%)	440 (4,5%)	709 (14,2%)
	св. 1.000 000 „	210	325	545	869 (20,0%)	1.162 (12,5%)	1.774 (14,7%)
		1.177.235	2.691.060	3.551.746	4.460 (100%)	9.060 (100,0%)	12.101 (100%)

Суммируя всѣ три займа вмѣстѣ, мы получимъ такую таблицу:

	Число подписчиковъ (въ %)	Сумма подписки (въ %)
Мелкія подписки (до 2.000 мк.) . . .	80,00	17,8
Среднія „ (2.000— 50.000 „) . . .	19,60	41,4
Крупныя „ (50.000—500.000 „) . . .	0,36	20,4
Очень круп. „ (св. 500.000 „) . . .	0,04	20,6

Приведенныя данныя съ полной несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что, хотя номинальное число подписчиковъ на займы исчисляется милліонами, однако подлинными кредиторами государства являются сравнительно очень узкіе круги населенія, занимающіе верхніе этажи общественной пирамиды. Достаточно сказать, что въ странѣ, насчитывающей 68 милл. жителей, 40.000 крупныхъ подписчиковъ дали 41% всей собранной суммы въ то время, какъ почти 6 милліоновъ мелкихъ вкладчиковъ оказались не въ состояніи доставить даже полныхъ 18% ея. И это, въ свою очередь, даетъ намъ отвѣтъ на чрезвычайно актуальный и неоднократно подымавшійся вопросъ, откуда Германія беретъ деньги для веденія войны. Совершенно ясно, что она беретъ ихъ главнымъ образомъ у своей буржуазіи и своихъ землевладѣльцевъ—слоевъ, которые, если не цѣликомъ, то во всякомъ случаѣ въ очень значительной части своей дѣлаютъ прекрасный гешефтъ на великой исторической катастрофѣ. Но откуда деньги берутся у буржуазіи и землевладѣльцевъ?

По расчетамъ нынѣшняго имперскаго министра финансовъ, весь національный доходъ Германіи въ 1913 г. равнялся 45 милліардамъ марокъ, изъ которыхъ около 37 милліардовъ пошло на личное и общественное потребленіе, а 8 милліардовъ составили чистый избытокъ, большая часть котораго была помѣщена въ различныя отечественныя и иностранныя предпріятія [1]). Война сильно сократила внѣшнюю торговлю и производство, сдѣлала невозможной покупку цѣнныхъ бумагъ за границей, поставила непреодолимыя преграды основанію новыхъ фабрикъ и заводовъ. Въ результатѣ „освободились“ очень крупныя суммы денегъ, которыя и нашли себѣ выгодное примѣненіе въ покупкѣ государственныхъ бумагъ. Конечно, 8 милліардовъ слишкомъ мало для покрытія 25,6 милліарднаго займа, но такъ какъ Германія въ настоящее время представляетъ собой почти идеальное „самодовлѣющее хозяйство“, то основные

[1]) Dr K. Helfferich.—Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913, Berlin, 1914.

8 милліардовъ, пропущенные черезъ казенный сундукъ, не уходятъ за границу, а въ большей своей части снова возвращаются къ прежнимъ собственникамъ въ формѣ прибылей и процентовъ различнаго рода съ тѣмъ, чтобы затѣмъ снова быть брошенными въ волшебный круговоротъ государственныхъ финансовъ. Таковъ основной механизмъ оплаты войны въ имперіи Гогенцоллерновъ, частично дополняемый еще все-жъ-таки продолжающимся, хотя и въ сильно уменьшенныхъ размѣрахъ, естественнымъ накопленіемъ капитала въ странѣ. Для всякаго, имѣющаго нѣкоторое представленіе о структурѣ капиталистическаго обращенія, разумѣется, совершенно ясно, что война финансируется главнымъ образомъ за счетъ цѣнностей, которыя еще должны быть созданы въ будущемъ, иными словами ведется въ долгъ.

Но вернемся къ нашему расчету. Итакъ, при годичной стоимости войны въ 20 милліардовъ мк. Германія за 2 года истратитъ минимумъ 40 милліардовъ. Такъ какъ правительство во избѣжаніе нарушенія гражданскаго мира партійной борьбой рѣшило по возможности обходить вопросъ о повышеніи старыхъ или введеніи новыхъ налоговъ до конца войны, то, очевидно, вся или почти вся эта гигантская сумма должна будетъ быть покрыта путемъ внутреннихъ займовъ. Считая изъ 5%, это составитъ въ годъ постоянныхъ новыхъ расходовъ въ имперскомъ бюджетѣ послѣ заключенія мира 2 милліарда, а вмѣстѣ съ 1% на погашеніе 2,4 милліарда марокъ.

Однако 24 милліарда новыхъ еще далеко не все. Такъ какъ въ настоящее время едва ли кто-нибудь можетъ питать широко распространенную въ первый періодъ борьбы иллюзію, будто бы нынѣшняя война явится послѣдней войной человѣчества, то естественно первымъ дѣломъ Германіи послѣ возвращенія на мирное положеніе будетъ возобновленіе потраченной амуниціи, постройка новыхъ военныхъ судовъ вмѣсто разбитыхъ и потонувшихъ и т. д. Во сколько именно обойдется вся эта операція, сейчасъ еще трудно сказать, но, по довольно вѣроятнымъ расчетамъ свѣдущихъ людей, она должна поглотить 7—10 милліардовъ мк. Беря даже минимальную цифру 7 милліардовъ, получимъ еще 350 милл. мк. въ годъ процентовъ.

Затѣмъ идутъ пенсіи и пособія жертвамъ войны—семьямъ убитыхъ, инвалидамъ, калѣкамъ и т. д. Я не стану утомлять читателя длинными вычисленіями и соображеніями, скажу только, что, по мнѣнію очень осторожныхъ политиковъ, эта статья расхода будетъ поглощать, особенно въ первое время послѣ окончанія войны, по

крайней мѣрѣ, $1^1/_2$ милліарда марокъ въ годъ [1]). Далѣе значительныя суммы приходится отсчитать на различныя отрасли соціальной политики, введенныя или расширенныя во время войны, какъ страхованіе отъ безработицы, централизація посредничества по пріисканію труда, поддержка материнства и т. д. Отмѣнены эти мѣры уже больше быть не могутъ отчасти въ виду той слишкомъ крупной роли, которую пролетаріатъ играетъ въ нѣмецкой жизни, отчасти же просто по соображеніямъ цѣлесообразности. Государству, напр., крайне выгодно послѣ войны поощрять плодовитость населенія путемъ выдачи пособій беременнымъ и роженицамъ. Точно также предпринимателямъ выгодно путемъ расширенія сферы дѣйствія соціальнаго законодательства повышать трудоспособность нѣмецкаго рабочаго, ибо послѣ заключенія мира на полѣ битвы начнется еще болѣе ожесточенная, чѣмъ раньше, экономическая борьба между различными націями и странами на міровомъ рынкѣ. А въ этой борьбѣ то или иное качество рабочей силы занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Указанныя соціально-политическія нововведенія—минимальныя нововведенія, такъ какъ пишутъ и говорятъ сейчасъ въ Германіи еще и о многомъ другомъ, но вѣдь и они, по самымъ скромнымъ расчетамъ, потребуютъ едва ли меньше 400 милл. мк. въ годъ. Въ итогѣ, стало быть, имперскій бюджетъ долженъ будетъ увеличиться сразу минимумъ на 4—$4^1/_2$ милліарда марокъ или болѣе чѣмъ удвоиться (въ 1913 г. этотъ бюджетъ равнялся 4001 милл. мк., однако 416 милл. мк. изъ нихъ составилъ единовременный „военный взносъ“ со всѣхъ имуществъ свыше 10.000 мк., а 255 милл.—взносы союзныхъ государствъ, такъ что собственно подлинный доходный бюджетъ самой имперіи опредѣлялся только въ 3449 милл. мк.). Кромѣ имперіи, подъ вліяніемъ все той же войны должны будутъ значительно увеличить свой бюджетъ еще союзныя государства [2]) и коммуны, но ихъ я ужъ сейчасъ оставляю въ сторонѣ.

---

[1]) Согласно закону 1907 г., семьямъ убитыхъ выдаются слѣд. пенсіи: женѣ—400 мк. въ годъ, на каждаго ребенка при ней еще по 168 мк., сиротамъ—по 240 мк. каждому, родителямъ и дѣдамъ, если они пользовались поддержкой убитаго, по 250 мк. каждому. Инвалиды, по законамъ 1906 и 1913 гг., получаютъ при потерѣ трудоспособности не меньше 10% отъ 558—1366 мк. въ годъ (180 мк. за участіе въ войнѣ, отъ 54—540 мк. за потерю трудоспособности, 324—648 мк. за увѣчье). Здѣсь приведены, конечно, нормы, относящіяся къ рядовымъ.

[2]) Бюджеты всѣхъ 26 союзныхъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ въ 1913 г. достигали 6.478 милл. мк.,—такимъ образомъ весь германскій бюджетъ въ цѣломъ составлялъ около 10 милліардовъ марокъ.

Откуда взять эту по-истинѣ исполинскую сумму?

Въ первый періодъ войны нѣмецкіе офиціальные круги вполнѣ серьезно разсчитывали на контрибуцію, какъ на средство полностью или хотя бы частично компенсировать свои безпримѣрные расходы на дѣло борьбы. Теоретически они не отказались отъ этой идеи и понынѣ, однако въ настоящее время едва ли можно сомнѣваться, что никакой контрибуціи нѣмцы не получатъ. А если такъ, то, значитъ, для покрытія будущаго бюджетнаго дефицита они должны разсчитывать только на свои собственные рессурсы. До сихъ поръ Германія, какъ государственная единица, жила поступленіями съ четырехъ главныхъ источниковъ: государственныхъ предпріятій (желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, лѣсовъ и т. д.), пошлинъ, прямыхъ налоговъ и косвенныхъ налоговъ. Едва ли нужно много доказывать, что всѣ эти источники совершенно не въ состояніи доставить имперіи новыхъ 4 милліарда. Доходы съ государственныхъ предпріятій путемъ повышенія цѣнъ билетовъ, платы за телеграммы и пр., конечно, можно нѣсколько увеличить, однако этому возрастанію поступленій естественными условіями поставленъ сравнительно узкій предѣлъ. Пошлины на продукты сельскаго хозяйства до сихъ поръ были очень высоки и о дальнѣйшемъ значительномъ ихъ взвинчиваніи не можетъ быть и рѣчи: для этого оппозиція массъ, а отчасти и буржуазно-промышленныхъ круговъ слишкомъ велика. Экспериментировать съ индустріальными пошлинами также опасно: и до войны онѣ были достаточно чувствительны, дальнѣйшее ихъ увеличеніе грозитъ вредными послѣдствіями для самой индустріи, удорожая ея сырье и ослабляя ея положеніе на міровомъ рынкѣ. Да если бы въ этой области что-нибудь и было бы, въ концѣ-концовъ, сдѣлано, рѣчь могла бы итти лишь о какихъ-нибудь 200—300 милл. мк. лишнихъ (въ 1913 г. весь доходъ отъ пошлинъ равнялся 721,5 милл. мк.), т.-е. являлась бы каплей въ морѣ. Реформа прямого обложенія, конечно, была бы въ состояніи дать казнѣ весьма солидныя экстренныя суммы [1]), но, во-первыхъ, прямые налоги находятся почти цѣликомъ въ рукахъ союзныхъ государствъ, а, во-вторыхъ,—и это самое главное—буржуазно-аграрные круги ни въ коемъ случаѣ не допустили бы слишкомъ серьезно обременить

---

[1]) Дѣйствительно, прямыхъ налоговъ въ Германіи взимается въ среднемъ лишь около 14 мк. на голову населенія въ то время, какъ въ Англіи взимается 34 мк.

себя ради блага дорогого отечества. Любопытной иллюстраціей къ только что высказанной мысли служитъ судьба Kriegsgewinnsteuer (налога на военную прибыль), налога, единодушно требовавшагося рейхстагомъ и чрезвычайно популярнаго въ глазахъ общественнаго мнѣнія, налога, имѣющаго за себя всѣ матеріальныя и моральныя оправданія и тѣмъ не менѣе застрявшаго гдѣ-то въ сложныхъ зубцахъ правительственнаго механизма. Остается еще область косвеннаго обложенія, составляющаго какъ разъ прерогативу имперіи (по теоріи Бисмарка, положенной въ основу германской финансовой конституціи, союзныя государства должны существовать на прямые, а имперія на косвенные налоги). Въ 1913 г. изъ этого источника ею было получено 1.140 милл. мк., и многіе экономисты и политики утверждаютъ, что здѣсь имѣются еще достаточно широкія возможности. Въ доказательство они ссылаются на то обстоятельство, что въ Германіи въ томъ же 1913 г. въ среднемъ на голову населенія приходилось только 32 мк. косвенныхъ налоговъ противъ 37 мк. въ Англіи и 48 мк. во Франціи. Какъ однако ни желательно было бы опредѣленнымъ элементамъ свалить на народныя массы бремя расплаты за войну, это представляетъ на практикѣ огромныя политическія затрудненія. Опытъ пресловутой „финансовой реформы“ кн. Бюлова въ 1908—9 гг., долженствовавшей дать имперіи 500 милл, мк. новыхъ доходовъ и на $^4/_5$ построенной на принципѣ косвеннаго обложенія, еще свѣжъ у всѣхъ въ памяти (Бюловъ въ связи съ этой реформой вынужденъ былъ уйти въ отставку, а с.-д. на ближайшихъ выборахъ 1912 г. одержали небывало блестящую побѣду), и едва ли правительство захочетъ его повторять. Тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ дѣло идетъ не о нѣсколькихъ сотняхъ, а о многихъ тысячахъ милліоновъ, что не можетъ, разумѣется, не отразиться на энергіи сопротивленія трудящихся классовъ.

Какъ видимъ, всѣ „старыя“, до сихъ поръ практиковавшіяся средства заштопыванія государственныхъ дефицитовъ оказываются по разнымъ причинамъ совершенно непригодными для благополучнаго разрѣшенія тяжелыхъ финансовыхъ проблемъ, которыя оставитъ въ наслѣдіе Германіи нынѣшняя война. Не исключена, конечно, возможность, что прижатое къ стѣнѣ необходимостью правительство все-таки попытается частично прибѣгнуть и къ повышенію пошлинъ и къ увеличенію косвеннаго и прямого обложенія. Однако всѣ подобныя мѣры будутъ вѣроятнѣе всего носить лишь второстепенный, вспомогательный характеръ. Центръ тяжести будетъ не здѣсь. Главнымъ оружіемъ, при помощи котораго кормчіе нѣ-

мецкаго государственнаго корабля разсчитываютъ справиться съ угрожающими ему опасностями и которое они уже загодя начинаютъ заботливо оттачивать, суждено, повидимому, стать системѣ столь усиленно обсуждаемыхъ въ настоящее время въ Германіи монополій.

IV

Вопросъ о введеніи государственныхъ монополій подымается въ Германіи уже не впервые. Въ сущности духовнымъ, а отчасти и практическимъ отцомъ этой идеи является здѣсь все тотъ же универсальный Бисмаркъ, наложившій неизгладимый отпечатокъ своей могучей личности на самыя разнообразныя стороны политической и соціально-экономической жизни имперіи. Бисмаркъ въ 70-хъ гг. прошлаго столѣтія провелъ огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ, Бисмаркъ въ 80-хъ гг. способствовалъ образованію большихъ торговыхъ компаній для монопольной эксплуатаціи нѣмецкихъ колоній, Бисмаркъ носился съ идеей созданія цѣлаго ряда индустріальныхъ монополій для обезпеченія федеральному казначейству достаточно крупныхъ, ни отъ парламента, ни отъ союзныхъ правительствъ независящихъ денежныхъ рессурсовъ, и въ качествѣ перваго шага въ этомъ направленіи онъ внесъ даже въ 1882 г. въ рейхстагъ проектъ табачной монополіи, отвергнутый однако большинствомъ народныхъ представителей далеко не въ послѣдней степени потому, что они усматривали въ немъ слишкомъ большой „кусочекъ соціализма“. Отвѣчая на нападки противниковъ, „желѣзный канцлеръ“ тогда, между прочимъ, говорилъ:

„Соціалистичны многія мѣропріятія, которыя нами уже осуществлены, и вообще государственная власть въ нашей имперіи должна будетъ нѣсколько больше привыкнуть къ соціализму... Соціалистично было въ свое время освобожденіе крестьянъ, соціалистично всякое отчужденіе земель въ пользу желѣзныхъ дорогъ, соціалистично уничтоженіе черезполосицы (во многихъ провинціяхъ это законъ), когда участокъ берется у одного и отдается другому только потому, что этотъ другой сможетъ съ большимъ удобствомъ его обрабатывать, соціалистична экспропріація, предусмотрѣнная законами объ орошеніи, соціалистично все попеченіе о бѣдныхъ, обязательное посѣщеніе школы, дорожная повинность и многое другое. Все это соціалистично. Я могъ бы сильно удлинить свой списокъ, но если вы разсчитываете

кого-нибудь напугать словомъ „соціализмъ“, то, значитъ, вы продолжаете еще стоять на точкѣ зрѣнія, которая уже давно сдана мною въ архивъ и преодолѣніе которой крайне необходимо въ интересахъ всего имперскаго законодательства“ [1]).

Эти слова великаго юнкера очень небезполезно вспомнить именно теперь, когда по вопросу о монополіяхъ, какъ увидимъ еще ниже, даже въ рядахъ германской рабочей демократіи господствуетъ чрезвычайно большая путаница мнѣній.

Послѣ неудачной попытки Бисмарка проблемы монополизаціи государствомъ тѣхъ или иныхъ отраслей промышленности въ сферѣ практической политики больше не подымались, хотя справедливость требуетъ сказать, что за протекшія съ тѣхъ поръ три десятилѣтія въ ходѣ историческаго развитія быстро нарастали объективныя предпосылки для осуществленія подобнаго рода мѣропріятій: съ одной стороны, происходила стремительная концентрація производства и въ цѣломъ рядѣ индустрій (угольной, желѣзодѣлательной и др.) создавались такъ наз. „относительныя монополіи“ картелей, синдикатовъ и трестовъ, съ другой, государственная власть, проведшая тѣмъ временемъ систему обязательнаго страхованія для трудящихся, управляющая (въ Пруссіи) громадными собственными угольными копями съ болѣе чѣмъ 100 тыс. рабочихъ, субсидирующая въ той или иной формѣ изъ казенныхъ средствъ пароходныя линіи, торговыя фирмы, промышленныя предпріятія и т. д., все больше привыкала энергично вмѣшиваться въ экономическую сферу и оказывать опредѣленное вліяніе на совершающіеся въ ней стихійные процессы. Вотъ почему нисколько неудивительно, что, когда въ настоящее время общественная мысль стала предъ грандіозными финансовыми задачами, выдвигаемыми войной, она естественно обратилась къ проектамъ монополій: вѣдь современная Германія по всему складу, по всему духу своихъ отношеній какъ нельзя болѣе подходитъ для такихъ начинаній.

Повидимому, подобное же настроеніе господствовало и въ правительственныхъ кругахъ. Въ самомъ началѣ войны на постъ имперскаго министра финансовъ былъ назначенъ д-ръ К. Гельферихъ, и это во многихъ отношеніяхъ было чрезвычайно знаменательно. Гельферихъ—лицо въ Германіи съ очень опредѣленной репутаціей, и призваніе его къ власти было, по выраженію извѣстнаго

---

[1]) O. Bismarck „Gesammelte Reden“, Berlin, 1892. Рѣчь отъ 12 іюня 1882 г.

с.-д. писателя А. Брауна, „программой, правда, еще не высказанной, но тѣмъ не менѣе въ своихъ основныхъ очертаніяхъ безъ труда угадываемой“ [1]). Гельферихъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ теоретиковъ и практиковъ финансоваго капитала. Онъ—бывшій приватъ-доцентъ и нынѣ бывшій директоръ „Deutsche Bank“. Его лучшія научныя работы посвящены вопросамъ денежнаго и кредитнаго обращенія, а его главныя практическія стремленія всегда были направлены въ сторону экспорта отечественнаго капитала за границу, особенно въ колоніи (онъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ Багдадской ж. д.). Въ то же время Гельферихъ является однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей того теченія въ рядахъ нѣмецкой крупной буржуазіи, которая стремится къ возможно большему подчиненію индустріи банкамъ, къ созданію могущественныхъ картелей и синдикатовъ, къ тѣсному сближенію между капиталомъ и политической властью. Предъ нами, такимъ образомъ, чрезвычайно яркое воплощеніе въ одномъ лицѣ основныхъ тенденцій современнаго германскаго имперіализма, и вотъ въ руки ему-то отдавались судьбы государственныхъ финансовъ въ столь безпримѣрно критическій моментъ! Да еще въ официозномъ сообщеніи о назначеніи д-ра Гельфериха заключалась фраза о томъ, что въ его задачи входитъ не только управленіе денежной частью во время войны, но также и подготовка „перестройки (Neuordnung) имперскихъ финансовъ“ и фактическое проведеніе послѣдней по заключеніи мира. Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что широкая публика въ призывѣ директора „Deutsche Bank“ на столь отвѣтственную должность усматривала настоящій оменъ и стала серьезно ожидать вступленія страны въ эру государственныхъ монополій. Ожиданія эти, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, оказались не напрасными.

Мы знаемъ уже, что въ ходѣ войны Германія вынуждена была принять рядъ экстраординарныхъ мѣръ для организаціи народнаго продовольствія и для спасенія своей промышленности отъ гибели. Въ этихъ экстраординарныхъ мѣрахъ принципы монополіи играли очень крупную роль. Я имѣю въ виду сейчасъ не столько описанный выше аппаратъ по снабженію страны хлѣбомъ, сколько нѣкоторыя другія начинанія, ближе подходящія къ типу интересующихъ насъ сейчасъ индустріальныхъ монополій. Такова, напр., созданная въ мартѣ 1915 г. азотная монополія. Какъ извѣстно, Германія раньше добывала азотъ, играющій столь крупную роль въ изготовленіи

[1]) „Die Neue Zeit“, 1915, № отъ 12 февраля.

пороха и удобреній, изъ чилійской селитры. Англійская блокада пріостановила импортъ послѣдней въ имперію, и тогда нѣмецкими химиками найдены были дешевые способы добыванія азота изъ воздуха. Для эксплуатаціи новаго открытія была образована особая компанія, въ составъ которой вошли важнѣйшія химическія и электрическія фирмы страны, а также государство, необходимыя суммы внесли всѣ участники ея (государство—40 милл. мк.), и компанія получила срокомъ на 7 лѣтъ монополію на производство, ввозъ и торговлю азотистыми веществами въ предѣлахъ всей германской федераціи. Я обратилъ особое вниманіе на азотную монополію именно потому, что она можетъ служить прекраснымъ образчикомъ грядущихъ финансово-экономическихъ преобразованій, намѣчаемыхъ сейчасъ д-ромъ Гельферихомъ. И несомнѣнно самое характерное въ азотной монополіи это то, что она по своему внутреннему строенію радикально отличается отъ государственныхъ монополій стараго типа. Раньше, принимая въ свое вѣдѣніе какую-нибудь отрасль промышленности, государство обыкновенно выкупало всѣ фабрики, заводы и т. д. и становилось единоличнымъ собственникомъ всего производства. Прежніе владѣльцы предпріятій совершенно устранялись со сцены и превращались въ рантьеровъ, рѣжущихъ купоны съ процентныхъ бумагъ. Д-ръ Гельферихъ создалъ нѣчто совсѣмъ иное. Его монополія—это не вытѣсненіе индустріальныхъ магнатовъ государствомъ, а наоборотъ, тѣсный союзъ, интимная кооперація между государствомъ, индустріальными магнатами, да еще банками (они играютъ вѣдь такую крупную роль въ нѣмецкой промышленности!) одинаково принимающими участіе какъ въ управленіи, такъ и въ извлеченіи финансовой добычи изъ одного общаго грандіознаго предпріятія. Для государства подобная система представляетъ то несомнѣнное удобство, что она избавляетъ его отъ необходимости затрачивать громадныя средства на оборудованіе или выкупъ орудій производства (въ худшемъ случаѣ это приходится дѣлать лишь частично), для промышленниковъ—ту неоспоримую выгоду, что, оставаясь активными членами индустріальнаго процесса, они въ то же время получаютъ къ своимъ услугамъ всю мощь государственной организаціи, гарантирующей имъ исключительное право эксплуатаціи опредѣленнаго рынка и готовой въ любой моментъ притти имъ на помощь въ борьбѣ ли съ иностранной конкуренціей (пошлины, вывозныя преміи и пр.), въ столкновеніи ли съ собственными рабочими, въ обдираніи ли отечественнаго потребителя. Система, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующая общей тенденціи современнаго

германскаго капитализма къ тѣсному взаимному переплетенію съ государственной властью.

Азотная монополія—не единственный примѣръ. По такому же типу построена монополія по производству и торговлѣ картофельной мукой и крахмаломъ, монополія покупки и продажи кормовыхъ средствъ для скота (выше упоминавшееся „Bezugsvereinigung der deutschen Landwirte“ въ Берлинѣ) и нѣкоторыя другія. По тому же типу предполагается монополизировать во время или послѣ ойны и многія „старыя“, т.-е. не созданныя подъ вліяніемъ ключительныхъ условій момента отрасли индустріи. Но какія именно?

Вообще говоря, считается, что необходимыми предпосылками для успѣшнаго проведенія монополіи являются двѣ; во-первыхъ, организованность данной отрасли промышленности, ибо это облегчаетъ техническое и финансовое управленіе ею, и, во-вторыхъ, нѣкоторое безпокойство, нѣкоторая неувѣренность ея въ своемъ будущемъ, ибо это располагаетъ ея фактическихъ руководителей искать поддержки какой-нибудь сильной руки и заставляетъ ихъ охотнѣе итти навстрѣчу различнымъ предположеніямъ со стороны государственной власти. Руководясь этими основными признаками, и экономисты, и политики, и самъ д-ръ Гельферихъ намѣтили въ качествѣ возможныхъ объектовъ новыхъ „государственно-соціалистическихъ“ опытовъ довольно длинный рядъ различныхъ отраслей промышленности и торговли: въ первую голову папиросное, табачное, спичечное, спиртовое, пивоваренныя производства, страховое дѣло электротехническая и связанныя съ ней побочныя индустріи, въ болѣе отдаленномъ будущемъ, какъ возможныя перспективы, горное дѣло, производство желѣза и стали, торговля керосиномъ, ввозными удобреніями, хлопкомъ и др. видами сырья. Конечно, даже изъ отраслей, идущихъ „въ первую голову“, далеко не всѣ имѣютъ шансы быть монополизованными въ самомъ близкомъ будущемъ, но есть среди нихъ однако и такія, переходъ которыхъ въ руки государства уже въ настоящее время вполнѣ серьезно подготовляется. Такъ, Германія стоитъ наканунѣ введенія папиросной и табачной монополіи, наканунѣ монополіи страхового дѣла и еще, пожалуй, наканунѣ монополіи электрическаго тока. Въ виду громаднаго значенія этой послѣдней монополіи я считаю нелишнимъ остановиться на ней нѣсколько внимательнѣе.

V.

Цвѣтущая электро-техническая промышленность Германіи, неоспоримо господствовавшая предъ войной на міровомъ рынкѣ, является однимъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ высоко-капиталистической концентраціи производства. Два могучихъ „концерна“—„Siemens-Schuckert Werke“ и „Allgemeine Elektrizitätgesellschaft“ (знаменитое A. E. G.)—безусловно доминируютъ въ данной отрасли индустріи. Внѣ ихъ стоитъ 300—400 такъ называемыхъ „спеціальныхъ фабрикъ“ съ общимъ количествомъ 85.000 рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ сортовъ продуктовъ, однако очень многія и изъ этихъ формально независимыхъ предпріятій косвенно—черезъ банки и другія промышленныя компаніи связаны съ двумя капиталистическими левіаѳанами. Въ концѣ 1913 г. „A. E. G.“ насчитывало у себя около 70.000 служащихъ и рабочихъ, „S. S. W.“—83.000, включая сюда какъ ихъ германскія предпріятія, такъ и заграничныя отдѣленія. Общая сумма ихъ собственнаго, занятаго, а также контролируемаго ими въ другихъ компаніяхъ капитала достигала приблизительно 2.000 милл. мк., изъ которыхъ около 1200—1300 милл. приходилось на долю „S. S. W.“ Главной сферой дѣятельности обоихъ „концерновъ“ являются изготовленіе и установка электрическихъ машинъ и аппаратовъ, а также постройка и финансированіе электро-техническихъ предпріятій различнаго рода. Здѣсь—они безспорные монополисты и диктаторы. Но это еще не все. Многочисленныя отрасли современнаго машиностроенія всегда привлекали къ себѣ пристальное вниманіе обѣихъ компаній, и въ ихъ мастерскихъ передъ войной производились автомобили и паровыя турбины, пишущія машины и моторы Дизеля. Всякій промышленный „концернъ“, по самому существу своему, представляетъ чрезвычайно сложное цѣлое, не являются исключеніемъ изъ общаго правила и обѣ разсматриваемыя нами электрическія фирмы. Для того, чтобы дать читателю возможность слегка заглянуть за кулисы современнаго крупно-капиталистическаго предпріятія, я приведу здѣсь кой-какія любопытныя данныя, касающіяся „S. S. W.“.

Образовалась эта компанія изъ сліянія части производства „Siemens und Halske Aktien-Gesellschaft“ и „Elektrizität A. G.“ (прежде „Schuckert A. G.“). Однако въ наблюдательномъ совѣтѣ „S. S. W“, кромѣ представителей этихъ двухъ основныхъ обществъ, засѣдаютъ

еще представители трехъ крупныхъ машиностроительныхъ фирмъ („Maschinen- A. G. Nürnberg—Augsburg“ ,„Maffei München“ и „Maffei Schwarzkopf“) и 3 банковъ („Deutsche Bank“, „Bayerische Vereinsbank“ и „Commerz und Diskonto Bank Hamburg“). Далѣе къ этому же „концерну“ принадлежатъ 11 важнѣйшихъ предпріятій по производству, установкѣ и эксплуатаціи электрическихъ машинъ (напр., „Dresdener A. G. Elektra“, „Electrische Licht-u. Kraftanlage Berlin“, „Thüringische Elektrizitäts- u. Gaswerke“ и т. д.) три „Elektrizitätswerke“ (въ Grünhainichen, Aschaffenburg, Alsenztal) имъ арендованы, въ 16 другихъ онъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Сверхъ того „концернъ“ участвуетъ въ цѣломъ рядѣ смѣшанныхъ (т.-е. не чисто электро-техническихъ) предпріятій, въ которыхъ одновременно заинтересовано и „A. E. G.“. Это естественно приводитъ меня къ вопросу о взаимоотношеніяхъ между обоими гигантами электрической индустріи. Офиціально, они непримиримые соперники, старающіеся вырвать почву другъ у друга изъ-подъ ногъ. Есть однако много основаній полагать, что въ дѣйствительности между ними существуетъ немало закулисныхъ связующихъ нитей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ общественное мнѣніе Германіи было сильно взволновано разоблаченіями нѣкоего E. H. Geist'a (бывшаго владѣльца электро-технической фабрики въ Кельнѣ), утверждавшаго, что между „S. S. W.“, „A. E. G.“ и нынѣ прекратившейся фирмой „Felten-Guilleaume-Lahmeyer-A.-G.“ имѣется тайный договоръ объ исключеніи взаимной конкуренціи. Разоблаченія эти никогда не были опровергнуты и, какъ утверждаютъ, подъ вліяніемъ начатой въ прессѣ кампаніи упомянутый тайный договоръ былъ, въ концѣ-концовъ, расторгнутъ. Однако люди, хорошо знакомые съ нѣмецкими промышленными сферами, не сомнѣваются, что нѣчто въ родѣ подобнаго соглашенія, своего рода entente cordiale существуетъ между „S. S. W.“ и „A. E. G.“ и въ настоящее время. Извѣстно, напр., что ихъ связь вполнѣ открыто выступаетъ въ Южной Америкѣ, а въ предѣлахъ Германіи—въ Гамбургѣ и Тюрингіи. Чрезвычайно многознаменателенъ также тотъ фактъ, что одни и тѣ же крупные банки „заинтересованы“ въ обоихъ „концернахъ“ (Deutsche Bank, Berliner Handelsgesellschaft, Dresdener Bank, Darmstädter Bank, Delbrück, Schickler und C°, S. Bleichröder). Каждый изъ нихъ, кромѣ этихъ общихъ, имѣетъ еще по нѣскольку своихъ собственныхъ банковъ („S. S. W.“ „Mitteldeutsche Kreditbank“ и 3 частныхъ; „A. E. G.“ Nationalbank, Reinische Diskonto Gesellschaft и 4 частныхъ), но послѣдніе играютъ въ ихъ дѣятельности лишь второсте-

пенную роль [1]). Въ итогѣ создается впечатлѣніе, что почти вся современная электротехническая индустрія Германіи находится (прямо или косвенно) въ „кулакѣ“ у маленькой кучки крупнѣйшихъ финансовыхъ магнатовъ, формально раздѣленныхъ на двѣ соперничающихъ группы, фактически же однако глубоко единыхъ.

Вотъ эту-то высоко развитую и исполински концентрированную отрасль промышленности д-ръ Гельферихъ и собирается монополизировать въ ближайшемъ будущемъ. Справедливость требуетъ сказать, что данная идея уже давно висѣла въ воздухѣ, и отдѣльныя союзныя государства, особенно располагающія естественными источниками водяной силы, проектировали уже не разъ взять въ свои руки снабженіе населенія электрической энергіей. Такъ, Баденъ нѣсколько лѣтъ назадъ началъ разработку очень интереснаго плана постройки такъ наз. „Elektrisches Murgwerk“, Баварія выдвинула схему установки громадной электрической станціи, могущей снабжать токомъ, по меньшей мѣрѣ, половину ея территоріи, на Walchensee [2]) и баварскій ландтагъ ассигновалъ значительныя суммы на предварительныя изысканія. Уже во время нынѣшней войны Саксонія заявила о своемъ намѣреніи ввести въ своихъ предѣлахъ государственную монополію на электричество, при чемъ, какъ предупредительно замѣтилъ въ ландтагѣ саксонскій министръ финансовъ, это ни въ коемъ случаѣ не должно означать уменьшеніе доходовъ теперешнихъ поставщиковъ тока (министръ, очевидно, имѣетъ въ виду монополизацію по системѣ Гельфериха). Какъ видимъ, имперское правительство въ своихъ финансово-экономическихъ начинаніяхъ ступаетъ здѣсь на не совсѣмъ неизслѣдованную почву, что, надо полагать, нѣсколько облегчитъ ему осуществленіе сложной и связанной съ преодолѣніемъ нѣлаго ряда крупныхъ техническихъ затрудненій задачи.

Выше я указывалъ, что вопросъ о введеніи промышленныхъ монополій въ Германіи выдвинутъ главнымъ образомъ потребностью государства въ громадномъ увеличеніи своихъ регулярныхъ доходовъ. Дадутъ ли однако монополіи въ дѣйствительности ожидаемыя отъ нихъ суммы? Смогутъ ли онѣ покрыть 4-милліардный дефицитъ будущаго имперскаго бюджета? Точные расчеты въ настоящій мо-

---

[1]) См. интересную статью A. Braun „Elektrizitätsmonopol“ въ „Neue Zeit“, 1915, №№ 19 и 20.

[2]) Суть баварскаго проекта сводится къ слѣдующему: горное озеро Walchensee расположено на 200 м. выше озера Kochelsee, между тѣмъ разстояніе, отдѣляющее оба озера другъ отъ друга, не превышаетъ 4 км. Предполагается прорыть соединеніе между обоими озерами и использовать силу образующагося при этомъ водопада для приведенія въ движеніе электрической станціи.

ментъ, конечно, преждевременны, однако есть всѣ основанія полагать, что монополизація различныхъ отраслей индустріи окажется въ состояніи привести въ равновѣсіе расходы и доходы государственнаго казначейства. Для иллюстраціи сдѣлаю слѣдующее сопоставленіе. Италія при своихъ 32 милл. населенія получила въ 1914 г. съ табачной монополіи 356 милл. лиръ, Франція при количествѣ населенія въ 39 милл. въ 1913 г. съ той же табачной монополіи получила 511 милл. фр., Австрія съ населеніемъ въ 28 милл. въ 1910 г. также съ табачной монополіи получила 278 милл. кр. Можно думать, поэтому, что Германія при ея 68 милл. населенія только отъ монополизаціи одной табачной промышленности окажется въ состояніи получать очень крупныя суммы, исчисляемыя многими сотнями милліоновъ [1]). О томъ, что электрическая монополія при раціональной постановкѣ дѣла способна превратиться въ настоящее „золотое дно“, конечно, не приходится сомнѣваться, особенно если принять во вниманіе быстрое расширеніе сферы приложенія электрическаго тока. А вѣдь обѣ названныя монополіи намѣчаются только какъ начало длиннаго ряда аналогичныхъ мѣропріятій.

Но кромѣ чисто финансовыхъ выгодъ, проекты д-ра Гельфериха имѣютъ, съ точки зрѣнія государственной власти, еще то громадное преимущество предъ всякими другими, что при своемъ осуществленіи они едва ли натолкнутся на какія-либо серьезныя политическія затрудненія. Капиталистическіе круги, ничего не теряющіе изъ своихъ прибылей и дивидендовъ при введеніи монополіи, очевидно, не станутъ изъ одного лишь „принципа“ (ограниченіе свободной игры хозяйственныхъ силъ!) оказывать сколько-нибудь существенной оппозиціи нововведеніямъ имперскаго министра финансовъ. Съ другой стороны, рабочая демократія, судя по ея прессѣ и парламентскимъ выступленіямъ, приметъ систему монополій на извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ ниже, въ общемъ сочувственно, въ худшемъ случаѣ легко съ ней примирится. Представители праваго крыла соціалъ-демократіи уже сейчасъ поютъ хвалебные гимны грядущимъ фискально-промышленнымъ планамъ правительства, усматривая въ нихъ частичное осуществленіе соціализма; представители лѣваго крыла обнаруживаютъ больше сдержанности и концентрируютъ свое главное вниманіе на вопросѣ о гарантіяхъ противъ возмож-

[1]) Въ выше упоминавшемся проектѣ табачной монополіи, внесенномъ Бисмаркомъ въ 1882 г. въ рейхстагъ, вѣроятные доходы съ нея исчислялись въ 388 милл. мк. Съ тѣхъ поръ численность населенія имперіи возросла съ 45 до 68 милл. человѣкъ.

ныхъ злоупотребленій монополіями, но и они не обнаруживаютъ по существу никакой враждебности къ послѣднимъ. Здѣсь, судя по всѣмъ даннымъ, лежитъ линія наименьшаго политическаго сопротивленія и наибольшаго финансоваго эффекта, и это естественно предопредѣляетъ будущее направленіе государственно-экономическаго развитія Германіи.

Новая эпоха, которая наступитъ для имперіи Гогенцоллерновъ по окончаніи войны, ставитъ предъ широкими массами ея трудящейся демократіи новыя задачи безпримѣрной важности. Въ политическомъ и общественномъ обиходѣ государственныя монополіи слишкомъ часто и слишкомъ неосновательно склонны безъ дальнѣйшихъ околичностей величать „соціалистическими мѣрами". Это большая ошибка. Государственная монополія есть не больше какъ форма, и вопросъ о томъ, добру или злу служитъ эта форма, рѣшается въ зависимости отъ того, какое въ нее вкладывается конкретное содержаніе. Содержаніе же, въ свою очередь, опредѣляется характеромъ государственной организаціи, берущей въ свои руки управленіе данной отраслью промышленности: чѣмъ организація демократичнѣе, тѣмъ больше монополія приближается къ разряду мѣръ государственно-соціалистическихъ, чѣмъ организація автократичнѣе, тѣмъ больше монополія приближается къ разряду мѣръ государственно-капиталистическихъ.

Современная имперія Гогенцоллерновъ весьма далека отъ идеала свободнаго истинно-народнаго государства, формально-юридически она является полуабсолютистской монархіей, практически въ области политики—олигархіей аграрнаго юнкерства и крупнаго индустріально-финансоваго капитала. При такихъ условіяхъ введеніе монополій въ Германіи приходится разсматривать не столько какъ шагъ въ сторону государственнаго соціализма, сколько какъ шагъ въ сторону государственнаго капитализма. Новыя финансовыя мѣропріятія будутъ, очевидно, имѣть своимъ послѣдствіемъ извѣстное соціальное перерожденіе офиціальныхъ носителей политической власти въ имперіи: вмѣсто чистой земельной аристократіи во главѣ страны мы теперь, по всей вѣроятности, увидимъ сочетаніе земельной аристократіи съ высшей капиталистической аристократіей (назначеніе Гельфериха въ этомъ отношеніи чрезвычайно симптоматично), тѣмъ самымъ Германія нѣсколько приблизится къ типу державъ, управляемыхъ буржуазіей, на что она давно уже имѣла историческое „право" по характеру своей народно-хозяйственной стру-

ктуры. Одновременно однако эта соціально нѣсколько переродившаяся центральная власть, опирающаяся на цѣлую систему промышленныхъ монополій, располагающая громадными, фактически отъ парламента независящими средствами, дающая кусокъ хлѣба милліонамъ зависимыхъ отъ нея служащихъ и рабочихъ, сосредоточитъ въ своихъ рукахъ такую сумму политическаго и экономическаго могущества, о которой до войны не смѣли мечтать даже самые сангвиническіе представители авторитарнаго принципа. И въ этомъ безпримѣрномъ усиленіи центральной власти лежитъ серьезная опасность для трудящихся классовъ, опасность троякаго рода: какъ для потребителей, ибо государство можетъ легко превратить монополіи въ орудіе безпощадной финансовой эксплуатаціи массъ, какъ для производителей, ибо государство можетъ путемъ законодательнаго и административнаго давленія крайне затруднить борьбу занятыхъ въ его предпріятіяхъ рабочихъ за улучшеніе условій труда, и, наконецъ, какъ для гражданъ, ибо государство, управляемое наиболѣе консервативными элементами націи, можетъ попытаться еще болѣе ограничить вліяніе демократіи на ходъ политическихъ дѣлъ. Вотъ почему нельзя не признать вполнѣ справедливыми слѣд. словъ извѣстнаго с.-д. теоретика Генриха Кунова, которыми онъ заканчиваетъ свое разсмотрѣніе экономическаго положенія имперіи послѣ войны:

„Какъ сложится грядущая хозяйственная дѣятельность государства,—пишетъ онъ,—будетъ прежде всего зависѣть отъ того, какимъ вліяніемъ обладаетъ пролетаріатъ на государственную власть, какой степени могущества достигнутъ его политическія и профессіональныя организаціи и какъ онѣ сумѣютъ использовать имѣющуюся въ ихъ рукахъ силу. Чѣмъ больше экономическая жизнь подпадаетъ подъ контроль государства, тѣмъ больше государственная власть должна подпадать подъ контроль рабочаго класса!“ [1])

Какъ видимъ, гороскопъ, поставленный Куновымъ ближайшему внутренно-политическому будущему Германіи, менѣе всего предвѣщаетъ спокойно-идиллическій темпъ развитія. Ожесточенная борьба трудящихся массъ за государственную власть должна стать основнымъ моментомъ наступающаго историческаго періода. Великія политическія и общественныя бури, о формахъ и размѣрахъ которыхъ мы пока не можемъ составить себѣ даже самаго отдаленнаго понятія, ждутъ наиболѣе классическую страну современнаго имперіализма за гранью нынѣшней войны. Первыя грозовыя тучи уже начинаютъ показываться на горизонтѣ.

---

[1]) «Korrespondenzbl. d. Generalkomission d. Gewerkschaften» отъ 11 сент. 1915 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе.	
1.	Основы германскаго имперіализма	1
2.	Германія и ея ближайшія сосѣдки (Австро-Венгрія, Франція и Россія)	16
3.	Германія и Англія	32
4.	Колоніальная политика Германіи	69
5.	Германія и Ближній Востокъ	85
6.	Въ дни массоваго безумія (Изъ общественной психологіи)	121
7.	Пролетаріатъ и война	135
8.	Профессіональное и кооперативное движеніе во время войны.	159
9.	Народное хозяйство во время войны	184
10.	Проблемы государственныхъ монополій	221

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ".

СКАТЕРТНЫЙ ПЕР., Д. № 8.

В. Майскій. Политическая Германія. Содержаніе: Бисмаркъ.—Пруссія и ея политика.—Властители Германіи (юнкерство).—Черная армія (катол. центръ).—Либерализмъ.—Соціалъ-демократія.—Красные выборы. Подготовляется къ печати.

Энзисъ. Война и германская соціалъ-демократія. Содержаніе: Голосованіе 4 августа.—Гражданскій миръ первыхъ мѣсяцевъ войны.—Идеологія войны.—Націоналъ-соціалисты.—Свободные профессіональные союзы.—Фракція смутьяновъ.—Лѣвый центръ.—Нѣмецкій имперіализмъ и его вліяніе на соціалъ-демократію.—Внѣшняя политика германской соціалъ-демократіи. — Внутренняя политика германской соціалъ-демократіи.

Проф. Крэмбъ. Германія и Англія. Перев. съ англійск. М. 1915 г. Изд. 2-е. Цѣна 75 коп.

Д-ръ Чарльзъ Сароли. Англо-германская проблема. Перев. съ англ. М. 1915 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Война и Польша. (Польскій вопросъ въ русской и польской печати). Предисловіе и редакція Л. С. Козловскаго. Цѣна 75 к.

Проф. Шимонъ Аскенази. Конституціонная Польша (1815—1830). Съ предисловіемъ А. А. Кизеветтера. Переводъ съ польскаго В. Высоцкаго. Цѣна 1 р. 25 к.

Діонео. Мѣняющаяся Англія. Часть I. Изд. 3-е. Цѣна 1 р 25 к.

— Мѣняющаяся Англія. Часть II. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Бѣлорусовъ. Парижъ. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 25 к.

— Франція. Цѣна 1 р. 50 к.

П. Масловъ. Война и демократія. Цѣна 40 коп.

3 14/IX
3/VII
16/VII